

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Современная
классика

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья

В. л. Орлова

*Составление, подготовка текста
и примечания*

А. Эфрон и А. Саакянц

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД • 1965

В русской поэзии первой трети XX века Марине Цветаевой принадлежит видное место. Лучшими своими произведениями она внесла значительный вклад в культуру русского стиха. Наследие Цветаевой очень обширно: кроме лирических стихотворений, оно включает поэмы, сказки, стихотворные драмы и трагедии. Настоящая книга представляет собою первое собрание лучшего, что было написано Цветаевой. В основу книги положены материалы богатого архива Цветаевой; ряд произведений публикуется впервые. Во вступительной статье анализируется сложный творческий путь поэта.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
СУДЬБА. ХАРАКТЕР. ПОЭЗИЯ

Одна — из всех — за всех —
противу всех! . .

Более полувека тому назад совсем юная и никому еще не известная Марина Цветаева высказала непоколебимую уверенность:

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Прошли годы трудной жизни и напряженнейшей творческой работы — и гордая уверенность обернулась полным неверием: «Мне в современности и в будущем — места нет».

Это, конечно, отчасти полемическая крайность, отчасти добросовестное заблуждение, в известной мере объяснимое одиночеством и растерянностью поэта, знавшего силу своего таланта, но не сумевшего выбрать правильного пути.

Судьба созданного художником не сводится к его личной судьбе: художник уходит, искусство остается. Сама Цветаева в третьем случае сказала уже гораздо точнее: «...во мне нового ничего, кроме моей поэтической (dichterische) отзывчивости на новое звучание воздуха».

Благодаря этой отзывчивости большой поэт, фатально пытавшийся противопоставить себя своему веку, в конечном счете оказался неотделимым от искусства этого века.

Наследие Марины Цветаевой велико и трудно обозримо. Тринадцать изданных ею книжек и три, вышедшие посмертно, вобрали в себя лишь малую часть написанного. Другая часть рассыпана по почти недоступным изданиям. Многого осталось неопубликованным. Среди созданного Цветаевой, кроме лирики, семнадцать поэм, восемь стихотворных драм, автобиографическая, мемуарная, историко-литературная и философско-критическая проза.

Обширное наследие это неравноценно. Есть в нем и то, что пережило свое время или было продиктовано соображениями случайными, злобой давно минувшего дня. Есть и просто неудачные вещи (и таких немало). Но без лучших стихов и поэм Марины Цветаевой сейчас уже невозможно составить достаточно полное и ясное представление о русской поэзии нашего века.

1

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве 26 сентября 1892 года. По происхождению, семейным связям, воспитанию она принадлежала к трудовой научно-художественной интеллигенции. Отец ее — сын бедного сельского попа, уроженец села Талицы Владимирской губернии — вырос в таких «достатках», что до двенадцати лет сапог в глаза не видел. Трудом и талантом Иван Владимирович Цветаев пробил себе дорогу в жизни, стал известным филологом и искусствоведем, профессором Московского университета, директором Румянцевского музея и основателем Музея изящных искусств (ныне Музей имени Пушкина, у подъезда которого прибит мемориальная доска в честь И. В. Цветаева). Он умер в 1913 году. Мать — из обрусевшей польско-немецкой семьи, натура художественно одаренная, музыкантша, ученица Рубинштейна. Она скончалась рано (в 1906 году), но, по словам дочери, успела оказать на нее «главенствующее влияние»: «Музыка, природа, стихи, Германия... Одна против всех. Негойса».¹

Детство, юность и молодость Марины Цветаевой прошли в Мо-

¹ «Ответ на анкету» (очевидно, 1925 г.), — бумаги М. Цветаевой (собрание ее дочери А. С. Эфрон). Пользуюсь случаем выразить А. С. Эфрон благодарность за предоставление ценных материалов (заметки в дневнике, записных книжках, черновых тетрадях, черновики писем). В дальнейшем изложении цитируются также письма М. Цветаевой, частично опубликованные в зарубежной печати. Цветаеву знают у нас поверхностно, — тем уместнее продемонстрировать, в пределах возможного, этот малозвестный материал.

ске и в тихой подмосковной (собственно — калужской) Тарусе, отчасти — за границей (Италия, Швейцария, Германиа, Франция). Училась она много, но, по семейным обстоятельствам, довольно бессистемно: совсем маленькой девочкой — в музыкальной школе, потом — в католических пансионах в Лозанне и Фрейбурге, в ялтинской женской гимназии, в московских частных пансионах. Окончила в Москве семь классов частной гимназии Брюхоненко (из 8-го класса вышла). В возрасте шестнадцати лет, совершив самостоятельную поездку в Париж, прослушала в Сорбонне сокращенный курс истории старофранцузской литературы.

Стихи Цветаева начала писать с шести лет (не только по-русски, но и по-французски и по-немецки), печататься — с шестнадцати, а два года спустя, в 1910 году, еще не сняв гимназической формы, тайком от семьи, выпустила довольно объемистый сборник — «Вечерний альбом». Изданный в количестве всего 500 экземпляров, он не затерялся в потоке стихотворных новинок, затоплявшем тогда прилавки книжных магазинов. Его заметили и одобрили такие влиятельные и взыскательные критики, как В. Брюсов, Н. Гумилев, М. Волошин. Были и другие сочувственные отзывы.

Стихи юной Цветаевой были еще очень незрелы, но подкупали талантливостью, известным своеобразием и непосредственностью. На этом сошлись все рецензенты. Брюсов противопоставил Цветаеву другому тогдашнему дебютанту — Илье Эренбургу. Если Эренбург «постоянно вращается в условном мире, созданном им самим, в мире рыцарей, капелланов, трубадуров, турниров», то «стихи Марины Цветаевой, напротив, всегда отправляются от какого-нибудь реального факта, от чего-нибудь действительно пережитого». Строгий Брюсов особенно похвалил Цветаеву за то, что она безбоязненно вводит в поэзию «повседневность», «непосредственные черты жизни», предостерегая ее, впрочем, от опасности впасть в «домашность» и заменить свои темы на «милые пустяки»: «Несомненно талантливая Марина Цветаева может дать нам настоящую поэзию интимной жизни и может, при той легкости, с какой она, как кажется, пишет стихи, растратить все свое дарование на ненужные, хотя бы и изящные, безделушки». ¹

Отзыв Гумилева был еще благосклоннее: «Марина Цветаева внутренне талантлива, внутренне своеобразна. . . Многого ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, на-

¹ «Русская мысль», 1911, № 2, отд. II, стр. 233. Вошло в кн.: В. Брюсов, Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней, М., 1912, стр. 197—198.

пример детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное любование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга — не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов». ¹

Особенно поддержал Цветаеву при вхождении ее в литературу Максимилиан Волошин, с которым она вскоре, несмотря на большую разницу в возрасте, подружилась. В декабре 1910 года Волошин адресовал юной поэтессе преувеличенно восторженное послание, где писал, между прочим:

К Вам душа так радостно влекома . . .
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать — от детских ласок
До весенних, новолунных спов?
Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя, благодная весть . . .
Я давно уж не приемлю чуда . . .
Но как сладко слышать: «Чудо есть!» ²

Вслед за «Вечерним альбомом» появилось еще два стихотворных сборника Цветаевой — «Волшебный фонарь» (1912) и «Из двух книг» (1913), — оба под маркой издательства «Оле-Лукойе», домашнего предприятия Сергея Эфрона, друга юности Цветаевой, за которого в 1912 году она вышла замуж.

В это время Цветаева — «великолепная и победоносная» — жила уже очень напряженной душевной жизнью. Устойчивый быт уютного дома в одном из старомосковских переулков, неторопливые будни профессорской семьи — все это было внешностью, под которой уже зашевелился «хаос» настоящей, не детской поэзии.

В прошлом было совсем раннее, вспыхнувшее в 1905 году и быстро погасшее увлечение романтикой революции — пародовольцами,

¹ «Аполлон», 1911, № 5, стр. 78. Вошло в кн.: Н. Гумилев, Письма о русской поэзии, П., 1923, стр. 113—114.

² Неизданное стихотворение. — М. Цветаева в 1911, 1913 и 1917 гг. гостила у Волошина в Коктебеле. После его смерти она посвятила ему воспоминания («Живое о живом». — «Современные записки» (Париж), 1933, тт. 52 и 53) и стихотворный цикл «Ici-Haut» (1932).

лейтенантом Шмидтом, Марней Спиридоновой и даже популярными в то время политическими брошюрами «Донской речи» и учебником политической экономии Железнова. Все это выветрилось без следа и остатка.

В юности Цветаевой овладевает уже нечто совершенно иное — наивно-романтический культ... Наполеона и его незадачливого сына — «Орленка», герцога Рейхштадтского. Портреты отца и сына украшали девическую комнату. Цветаева зачитывается исторической и мемуарной литературой о своих героях — Массоном и Тьером, воспоминаниями наполеоновских маршалов.

Культу соответствуют и собственно литературные вкусы юной бонапартистки. Кумирами ее становятся эффектный, но пошловатый Эдмон Ростан (воспевший «Орленка» в известной мелодраме), экспансивно-эстетская поэтесса графиня де Ноайль и знаменитая в свое время Мария Башкирцева — рано скончавшаяся художница, интимным дневником которой зачитывалось не одно поколение романтически настроенных девиц (свою третью книгу стихов Цветаева предполагала озаглавить просто: «Мария Башкирцева»).

Это была литература не слишком высокой пробы, отдававшая дешевой красотой и всяческой словесной пиротехникой. Цветаева же упрямо держалась за нее, и в этом был своего рода вызов. Тем более, что художественные пристрастия Цветаевой, конечно, не ограничивались *такой* литературой: с детства она была погружена в Пушкина, в юности открыла для себя Гёте и немецких романтиков.

В уже упомянутом «Ответе на анкету» Цветаева устанавливает следующую «последовательность любимых книг (каждая дает эпоху)»: «Ундина» (раннее детство), Гауф — Лихтенштейн (отрочество), Ростан (ранняя юность), «позже и поныне: Гейне — Гёте — Гельдерлин; русские прозаики — Лесков и Аксаков, из современников — Пастернак; русские поэты — Державин и Некрасов, из современников — Пастернак». (В другом месте в числе любимейших своих писателей она называет также Ромэн Роллана и Рильке.) Перечень, как видим, довольно пестрый. Не менее интересны и знаменательны дальнейшие уточнения: «Наилюбимейшие стихи в детстве — пушкинское «К морю» и лермонтовский «жаркий ключ» <т. е. «Свидание». — В. О.>. Дважды — «Лесной царь» и «Erlkönig» <т. е. перевод Жуковского и самый подлинник Гёте. — В. О.>. Пушкинских «Цыган» с 7 лет по нынешний день — до страсти. «Евгения Онегина» не любила никогда. Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: «Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве».

Такими крутыми поворотами — от лейтенанта Шмидта к Наполеону, от Ростана к Лескову и Аксакову, Гёте и Гельдерлину —

отмечена была юность Цветаевой, и в этом сказалась, быть может, самая резкая, самая глубокая черта ее человеческого характера — своеволие, постоянное стремление быть «противу всех», оставаться «самой по себе».

Строптивость порой толкала Цветаеву на крайние поступки. Она сама признавалась: «Мое дело — срывать все личины, иногда при этом задевая кожу, а иногда и мясо». Стоило Брюсову в его, как мы видели, в высшей степени благожелательном отзыве о первом сборнике Цветаевой мимоходом пожелать ей побольше «острых чувств» и «нужных мыслей», как она немедленно ответила ему в печати дерзким стихотворением. Когда вспыхнула первая мировая война, в разгар казенных ура-«патриотических» и шовинистических настроений, она пишет стихи, в которых демонстративно прославляет *свою* Германию — не государство кайзера и Круппа, но страну Канта, Гёте и златокудрой Лорелен:

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам!
Ну как же я тебя оставлю,
Ну как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око — око, кровь — за кровь», —
Германия — мое безумье!
Германия — моя любовь!

Характер у Цветаевой был трудный, неровный, неуступчивый. Илья Эренбург, хорошо знавший ее в молодости, говорит: «Марина Цветаева совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, пиетет перед гармонией и любовь к душевному косноязычию, предельную гордость и предельную простоту. Ее жизнь была клубком прозрений и ошибок». ¹

В одном из стихотворений Цветаева вспоминает о двух своих бабках — простой сельской попадье и гордой польской панне:

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка! . .

Поначалу так причудливо и совмещались в ней две души, два обличья: восторженная «барышня», поклонница Ростана, погруженная в книжно-романтические грезы, и своевольная, строптивая «бун-

¹ И. Эренбург, Поэзия Марины Цветаевой. — «Литературная Москва», сборник второй, М., 1956, стр. 711.

тарка», «дерзкая кровь», которая больше всего любит дразнить людей и «смеяться, когда нельзя».

Однажды Цветаева обмолвилась по чисто литературному поводу: «Это дело специалистов поэзии. Моя же специальность — Жизнь». ¹ Знаменательная обмолвка! Жила она сложно и трудно, не знала и не искала ни покоя, ни благоденствия, всегда была в полной неустроенности, искренне утверждала, что «чувство собственности» у нее «ограничивается детьми и тетрадами». Она хорошо знала себе цену как поэту (уже в 1914 году записывает в дневнике: «В своих стихах я уверена непоколебимо»), но ровным счетом ничего не сделала для того, чтобы как-то наладить и обеспечить свою человеческую и литературную судьбу. «Все в мире меня затрагивает больше, чем моя личная жизнь» (из письма 1923 года).

И при всем том Цветаева была очень жизнестойким человеком («Меня хватит еще на 150 миллионов жизней!»). Она жадно любила жизнь и, как положено поэту-романтику, предъявляла ей требования громадные, часто — непомерные. В ней громко говорила «языческая» жажда жизни как лучшей радости, высшего блаженства. Всякая мистика была ей органически чужда. Сама душа (не как метафора, а как понятие метафизическое) для нее — «христианская немочь бледная», «вздорная ересь», невесомый «пар», — тогда как тело, плоть существует реально и «хочет жить».

В этом отношении Цветаева совсем не похожа на поэтов предшествовавшего поколения — символистов. Их поэзия по преимуществу была проникнута духом «неприятия мира здешнего» во имя призрачных «миров потусторонних», недоверием к жизни и страхом перед ней. Ко времени появления Цветаевой эти темы стали достоянием бесчисленных эпигонов символизма, превратились в вульгарно-карикатурный стихотворный ширпотреб. Вся тональность поэзии Цветаевой совершенно иная. Вот один из характерных примеров — обращение поэта к Жизни:

Не возьмешь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу!..

Правда, Цветаева нередко писала и о смерти — особенно в юношеских стихах. Но из этого не следует делать поспешные и далеко

¹ М. Цветаева. Световой ливень. — «Эпопея» (Берлин), 1922, № 3, стр. 13.

идущие выводы. Совершенно очевидно, что в ранних стихах это было не более как данью литературной моде. Символисты, как известно, заразили своими кладбищенскими настроениями все молодое литературное поколение. Писать о смерти было своего рода признаком хорошего литературного тона, и юная Цветаева не составила в этом смысле исключения:

Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

Но «смертные» мотивы уже и тогда явно противоречили внутреннему пафосу и общему мажорному тону ее поэзии. Откликаясь на модную тему, она все же неизмеримо больше думала о себе — «такой живой и настоящей на ласковой земле». А в дальнейшем, в зрелых стихах, она говорила о смерти уже только как о биологической неизбежности.

Мало сказать, что жизнь не баловала Марину Цветаеву, — она преследовала ее с редким ожесточением. Цветаева всегда была обездолена и страшно одинока. Ощущение своего «сиротства» и «круглого одиночества» было для нее проклятием, источником неутрахающей душевной боли. Но не в ее природе было жаловаться и стенать, тем более — упиваться собственным страданием. «Русского страдания мне дороже гётевская радость», — упрямо твердила она вопреки всем ударам судьбы. Свою душевную муку она прятала глубоко, под броней гордыни и презрительного равнодушия. На самом же деле она люто тосковала по простому человеческому счастью: «Дайте мне покой и радость, дайте мне быть счастливой, вы увидите, как я это умею!»

2

Жизнелюбие Марины Цветаевой воплощалось прежде всего в любви к России и к русской речи. Но как раз при встрече с родиной поэта постигла жестокая и непоправимая беда.

Годы первой мировой войны, революции и гражданской войны были временем стремительного творческого роста Цветаевой. Она жила в Москве, много писала, но печатала мало, и знали ее только завятые любители поэзии. С писательской средой сколько-нибудь прочных связей у нее не установилось. В январе 1916 года она съездила в Петроград, где встретилась с М. Кузминым, Ф. Сологубом и С. Есениным и ненадолго подружилась с О. Мандельштамом. Позже, уже в советские годы, изредка («много пять раз») встреча-

лась с Пастернаком и Маяковским, дружила со стариком Бальмонтом. Блока видела дважды, но подойти к нему не решилась.¹

Октябрьской революции Марина Цветаева не поняла и не приняла. С нею произошло поистине роковое происшествие. Казалось бы, именно она со всей бунтарской закваской своего человеческого и поэтического характера могла обрести в революции источник творческого воодушевления. Пусть она не сумела бы правильно понять революцию, ее движущие силы, ее исторические задачи, но она должна была, по меньшей мере, *ощутить* ее — как могучую и безграничную стихию. По всему, казалось бы, Цветаевой было по пути с Блоком, Маяковским, Есениным (заметим кстати, что Блока она боготворила, в Маяковском сразу разглядела самого значительного поэта новой эпохи, Есенина оценила по достоинству еще до революции). Но если Блок, Маяковский и Есенин, окрыленные социалистической революцией, пережили самый высокий творческий взлет, какой может выпасть на долю художника, то Марине Цветаевой революция на первых порах представилась всего лишь восстанием «сатанинских сил».

Цветаева всегда громогласно заявляла, что никакая политика ее не интересует, что ничего в ней она не понимает и понимать не хочет. Но после Октября она стала до известной степени политическим, притом — контрреволюционным поэтом. Злобно отвернувшись от громоносной народной стихии, взорвавшей и испепелившей старый мир, она стала искусственно, как говорится — на пустом месте, воссоздавать свой образ «стихии», не имевший никакой опоры в действительности. Она занялась своего рода романтическим мифотворчеством: оплакивала прежнюю «белокаменную» и «колокольную» Москву, жалела царя (хотя и осуждала его за «византийское вероломство»), страстно обличала Петра Великого как «предтечу» большевиков и пыталась найти нечто героическое в «белом движении» — то есть в том, что шло наперекор жизни, наперекор истории, что было заведомо обречено на бесславную гибель. Справедливость требует добавить, что и в понимании Цветаевой это был героизм обреченности. Своим стихам о «Добровольческой армии» она предпослала знаменательный эпиграф: «Добровольчество — это добрая воля к смерти. . .»²

¹ В мае 1920 года Цветаева передала Блоку свои стихи, обращенные к нему. Известно, что Блок отнесся к ним с интересом.

² Интересна помета Цветаевой к одному ее стихотворению 1918 года: «Дни, когда Мамонтов подходил к Москве — и вся буржуазия меняла керенки на царские, а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и потому, что знала, что *не* войдет в столицу белый полк)».

Что же заставило Цветаеву славить мертвое дело? Что связывало ее со старым миром? Ведь она была слишком равнодушна ко всякому «быту» и «порядку», чтобы оплакивать их крушение. Дух сытого благополучия, мещанского покоя, всяческого стяжательства и самодовольства был ей глубоко чужд и враждебен. Казалось бы, она с великой радостью должна была поджигать ветхий и затхлый мир, а не стонать над пожарищем. Возобладали, очевидно, какие-то побочные мотивы, — может быть, навязчивые представления о «великой России», привычная идеализация ее исконных государственных и культурно-исторических начал. А кроме того, нужно думать, и в этом случае сказался столь свойственный Цветаевой фрондерский дух:

Руку на сердце положи:
Я не знатная госпожа!
Я — мятежница лбом и чревом.

Каждый встречный, вся площадь, — все! —
Подтвердят, что в дурном родстве
Я с своим родословным древом.

Кремль! Черна чернотой твоей!
Но не скрою, что всех мошей
Преценнее мне — пепел Гришки!

Если ж чепчик кидаю вверх, —
Ах, не так же ль кричат на всех
Мировых площадях — мальчишки?!

Ей нравилось стоять одной — «противу всех», ей льстила репутация «мятежницы лбом и чревом» — и она «бросила вызов», который, кстати сказать, никем не был принят всерьез.¹

В литературном мире Цветаева по-прежнему держалась особняком. С настоящими советскими писателями контакта почти не имела, но и сторонилась той пестрой буржуазно-декадентской среды, которая еще задавала тон в литературных клубах и кафе. Сама

¹ Нужно заметить, что в своем отношении к Октябрьской революции Цветаева даже на первых порах не была до конца последовательна: в 1920 году она пишет поэму-сказку «Царь-Девница», в финале которой восставшая народная Красная Русь творит справедливую расправу над царем-кровососом. Сквозь эту аллегорическую картину просвечивает вполне злободневный и отнюдь не антиреволюционный смысл.

Цветаева с юмором описала свое выступление на одном из тогдашних литературных вечеров. Это был специальный «вечер поэтесс». Выступали по большей части разукрашенные по последней моде дамочки, баловавшиеся стишками. Цветаева шокировала их всей своей повадкой и всем своим видом: она была в каком-то несуразном, напоминающем подрясник платье, в валенках, перепоясанная солдатским ремнем, с полевой офицерской сумкой на боку... Но главное, что отличало ее от остальных участниц вечера, заключалось в том, что среди никчемного птичьего щебетанья звучал голос настоящего поэта, читавшего отличные, хотя порой и страшно фрондерские стихи.

Советская власть великодушно не замечала этой надуманной фронды, уделила Цветаевой из своих скудных запасов паек, печатала ее книжки в Государственном издательстве («Версты», «Царь-Девица»), а в мае 1922 года разрешила ей с дочерью уехать за границу — к мужу, который был белым офицером, пережил разгром Деникина и Врангеля, а к тому времени стал пражским студентом.

За рубежом Цветаева жила сперва в Берлине (недолго), потом три года — в Праге, в ноябре 1925 года переехала в Париж. Жизнь была эмигрантская, трудная, нищая. В самих столицах жить было не по средствам, приходилось селиться в пригородах или ближайших деревнях (Вшеноры, Мокропсы — под Прагой; Медон, Клармар, Ванв — под Парижем). Пейзажи этих и других мест отразились в произведениях Цветаевой («Поэма Горы», «Поэма Конца», многие стихи), — причем очень конкретно. Вот, к примеру, как живописала Цветаева обстановку, в которой жила и творила в 1923 году: «Крохотная горная деревенька, живем в последнем доме ее, в простой избе. Действующие лица жизни: колодец — часовней, куда чаще всего по ночам или ранним утром бегаю за водой (внизу холма) — цепной пес — скрипящая калитка. За нами сразу — лес. Справа — высокий гребень скалы. Деревня вся в ручьях». (Ср. в стихах — «Ручьи».)

Поначалу белая эмиграция приняла Цветаеву как свою. Ее охотно печатали и хвалили. Но вскоре же картина существенно изменилась.

Прежде всего, для самой Цветаевой наступило жестокое отрезвление. Действительность не оставила камня на камне от мифа о «русской Вандее». Муж Цветаевой, С. Я. Эфрон, прошедший с белой армией весь ее бесславный и преступный путь, повинувшись голосу чести и совести, коренным образом пересмотрел свои взгляды (об этом, в частности, свидетельствует его пскренняя статья

«О добровольчестве», напечатанная в 1924 году).¹ Он рассказал Цветаевой правду о «белом движении», и она не могла не признать этой суровой правды.

Знаменательно, что политические темы, которым Цветаева отдала щедрую дань в стихах 1917—1921 гг., постепенно почти выветриваются в ее творчестве эмигрантского периода. Характерен и такой факт: Цветаева вывезла с собой из Советской России рукопись целого сборника стихов («Лебединый стан»), посвященных «русской Вандее»; убедившись, что за всем, о чем она здесь писала, не стояло ни исторической, ни человеческой правды, она так и не напечатала эту книжку, несмотря на многочисленные и настоятельные предложения.

Белоэмигрантская среда, с мышинной возней и яростной грызней всевозможных «партий» и «фракций», сразу же раскрылась перед Цветаевой во всей своей жалкой и отвратительной наготе. Цветаева и здесь пыталась сохранить некоторое подобие независимости: «Ни к какому поэтическому или политическому направлению не принадлежала и не принадлежу» («Ответ на анкету», 1925 (?) года). Печатались она в изданиях, которые в эмиграции считались «левыми» (преимущественно — в эсеровских), а от участия в «правых» — неизменно отказывалась.

Постепенно связи Цветаевой с белой эмиграцией все более ослабевают и наконец почти рвутся. Ее печатают все меньше и меньше. Она пишет очень много, но написанное годами не попадает в печать или вообще остается в столе автора. Если в 1922—1923 гг. ей удалось издать за рубежом пять книжек («Царь-Девница», «Стихи к Блоку», «Разлука», «Психея», «Ремесло»), то в 1924 году — уже только одну («Мблodeц»), а потом наступает перерыв до 1928 года, когда вышел в свет последний прижизненный сборник Цветаевой «После России», включающий стихи 1922—1925 гг. Большие ее вещи — «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Крысолов», «Поэма Лестницы», «С моря», «Попытка Комнаты», «Новогоднее», «Поэма Воздуха», драмы «Метель», «Фортуна», «Конец Казановы» («Феникс»), «Приключение», «Тезей» («Ариадна»), «Федра» — затеривались на страницах малотиражных журналов и альманахов.

Важно отметить, что это обстоятельство не слишком волновало и огорчало Цветаеву, ибо она была твердо убеждена, что ее читатель остался в России. В августе 1924 года она пишет одному своему

¹ Впоследствии С. Я. Эфрон дрался на стороне республиканской Испании и стал одним из организаторов эмигрантского «Союза возвращения на родину»

корреспонденту: «Хотела бы издать свою новую книгу стихов (за два года за границей) в *России*»; в 1925 году — другому: «Мой читатель, несомненно, в *России*. . .»; в 1931 году — ему же: «Пишу не для *здесь* (здесь не поймут — из-за голоса), а именно для *там* — языком равных». Наконец, в 1933 году — третьему: «В 1922 г. уезжаю за границу, а мой читатель, остается в *России*, куда мои стихи (1922—1933 гг.) *не* доходят. В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почувяв не свое: тамошнее! Содержание будто наше, а голос — *ихний*».

«Тамошнее» — значит советское, «ихний» — то есть советский. Конечно, ничего советского в том, что писала Цветаева, не было, но среди подавляющего большинства эмигрантов она, в самом деле, казалась белой вороной. Она не мирилась с черносотенством, яростно ненавидела расизм и фашизм, не разделяла зоологической ненависти к Советскому Союзу. И ни от кого этого не скрывала. Даже в отношении к бывлой *России* (столь опозитизированной ею) она уже не находила с эмигрантами общего языка: во всеуслышание заявляла, что чувствует отвращение «ко всякому национализму», а излюбленные эмигрантской элитой выпренные рассуждения о «народе-богоносце» называла «словесничеством», безответственной болтовней. С наиболее влиятельными литературными кругами белой эмиграции Цветаева находилась в самых натянутых, а позже — открыто неприязненных отношениях. Нужно признать, она умела припечатать их крепким словом: «Они не *Русь* любят, а помещичьего «гуся» — и девок».

Эмиграция выдвигала в качестве «своего» поэта лощеного сноба и ничтожного эпигона Георгия Иванова, который в ностальгических стишках томно стонал о «бессмысленности» существования или предавался пустопорожним размышлениям, достойным Кифы Мокшевича. Цветаева же, решительно отказавшись от былых своих иллюзий и фетишей, ничего уже не оплакивала и не предавалась никаким умилительным воспоминаниям о том, что ушло в небытие. В стихах ее звучали совсем иные ноты:

Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Дорогой ценой купленное отречение от мелких «вчерашних правд» в дальнейшем помогло Марине Цветаевой трудным, более того — мучительным путем, с громадными издержками, но все же прийти, в конечном счете, к постижению большой правды века.

Поэзия Цветаевой была монументальной, мужественной и трагической. Мелководье эмигрантской литературы было ей по ступню. Она думала и писала только о большом — о жизни и смерти, о любви и искусстве, о Пушкине и Гёте... Независимость Цветаевой, ее смелые эксперименты со стихом, самый дух и направление ее творчества раздражали и восстанавливали против нее большинство эмигрантских литераторов. Один из них — критик, считавшийся арбитром вкуса, без обиняков говорил в печати о «нашем несочувствии» к поэзии Цветаевой, об ее «полной, глубокой и бесповоротной для нас неприемлемости».¹

Вокруг Цветаевой все теснее смыкалась глухая стена одиночества. Ей «некому прочесть, некого спросить, не с кем порадоваться». По-видимому, она несколько не погрешила против истины, когда жаловалась в 1935 году (в частном письме): «Надо мной здесь люто издеваются, играя на моей *гордыне*, моей *нужде* и моем *бесправии* (защиты — нет)». А нужда была действительно велика: «Нищеты, в которой я живу, вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж болен и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает *5 франков в день*, на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет, Георгий) живем, т. е. просто медленно подышаем с голоду» (письмо 1933 года).

3

В таких лишениях, в такой изоляции Цветаева героически работала как поэт, работала не покладая рук. «Ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака, а зато... А зато — всё» (частное письмо). *Всё* — потому что с ней оставалась поэзия, ее «напасть», ее «богатство», ее «святое ремесло».² И какая упрямая вера в свои силы! В 1931 году она записывает: «Не знаю, сколько мне еще осталось жить, не знаю, буду ли когда-нибудь еще

¹ «Звено» (Париж), 1927, № 2, стр. 68—69.

² Цветаева часто повторяла замечательные строфы Каролины Павловой: «Ты, уцелевший в сердце нищем, Привет тебе, мой грустный стих! Мой светлый луч над пепелищем Блаженств и радостей моих! Одно, чего и святотатство Коснуться в храме не могло; Моя напасть, мое богатство! Мое святое ремесло!» Отсюда — заглавие лучшего стихотворного сборника Цветаевой: «Ремесло».

в России, но знаю, что до последней строки буду писать *сильно*, что слабых стихов — не дам».

Немыслимо трудно работать художнику, когда он остается в таком безвоздушном пространстве, какова эмиграция, — без родной земли под ногами, без родного неба над головой. Нужно обладать незаурядными душевными силами, чтобы в таких условиях сохранить хотя бы последнее — свою личность, без которой вообще нет и не может быть искусства. Ценой громадных усилий Цветаева сохранила свою личность, свою «душу живу».

К счастью, в ней уже не осталось никакого снобизма, никакого эстетства. Она знала истинную цену и жизни и искусства, и живя в мире, где то и другое чаще всего оказывалось несовместимым, не закрывала глаза на их противоречия. Кончая свой трактат «Искусство при свете совести» (1933), она задалась таким старым и всегда новым вопросом: что важнее (в поэте) — человек или художник? И ответила: «Быть человеком важнее, потому что нужнее. Врач и священник важнее поэта, потому что — они у смертного одра, а не мы. Врач и священник человечески важнее, все остальные — общественно важнее... За исключением дармоедов, во всех их разновидностях, все важнее нас».¹ Откровенное признание! И тем не менее тут же Цветаева говорит, что ни за какие блага не уступит своего дела и места поэта. Она и была поэтом, только поэтом, всецело поэтом, поэтом с ног до головы. Ее трудная, нищая, несправедливая жизнь изгоя была до краев заполнена неустанной работой мысли и воображения.

И вот что замечательно. Не поняв и не приняв революции, убежав от нее, именно там, за рубежом, Цветаева, пожалуй впервые, обрела трезвое знание о социальном неравенстве, увидела мир без каких бы то ни было романтических покровов. И тогда-то проснулся в ней праведный, честный гнев настоящего художника — «святая злоба» на все, что мешает людям жить:

Мир белоскатертный,
Ужо тебе!

Самое ценное, самое несомненное в зрелом творчестве Цветаевой — ее неугасимая ненависть к «бархатной сытости» и всяческой пошлости. Попав из нищей, голодной, только что пережившей блокаду России в сытую и нарядную Европу, Цветаева ни на минуту не поддавалась ее соблазнам. Известное значение имела, конечно, и та житейская обстановка, в которой она непосредственно очутилась.

¹ М. Цветаева, Проза, Нью-Йорк, 1953, стр. 410.

«Пишу в рабочем предместье Праги, под нищенскую ресторанныю музыку, вместе с дымом врывающуюся в окно. Это — обнаженная жизнь, здесь и веселье — не на жизнь, а на смерть». И не подлежит сомнению, что в таком подходе к увиденному на Западе сказался опыт пережитого в Советской России, пусть еще не вполне осознанное, но уже острое ощущение того нового, что внесла в мир Октябрьская революция. В набросках к «Поэме Лестницы» Цветаева писала:

Что не алмаз на огне — то шлак.
После России не верю в лак.
Не нафталин в узелке, а соль:
После России не верю в моль.
Вся сгорела! Пожар малиной
Лил и Ладогой разлился.
Был в России — пожар — молиный.
Моль горела. Сгорела — вся.

Первые же стихи, написанные Цветаевой за рубежом, запечатали не парадный фасад Европы, а мир нищеты и бесправия, где можно наблюдать «жизнь без чехла». В великолепных «Заводских» и других стихах речь идет о рабочих заставах, где пахнет потом и кровью, где слышится «расправ пулемет», заглушающий «рев безработных». Речь идет о «сырости и сирости», о «чернорабочей хмури», о больницах и тюрьмах, о «голосе шахт и подвалов», о людях, обиженных и затертых жизнью, — о тех, кто *прав* и в своем отчаянии и в своем «зле».

В творчестве Цветаевой все более крепнут сатирические ноты. Чего стоит одна «Хвала богатым»! В этом же ряду стоят такие сильные стихотворения, как «Поэма Заставы», «Поезд», «Полотерская», «Ода пешему ходу» (от которой недаром отказался самый уважаемый из белоэмигрантских журналов — «Современные записки»), стихи из цикла «Стол», «Никуда не уехали...», «Читатели газет», отдельные строфы «Поэмы Горы», в которых струится поистине обжигающая «лава ненависти» к жалкому «царству моллюсков», и, конечно, целиком — такие яростно антимищанские, антибуржуазные вещи, как «Крысолов» и «Поэма Лестницы».

В «Крысолове», наряду с беспощадным разоблачением мищанской пошлости, осторожности, своекорыстной жадности, духовной скудости, подхвачена (в негативном плане, в злобно-панических воплях Бургомистра и бюргеров) блоковская тема музыки, которая взрывает старый мир и становится синонимом революции: «музыка — это банков крах, раскрепощенье фурий»; «музыка — есть — бунт...».

В «Поэме Лестницы» — те же воинственно-сатирические ноты и вместе с тем — написанная с громадным сочувствием, резкими красками, картина нищей, придавленной жизни людей труда («Кто работает, тот — ест»), — жизни, где всё — из последнего, где всего — в обрез: и топки, и стирки, и хлеба, и ласки. Но здесь есть и поэзия:

Над двором — узорно:
Вон — крест, вон — гроздь...
И у черной
Лестницы — карта звезд, —

потому что это *настоящая жизнь настоящих людей*.

В то же время в Марине Цветаевой все более растет и укрепляется живой интерес к тому, что происходит на покинутой родине. «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови, — писала она. — Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью».¹

Но сперва это было только чувством родины, вообще — родины, той России, которую поэт знал и помнил. Среди патриотических стихотворений Цветаевой есть одно удивительное — «Тоска по родине!..», где все, как и в «Хвале богатым», нужно понимать наоборот. Такие пронзительные, глубоко трагические стихи мог написать только поэт, беззаветно влюбленный в родину и лишившийся ее.

С течением времени понятие «родина» наполняется новым содержанием. Поэт начинает понимать всемирный размах русской революции («лавина из лавин»), начинает чутко прислушиваться к «новому звучанию воздуха». Тоска по России, сказавшаяся в таких хотя бы стихотворениях, как «Расвет на рельсах», «Русской ржи от меня поклон...», «Лучина», «О, неподатливый язык...», оплетается с думой о *новой* родине, которую поэт еще не видел и не знает, — о Советском Союзе, о его жизни, культуре, поэзии, о «новоселах моей страны». Начинаются серьезные сдвиги и переоценки.

Вот очень показательный пример — заметка Цветаевой о Маяковском, появившаяся в одном из русских парижских журналов в ноябре 1928 года (Маяковский тогда был в Париже):

«28 апреля 1922 г., накануне моего отъезда из России, рано утром, на совершенно пустом Кузнецком я встретила Маяковского.

— Ну-с, Маяковский, что же передать от Вас Европе?

— Что правда — здесь.

¹ «Своими путями» (Прага), 1925, № 8.

7 ноября 1928 г. поздним вечером, выйдя из Café Voltaire, я на вопрос:

— Что же скажете о России после чтения Маяковского?

Не задумываясь ответила:

— Что сила — там».

Интерес к личности и творчеству Маяковского вообще чрезвычайно показателен для широты взглядов Цветаевой. Она понимала и оценивала его как «первого нового человека нового мира», утверждала, что «без Маяковского русская революция сильно бы потеряла». Она видела в нем «первого в мире поэта масс», наиболее полного выразителя народного духа и народной судьбы, который «своими быстрыми ногами ушагал далеко за нашу современность» и заставляет думать «на век вперед». ¹

Следует добавить, что сочувственное отношение Цветасвой к Маяковскому сыграло дополнительную роль в ее конфликте с белоэмигрантскими кругами. Известно письмо Цветаевой к Маяковскому от 3 декабря 1928 года: «Дорогой Маяковский! Знаете, чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»? Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали... «Если бы она приветствовала только поэта Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...» Вот Вам Милуков — вот Вам я — вот Вам Вы. Оцените взрывчатую силу Вашего имени...» ² Характерно, что Маяковский в 1930 году включил это письмо в экспозицию своей выставки «Двадцать лет работы».

На смерть Маяковского Цветаева откликнулась целым стихотворным циклом (или, если угодно, небольшой поэмой). Это вещь противоречивая: в ней звучат и неверные ноты; но главное и основное здесь — искреннее чувство родственной близости с Маяковским («Враг ты мой родной!»), чувство глубокого уважения к нему и к его личной драме («Много храмов разрушил, А этот — ценнее всего...») и ясное понимание его эпохального исторического значения. Отправляясь от газетной хроники тех дней («В гробу в больших стоптанных башмаках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции»), Цветаева рисует впечатляющий образ «первого бойца за новый мир:

В сапогах, подкованных железом,

В сапогах, в которых гору брал, —

¹ «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)». — «Новый Град» (Париж), 1933, №№ 6 и 7.

² В. Катанян, Маяковский, Литературная хроника, изд. 3-е, М., 1956, стр. 367. — Милуков был главным редактором газеты «Последние новости».

Никаким обходом, ни объездом
Не доставшийся бы перевал.
Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон, —
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель — он. . .

К тридцатым годам Марина Цветаева уже совершенно ясно осознала рубеж, отделивший ее от белой эмиграции. Она записывает в черновой тетради: «Моя неудача в эмиграции — в том, что я *не* эмигрант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху — там, туда, оттуда. . . Здесь преуспеет только погашенное и — странно бы ждать иного!» Сейчас она по-новому, уже совершенно иначе, нежели в разгар революции, ощущает ее присутствие в «воздухе», которым дышит поэт: «Признай, минуй, отвергни Революцию — все равно она уже в тебе — и извечно (стихия), и с русского 1918 года, который — хочешь не хочешь — был. Все старое могла оставить Революция в поэте, кроме масштаба и темпа». ¹ Как настоящий художник, Цветаева не могла не ощутить заразительную силу революции в собственном творчестве, ибо, как утверждал Блок, именно время внушает настоящему художнику его внутренние, душевные, творческие ритмы. Только как личное признание можно понять убеждение Цветаевой: «Ни одного крупного русского поэта современности, у которого после Революции не дрогнул и не вырос голос, — нет».

Важное значение для понимания позиции Цветаевой, которую заняла она к тридцатым годам, имеет цикл «Стихи к сыну» (1932). Здесь она во весь голос говорит о Советском Союзе как о новом мире новых людей, как о стране совершенно особого склада и особой судьбы («всем краям наоборот»), неудержимо рвущейся вперед — в будущее, и в само мироздание — «на Марс». Во тьме дичающего старого мира самый звук СССР звучит для поэта как призыв к спасению и весть надежды.

Стихи эти полемически заострены против самой расхожей темы белоэмигрантской поэзии — «плача на реках Вавилонских». За годы рассеяния «святая земля», увезенная с родины, стерлась в прах — буквально и фигурально. Она не существует даже как символ. Цветаева против фетишизма понятий и слов: Русь для нее — достояние предков, Россия — не более как горестное воспоминание «отцов», которые потеряли родину и у которых нет надежды обрести ее вновь, а «детям» остается один путь — домой, на единственную ро-

¹ «Поэт и время». — «Воля России» (Париж), 1932, №№ 1—3.

дину, в СССР. Вожди и идеологи белой эмиграции более всего были озабочены воспитанием в своей молодежи чувства ненависти к новой, советской России. Цветаева же трезво смотрит на вещи: «Наша ссора — не ваша ссора», — убеждает она молодое эмигрантское поколение.

Столь же трезво смотрела Цветаева и на свое будущее. Она понимала, что ее судьба — разделить участь «отцов». Но у нее хватило мужества признать историческую правоту тех, против которых она так безрассудно восстала.

Личная драма Цветаевой переплелась с трагедией века. Она увидела звериный оскал фашизма — и успела проклясть его. Победа гитлеризма в Германии, гибель Испанской республики, мюнхенская измена — все это вызвало в душе Цветаевой страстный протест. Близкие ей люди — муж и дочь — принимали участие в освободительной борьбе испанского народа. Вскоре они уехали в Советский Союз. Марина Ивановна с сыном готовились к отъезду.

Последнее, что Цветаева написала в эмиграции, — цикл гневных антифашистских стихов о растоптанной Чехословакии, которую она нежно и преданно любила (эти стихи ей уже негде было напечатать). Это поистине «плач гнева и любви», поэзия обжигающего гражданственного накала, настоящего ораторского звучания и вместе — трагического отчаянья. Поэт верит в бессмертие народа, не склонившего головы под насилием, предрекает неизбежную гибель его палачам, но сам в ужасе, закрыв глаза и зажав уши, отступает перед кровавым безумием, охватившим мир. Проклиная фашизм и перекликаясь с богоборческим иступлением Ивана Карамазова, Цветаева теряла уже последнюю надежду — спасительную веру в жизнь. Эти стихи ее — как крик живой, но истерзанной души:

О черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

На этой ноте последнего отчаянья оборвалось творчество Марины Цветаевой. Дальше осталось просто человеческое существование. И того — в обрез.

В 1939 году Цветаева восстанавливает свое советское гражданство и возвращается на родину. Тяжело дались ей семнадцать лет, проведенные на чужбине. Она имела все основания сказать: «Зола эмиграции... я вся под нею — как Геркуланум, — так и жизнь прошла».

Цветаева долго мечтала, что вернется в Россию «желанным и жданным гостем». Но так не получилось. Личные ее обстоятельства сложились плохо: муж и дочь подверглись необоснованным репрессиям. Цветаева поселилась в Москве, занялась переводами, готовила сборник избранных стихотворений. Грянула война. Превратности эвакуации забросили Цветаеву сперва в Чистополь, потом в Елабугу. Тут-то и настиг ее тот «одинокства верховный час», о котором она с таким глубоким чувством сказала в своих стихах. Измученная, потерявшая волю, 31 августа 1941 года Марина Ивановна Цветаева покончила с собой.

4

Цветаеву-поэта не спутаешь ни с кем другим. Стихи ее узнаешь безошибочно — по особому распеву, неповторимым ритмам, необычной интонации. Это, бесспорно, верный критерий подлинности и силы поэтического дарования.

Сила эта заметно пробивалась уже в самых ранних, полудетских стихах Цветаевой, еще совсем незрелых, ученических. Она проступала сквозь несколько наигранную инфантильность и густые литературные наслоения. Среди совершенно домашних стишков о «мамочке», «сестричке Асе», «фрейлейн» и «мальчике Сереже», в окружении вычитанных из книг рыцарей, волшебников, принцев и контрабандистов, в мелькании «романтических имен» (от Байарда, Ундины, Байрона и Листа — до Ростана и княжны Нины Джаваха) вдруг возникало нечто свежее и непосредственное, обличавшее в авторе не только дарование, но и зачатки поэтического характера: «Я — мятежница с вихрем в крови...», «Я вся — любовь, и мягкий хлеб дареной дружбы мне не нужен...», «Чтобы в мире было двое: я и мир!..»

Уже тогда начала сказываться особая цветаевская хватка в обращении со стихотворным словом, стремление к афористической четкости и завершенности (отсюда — излюбленный прием: куплетная форма с рефреном, подхватывающим основной мотив по смежности ассоциаций, а иногда — и по их контрасту). Подкупала также конкретность этой домашней лирики. При всей своей книжной романтичности, юная Цветаева не поддавалась соблазнам того безжизненного, мнимо многозначительного декадентского жаргона, на котором по преимуществу изъяснялись тогдашние дебютанты в поэзии. У Цветаевой не было никаких «лунностей», «змеиностей», «смыканья звеньев» и прочих пустопорожних отвлеченностей. Она даже высказала по этому поводу нечто вроде декларации в предисловии к сборнику «Из двух книг» (январь 1913 года): «Записывайте точнее! Нет ничего не важного. Говорите о своей комнате: высока она или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы. . .»

Все это и дало повод Брюсову, Гумилеву и Волошину оценить первую книжку Цветаевой как залог будущего.

Росла Цветаева очень быстро, уверенно овладевая свободным, легким языком, богатым разговорными интонациями, и все более тщательно вылепляя образ своей лирической героини с ее золотом волос и зеленью глаз, кольцами и папиросами, слишком гордым видом, резкими речами и забвением «заповедей». Некоторые стихи, помеченные 1913—1915 гг., уже поражают удивительной энергией поэтического выражения даже самых, казалось бы, ординарных тем. Таковы, к примеру, ранние цветаевские шедевры — «Идешь, на меня похожий. . .» или «С большою нежностью. . .».

Она уже научилась в эту пору рисовать целостную поэтическую картину, отбирая локальные черты пейзажа и обстановки, которые в совокупности воссоздают определенный культурно-исторический колорит. А также — человеческий характер. Так, в стихах о Кармен (1915) из подобного рода деталей (трещотки ночных сторожей, юный месяц, монахи, заговорщики, любовники и убийцы, статуя богородицы на городской площади, «запах розы и запах локона, шелест шелка вокруг колен») складывается представление не только об обстановке, в которой разворачивается драматически-любовный конфликт, но и о самих участниках конфликта:

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня. . .

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

В дальнейшем, в стихах 1916—1920 гг. (частично собранных в двух выпусках сборника «Версты»), Цветаева вполне овладевает самобытной манерой и становится замечательным мастером русского стиха. Самая отличительная черта ее манеры — сильный и звонкий голос, так не похожий на распространенные в тогдашней лирике плаксивый тон или придыхательно-элегический шепот.

Марина Цветаева хотела быть разнообразной, искала в поэзии различные пути.

Она продолжала разрабатывать и совершенствовать подхваченные в ранней юности темы и мотивы книжно-романтического происхождения. Ее увлекает французский XVIII век с его блистательно-легкомысленными героями, вроде Лозэна и Казановы, с его элегантными интригами и поэзией «великосветских авантюров». В цветаевских стихах этого плана (циклы «Плащ», «Дон Жуан», «Диккенсова ночь», «Комедьянт») много словесного блеска и соли, пафоса и иронии, остроты и своеобразного женского дендизма, соответствующих имен и аксессуаров: кавалер де Грие и Манон, Антуанетта и Калиостро, Коринна и Освальд, дилижансы и лондонские туманы, родовые поместья, гербы, бокалы Асти, «доблестный британский лев»...

Сюда же примыкают ранние стихотворные пьесы Цветаевой («Червонный валет», «Метель», «Фортуна», «Приключение», «Феникс»). Точнее назвать их драматическими поэмами в авантюрно-куртуазном духе; главное в них — яркий романтический колорит и игра со словом, виртуозный, эпиграмматически острый диалог:

— Посторонитесь! Обожжете кудри!
— Не беспокойтесь! Я сама — огонь.

Но постепенно изысканно-дендистские темы и мотивы теряли для Цветаевой свое очарование и в конце концов выветрились в ее творчестве, ибо пришли в резкое противоречие со все более овладевавшим ею пафосом драматического переживания жизни и осознанием высокого призвания поэта:

Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.
Ты — крылом стучавший в эту грудь,

Молодой виновник вдохновенья —
Я тебе повелеваю: — будь!
Я — не выйду из повиновенья.

Да и вообще, примерно с 1916 года, когда, собственно, и началась настоящая Цветаева, в ее творчестве господствовала совершенно другая стихия — буйное песенное начало, воплощавшее острое чувство России — ее природы, ее истории, ее национального характера.

От русской народной песни — все качества тогдашних лучших стихов Цветаевой: открытая эмоциональность и бурная темпераментность, полная свобода поэтического дыхания, крылатая легкость стиха, текучесть всех стиховых форм, умение «вывести» из какого-нибудь одного слова целый рой образов, которые расходятся от него вширь — как круги по воде от брошенного камня. Отсюда же и весь ландшафт цветаевской лирики тех лет: высокое небо и широкая степь, ветер, звезды, костры, цыганский табор, соловьиный гром, скачка, погоня, ямщицкие бубенцы, «калужский родной кумач», «рокот веков, топот подков»...

Конечно, за всем этим различима поэтическая традиция — дальняя и ближняя (ближайшая идет от Александра Блока), но у Цветаевой русская тема приобретает особый, самобытный характер.

Россия как национальная стихия раскрывается в лирике Цветаевой в различных ракурсах и аспектах — исторических и бытовых, но над всеми образными ее воплощениями стоит как бы единый знак: Россия — выражение духа бунтарства, непокорности, своевольства. Московская Русь, ее цари и царицы, ее кремлевские святые, Смутное время, Лжедмитрий и Марина, понизовая вольница Степана Разина, «нищие неги» и «нищие пиры» свободного цыганского житья и, наконец, неприкаянная кабацкая, подзаборная, каторжная Россия — все это суть образы одной стихии, все они переплетаются и взаимодействуют, образуя некое единство:

Следок твой непытан,
Вихор твой — колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,
Непутевый огонь. —
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!

В центре этого многокрасочного и многозвучного поэтического мира стоит столь же резко выявленный в своих национальных чертах образ лирической героини — женщины с «гордым видом» и «бродячим нравом», носительницы «страстной судьбы», которой «все нипочем». Образ этот служит как бы стержнем, вокруг которого формируются и развертываются драматизованные лирические сюжеты Цветаевой. Героиня надевает разные личины и примеряет разные костюмы. Она и московская стрелчиха, и неукротимая боярыня Морозова, и надменная панна Марина, и таборная цыганка, и тишайшая «бездомная черница», и ворожея-чернокнижница, а чаще всего — бедовая острожная красавица, «кабацкая царица»:

Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла — нипочем!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокаженный подойди — не откажу!

В дальнейшем личины спадают — и открывается простое, без всяких декоративных украшений, женское лицо — лирический образ автора. Но стихия своевольства и строптивости, душевного бунтарства, «дерзкой крови», не знающей удержу ни в страсти, ни в отчаянии, ни в любви, ни в ненависти, навсегда останется той эмоциональной средой, в которой живет этот образ:

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — итальяским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Как видим, тема получила соответственное словесно-образное выражение. Устойчивые черты тогдашнего стиля Цветаевой — резкая экспрессия стихотворной речи, молниеносные темпы, плюсовые и песенные «переборы», богатая звуковая инструментовка, легкая игра со словом, особого склада то лукавый, то задорный говорок, переходящий в скороговорку:

Кабы нас с тобой да судьба свела —
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох, мой рódный, мой природный, мой безродный брат!

У нее и манера чтения была такая: «Читая стихи, напевает, последнее слово строки кончая скороговоркой».¹

Народно-поэтические мотивы ярко окрашивают творчество Цветаевой периода «Верст» и последующих лет. Она обращается не только к песне, но и к частушке, к раешнику, к своеобразным культовым формам «заплачек», «заговоров», «заклятий» и «ворожбы», имитирует «жестокий» мещанский романс («Стихи к Сонечке»), наконец — вслед за этим пишет большие поэмы-сказки («Царь-Девница», «Молодец»). И все это, как правило, не кажется стилизацией, то есть мертвой подделкой (как было это, скажем, у Бальмонта в книге «Жар-птица»),² но ощущается как полное погружение в чистую фольклорную стихию, как стремление передать современным стихом не только склад, но и самый дух народной песни и сказки.

Именно — современным стихом. В лучших своих вещах, написанных в «народном духе», Цветаева, вживаясь во все тонкости народно-поэтической речи, усваивая ее ритмы, рифмы, эпитеты, экономную и точную образность, ничего не теряла из своего, цветаевского:

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике,
Оттого что мы с тобой —
Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб —
Для единой рождемся.
Ближе, чем с ладонью хлеб, —
Так с тобою сходимся.

Не унес пожар-потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб
В те часы бессонные...

Особенного успеха в этом роде Цветаева достигала как раз в тех случаях, когда отказывалась от внешних примет «style russe», от всех этих аж, аль, ровно, кабы, ох ты и в наибольшей мере

¹ И. Эренбург, Портреты русских поэтов, М., 1923, стр. 73.

² О Бальмонте в этой связи Цветаева писала: «Его любовь к России — влюбленность чужестранца. Национальным поэтом, при всей любви к нему, его никак не назовешь».

оставалась верна самой себе («Гаданье», «Полобил богатый бедную...», «Глаза», «Бабушка», «Волк», «Не для лстивых этих риз...»).

Нельзя счесть безусловной удачей Цветаевой обе ее большие «русские» поэмы — «Царь-Девицу» и «Мблодца» (сюжетные источники их — соответствующие сказки в сборнике Афанасьева). Они написаны эффектно, броско, в них много стихов отличной выделки, богатый словарь, виртуознейшие вихревые ритмы, но в целом они слишком многословны, громоздки, тяжеловаты. Между тем сила Цветаевой была как раз в сжатости, в предельной конденсированности стиховой речи. Примеры этому можно найти и в сказках, скажем — в «Мблодце»:

Как вскочит, брав!
Как топнет, строг!
Рукой — в рукав,
Ногой — в сапог...

Своим богатым арсеналом средств поэтической выразительности Цветаева пользовалась расточительно и всегда по-разному. Из своей власти над стихом она умела извлекать самые разнообразные и неожиданные эффекты. Возьмем, например, такое стихотворение, как «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...». Сколько в этих стихах затаенной страсти и энергии! Они — как туго натянутая пружина, которая вот-вот вырвется из рук. А вот совсем другие по тону и манере стихи: «Как правая и левая рука...» — пример редкой экономии, можно сказать — скупости стихотворной речи, настоящей афористичности ее. Другой пример такого же рода — превосходное стихотворение «Красною кистью...», в котором нет ни одного необязательного, «проходного» слова, а все только самые необходимые, и каждое забито как гвоздь — по самую шляпку. Или возьмем маленькое, восьмистрочное стихотворение «Не отстать тебе...», в котором все тот же вольный, некротимый женский характер возникает буквально из ничего — из одной интонации:

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

Но примерно в 1921 году в творчестве Марины Цветаевой обнаруживается явный перелом. Она отказывается от своей песенной манеры и начинает искать новые пути. Оговоримся сразу, что речь идет о перемене *основного* тона, поскольку и раньше (как и потом) она не была однообразной. В ее поэзии всегда сосуществовали разные пласты, разные потоки. «Меня вести можно *только* на контрастах, т. е. на всеприсутствии *всего*... — справедливо доказывала Цветаева. — Я — *много* поэтов, а как это во мне спелось — это уже моя *тайна*».

Так или иначе, в сборниках «Разлука» и «Ремесло», объединивших стихи 1921—1922 гг., Цветаева изменяет свободной и широкой напевности ради монументального и торжественного «большого стиля».

От чисто лирических форм она все более охотно обращается к сложным лирико-эпическим конструкциям, к поэме, к стихотворной трагедии. И сама лирика ее становится монументальной: отдельные стихотворения сочетаются по принципу лирической сюжетности в целостные циклы, подчиненные особым законам композиции. Наиболее характерны в этом смысле цветаевские циклы, структура которых возникает не из заданной темы (как например, в стихах о Москве, о Блоке, о Пушкине, о Чехии), но именно из лирического сюжета («Дерева», «Провода», «Стол»). Главенствующая форма речи в лирике Цветаевой, естественно, монолог, но очень часто — обращенный к некоему собеседнику, которого оспаривают либо убеждают. Кстати сказать, поэтому столь характерны для Цветаевой лирические «партии», хотя и не превращающиеся в дуэты, но подразумевающие непременно двух персонажей: Степан Разин и княжна, Самозванец и Марина Мнишек, Кармен и Хозе, Дон Жуан и Донна Анна, Федра и Ипполит, Ариадна и Тезей, Орфей и Эвридика, Елена и Ахиллес, Гамлет и Офелия, Зигфрид и Брунгильда.

В этом смысле нет заметной разницы между зрелой лирикой Цветаевой и такими ее поэмами, как «На красном коне», «Поэма Горы», «Поэма Конца», в которых тоже нет сюжета в строгом понимании этого слова, а движение стиха подчинено все той же лирической сюжетности, как способу передачи «диалектики» душевных состояний. Поэтому в своих лирических поэмах Цветаева меньше всего рассказывает, повествует, но занята по преимуществу драматическим диалогом с неким, как правило, остающимся за сценой собеседником.

Стих Цветаевой с течением времени как бы отвердевает, утрачивает свою летучесть. Уже в циклах «Ученик» и «Отрок» (1921) он становится торжественно-величавым, приобретает черты одического «высокого слога», оснащенного архаическим словарем и образами, почерпнутыми из библейской мифологии:

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно...

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобие горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

В таких стихах есть что-то от поэтики XVIII века, от Державина, и не случайно Цветаева признавалась в любви к этому поэту.

Легко заметить, что высокий слог в зрелых стихах Цветаевой перемешан с просторечием, книжная архаика с разговорным жаргоном. Это было обдуманым приемом, и на свободном сочетании «высокопарности» (в старинном смысле слова) с «простотой» был основан особый эффект цветаевского стиля — та «высокая простота», когда слово самое обиходное, подчас даже вульгарное, обретает высокое звучание в ряду слов иного лексического слоя и в соответственном интонационном ключе:

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок, — как ахал
В ночь половецкий стан!

Прочитав в одной из статей о себе выдержку из старинного рассуждения А. С. Шишкова об умении сочетать высокий слог с просторечием — так чтобы «высокопарность приятно обнималась с простотою», Цветаева поразилась, насколько это близко отвечает духу ее исканий в области стихотворного языка.

Поиски монументальности, «высокости» привели Цветаеву к Библии и к античности. Но если в прошлом русские поэты находили в библейских и греко-римских преданиях идеал героики, величия, простоты и гармонии, Цветаева облакает в мифологические одежды свое лирическое содержание — душевную драму человека

и поэта трагического XX столетия. Поэтому в античности ее привлекают по преимуществу трагедийные коллизии и конфликты, идея рока, ощущение предопределенности человеческой судьбы, темный донисийский мир жречества, тайн, ворожбы.

С наибольшей отчетливостью сказалось это в двух стихотворных трагедиях Цветаевой на мифологические сюжеты — «Ариадна» и «Федра» (две части незавершенной трилогии «Гнев Афродиты», или «Тезей»). Это вещи очень значительные.

В художественное истолкование античности, в интерпретацию самого мифа Цветаева не вносит ничего нового, — да это и не входило в ее творческую задачу.

Интерес и значение «Ариадны» и «Федры» — в другом: они органически связаны с проблематикой творчества Цветаевой в целом. В общем плане оба эти произведения примыкают к традиции символистской драматургии, которая, выдвигая, вслед за Ницше, метафизическое понятие «духа трагедии»,¹ пыталась раскрыть в древнем мифе некое вечное, вневременное психологическое содержание внутренней жизни человека и таким путем — обнажить драму современной души. В этом отношении обе пьесы Цветаевой особенно близки трагедиям Иннокентия Анненского на мифологические сюжеты, о которых сам автор говорил, что в них «отразилась душа современного человека».²

Как и в античных трагедиях Анненского, в «Ариадне» и «Федре» господствует лирическое начало. Это — по самому существу своему лирическая драматургия, и как таковая предназначена она более всего для чтения, а не для сцены. Драматического действия в строгом смысле этого слова (то есть воплощенного в характерах и обстоятельствах) здесь нет, а есть драматизованная композиция отдельных лирических «партий», скрепленных единством сюжета (мифа) и сопровождаемых разъяснительными репликами хора. Цветаева вряд ли думала о сценическом воплощении этих своих драм. Все ее внимание было сосредоточено на разработке в них все той же лирической темы, что красной нитью прошла сквозь ее стихи и поэмы: трагизм трудной и чаще всего

¹ Цветаева штудировала книгу Ницше о происхождении трагедии.

² Впоследствии, уже в наше время, трагедийная драматургия, в которой античные сюжеты вмещают вполне современное содержание, получила широкое распространение на Западе (О'Нейл, Ж. Кокто, Ж. Ануй, Ж. Жироду и др.). В этом смысле И. Анненский и М. Цветаева могут рассматриваться как зачинатели такой драматургии.

безответной женской любви. В «Ариадне» это трагедия обманутой верности, в «Федре» — трагедия неутоленной запретной страсти.

При такой установке отпадала необходимость воспроизведения древнего мира во всей конкретности его обстановки и характеров. И даже — воссоздание стиховых форм античной трагедии. Анненский свободно вводил в свои мифологические пьесы хоры, написанные в декадентско-символистском духе, рифмованными стихами. Цветаева пошла дальше: трагедии ее целиком написаны не просто современным и рифмованным, но собственно «цветаевским» стихом. Вот, к примеру, как говорит у нее Вахк:

Любят — думаете? Нет, рубят
Так! нет — губят! нет — жилы рвут!
О, как мало и плохо любят!
Любят, рубят — единый звук

Мертвенный! И сие любовью
Величаете? Мыщ игра —
И не боле! Бревна дубовой
И топорнее топора.

На трагедиях Цветаевой лежит мрачный колорит. Они говорят о злосчастных, безвыходных судьбах сильных духом, страстных людей, которые вступают в борьбу с враждебными им темными силами рока. Но борьба эта безнадежна: человек обречен на страдания, отчаянье и гибель, ибо рок, удары судьбы — это злая воля богов, перед которой человек бесправен и бессилен. Многие в этой концепции идет от ницшеанско-декадентского искажения подлинного духа античной трагедии. Но Цветаева вносит в метафизическое представление об извечном «трагическом смысле жизни» сильную ноту протеста против темных враждебных сил, играющих судьбами беззащитных людей. В этом смысле знаменателен финал «Федры». Трагедия кончается двойной катастрофой: гибнут и Федра, жертва собственных неистовых страстей, и Ипполит, жертва чужой ошибки, но виноваты и в той, и в другой катастрофе не люди, не старуха кормилица, выведавшая и выдавшая тайну Федры, но только боги, которые «орудуют» в мире:

Ипполитовы кони и Федрин сук —
Не старухины козни, а старый стук
Рока. Горы сдвигать — людям ли?
Те орудуют. Ты? — Орудие.
Ипполитова пена и Федрин пот —

Не старухины шашни, а старый счет,
Пря заведомая, старинная.
Нет виновного. Все невинные.
И очес не жги, и волос не рви, —
Ибо Федриной роковой любви
(Бедной женщины к бедну дитятку!)
Имя — ненависть Афродитина...

Там, где мирт шумит, ее стоном полн,
Возведите им двуединый холм.
Пусть хоть там обовьет (мир бедным им!)
Ипполитову кость — кость Федрина.

6

В стихах Марины Цветаевой образ автора перерастает в поэтический характер. Условимся о содержании самого понятия. Поэтический характер — это не обязательно личность автора, «биографически» истолкованная в его творениях (как было, скажем, с Блоком, который вошел в литературу не только стихами, но и личностью, даже обликом, как неизменный и, по существу, единственный персонаж своей лирики). В том, что написано Цветаевой, нет собственно биографического подтекста. Из ее стихов мы мало что узнаем о реальных обстоятельствах и происшествиях ее жизни. Но вместе с тем мы отчетливо представляем себе созданный ею цельный поэтический характер — некую воплощенную в слове художественную структуру, окруженную особой эмоциональной атмосферой и сообщающую единство стилю поэта:

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!..

В поэтическом характере, в таком его понимании, раскрывается не личная жизнь поэта, но тот «строй души», который просвечивает в его творениях. Решению данной художественной задачи служат все стилистические средства организации стихотворной речи.

Поэзия Цветаевой в этом смысле — пример разительный. Откроешь любую страницу — и сразу погружаешься в ее стихию — в атмосферу душевного горения, безмерности чувств, постоянного

выхода из нормы и ранжира («на́ смех и на́ зло здравому смыслу»), острейших драматических конфликтов с окружающим поэта миром.

Что́ же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью в мире мер?!

Свобода и своеволие «души, не знающей меры», — ее вечная, самая дорогая ей тема. Она дорожит и любит эту прекрасную, окрыляющую свободой:

Не разведенная чувством меры —
Вера! Аврора! Души — лазурь!
Дура — душа, но какое Перу
Не уступалось — души за дурь?

В поэзии Цветаевой нет и следа покоя, умиротворенности, созерцательности. Она вся — в буре, в вихревом движении, в действии и поступке. Всякое чувство Цветаева понимала только как активное действие: «Любить — знать, любить — мочь, любить — платить по счету». И поясняла примером: «Любить море — обязывает быть рыбаком, матросом, а лучше всего — Байроном (и пловец, и певец!). Лежать возле моря... не значит *любить*» (любить — море).

Недаром же любовь (уже не к морю, а к человеку) у Цветаевой всегда «поединок роковой», всегда спор, конфликт и чаще всего — разрыв. Ее любовная лирика, как и вся ее поэзия, громогласна, широкомасштабна, гиперболична, неистова:

Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рышут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,

Есмь я и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог...

Такие стихи резко противоречили всем традициям женской любовной лирики, в частности — поэзии Цветаевской современницы Анны Ахматовой. Трудно представить себе большую противоположность, — даже когда они пишут об одном и том же, например — о разлуке с любимым. Где у Ахматовой камерность, строгая гармония, как правило — тихая речь, почти молитвенный шепот, там у Цветаевой — обращенность ко всему миру, резкие нарушения привычной гармонии, патетические восклицания, крик, «воплъ испорого нутра». Впрочем, для полного выражения обуревавших ее чувств Цветаевой не хватало даже ее громкой, захлебывающейся речи, и она горевала: «Безмерность моих слов — только слабая тень безмерности моих чувств».

Цветаевой всегда было свойственно романтическое представление о творчестве как бурном порыве, захватывающем художника: «К искусству подхода нет, ибо оно захватывает», «Состояние творчества есть состояние наваждения», «Поэта — далеко заводит речь». Поэт и дело поэта воплощались для нее сперва в образах «легкого огня» и несгорающей птицы Феникс, позже — в образе «не предугаданной календарем» беззаконной кометы, в катаклических понятиях «взрыва» и «взлома». Писать стихи — по Цветаевой — это все равно что «вскрыть жилы», из которых неостановимо и невозстановимо хлещут и «жизнь» и «стих».

Но вихревая иступленность сочеталась у Цветаевой с упорной работой над поэтическим словом. Гениальность поэта, в ее представлении, это одновременно и «высшая степень подверженности наитию», и «управа с этим наитием». Таким образом, дело поэта предполагает не только согласие со свободной стихией творчества, но и овладение ремеслом. Цветаева не гнушалась этого слова:

Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник, — и знаю ремесло!

Поэтому наряду с буйством и хмелем в Цветаевой жила железная дисциплина художника, умеющего работать «до седьмого пота». «Творческая воля есть терпение», — заметила она как-то, и многие ее черновики свидетельствуют об этом с полной убедительностью (см., например, варианты к стихотворению «Писала я на аспидной доске...»). Об упорном творческом труде говорит

она и в стихах, составивших цикл «Стол», и в стихах, обращенных к Пушкину:

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой...
Пелось как — поется
И поныне — так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,
Знаем — как потелось!..

При всем том, будучи опытным мастером изощренной формы, Цветаева видела в ней лишь средство, а не цель поэзии. Доказывая, что в поэзии важна *суть* и что только новая суть диктует поэту новую форму, она спорила с формалистами: «Точно слова из слов, рифмы из рифм, стихи из стихов рождаются!» Бориса Пастернака она считала лучшим русским поэтом современности — потому что он «дал не новую форму, а новую сущность, следовательно — и новую форму».

Сущность же поэзии Цветаева видела в том, что она передает «строй души» поэта. И вот он-то, этот «строй души», непременно должен быть новым, не похожим на другие. Поэту запрещается повторять то, что уже было сказано, он должен изобретать свое, открывать новые моря и материки на карте поэзии. «Не хочу служить трамплином чужим идеям и громкоговорителем чужим страстям». Поэтому так нетерпима была Цветаева к поэтической гладкописи, повторности, «общим местам», всеядному эстетству, светящемуся чужим, отраженным светом. Все это для нее — непрощаемый грех перед подлинной жизнью (стихией) и настоящим искусством (голосом стихии). Ненависть ее к эстетству, холодному украшательству, подмене «сущности» — «приметами» воистину не знает пределов: «Всему под небом есть место — и предателю, и насильнику, и убийце, — а вот эстету нет! Он не считается! Он выключен из стихии, он нуль!»

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению стиля зрелой Цветаевой как совокупности средств и приемов художественной выразительности, приходится вернуться к понятию «поэтический характер». Наличие его в творчестве поэта предполагает определенный речевой стиль, определенный экспрессивный колорит стихотворного слова. Важным оказывается уже не только *что*

сказано, но и кем и как сказано, — тут-то и угадывается характер, душевный настрой, сама «индивидуальная жизненная манера» того, кто говорит.¹

Индивидуальный «строй души», желание выразить мир по-своему привели Цветаеву к настойчивым, упорнейшим поискам адекватной и обязательно новой формы. В ходе поисков она одерживала большие победы и терпела тяжелые поражения.

Быть может, наиболее примечательную, наиболее своеобразную черту цветаевского стиля составляет активность самой художественной формы, внутренняя кинетическая энергия слова и образа.

Цветаева не описывает и не рассказывает, но старается как бы «переволотиться» в предмет, который изображает, войти в его форму. Так, она утверждала, что поэту не стоит описывать, например, мост, на котором он стоит (мосты уже описаны), но он должен постараться изобразить его изнутри — как бы «с точки зрения моста»: «Сам стань мостом или пусть мост станет тобой, отождествись или отождестви. Всегда — *иноскази*. Сказать (*дать вещь*) — меньше всего ее *описывать*. Основа уже дана зрительно; дай ее внутренне, изнутри ствола: сердцевиною» (черновая тетрадь 1924 года; ср. мотив «моста» в 8-й главке «Поэмы Конца»).

Это замечание, проливающее яркий свет на специфику поэтики Цветаевой, может быть проиллюстрировано многими произведениями, относящимися к зрелой поре ее творчества. Она делает соучастниками своей беды или радости, своего отчаянья или восторга все, что окружает ее в мире, — небо, горы, леса, реки, грозы, ливни:

И если гром у нас — на крышах,
Дождь — в доме, ливень — сплошь, —
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.

¹ В данном случае исхожу из тонких соображений, высказанных в свое время Г. О. Винокуром: «Интонация и тембр голоса, акцент и порядок слов, синтаксическая конструкция и лексическое своеобразие, тематические пристрастия и характерные приемы сюжетосложения, весь вообще *стилистический уклад* речи, т. е. все то, что отличает в ней именно *этого* говорящего среди прочих, — ведь это и суть те факты, в которых мы усматриваем следы индивидуальной жизненной манеры и которые позволяют нам смотреть на слово не только как на знак идеи, но и еще как на поступок в истории личной жизни» (Г. Винокур, Биография и культура, М., 1927, стр. 80—81).

И все вещи — тоже. Ее «письменный верный стол» одухотворен («Да, был человек возлюблен — и сей человек был — стол сосновый...»); это — сотрудник и друг, оставшийся «живым существом»:

Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел...

В иносказательном стихотворении «Занавес» она отождествляет себя с театральным занавесом, который «из последнего сердца» (в смысле: из последних сил) загораживает ее душу, потрясенную «штормом» внутренней трагедии. Так же изнутри, «сердцевиною» дан у Цветаевой пригородный парижский дом, населенный беднотой: у него свой «особенный взгляд», своя душа, свой характер («по-медвежьи радушен»), и он борется с нищетой и со смертью как живое существо (как сам поэт) — всеми плещущими на ветру рукавами бедняцких рубах (которые сами — как взмахи человеческих рук над разбитой, проигранной жизнью).

Еще глубже, объемнее и последовательнее этот прием применен в замечательной «Поэме Лестницы», где и сама черная лестница превратилась в действующее лицо, в отождествление мира нищеты, и все убогие вещи, окружающие человека в этом мире, одушевлены, — они, как и люди, унижены и тоже хотят «выпрямиться» и «высказаться».

За этим стоит особая философия. В той же «Поэме Лестницы» Цветаева творит некую мифологию происхождения вещей из живой материи. Виновником омертвения вещей она считает человека, который легкомысленно и опрометчиво нарушил законы природы, превращая дерево и железо в доски и гвозди:

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягивало руку.
Человек — рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек — взрывал.

Здесь слышится отголосок характерного для позднеромантического сознания и в основе своей ложного, внеисторического неприятия «бездушной» машинной цивилизации, якобы враждебной

человеку, но у Цветаевой он перекрывается сильной гуманистической и демократической нотой: весь смысл «Поэмы Лестницы» — в страстной защите бедных и голодных от господства богатых и сытых. Поэтому и природа вещей у Цветаевой разная. Вещи богатых — насильственно обездушены, и за это они мстят своим владельцам: взрываются, ломаются, уничтожают владельцев, тщетно пытающихся «застраховаться от стихий». Вещи бедных, напротив, вмещают в себя человеческие «сердца и души», они уже не «утварь», а «тварь»:

Вещи бедных — попросту — души,
Оттого так чисто горят.¹

7

В поэзии наблюдается разное отношение к слову. Есть слово — условный знак, эмблема, призванная выражать некие особые смыслы, — таким было зыбкое, колеблющееся, чаще всего ложно многозначительное слово символистов. Есть слово — стертый пятак, — им пользуются эпигоны.

Слово Цветаевой всегда свежее, незахвачанное, и оно всегда — прямое, предметное, конкретное, не содержит никаких посторонних смыслов, а значит только то, что значит: вещи, значения, понятия. Но у него есть своя важная особенность: это *слово-жест*, передающее некое действие, — своего рода речевой эквивалент душевного и, если угодно, физического жеста. Такое слово, всегда ударное, выделенное, интонационно подчеркнутое (отсюда — крайнее изобилие у Цветаевой знаков восклицания и вопроса), сильно повышает эмоциональный накал и драматическое напряжение речи:²

Нате! Рвите! Смотрите! Течет, не так ли?
Заготáвливайте чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель — бел, занавес — рдян.)

¹ В данной теме Цветаева перекликается с близким ей Рильке, который последовательно развивал метафизическую идею постижения внутренней сущности вещи и видел задачу человека в том, чтобы вернуть вещи присущий ей смысл («душу») и тем самым поднять ее в сферу истинно ценного, духовного.

² На эту сторону дела обращали особое внимание мастера сцены. «Надо уметь действовать словом, а не произносить слова. Слово должно становиться действием», — говорил К. С. Станиславский.

«О, неподатливый язык!» — восклицала Цветаева. Но на самом деле слово было у нее в полном подчинении. Она не изобретала новых слов, брала, как правило, обиходное слово, но умела так его обкатать, переплавить и перековать, что в нем начинали играть новые оттенки значения. Кое-что в ее языковом творчестве оказывается близким исканиям Хлебникова. А именно — любовь к «корнесловию», стремление добраться в слове до его корневого, глубинного смысла и вывести из него целый рой родственных звучаний:

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов
От друзей — тебе, подноготную
Тайну Евы от древа — вот:
Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Есть поэты, воспринимающие мир посредством зренья. Их сила в умении смотреть и закреплять увиденное в зрительных образах. Цветаева не из их числа. Она заворожена звуками. Мир открывался ей не в красках, а в звучаниях. О себе она говорила: «Пишу исключительно по слуху» и признавалась в «полном равнодушии к зрительности». Наглядное подтверждение этому — цветаевские рифмы (вернее — ассонансы), заслуживающие специального изучения. Она с неслыханной для своего времени смелостью отступала в стиховых окончаниях от графической точности, но бесконечно расширяла диапазон их звучания.

Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, —
Безошибочен певчий слух!

В прислушивании поэта к звукам Цветаева видела основу словесного творчества: «Словотворчество есть хождение по следу слуха народного и природного, хождение по слуху. Все же остальное — не подлинное искусство, а литература» («Искусство при свете совести»). Отсюда понятным становится, почему в поэзии Цветаевой такую громадную роль играли приемы звуковой организации стиха, его инструментовка.

В иных случаях эти приемы звучат слишком навязчиво («В рокота гитар рокочи, гортань!»), приобретают характер весьма изощренных, но нарочитых «фонетических обнажений», как например в стихотворении «Психея» (1920), которое все родилось из созвучий: «Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин». Но в подавляющем

Большинстве стихи Цветаевой инструментованы сколь щедро, столь и тонко:

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане.
Зелена — значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

Цветаевой нравилось сталкивать сходно звучащие слова — так, чтобы из этого столкновения проступало бы их внутреннее родство и возникали бы дополнительные смысловые связи. «Дождь. — Что прежде всего встает в дружественности созвучий? — писала она. — Дажь. — А за «даждь» — так естественно: бог. Дажь бог — чего? — дождя! В самом имени славянского солнца уже просьба о дожде».¹

Цветаева широко пользовалась «дружественностью созвучий», но не жертвовала звуку смыслом, «Стихи — созвучие *смыслов*», — доказывала она. Лишь поэтические «пономари» способны отвлекаться от прямого содержания слова-понятия: «Пономарь — что ему слово? *Вещь и нищ* — связь? Нет, разлад» («Поэма Лестницы»). Цветаева же была занята как раз выявлением глубоко запрятанных в языке родственных связей слов. Она любила нагнетать, нанизывать одно на другое слова, сходно звучащие либо вызывающие сходные представления, — так, что одно слово мгновенно вызывает другое, на первый слух неожиданное, но оказывающееся близким по смыслу: «Как живется вам — хлопочется — Ежится? Встается — как? . . .», или: «Ни расовой розни, ни Гусовой казни, Ни детских болезней, ни детских боязней. . .».

В результате стихотворная речь Цветаевой превращается в целостную, не поддающуюся расчленению чисто словесную структуру, в которой вещи и понятия взаимодействуют по аналогиям, рождающимся из родственности звучаний и смыслов: «Блаженны длинноты, широты забвений и зон! Пространством, как нотой, в тебя удаляясь, как стон — в тебе удлиняясь, как эхо в соборную грудь — в тебя ударяясь: не видь и не слышь и не будь. . .» («Заочность»). В другом случае («Надгробие»), прислушиваясь к звукам («Как страстное пенье сквозь косное зданье»), Цветаева щедро варьирует понятие глухоты, заглушенности «Беззвучная чаша забвенья» немедленно рождает «безглазую, безгубую, безмясую, безносую» па-

¹ «Световой ливень». — «Эпопея» (Берлин), 1922, № 3, стр. 25.

мать, а «перина» вызывает за собой (по ассоциации) «вату», вата — «снег», — и все это интегрируется в образе, который формирует стихотворение в целом:

Снегами — годами — пудами бездушья
Удар — заглушенный...

Главным средством организации стихотворной речи был для Цветаевой *ритм*. Это — сама суть, сама душа ее поэзии. Ритм предстает в ее творчестве в своем прямом назначении: он служит внутренней формой стихотворной речи, создает движение стиха, резко, часто до неузнаваемости, обновляет стихотворный размер.

«Непобедимые ритмы» Цветаевой (по определению Андрея Белого) бесконечно разнообразны. В этой области она выступила и осталась смелым новатором, подчас впадавшим в крайности и излишества, но в конечном счете обогатившим русскую поэзию XX века множеством счастливых находок. Она безоглядно ломала инерцию старых, привычных для слуха ритмов, разрушала ту гладкую, плавную мелодию поэтической речи, которую часто, читая стихи, воспринимаешь автоматически, как что-то давно и хорошо знакомое и само собой подразумевающееся. Не то у Цветаевой. Ее ритмика все времястораживает внимание. Наиболее органическая для нее стихотворная форма — страстный и потому сбивчивый, нервный монолог. Соответственно и самый стих ее по большей части прерывист, неровен, изобилует внезапными ускорениями и замедлениями, паузами и резкими переборами. О цветаевском стихе можно сказать словами, которыми она сама охарактеризовала безусловно близкую ей ритмику Маяковского: это — как «физическое сердцебиение — удары сердца — застоявшегося коня или связанного человека».

Насколько в этом отношении Цветаева близка к Маяковскому, настолько же далека она от символистов с их гипертрофированным вниманием к «музыкальности» стиха, к гармонически упорядоченной мелодии, шаманско-заклинательному потоку слабо расчлененной, «льющейся» речи. «Я не верю стихам, которые *льются*. Рвутся — да!» — восклицала Цветаева. И она умела «рвать» стих, безжалостно дробить его на части, — пожалуй, как ни один русский поэт. Единица ее речи — не фраза, даже не слово, а *слог*. Помогая читателю войти в ее ритмы, почувствовать их пружину, она последовательно применяла в своих книгах двойной принцип членения стиховой речи: *словоразделение* (через тире) и *слоγο-разделение* (через дефис). Читая стихи Цветаевой, необходимо это иметь в виду.

Очень значительную роль в системе выразительных средств Цветаевой играет пауза. Пауза — это тоже полноценный элемент ритма. Обычно в стихах она приходится на конец строки, и это стало привычным испокон веку. У Цветаевой пауза, как правило, смещена, сплошь и рядом приходится на середину строки или на начало следующей. Поэтому стремительный стих Цветаевой (главным образом, в ее поздних вещах) как бы «спотыкается» на бесчисленных «анжабеманах» (enjambements), то есть «переносах», отмечающих несовпадение метрических и синтаксических членений стиховой речи. Цветаева пользовалась «анжабеманами» с преизбыточной щедростью (другого такого примера в русской поэзии нет). У нее обычны такие «переносы» не только из строки в строку, но и в другую строфу.

Конечно, это никоим образом нельзя рассматривать как следствие «неумения» строить стиховую фразу. Цветаева могла великолепно писать (и писала) без всяких «анжабеманов», но широко пользовалась ими — потому что все ее «запинания» и «преткновения» диктовались синтаксисом. Метрика у Цветаевой подчинена интонации, а следовательно — синтаксису. Именно это обстоятельство и создавало в ряде случаев излишнюю затрудненность стиха.

Двадцать лет свободы —
Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки —
Всем. Труда — любому,
Лишь бы были руки.

Здесь синтаксис и интонация стирают рифму; а если читать эти стихи, останавливаясь на звуковых окончаниях, улетучивается смысл. Таковы явные издержки, встречающиеся в работе поэта-новатора. Но дело, разумеется, не в подобных издержках, а в самом принципе — в стремлении говорить цельно и точно, не жертвуя стиху смыслом. Коль скоро мысль не вмещается в строку, а ее необходимо «досказать», она переплескивается в следующую. Более того: Цветаева зачастую просто обрывает речь буквально на полуслове, оставляет стих не полным, забывая о рифме. Мысль уже оформлена, образ создан — и заканчивать стих ради полноты размера и ради рифмы поэт считает излишним:

Не возьмешь мою душу живу!
Так на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий — конь
Аравийский.

Вообще усложненность многих стихотворений и поэм Цветаевой, подчас сильно затрудняющая их восприятие, была вызвана, сколь это ни парадоксально, стремлением к точности и определенности.¹ Она настойчиво старалась выработать четкие стихотворные «формулы», которые бы выражали ее мысль наиболее сжато. К примеру, мысль такова: похвалы, расточаемые по адресу поэта его поклонниками, символически уподоблены лавровому венку; но от этого венка челу поэта тяжело, как от каменных глыб. У Цветаевой все это вмещено в две кратчайшие и виртуозно озвученные строки:

Глыбами — лбу
Лавры похвал.

Она всегда хотела добиться максимума выразительности при минимуме средств. В этих целях Цветаева предельно сжимала, уплотняла свою речь и жертвовала всем, чем только могла, — эпитетами, прилагательными, предложениями и прочими «поясняющими» языковыми элементами; строила так называемые неполные предложения, обходясь без глагольно-причастных форм: «И тогда — благодетельным покрывалом Долу, знаменем прошумя» (опущено: «падаю» или «опускаюсь»), «Рукою правую — мы жили левой», «. . . ни пеной, ни пемзой — той Африки» и т. п. Она так торопится в своей речи, что ей некогда исчислять свойства предмета и тратить время на метафоры. Сплавливая воедино глагол или наречие с существительным, она создает сложно-составные слова вроде «бпрометь-бхлест-бог», требующие быстрого, слитного произношения. И вот как это получалось в стихах:

Спорый бог,
Скорый бог,
Шпоры в бок-бог!
.
Беглых и ббсых — бог,

¹ Цветаевой вообще хотелось быть безупречно точной. Это видно хотя бы из следующего примера. В стихах об Офелии у нее были такие мастерски инструментованные строки:

Как знали и звали. . . как сладко веяли
Азалии, далии над Офелией. . .
Как пряли и ткали ей ризы бальные
Азалии, далии и ветви миндальные. . .

Она выбросила их (не без сожаления), пометив в рукописи: «Не пригодились, ибо ни азалии, ни далии не пахнут, следовательно: не веют».

Простоволосых — бог,
Взлет, всплеск, всхлест, бхлест-бог,
Сам черт на веслах — бог.

В этих поисках сжатости и скорости было что-то судорожное, и нередко они приводили к серьезным художественным просчетам. Запутанный, «дикий» синтаксис; опущенные и подразумеваемые глаголы и тому подобные умолчания, свойственные, впрочем, живой разговорной речи, особенно взволнованной (характерен в этом смысле диалог в «Поэме Конца»), — все это зачастую создавало такую усложненность стихотворного языка, которую сама Цветаева очень верно определила (в применении к лирике Пастернака) как «темноту сжатости». Она билась над четкими стиховыми «формулами», но, случалось, невольно превращала их в ребусы, разгадывание которых требует известного напряжения. «Темнота сжатости» бесспорно повредила даже таким значительным произведениям, как «Крысолов» и «Поэма Лестницы».

Никогда не впадала Цветаева в бессмыслицу, в футуристическую заумь, в голое формалистическое шукачество. Даже в самых усложненных ее вещах, относящихся преимущественно к периоду 1923—1927 гг. (потом, в тридцатые годы, язык ее опять становится *заметно* проще, яснее), нет характерной для формалистов и эстетов неподвижности, окаменелости, приема «как такового», то есть испробованного ради него самого. Затрудненная поэтическая манера была в данном случае *органической* формой тех мучительных усилий, с которыми поэт взволнованно и сбивчиво выражал мир своих чувств и переживаний, свое сложное, противоречивое отношение к окружающей его действительности.

Нельзя же, в самом деле, представить себе, что на какое-то время Цветаева ни с того ни с сего научилась писать просто. Она писала сложно — потому что *так* хотела. Уменья писать просто она не утратила. В «Федре», например, в целом отличающейся чрезмерной усложненностью стихотворного языка, встречаются и такие — легчайшие — стихи (диалог Федры и Кормилицы):

· Ни весла, ни берега!
Разом отнесло!
На утесе дерево
Высокое росло.
Ввериться? Довериться?
Лавр-орех-миндаль!
На хорошем деревце
Повеситься не жаль!

Кроме того (и это обстоятельство важное!), герметичность цветаевской манеры приобретала дополнительное — психологическое — обоснование. Потеряв родину, почву, читателя, оставшись один на один с самим собой, со своим смятением, со своей трагедией, поэт ушел в свою скорлупу. Условно-поэтический жаргон, на котором беспечно чирикали эпигоны, задававшие тон в белоэмигрантской поэзии, вызывал у Цветаевой отвращение и ненависть (как все слежавшееся, стершееся от употребления). И тут она хотела быть «противу всех», не *одной из*, а *над и вне*. Она как бы заявляла: мой удел — круглое одиночество, и говорю я так — необщедоступно, сложно, по-вашему — косноязычно, — потому что внутренне не могу иначе, потому что только так хочу говорить о своем мучительном и трагическом.

Но герметизм, каковы бы ни были субъективные намерения и соображения художника, противопоставлен большому искусству. Поэтому издержки Цветаевой были велики, особенно в некоторых крупных ее произведениях — таких как «С моря» (1926), «Попытка Комнаты» (1927), «Новогоднее» (1927), «Поэма Воздуха» (1927). Мысль в них так сбивчива, так расплывчата, так растекается по прихотливым, случайным ассоциациям, что уловить ее стоит большого труда. Разгадывать эти головоломки утомительно и, признаться, просто скучно.

Не станем говорить о прямых просчетах. Иные даже замечательные стихи Цветаевой на беглый или поверхностный взгляд могут показаться косноязычными. Но это было «высокое косноязычие», свойственное многим большим поэтам от Гёте до Маяковского.

Марина Цветаева и в самом деле поэт не из легких. Читать ее стихи и поэмы между делом, не читать, а почитать, как почитывают (и тут же забывают) легонькие «стишки», нельзя. В Цветаеву необходимо углубиться, ее поэзия требует от читателя встречной работы мысли. Нужно применить известные усилия для того, чтобы войти в творческий мир поэта.¹

Нельзя не признать, что иногда усилия эти остаются невознагражденными, но в большинстве случаев они позволяют увидеть

¹ Сама Цветаева именно так смотрела на «сотворчество» писателя и читателя: «Что есть чтение, как не разгадыванье, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределами слов... Чтение — прежде всего сотворчество... Устал от моей вещи, значит — хорошо читал и — хорошее читал. Усталость читателя — усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь читателю и мне» («Поэт о критике». — «Благонамеренный» (Брюссель), 1926, № 2).

обдуманную гармонию этого мира глубоких мыслей и смелых исканий. Читая Цветаеву, вспоминаешь высказанное некогда справедливое суждение: «Искусство — суровый властитель. Порой приходится долго ждать, пока оно соизволит заговорить с тобой».

8

Марина Цветаева — большой поэт, и вклад ее в культуру русского стиха XX века значителен.¹

Но этот большой поэт пережил самую тяжелую для художника трагедию: он остался в стороне от столбовой дороги истории. Жизнь, говорил Александр Блок, может простить художнику все грехи, кроме одного — измены духу времени. Марина Цветаева в 1917 году изменила именно *духу* своего великого времени — и заплатила за это самой дорогой ценой.

При всем том на поэзии Цветаевой, конечно, лежит печать времени. Иначе и быть не могло. В ее стихах и поэмах звучит сильный, хотя и надорванный, голос, и этот голос принадлежит человеку XX столетия, равнодушному свидетелю грандиозных исторических потрясений и перемен. Но человеку, который в решающую минуту истории (а следовательно, и своей жизни) совершил непоправимую ошибку — противопоставил себя главному, неодолимому, всепобеждающему идейному движению века.

И все же «из истории не выскочишь», — это Цветаева понимала. Она могла сколько угодно фрондировать против своего времени («Время! Я тебя миную...»), вызываясь славить далекое и близкое прошлое, но по самому строю души принадлежала своему времени. Ни один настоящий поэт, творивший в эпоху революции, естественно, не мог не почувствовать ее силы, размаха и темпа, — даже в том случае, если он восставал против революции. Ведь он все равно дышал воздухом, насыщенным грозой революции.

Судорожные и вместе с тем стремительные ритмы Цветаевой — это ритмы XX века, эпохи величайших социальных катаклизмов и грандиозных революционных битв. Она сама видела в

¹ Здесь, пожалуй, кстати сказать, что в свете того, что было сделано Цветаевой, сильно меркнет «новаторство» иных молодых поэтов наших дней. Выясняется вторичность их находок. Как справедливо заметил А. Твардовский, оказывается, «что то, чем они щеголяют сегодня, уже давно есть, было на свете, и было в первый раз и много лучше» (отзыв об «Избранном» М. Цветаевой, — «Новый мир», 1962, № 1).

«боевом темпе» своих стихов «косвенное воздействие времени», иначе — революции, поскольку революция составляла главное содержание времени. Но это было именно *косвенное* воздействие. Поэзия Цветаевой — не о революции (если оставить в стороне ее антиреволюционные стихи, не пережившие своего дня), но она синхронна революции.

В конце своего пути Цветаева, как видно по всему, поняла, что большая правда века была внесена в мир русской пролетарской революцией, но у нее уже не хватило жизненных сил полноценно, во всю меру своего таланта воплотить это понимание в творчестве.

Понять же, в чем правда века, Цветаева смогла потому, что она по природе своей, по самой сути своего человеческого и поэтического характера не декадент (хотя, конечно, испытала влияние декадентской культуры). С этим понятием в наших представлениях о литературе XX века до сих пор царит изрядная неразбериха. Слово «декадент», утратив свое конкретное содержание, стало просто кличкой, которой безразборчиво награждают и Федора Сологуба и Марину Цветаеву, хотя трудно найти более разных поэтов. Заканченные декаденты прятались от реальной жизни, отрешивались от всех общественных связей, а Цветаева порывалась навстречу большой, всеобщей человеческой жизни (не вина ее, а беда, что встреча не состоялась). Они тщились залить «бунтующее море» действительной жизни «елеем» жалкой и нелепой лжи, а она бесстрашно вскрывала язвы жизни, издевалась, бичевала, проклинала. Они любовались и хвалились своей «особостью», а она свое «круглое одиночество» переживала как проклятие судьбы и, хотя по-человечески тосковала по тихой пристани («Тише, хвала!», «Сад», «Куст» и многое другое), понимала, что жить одиночеством нельзя. Короче говоря, обстановка в русской литературе первой трети нашего века была гораздо сложнее, нежели это может показаться по историко-литературным обзорам и учебным пособиям. Пример Цветаевой свидетельствует, что можно было очутиться в стороне от столбовой дороги и не будучи декадентом.

Цветаева почти до самого конца не разлюбила жизни. Несмотря ни на что, жизнь оставалась для нее «распахнутой радостью». В «Крысолове», который недаром назван «*лирической* сатирой», возникает образ светлого и прекрасного, истинно человеческого мира. Пошлому «Гаммельну» противостоят высокогорные «Гималаи», гнилому мещанскому болоту — сказочно волшебный Индостан, с которым связано романтически возвышенное представление о жизни счаст-

ливой, легкой, полной чудесных перемен. И через десять лет после «Крысолова» Цветаева пишет небольшую, но столь значительную в ее творчестве поэму «Автобус», в которой так много молодого «восторга души», — души измученной, ободранной, но вопреки всему жаждущей света, тепла и простой человеческой радости на лоне матери-земли:

Отошла январским оловом
Жизнь с ее обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

Из непреодолимой любви к жизни выросал гуманизм Цветаевой. Многие в нем шло от абстрактной «человечности». Поэт обязан «в *свою* боль включать всю чужую». Поэтому, обращаясь к своему идейному противнику, Цветаева признавалась:

Есть у меня моих икон
Ценней — сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы — кроющийся.

Пред ним — все клонятся клинки,
Все меркнут яхонты:
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

«Еще проще» (говорит Цветаева) не различать своей боли от чужой. Отсюда — ноты всепрощения даже в ее политических стихах времени гражданской войны. Она готова равно осуждать и «красных» и «белых» за творимое ими кровопролитие. Смерть же — всех равняет, для нее нет ни своих, ни чужих:

Все рядком лежат, —
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат!
Где свой, где чужой?

Белым был — красным стал:
Кровь обагрила.

Красным был — белым стал:
Смерть побелила.

Все же не только и не столько этими неверными нотами определяется гуманизм Цветаевой. С течением времени он все более проникался духом протеста против конкретного зла, царящего в капиталистическом мире. Цветаева беспредельно ненавидела подлость и пошлость всех и всяческих заправил этого мира. Клеймя их, она находила удивительно гневные и презрительные слова: «собирательное убожество», «толстые сердцем», «людоеды в парижских модах», «сморд чистоты», «сморд изобилия» и т. п. Она верила, что когда-нибудь должна же наступить «совершенная жизнь», когда не станет «ни рабств, ни уродств», когда все выпрямится «во весь рост» и восторжествует правда. Но сама она такой жизни уже не чаяла дожидаться: для нее это — «по ту сторону дней». Она только по-своему чувствовала неостановимый ход истории: «Ваши рабства и ваши главенства — погляди, погляди, как валяются!» — восклицала она, обращаясь к хозяевам старого мира («Поэма Лестницы»).

Однако одной ненависти к миру собственников, к его чудовищному порождению — фашизму — оказалось недостаточно, чтобы подняться на вершину общенародного искусства. Для этого, в условиях века, нужно было обладать социалистическим идеалом. Трагедия Марины Цветаевой — трагедия индивидуализма. В эпоху, ознаменованную небывалым подъемом борьбы угнетенных против угнетателей, позиция «один против всех», которую Цветаева пыталась отстаивать, была вполне однозной и совершенно безнадежной. Поэтому, принадлежа (и не только календарно) к своему бурному революционному времени, Цветаева не стала его поэтом.

В статье «Поэт и время» (1932), само заглавие которой знаменательно, Цветаева выдвинула свое прихотливое и, конечно, в корне ошибочное понимание данной проблемы, чтобы как-то обосновать и свое право на соучастие в современном литературном движении. Она соглашается, что «лучше всего послужит поэт своему времени, когда даст ему через себя сказать, сказагься». Но далее начинаются оговорки. Не без серьезных натяжек доказывается, что поскольку поэт принадлежит всем временам, постольку — и современности. В качестве примера назван Рильке — казалось бы, для своего века «из далеких — далекий, из высоких — высокий, из одиноких — одиокий» и в этом смысле — прямая противоположность Маяковскому (о котором Цветаева говорит в статье больше всего). Но и Рильке оказывается современным: «как противудие нашего

времени» он мог родиться только в данное время, которое его «не заказало, а вызвало». ¹

Цветаева не сравнивает себя с Рильке, но сравнение подсказывается всем ходом ее мысли. «Быть современником — творить свое время, а не отражать его», а творить время — вовсе не значит соглашаться с ним; можно и «с девятью десятками в нем сражаться». Угол зрения, как видим, очень широкий. Так Цветаева пыталась и сама уяснить и другим объяснить свое отступление в неприступное и вместе воинственное одиночество.

Она отдавала себе ясный отчет в постигшей ее как художника трагедии. Она понимала, что «для того, чтобы быть народным поэтом, нужно дать целому народу через тебя петь. Для этого мало быть всем, нужно быть всеми...» ² Такого поэта она видела в Маяковском. Себя же справедливо называла «одиноким духом».

Не приходится, конечно, ожидать, что сильная, но сложная поэзия Марины Цветаевой станет всеобщим достоянием. Но лучшему из того, что она написала, «настал черед» — потому что настоящее в искусстве не умирает.

Вл. Орлов

¹ Пример не случаен. Цветаева чувствовала глубокое родство с этим тоже одиноким трагическим поэтом, не приемлющим буржуазного мира и сохранившим, во враждебном окружении, интенсивность своей духовной жизни. Свою любовь к творчеству Рильке Цветаева продемонстрировала не раз. На смерть поэта она откликнулась поэмой «Новогоднее» и статьей «Твоя смерть», перевела на русский язык несколько писем Рильке. Лично знакомы они не были.

² «Эпос и лирика современной России» (1933). В другом месте: «Для того чтобы поэт сложил народную песню, нужно, чтобы народ вселился в поэта» («Проза», стр. 262).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

*Май 1913
Коктебель*

2

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя. . .
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились. . .
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли. . .
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913
Коктебель

3

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох. . .
И как сердце мне испепелил
Этот даром истроченный порох.

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале. . .

Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

4

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость — жизнь мне, имя — шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
— Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была — как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
— Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

19 мая 1913

Я сейчас лежу ничком
 — Взбѣшенная! — на постели.
 Если бы вы захотели
 Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
 — Слышите, мой ученик? —

В золоте и серебре
 Саламандра и Ундина.
 Мы бы сели на ковре
 У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
 — Слышите, мой ученик? —

И безудержно — мой конь
 Любит бешеную скачку! —
 Я метала бы в огонь
 Прошрое — за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
 — Слышите, мой ученик? —

А когда бы улеглась
 Эта пепельная груда, —
 Господи, какое чудо
 Я бы сделала из вас!

Юношей воскрес старик!
 — Слышите, мой ученик? —

А когда бы вы опять
 Бросились в капкан науки,
 Я осталась бы стоять,
 Заломив от счастья руки,

Чувствуя, что ты — велик!
 — Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

6. ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева — крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна — окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба... —
Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... —

Запах — из детства — какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! — Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти... —

Не опираясь на смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны, —
Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папирсы
В бархатной чаше аллей,

Марионеток и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,
— Ах, — Мариулу твою!

Треск барабана — мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... — Как я люблю...

Кончено... — Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба — не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И — потому что от худшей печали
Шаг — и не больше! — к игре,
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

Уж сколько их упало в эту бездну,
 Разверзтую вдали!
 Настанет день, когда и я исчезну
 С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
 Сняло и рвалось:
 И зелень глаз моих, и нежный голос,
 И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
 С забывчивостью дня.
 И будет всё — как будто бы под небом
 И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине,
 И так недолго злой,
 Любившей час, когда дрова в камине
 Становятся золой,

Виолончель, и кавалькады в чаше,
 И колокол в селе. . .
 — Меня, такой живой и настоящей
 На ласковой земле!

К вам всем — что мне, ни в чем не знавшей
 меры,
 Чужие и свои?! —
 Я обращаюсь с требованьем веры
 И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
 За правду *да* и *нет*,
 За то, что мне так часто — слишком грустно
 И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность —
 Прощение обид,
 За всю мою безудержную нежность
 И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

8. ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань господня
И сердце матери, — вчера
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам всё вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

—

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие —
И весело переходили
В небытие.

26 декабря 1913
Феодосия

9. БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...

По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! — Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от вас ли? . .

4 сентября 1914

10

П. Э.

Осыпались листья над вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке
дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано .
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я вас целовала! Я вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!

Я смерти не верю! Я жду вас с вокзала —
Домой!

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира вы мёртвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую вас всюду,
— Что ленты от ваших венков! —
Я вас не забыла и вас не забуду
Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность. — Письмо
в беспредельность. —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

11—13. ИЗ ЦИКЛА «ПОДРУГА»

1

Вам одеваться было лень
И было лень вставать из кресел.
— А каждый ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел!

Особенно смущало вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод!

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

Мне нравится, что вы больны не мной,
 Мне нравится, что я больна не вами,
 Что никогда тяжелый шар земной
 Не уплывет под нашими ногами.
 Мне нравится, что можно быть смешной —
 Распущенной — и не играть словами,
 И не краснеть удушливой волной,
 Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
 Спокойно обнимаете другую,
 Не прочите мне в адовом огне
 Гореть за то, что я не вас целую.
 Что имя нежное мое, мой нежный, не
 Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
 Что никогда в церковной тишине
 Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
 За то, что вы меня — не зная сами! —
 Так любите: за мой ночной покой,
 За редкость встреч закатными часами,
 За наши не-гулянья под луной,
 За солнце, не у нас над головами, —
 За то, что вы больны — увы! — не мной,
 За то, что я больна — увы! — не вами!

3 мая 1915

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
 Насздник и вор при этом.
 Не потому ли мой нрав бродяч
 И волосы пахнут ветром?

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
 Рукой моей — абрикосы,
 Виновник страстной моей судьбы,
 Курчавый и горбоносый?

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ — шиповник.
Плохой товарищ он был, — лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок. . .
Еще мне думается, что — трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем.
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем,

Что не однажды из-за угла
Он прыгал, — как кошка гибкий. . .
И почему-то я поняла,
Что он — *не* играл на скрипке!

И было всё ему нипочем,
Как снег прошлогодний — летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала — таким поэтом.

23 июня 1915

16

Спят трещотки и псы соседовы, —
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов — и зорких птиц,
Заговорщиков час — и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, — видишь, вот она —
Отравительница! — Кармен.

5 августа 1915

17

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех, —
Я всё раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И всё записки, и всё цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

18

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущения — жгучи!
Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

19

Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться!
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

20

Два солнца стынут — о господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячеей.

5 октября 1915

21

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

22

Быть в аду нам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждою-то жилкою
Пели господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкой
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра,

Нерадивым рукодельницам
(Шей не шей, а всё по швам!),
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру — госпожам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
— Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые — в аду!

Ноябрь 1915

Никто ничего не отнял —
 Мне сладостно, что мы врозь!
 Целую вас через сотни
 Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар — неравен.
 Мой голос впервые — тих.
 Что вам, молодой Державин,
 Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу вас:
 — Лети, молодой орел!
 Ты солнце стерпел, не щурясь, —
 Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
 Никто не глядел вам вслед. . .
 Целую вас — через сотни
 Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

Ты запрокидываешь голову —
 Затем, что ты гордец и враль.
 Какого спутника веселого
 Привел мне нынешний февраль!

Позвякивая карбованцами
 И медленно пуская дым,
 Торжественными чужестранцами
 Проходим городом родным.

Чьи руки бережные трогали
 Твои ресницы, красота,
 Когда, и как, и кем, и много ли
 Целованы твои уста —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
 Переборол сию мечту.

В тебе божественного мальчика, —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай
И сердце зажимай в горсти...
— Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916

25

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала — темней твоих.

Всходили и гасли звезды
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?)
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916

Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя! — у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоём!
Два обугленных прошлогодних круга!
Видно, отроком — в *невеселый* дом
Завела — подруга.

Далеко — в ночи — по асфальту — трость,
Двери — настезь — в ночь — под ударом ветра.
— Заходи — гряди! — нежеланный гость.
В мой покой пресветлый.

4 марта 1916

Четвертый год.
Глаза — как лед.
Брови — уже роковые.
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки — скрещены,
Рот — нем.
Брови сдвинув — Наполеон! —
Ты созерцаешь — Кремль.

— Мама, куда — лед идет?
— Вперед, лебеденок!
Мимо дворцов, церквей, ворот —
Вперед, лебеденок!
Синий
Взор — озабочен.
— Ты меня любишь, Марина?
— Очень!
— Навсегда?
— Да.

Скоро — закат,
Скоро — назад:
Тебе — в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Всё
Идет.

24 марта 1916

28

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссылая в узкогорлые бутыли,

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками,
с крёстным.

Кормилица с крикливым петухом
В переднике — как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком,
Что молодой — в часовенке — покойник.

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони — что ангелы — белы,
И голуби на них — что ладан — сизы.

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

29—37. СТИХИ О МОСКВЕ

1

Облака — вокруг,
Купола — вокруг.
Надо всей Москвой —
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом — говей,
Не сурьми бровей,
И все сорок — чти —
Сороков церквей.
Исходи пешком — молодым
шажком! —

Всё привольное
Семихолмие.

Будет тво́й черед:
Тоже — дочери

Передашь Москву
 С нежной горечью.
 Мне же — вольный сон,
колокольный звон,

Зори ранние
 На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих — нерукотворный град
 Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По цёрковке — все сорок сороков
 И реющих над ними голубков;

И Спасские — с цветами — воротá,
 Где шапка православного снята;

Часовню звездную — приют от зол —
 Где вытертый — от поцелуев — пол;

Пятисоборный несравненный круг
 Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянная Радости в саду
 Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
 Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
 Уронит богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
 — Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

Мимо ночных башен
 Площади нас мчат.
 Ох, как в ночь страшен
 Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
 Жарко целуй, любовь!
 Ох, этот рев зверский!
 Дерзкая — ох! — кровь.

Мой — рот — разгарчив,
 Даром что свят — вид.
 Как золотой ларчик,
 Иверская горит.

Ты озорство прикончи
 Да засвети свечу,
 Чтобы с тобой нонче
 Не было — как хочу.

31 марта 1916

Настанет день — печальный, говорят! —
 Отцарствуют, оплачут, отгорят, —
 Остужены чужими пятаками, —
 Мои глаза, подвижные, как пламя.
 И — двойника нащупавший двойник —
 Сквозь легкое лицо проступит — лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
 Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и вас? —
 Потянется, растерянно крестясь,
 Паломничество по дорожке черной
 К моей руке, которой не отдерну,

К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу — впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.

И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибор
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

— И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

Над синевою подмосковных роц
 Накрапывает колокольный дождь.
 Бредут слепцы Калужскою доро́гой, —

Калужской — песенной — привычной, и она
 Смывает и смывает имена
 Смирненных странников, во тьме поющих бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
 Устав от вас, враги, от вас, друзья,
 И от уступчивости речи русской, —

Надену крест серебряный на грудь,
 Перекрещусь — и тихо тронусь в путь
 По старой по дороге по Калужской.

Троицын день, 1916

Семь холмов — как семь колоколов,
 На семи колоколах — колокольни.
 Всех счетом: сорок сороков, —
 Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
 Иоанна родилась Богослова.
 Дом — пряник, а вокруг плетень
 И церкóвки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон —
 Как монашки потекут к обедне,
 Вой в печке, и жаркий сон,
 И знахарку с двора соседнего.

— Провожай же меня, весь московский сброд,
 Юродивый, воровской, хлыстовский!
 Поп, крепче позаткни мне рот
 Колокольной землей московскою!

8 июля 1916

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалекá-далече —
Ты всё же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болеть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916
Александров

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

88

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок —
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там, где во поле во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян.

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
— Вечной памяти не хочу
На родной земле!

4 апреля 1916

89

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня — святцы.

А восприёмников за душой —
Цельный, поди, монастырь мужской!

84

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот — орлицей, синицей — тот, —
Всяк по-иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц —
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали — равно, называли — разно.
Всё называли, никто не назвал.

6 апреля 1916

40—50. БЕССОННИЦА

1

Обвела мне глаза кольцом
Теневым -- бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись — идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало — тебе — дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала — и накликала
Теневой венец.

Мало — меня — звала?
Мало — со мной — спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

— Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы — спалось — легче,
Буду — тебе — певчим:

— Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон — свят.
Все — спят.
Венец — снят.

8 апреля 1916

2

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще — раскрывать
Двери!
— Настежь — в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну — клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.

27 мая 1916

8

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

17 июля 1916
Москва

После бессонной ночи слабеет тело,
 Милым становится и не своим, — ничьим.
 В медленных жилах еще занявают стрелы —
 И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
 И глубоко равнодушен и враг и друг.
 Целая радуга — в каждом случайном звуке,
 И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
 Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
 Этот светлейший лик, — и от темной ночи
 Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

Нынче я гость небесный
 В стране твоей.
 Я видела бессонницу леса
 И сон полей.

Где-то в ночи подковы
 Взрывали траву.
 Тяжко вздохнула корова
 В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
 С нежностью всей,
 Про сторожа-гуся
 И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти.
 Пес был — сед.
 Потом, к шести,
 Начался рассвет.

20 июля 1916

Сегодня ночью я одна в ночи —
 Бессонная, бездомная черница! —
 Сегодня ночью у меня ключи
 От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
 — О, как же ты прекрасен, тусклый
Кремль мой! —

Сегодня ночью я целую в грудь —
 Всю круглую воющую землю!

Вздываются не волосы — а мех,
 И душный ветер прямо в душу дует.
 Сегодня ночью я жалею всех, —
 Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

Нежно-нежно, тонко-тонко
 Что-то свистнуло в сосне.
 Черноглазого ребенка
 Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
 Каплет жаркая смола.
 Так в ночи моей прекрасной
 Ходит по сердцу пила.

8 августа 1916

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
 Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
 Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагладелась в зрачки человека!
Испежди меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916

9

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь — проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:

— Не спи! крепись! говорю добром!
А то — вечный сон! а то — вечный дом!

12 декабря 1916

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночь!

Может — сотни свеч,
Может — три свечи. . .
Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

и

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно-
Звенящей ночи.

— Прельстись!
Пригубь!
Не в высь,
А в глубь —
Веду. . .
Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!
Испей!
От всех страстей —
Устой,
От всех вестей —
Покой.
— Подруга! —
Удостой.
Раздвинь уста!
Всею негой уст
Резного кубка край
Возьми —
Втяни,
Глотни:

— Не будь! —
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей —
Страстнейшая, из всех смертей —
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих — прельстись! — испей!

Мир бѣз вести пропал. В нигде —
Затопленные берега...
— Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга...

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
— Дитя —
Сравним?

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи, —
С Бессонницей кучу, скажи,
С Бессонницей кучу...

Май 1921

51—66. СТИХИ К БЛОКУ

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.

В легком шелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле — сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу.
Ох, уж третий
Вечер я чую вóрога.

Голубоглазый —
Меня — сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне пóд ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что всё мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпья!
Аминь.

1 мая 1916

8

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святыя славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю — берлога,
Страннику — дорога,
Мертвому — дроги.
Каждому — свое.

Женщине — лукавить,
Царю — править,
Мне — славить
Имя твое.

2 мая 1916

5

У меня в Москве — купола горят,
У меня в Москве — колокола звонят,
И гробницы, в ряд, у меня стоят, —
В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари.

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари.

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

7 мая 1916

6

Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по снегу.
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите — как
Веки ввалились темные!
О поглядите — как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

7

Должно быть — за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть — любовь проще
И легче, чем я ждала.

— Эй, идолы, чтоб вы сдохли! —
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед — охлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает — жердь,
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый — за синюю рощей — крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

9

Как слабый луч сквозь черный морок адсв —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, —

Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства — грех...
И как нежнее всех — ты, глубже всех

В ночь канувшую — на дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска — потерянным перстом —
Всё водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как бог обманет,
Как станешь солнце звать — и как *не* встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10

Вот он — гляди, — уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот — горстью пьет из горней быстрины, —
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Красно́ твое наследие, — владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

11

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл —
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь!
Знают, что этого нет — умереть!

Зори пьют, море пьет, — в полную сыть
Бражничают. — Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть!
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

12

А над равниной —
Крик лебединый.
Мать, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной — он — версты,
Это последнее — он — прости.

А над равниной —
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови. . .
Это последнее он: Живи!

Над окаянной —
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал — осанна!
Каторжник койку-обрел-тепльнь.
Пасынок к матери в дом. — Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921.

13

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навyleт
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что́ усопшему — трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

14

Без зова, без слова, —
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, — в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме,
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а тёрном —
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
— И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может, — проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.
Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921'

Как сонный, как пьяный,
 Врасплох, не готовясь.
 Височные ямы:
 Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
 Мертво и светло.
 Сновидца, всевидца
 Пустое стекло.

Не ты ли
 Ее шелестящей хламиды
 Не вынес —
 Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
 Серебряным звоном полна,
 Вдоль сонного Гебра
 Плыла голова?

25 ноября 1921.

Так, господи! И мой обол
 Прими на утвержденье храма.
 Не свой любовный произвол
 Пою — своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь —
 Гранит, коленами протертый!
 Всем отданы герой и царь,
 Всем — праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
 Гробовым не смущаясь тесом,
 Русь — Пасхою к тебе плывет,
 Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который? —
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

2 декабря 1921

67—70. ИЗ ЦИКЛА «АХМАТОВОЙ»

1

О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает. — Анна
Ахматова! — Это имя — огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
— И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! — и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

2

Охватила голову и стою, —
Что людские козни! —
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас — одна,
Как луна на небе!

Что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна — милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою — как ремнем,
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала — чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь — нищей,

Что тебя, чей голос — о глубь! о мгла! —
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

8

Не отстать тебе. Я — острожник,
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

Ты солнце в выси мне за́стишь,
 Все звезды в твоей горсти!
 Ах, если бы — двери настезь —
 Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
 И круто потупить взгляд,
 И, всхлипывая, затихнуть —
 Как в детстве, когда простят.

2 июля 1916

71

Руки даны мне — протягивать каждому обе, —
 Не удержать ни одной, губы — давать имена,
 Очи — не видеть, высокие брови над ними —
 Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
 Безостановочно ходит и ходит в груди, —
 Это — кто знает? — не знаю, — быть может, —
 должно быть —
 Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

72

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
 Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
 И на песке вереницы соломенных чучел
 Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
 Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
 Старая баба — посыпанный крупною солью
 Черный ломоть у калитки жует и жует. . .

Чем прогневили тебя эти серые хаты. —
 Господи! — и для чего столько простреливать
 грудь?

Поезд прошел и завыл, и завывали солдаты,
 И запылел, запылел отступающий путь. . .

— Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О господи боже ты мой!

3 июля 1916

73

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку — плед.
Если не хочешь муку
Принять, — спи, сосед!

Шаг лунатика. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.
Скользнул на колени
Платок нашейный,
И вонзились
Острия локтей в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.
Дилижанс — корабль,
Дилижанс — корабль.
Лес

Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять, — спи, сосед!

23 июля 1916

Искательница приключений, —
 Искатель подвигов — опять
 Нам волей роковых стечений
 Друг друга суждено узнать.

Но между нами — океан,
 И весь твой лондонский туман,
 И розы свадебного пира,

И доблестный британский лев,
 И пятой заповеди гнев, —
 И эта ветреная лира!

Мне и тогда на земле
 Не было места!
 Мне и тогда на земле
 Всюду был дом.

— А вас ждала прелестная невеста
 В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе, —
 И за бокалом Асти, —
 Я слагала вам стансы
 О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,
 Пиньи клонились: *Salve!*¹
 Звали меня — Коринной,
 Вас — Освальдом.

24 июля 1916

Чтоб дойти до уст и ложа —
 Мимо страшной церкви божьей
 Мне идти.

¹ Привет! (итал.) — *Ред.*

Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог.

— Так, в ночи ночей безлунных,
Мимо сторожей чугунных:
Зорких врат —

К двери светлой и певучей
Через ладанную тучу
Тороплюсь,

Как торопится от века
Мимо бога — к человеку
Человек.

15 августа 1916

76

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

15 августа 1916

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых

С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что влюбила больше бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916

Погоди, дружок!
Не довольно ли нам камень городской толочь?
Зайдем в погребок,
Скоротаем ночь.

Там таким — приют,
Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
Там песни поют,
Пить и есть дают.

Там в печи — дрова,
Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах — нож.
Там и я — права,
Там и ты — хорош.

Там одна — темней
Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней!
Ох, взгляд у ней!
Ох, голос у ней!

22 октября 1916

Кабы нас с тобой — да судьба свела —
 Ох, веселые пошли бы по земле дела!
 Не один бы нам поклонился град,
 Ох, мой рódный, мой природный, мой безродный
 брат!

Как последний сгас на мосту фонарь —
 Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
 Присягай, народ, моему царю!
 Присягай его царице, — всех собой дарю!

Кабы нас с тобой — да судьба свела,
 Поработали бы царские на нас колокола,
 Поднялся бы звон по Москве-реке
 О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
 Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
 И пылила бы дороженька — бела, бела, —
 Кабы нас с тобой — да судьба свела!

25 октября 1916

...Я бы хотела жить с Вами
 В маленьком городе,
 Где вечные сумерки
 И вечные колокола.
 И в маленькой деревенской гостинице —
 Тонкий звон
 Старинных часов — как капельки времени.
 И иногда, по вечерам, из какой-нибудь
 мансарды —
 Флейта,
 И сам флейтист в окне.
 И большие тюльпаны на окнах.
 И, может быть, вы бы даже меня не любили...

Посреди комнаты — огромная изразцовая печка,
 На каждом изразце — картинка:

Роза — сердце — корабль. —
А в единственном окне —
Снег, снег, снег.

Вы бы лежали — каким я вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.
Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком — пепел.
Вам даже лень его стряхивать —
И вся папироса летит в огонь.

10 декабря 1916

81

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле — деревья,
Это бродят золотым вином — грозди,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

14 января 1917

82

Только закрою горячие веки —
Райские розы, райские реки. . .

Где-то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

20 января 1917

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
 Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
 Рокот цыганских телег,
 Вспять убегающих рек —
 Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре —
 Помните утренний ветер и степь в серебре?
 Синий дымок на горе,
 И о цыганском царе —
 Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
 Мы вам дарили прекрасных, как ночь, сыновей,
 Нищих, как ночь, сыновей...
 И рокотал соловей —
 Славу.

Не удержали вас, спутники чудной поры,
 Нищие неги и нищие наши пиры.
 Жарко пылали костры,
 Падали к нам на ковры —
 Звезды...

29 января 1917

Август — астры,
 Август — звезды,
 Август — грозди
 Винограда, и рябины
 Ржавой — август!

Полновесным, благосклонным
 Яблоком своим имперским,
 Как дитя, играешь, август.
 Как ладонью, гладишь сердце
 Именем своим имперским:
 Август! — Сердце!

Месяц поздних поцелуем,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных —
Август! — Месяц
Ливней звездных!

7 февраля 1917

85

А всё же спорить и петь устанет —
И этот рот!
А всё же время меня обманет
И сон — придет.

И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

12 апреля 1917

86—88. СТЕНЬКА РАЗИН

1

Ветры спать ушли — с золотой зарей,
Ночь подходит — каменной горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб, —
Как гремит над жарким его шатром
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2

А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,

И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою — брови черные.

И не видно звезд, и не слышно волн, —
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь — такую речь:
— Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она — брови насупила,
Брови длинные,
А она — очи потупила
Персиянские.
И из уст ее —
Только вздох один:
— Джаль-Эддин!

А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
— Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть.
Рот закушен в кровь. —
Так и ходит атаманова крутая бровь.

— Не поладила ты с нашею постелью —
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то — ясно,
Тёмно — на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался. — Ох, томно!
Поддержите, нехристи, — в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

8

(СОН РАЗИНА)

И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину — дно —
Цветами, что плат ковровый.
И снится лицо одно —
Забывшее, чернобровое.

Сидит, ровно божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный — меж ними — полог.

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.

Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружок,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!

8 мая 1917

89—91. ГАДАНЬЕ

1

В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил — гром.
— Ох, молодая!
Дай, погадаю
О земном талане твоём.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит — гремят!
Ворожей в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.

«Что же нам скажешь?»
— Всё без обману.
«Мне уже поздно,
Ей еще рано».

— Ох, придержи язык, красота!
Что до поры говорить «не верю». —
И распахнула карточный веер
Черная — вся в серебре — рука.

— Речью дерзка,
Нравом проста;

Щедро живешь,
Красоты не копишь.
В ложке воды тебя — ох — потопит
Злой человек.

Скоро в ночи тебе путь неожиданный.
Линии — мало,
Мало — талану.
Позолоти! —

И вырастает с ударом грома
Черный — на черном — туз.

19 мая 1917

2

Как перед царями да князьями стены
падают —

Отпади, тоска-печаль-кручина,
С молодой рабы моей Марины
Верноподданной.

Прошуми весеннею водою
Над моей рабою
Молодою.
(Кинь-ка в воду обручальное кольцо,
Покатай по белой грудке — яйцо!)

От бессонницы, от речи сладкой,
От змеи, от лихорадки,
От подружкина совета,
От лихого человека,
От молодых друзей —
От чужих князей —
Заклинаю государыню-княгиню
Молодую мою, верную рабыню.

(Наклони лицо,
Расколи яйцо!)

Да растут ее чертоги:
Выше снежных круч,

Да бегут ее дороги
Выше синих туч,

Да поклонятся ей в ноги
Все князья земли, —
Да звенят в ее кошёлке
Золотые рубли!

Ржа — с ножа.
С тебя, госпожа,
Тоска!

21 мая 1917

8

Голос — сладкий для слуха!
Только взглянешь — светло.
Мне — что? Я старуха,
Мое время прошло.

Только солнышко скроется
Да падет темнота,
Выходи ты под Троицу
Без Христа-без креста.

Пусть несут тебя ноженьки
Не к дружку твоему —
Непроезжей дороженькой —
В непроглядную тьму.

Да сними — не забудь же —
Образочек с груди.
А придешь на распутье —
К земле припади.

Позовет тебя — глухо,
Ты откликнись — светло.
— Мне — что? Я старуха,
Мое время прошло.

21 мая 1917

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

5 июня 1917

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

— Только живите! — Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает бога —
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба — ложится
длань.

И на уста мои — чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает бог.

20 июня 1917

95. ЦЫГАНСКАЯ СВАДЬБА

Из-под копыт —
Грязь летит!
Перед лицом —
Шаль, как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Нé дали воли нам
Отец и мать, —
Целое поле нам —
Брачная кровать!

Пьян без вина и без хлеба сыт —
Это цыганская свадьба мчит!

Пóлон стакан.
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан:
Князем — цыган!
Цыганом — князь!
Эй, господин, берегись, --- жжет!
Это цыганская свадьба пьет.

Там, на вóрохе
Шалей и шуб, —
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ — мониста.

Скрипнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл, как волк,
Кто-то — как бык — храпит.
Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

96

Бороды — цвета кофейной гущи,
В воздухе — гул голубиных стай.
Черное око, полное грусти,
Пусто, как полдень, кругло, как рай.

Всё провожает: пеструю юбку,
Воз с кукурузой, парус в порту...
Трубка и роза, роза и трубка —
Попеременно — в маленьком рту.

Звякнет — о звонкий кувшин — запястье,
Вздрыгнет — на звон кувшинá — халат...
Стройные снасти — строки о страсти —
И надо всеми и всем — Аллах.

Что ж, что неласков! что ж, что рассеян!
Много их с розой сидит в руке —
Там, на пороге дымных кофеен, —
В синих шальварах, в красном платке.

4 августа 1917

97. ЛЮБВИ СТАРИННЫЕ ТУМАНЫ

1

Над черным очертаньем мыса —
Луна — как рыцарский доспех.
На пристани — цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, —
И горестный, огромный вздох:
— Ne laissez pas traîner mes lettres! ¹

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синеет водный путь.
— Опять любить кого-нибудь? —
Ты уезжаешь утром рано.

Горячие туманы Сити —
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить — только рот
И страстный возглас твой: — Живите!

3

Смывает лучшие румяна —
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы — солоны. Боюсь,
Я завтра утром — мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? — Во сне.
— Как ветрено! — Привет жене,
И той — зеленоглазой — даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден — от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!
— Так вот она, стрела господня! —

¹ Не раскидывайте мои письма! (франц.) — *Ред.*

— Какое зарево! — Сегодня
Я буду бешеной Кармен.

...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом — туман, туман.
Любви старинные туманы.

19 августа 1917

98

Молодую рощу шумную —
Дровосек перерубил.
То, что господом задумано —
Человек перерешил.

И уж роща не колышется —
Только пни, покрыты ржой.
В голосах родных мне слышится
Темный голос твой чужой.

Всё мерещатся мне дивные
Темных глаз твоих круги.
— Мы с тобою — неразрывные,
Неразрывные враги.

20 августа 1917

99

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый — стопудовую заботу,
Отправимся — верблюды смирён и горд —
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел —
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как господь велел —
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в зарёве пустынных зорь
Горбы — болеть, купцы — гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля, —
Вперед, вперед, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

14 сентября 1917

100

Кавалер де Гризэ! Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной, в себе не властной,
Сладострастной своей Мапоп.

Вереницею вольной, томной
Мы выходим из ваших комнат.
Дольше вечера нас не помнят.
Покоритесь. — Таков закон.

Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина — и жемчужин,
Да, быть может, еще — души.

Долг и честь, Кавалер, — условность.
Дай вам бог — целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая вас

— М.

31 декабря 1917

101—103. ПЛАЩ

Плащ — для всех, кто строен и высок,
Плащ — для всех, кто смотрит на Восток...

1

Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет.
Пили всю ночь, всю ночь. Вплоть до седьмого часа.
А на мосту, как черт, черный взметнулся плащ.
— Женщина или черт? — Доминиканца ряса?

Оперный плащ певца? — Вдовый смиренный плат?
Резвой интриги щит? — Или заклад последний?
— Хочется целовать. — Воеет завод. — Бредет
Дряхлая знать — в кровать, глупая голь — к обедне.

8 марта 1918

2

Ночные ласточки Интриги —
Плащи! — Крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ игрока и прощелыги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.

Плащ, шаловливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: — темно!
Гудки дозора. — Рокот Сены. —
Плащ Казановы, плащ Лозэна,
Антуанетты домино!

Но вот — как черт из черных чаш —
Плащ — чернокнижник, вихрь — плащ,
Плащ — вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков,
Плащ цвета времени и снов —
Плащ Кавалера Калиостро!

10 марта 1918

Век коронованной Интриги,
 Век проходимцев, век плаща!
 — Век, коронованный Голгофой! —
 Писали маленькие книги
 Для куртизанок — филозофы.
 Великосветского хлыща
 Взмывало — умереть за благо.
 Сверкал витийственной шпагой
 За океаном — Лафайет.
 А герцогини, лучший цвет
 Вдыхателей обезоружив,

Согласно сердцу — и Руссо —
 Купались в море детских кружев.

Катали девочки серсо,
 С мундирами шептались Сестры...
 Благоухали Тюилери...
 А Королева-Колибри,
 Нахмутив бровки, — до зари
 Беседовала с Калиостро.

[12 марта 1918

104—105. ПСИХЕЯ

1

Не самозванка — я пришла домой,
 И не служанка — мне не надо хлеба.
 Я — страсть твоя, воскресный отдых твой,
 Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош
 И жерновов навешали на шею.
 — Возлюбленный! — Ужель не узнаешь?
 Я ласточка твоя — Психея!

На тебе, ласковый мой, лохмотья,
 Бывшие некогда нежной плотью.
 Всё истрепала, изорвала, —
 Только осталось что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,
 Помилуй и спаси.
 А бедные истлевшие отрепья —
 Ты в ризницу снеси.

13 мая 1918

106

В черном небе — слова начертаны —
 И ослепли глаза прекрасные. . .
 И не страшно нам ложе смертное,
 И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишущий, в поте — пашущий!
 Нам знакомо иное рвение:
 Легкий огонь, над кудрями пляшущий, —
 Дуновение — вдохновения!

14 мая 1918

107

«Простите меня, мои горы!
 Простите меня, мои реки!
 Простите меня, мои нивы!
 Простите меня, мои травы!»

Мать — крест надевала солдату,
 Мать с сыном прощались навеки. . .
 И снова из сгорбленной хаты:
 «Простите меня, мои реки!»

14 мая 1918

Благословляю ежедневный труд,
 Благословляю еженощный сон.
 Господню милость — и господен суд,
 Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
 И пыльный посох свой, где все лучи!
 Еще, господь, благословляю — мир
 В чужом дому — и хлеб в чужой печи.

21 мая 1918

Полюбил богатый — бедную,
 Полюбил ученый — глупую,
 Полюбил румяный — бледную,
 Полюбил хороший — вредную:
 Золотой — полушку медную.

— Где, купец, твое роскошество?
 «Во дырявом во лукошечке!»

— Где, гордец, твои учености?
 «Под подушкой у девчоночки!»

— Где, красавец, щеки алые?
 «За́ ночь черную — растаяли».

— Крест серебряный с цепочкою?
 «У девчонки под сапожками!»

Не люби, богатый, — бедную,
 Не люби, ученый, — глупую,
 Не люби, румяный, — бледную,
 Не люби, хороший, — вредную:
 Золотой — полушку медную!

Между 21 и 26 мая 1918

Белье на речке полощу,
 Два цветика своих ращу.

Ударит колокол — крещусь,
 Посадят голодом — пощусь.

Душа и волосы — как шелк.
 Дороже жизни — добрый толк.

Я свято соблюдаю долг.
 — Но я люблю вас — вор и волк!

Между 26 мая и 4 июня 1918

Умирая, не скажу: *была*.
 И не жаль, и не ищу виновных.
 Есть на свете поважней дела
 Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты — крылом стучавший в эту грудь,
 Молодой виновник вдохновенья —
 Я тебе повелеваю: — будь!
 Я — не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

Руки, которые не нужны
 Милому, служат — Миру.
 Доблестным званьем Мирской Жены
 Нас увенчала — Лира.

Много незваных на царский пир, —
 Надо им спеть на ужин!
 Милый не вечен, но вечен — Мир.
 Не понапрасну служим.

6 июля 1918

113

Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий — понял,
А четвертый, взяв дубовый посох,
В ночь ушел — на подвиг. Мир об этом
Песнь сложил, и с этой самой песней
На устах — о жизнь! — встречаю смерть.

6 июля 1918

114

Я — страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага!

10 июля 1918

115

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

10 июля 1918

116

Память о Вас — легким дымком,
Синим дымком за моим окном.
Память о Вас — тихим домком.
Тихий домок — Ваш — под замком.

Что́ за дымок? Что́ за домок?
Вот уже пол — мчит из-под ног!
Двери — с петлей! Ввысь — потолок!
В синий дымок — тихий домок!

10 июля 1918

117

Рыцарь ангелоподобный —
Долг! — Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь...

Страсть, и юность, и гордыня —
Всё сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: — Госпожа!

14 июля 1918

118

Доблесть и девственность! Сей союз
Древен и дивен, как смерть и слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю — луч,
Грабителю вручаю — ключ,
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья —
Над днем без славы и без толку.

29 июля 1918

Пожирающий огонь — мой конь.
Он копытами не бьет, не ржет.
Где мой конь дохнул — родник не бьет,
Где мой конь махнул — трава не растет.

Ох, огонь-мой конь — несытый едок!
Ох, огонь — на нем — несытый ездок!
С красной гривой свились волсса...
Огневая полоса — в небеса!

14 августа 1918

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконнорожденный,
Первенец — у колес
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу — ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто — отец? Может — царь,
Может — царь, может — вор.

14 августа 1918

122

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сиё?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

123

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей — и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца — неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

18 августа 1918

124. АЛЕ

1

Не знаю — где ты и где я.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем —
Бездомным, бессонным и сирым. . .
Две птицы: чуть встали — поем,
Две странницы: кормимся мирсм.

9

И бродим с тобой по церквам
Великим — и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим — и знатным, господским.

Когда-то сказала: — Купи! —
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль — твой от рождения. — Спи,
Мой первенец светлый и страшный.

8

И как под землю трава
Дружится с рудою железной, —
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

— Сивилла! — Зачем моему
Ребенку — такая судьбина?
Ведь русская доля — ему. . .
И век ей: Россия, рябина. . .

24 августа 1918

125

Кто дома не строил —
Земли недостоин.

Кто дома не строил —
Не будет землею:
Соломой — золою. . .

— Не строила дома.

26 августа 1918

Что́ другим не нужно — несите мне!
 Всѣ должно сгореть на моем огне!
 Я и жизнь маню, я и смерть маню
 В легкий дар моему огню.

Пламень любит — легкие вещества:
 Прошлогодний хворост — венки — слова. —
 Пламень — пышет с подобной пищи!
 Вы ж восстанете — пепла чище!

Птица-Феникс — я, только в огне пою!
 Поддержите высокую жизнь мою!
 Высоко́ горю — и горю дотла!
 И да будет вам ночь — светла!

Ледяной костер, огневой фонтан!
 Высоко несу свой высокий стан,
 Высоко несу свой высокий сан —
 Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

127. ГЛАЗА

Привычные к степям — глаза,
 Привычные к слезам — глаза,
 Зеленые — соленые —
 Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой —
 Всегда б платили за постой —
 Всѣ эти же — веселые —
 Зеленые глаза.

Была бы бабою простой —
 От солнца б застилась рукой,
 Качала бы — молчала бы,
 Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
 Спят под монашеским платком

Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза. . .
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

128—131. ИЗ ЦИКЛА «КОМЕДЬЯНТ»

1

Я помню ночь на склоне ноября.
Туман и дождь. При свете фонаря
Ваш нежный лик — сомнительный и странный,
По-диккенсовски — тусклый и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря .
— Ваш нежный лик при свете фонаря.

И ветер дул, и лестница вилась. . .
От ваших губ не отрывая глаз,
Полусмеясь, свивая пальцы в узел,
Стояла я, как маленькая Муза,
Невинная — как самый поздний час —
И ветер дул, и лестница вилась.

А на меня из-под усталых вежд
Струился сонм сомнительных надежд,
— Затронув губы, взор змеился мимо. . . —
Так серафим, томимый и хранимый
Таинственной святостью одежд,
Прельщает Мир из-под усталых вежд.

Сегодня снова диккенсова ночь.
И тоже дождь, и так же не помочь
Ни мне, ни Вам, — и так же хлещут трубы,
И лестница летит, — и те же губы —
И тот же шаг, уже спешащий прочь —
Туда — куда-то — в диккенсову ночь.

2 ноября 1918

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
 — Ах, вы похожи на улыбку вашу!
 Сказать еще? — Златого утра краше!
 Сказать еще? — Один во всей вселенной!
 Самой Любви младой военнопленный,
 Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
 Сказать любовь, нежнейшую на свете.
 Я вас люблю. — В камине воеет ветер.
 Облокотясь — уставясь в жар каминный —
 Я вас люблю. Моя любовь невинна.
 Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Всё пройдет! — Виски в ладонях сжаты, —
 Жизнь разожмет! — Младой военнопленный,
 Любовь отпустит вас, но — вдохновенный —
 Всем пророкочет голос мой крылатый —
 О том, что жили на земле когда-то
 Вы, — столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

Ваш нежный рот — сплошное целованье...
 — И это всё, и я совсем как нищий.
 Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща!
 Завоеватель? — Нет, завоеванье!

Любовь ли это — или любованье,
 Пера причуда — иль первопричина,
 Томленье ли по ангельскому чину —
 Иль чуточку притворства — по призванью...

— Души печаль, очей очарованье,
 Пера ли росчерк — ах! — не всё равно ли,
 Как назовут сие уста — доколе
 Ваш нежный рот — сплошное целованье!

Конец ноября 1918

Бренные губы и бренные руки
 Слепо разрушили вечность мою.
 С вечной Душою своею в разлуке —
 Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности — глуше.
 Только порою, в предутренний час —
 С темного неба — таинственный глас:
 — Женщина! — Вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

132

Чтобы помнил не часочек, не годок —
 Подарю тебе, дружок, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
 Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня —
 Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны — зубья у расчески моей.

Чуть притронешься — пойдет трескотня
 Про меня одну, да всё про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
 Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
 От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему все версты — с вершок —
 Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
 Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

Развела тебе в стакане
Горстку жженных волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилося, не спалось.

Чтобы младость — не в радость,
Чтобы сахар — не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как власы мои златые
Стали серой золой,
Так года твои молодые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп — оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

3 ноября 1918

Благодарю, о господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,

И за горячую кровь,
И за холодную воду.
— Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду.

9 ноября 1918

Радость — что сахар,
Нету — и охаешь,
А завелся как —

Через часочек:
Сладко, да тошно!

Горе ты горе, — соленое море!
Ты и накормишь,
Ты и напоишь,
Ты и закружишь,
Ты и отслужишь!

9 ноября 1918

136

Я берег покидал туманный Альбиона...

Батюшков

«Я берег покидал туманный Альбиона...»
Божественная высь! Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.

И прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ — прекрасного, как сон, —
Я вижу юношу. — О, плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! Плачь, туманный
Альбион!

Свершилось! Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездой,
Царь роковых ветров врывается — Эол.

А рокот тусклых вод слагается в балладу
О том, как он погиб, звездой заклеямен...
Плачь, Юность! Плачь, Любовь! Плачь, Мир!
Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! Плачь, туманный Альбион!

12 ноября 1918

Я счастлива жить образцово и просто:
 Как солнце — как маятник — как календарь.
 Быть светской пустынною стройного роста,
 Премудрой — как всякая божия тварь.

Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой
вожатый!

Входить без доклада, как луч и как взгляд.
 Жить так, как пишу: образцово и сжато, —
 Как бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1918

На́ смех и на́ зло:
 Здравому смыслу,
 Ясному солнцу,
 Белому снегу —

Я полюбила:
 Мутную полночь,
 Льстивую флейту,
 Праздные мысли.

Этому сердцу
 Родина — Спарта.
 Помнишь лисёнка,
 Сердце спартанца?

— Легче лисёнка
 Скрыть под одеждой,
 Чем утаить вас,
 Ревность и нежность!

1 декабря 1918

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. — Никому.
Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам. . .
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

140—147. ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ К СОНЕЧКЕ»

1

В мое окошко дождь стучится.
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.

Я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку, —
Ты мне улыбку подарил.

Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею
Прогнать девчонку со двора.

И напилась же я в ту ночьку!
Зато в блаженном мире — том —
Была я — княжескою дочкой,
А ты был уличным певцом!

24 апреля 1919

Заря малиновые полосы
 Разбрасывает на снегу,
 А я пою нежнейшим голосом
 Любезной девушки судьбу:

О том, как редкостным растением
 Цвела в светлейшей из теплиц:
 В высокосветском заведении
 Для благороднейших девиц.

Как белым личиком в передничек
 Ныряла от словца «жених»;
 И как перед самым Наследником
 На выпуске читала стих,

И как чужих сирот-проказников
 Водила в храм и на бульвар,
 И как потом домой на праздники
 Приехал первенец-гусар.

Гусар! — Еще не кончив с куклами,
 — Ах! — в люльке мы гусара ждем!
 О, дом вверх дном! Букварь — вниз буквами!
 Давайте дух переведем!

Посмотрим, как невинно-розовый
 Цветок сажает на фаянс.
 Проверим три старинных козыря:
 Пасьянс — романс — и контраданс.

Во всей девчонке — ни кровиночки. . .
 Вся, как косыночка, бела.
 Махнула белою косыночкой,
 Султаном помахал с седла.

И как потом к старухе чопорной
 Свалилась под ноги, как сноп,
 И как сам граф, ногами топая,
 Ее с крыльца спустил — в сугроб. . .

И как потом со свертком капельным
(Отцу ненадобным дитём!)
В царевом доме воспитательном
Прощалася. . . И как — потом —

Предавши розовое личико
Пустоголовым мотылькам,
Служило бедное девичество
Его величества полкам. . .

И как художникам-безбожникам
В долг одолжала красоту,
И как потом с воробь-острожкой
Толк заводила на мосту. . .

И как рыбак на дальнем взморьи
Нашел двух тупелек следы. . .
Вот вам старинная история,
А мне за песню — две слезы.

Апрель 1919

8

Маленькая сигарера!
Смех и танец всей Севильи!
Что тебе в том длинном, длинном
Чужестранце длинноногом?

Оттого, что ноги длинные, —
Не суди: приходит первым.
И у цапли ноги — длинные:
Всё на том же на болоте!

Невидадь, что белорук он!
И у кошки ручки — белы.
Оттого, что белы ручки, —
Не суди: ласкает лучше!

Невидадь — что белокур он!
И у пены — кудри белы,
И у дыма — кудри белы,
И у куры — перья белы!

Берегись того, кто утром
Подымается без песен,
Берегись того, кто трезвым —
Как капель — ко сну отходит,

Кто от солнца и от женщин
Прячется в собор и в погреб,
Как ножа бежит — загару,
Как чумы бежит — улыбки.

Стыд и скромность, сигарера,
Украшенье для девицы,
Украшенье для девицы,
Посрамленье для мужчины.

Кто приятелям не должен —
Тот навряд ли щедр к подругам.
Кто к жидам не знал дороги —
Сам жидом под старость станет.

Посему, малютка-сердце,
Маленькая сигарера,
Ты иного приложенья
Поищи для красных губок.

Губки красные — что розы:
Нынче пышут, завтра вянут,
Жалко их — на привиденье,
И живой души — на камень.

1919—1937
Москва—Ванв

4

Твои руки черны от загару,
Твои ногти светлее стекла...
— Сигарера! Скрути мне сигару,
Чтобы дымом любовь изошла.

Скажут люди, идущие мимо:
«Что с глазами-то? Свет, что ль, не мил?»
А я тихо отвечу: «От дыму.
Я девчонку свою продымил!»

Ландыш, ландыш белоснежный,
 Розан аленький!
 Каждый говорил ей нежно:
 «Моя маленькая!»

— Ликом — чистая иконка,
 Пенъем — пеночка. . . —
 И качал ее тихонько
 На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево
 Божий маятник.
 И кончалось всё припевом:
 «Моя маленькая!»

Божьи думы нерушимы,
 Путь — указанный.
 Маленьким не быть большими,
 Вольным — связанными.

И предстал — в кого не целят
 Девки — пальчиком:
 Божий ангел встал с постели —
 Вслед за мальчиком.

— Будешь цвезть под райским дровом,
 Розан аленький! —
 Так и кончилась с припевом:
 «Моя маленькая!»

16 июня 1919

Два дерева хотят друг к другу.
 Два дерева. Напротив дом мой.
 Деревья старые. Дом старый.
 Я молода, а то б, пожалуй,
 Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
 Как женщина, из жил последних

Вытянулось, — смотреть жестоко,
Как тянется — к тому, другому,
Что старше, стойче и — кто знает? —
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем — еще под снегом —
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

7

Заря пылала, догорая,
Солдатики шагали в ряд.
Мне мать сказала, умирая:
— Надень мальчишеский наряд.

Вся наша белая дорога
У них, мальчоночков, в горсти.
Девчонке самой легконогой
Всё ж дальше сердца не уйти!

Мать думала, солдаты пели.
И всё, пока не умерла,
Подрагивал конец постели:
Она танцовщицей была!

..И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы, —
Знай, что от сердца — голова есть,
И есть топор — от головы. . .

Июнь 1920

8

Словно теплая слеза —
Капля капнула в глаза.
Там, в небесной вышине,
Кто-то плачет обо мне.

Июнь 1920

1

Когда я буду бабушкой —
 Годов через десяточек —
 Причудницей, забавницей, —
 Вихрь с головы до пяточек!

И внук — кудряш — Егорушка
 Взревет: «Давай ружье!»
 Я брошу лист и перышко —
 Сокровище мое!

Мать всплачет: «Год три месяца,
 А уж, гляди, как зол!»
 А я скажу: «Пусть бесится!
 Знать, в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
 Егор, ребро от ребрышка!
 Егорушка, Егорушка,
 Егорий — свет — храбрец!

Когда я буду бабушкой —
 Седой каргою с трубкою! —
 И внучка, в полночь крадучись,
 Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
 Мне взять из семерых?» —
 Я опрокину лавочку,
 Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
 И в гроб пойдет пляша!»
 А я-то: «На здоровьице!
 Знать, в бабушку пошла!»

Кто хóдок в пляске рыночной —
 Тот лих и на перинушке, —
 Маринушка, Маринушка,
 Марина — синь-моря!

«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
— «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки даром проспанной:
Всё в райском во саду!»
— «А как же, бабка, господу
Предстанешь на суду?»

«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела. . .
Скажу: — Родимый, — грешница!
Счастливая была!

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок».

23 июля 1919

2

А как бабушке
Помирать, помирать, —
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

«Что ты, старая,
Так лихуешься?»
А она в ответ:
«Что воркуете?»

— «А воркуем мы
Про твою весну!»
— «А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным —
Я, бессонная,
Я, фартовая!

Что луга мои яицкие не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие не сношены,
Что леса мои волынские не срублены,
На Руси не все мальчишки перелюблены!»

А как бабушке
Отходить, отходить, —
Стали голуби
В окно крыльями бить.

«Что уж страшен так,
Бабка, голос твой?»
— «Не хочу отдать
Девкам — молодцев».

— «Нагулялась ты, —
Пора знать и стыд!»
— «Этой малостью
Разве будешь сыт?»

Что над тем костром
Я — холодная,
Что за тем столом
Я — голодная».

А как бабушку
Понесли, понесли, —
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу — крылышком,
Кверху — лапочкой. . .
— Помолитесь, внучки юные, за бабушку!

25 июля 1919

150

Ты меня никогда не прогонишь:
Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:
Слишком нежно пою ко сну!

150

Ты меня никогда не ославишь:
Мое имя — вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой — пуст!

Июль 1919

151. ТЕБЕ—ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр, — как на смерть осужденный,
Своей рукой — пишу:

— Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
— Ртом не достать! — Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад, —
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречных женщин — тех, живых,
счастливых, —
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
— Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, —
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний — так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, — и навстречу
Тебе — через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
— Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! — Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, — корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц
Во имя той — костей.

Август 1919

152

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,

Там, в памяти твоей голубоокой
Затерянным — так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, — чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту. . .

Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты — маленькой была, я — молодою.

Ноябрь 1919

Высоко́ мое оконце!
 Не достанешь перстеньком!
 На стене чердачной солнце
 От окна легло крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
 Мир. — На вечны времена.
 И мерещится мне: в самом
 Небе я погребена!

Конец ноября 1919

Дитя разгула и разлуки, —
 Ко всем протягиваю руки.

Тяну, ресницами плеча,
 Всех юношей за край плаща.

Но Голос: «Мариула, в путь!»
 И всех отталкиваю в грудь.

Январь 1920

У первой бабки — четыре сына,
 Четыре сына — одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки, —
 Четыре сына — да две руки!

Как ни навалишь им чашку — чисто!
 Чай, не барчата! — Семинаристы!

А у другой — по иному трахту! —
 У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками. . .

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка!

Январь 1920

156. ПСИХЕЯ

Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин,
Пунш — и пенковая трубка
Пышущая. Пунш — и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И — как призрак —
В полукруге арки — птицей —
Бабочкой ночной — Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?»
Я — проститься. . .» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках — как пери! —
Пируэтом — привиденьем —
Выпорхнула. — Пунш — и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю. . . В первой паре
Полонеза. . .» Плащ накинув
На одно плечо — покорно —
Под руку поэт — Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает. . . — «С богом!»

А Психея,
К спутнице припав — слепому
Пугалу в чепце — трепещет:
Не прожог ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа. . .

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспаденье на персидский
Палевый халат — и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале. . .

Начало марта 1920

157

Она подкрадётся неслышно —
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях — и ни с места!
Свинцовыми гирями — стыд.
Но птице в переднике — тесно,
И птица — сама полетит!

19 марта 1920

158

Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были — по одной на каждую —
Две головки мне дарованы.

Но обеими — зажатыми —
Яростными — как могла! —
Старшую у тьмы выхватывая —
Младшей не уберегла.

Две руки — ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки — и вот одна из них
Зá ночь оказалась лишняя.

Светлая — на шейке тоненькой —
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.

Первая половина апреля 1920

159

Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами. . .
Душа, как камень, в воду брошенный, —
Всё расширяющимися кругами. . .

Та глубока — вода и та темна — вода.
Душа на все века — схоронена в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!

27 апреля 1920

160

Пахнуло Англией — и морем —
И доблестью. — Суров и статен.
— Так, связываясь с новым горем,
Смеюсь, как юнга на канате

Смеется в час великой бури,
Наедине с господним гневом,
В блаженной, обезьяньей дури
Пляша над пенящимся зевом.

Упорны эти руки, — прочен
Канат, — привык к морской метели!
И сердце доблестно, — а впрочем,
Не всем же умирать в постели!

И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув — на самой мачте — с краю —
Над разверзающейся бездной
— Смеясь! — ресницы опускаю...

27 апреля 1920

161

Мой путь не лежит мимо дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо дому — ничьего.

А всё же с пути сбиваюсь
(Особо — весной!),
А всё же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостья:
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком — пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я — голос и взгляд.
И мне ни один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за ночь
Мосты и дворцы.

(А что говорю — не слушай!
Всё мелет — бабьё!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы — как сноп соломы — ничего!
— Мой путь не лежит мимо дому — твоего.

27 апреля 1920

На бренность бедную мою
 Взираешь, слов не расточая.
 Ты — каменный, а я пою,
 Ты — памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
 Пред оком Вечности — ничтожен.
 Но птица я — и не пеняй,
 Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

Сказавший всем страстям: прости —
 Прости и ты.
 Обиды наглоталась всласть.
 Как хлещущий библейский стих,
 Читаю я в глазах твоих:
 «Дурная страсть!»

В руках, тебе несущих есть,
 Читаешь — лесть.
 И смех мой — ревность всех сердец! —
 Как прокаженных бубенец —
 Гремит тебе.

И по тому, как в руки вдруг
 Кирку берешь — чтоб рук
 Не взять (не те же ли цветы?),
 Так ясно мне — до тьмы в очах! —
 Что не было в твоих стадах
 Черней — овцы.

Есть остров — благостью Отца, —
 Где мне не надо бубенца,

Где черный пух —
Вдоль каждой изгороди. — Да. —
Есть в мире — черные стада.
Другой пастух.

17 мая 1920

164

Да, вздохов обо мне — край непочатый!
А может быть — мне легче быть проклятой!
А может быть — цыганские заплаты —
Смирненные — мои

Не меньше, чем несмешанное золото,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна — забыть, что знал когда-то —
Иное вещество,

Чем воздух — под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он — как и ты — глашатай
Господа своего.

17 мая 1920

165

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

А впрочем — что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь — белей тебя!

17 мая 1920

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблѣклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась — радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала — имя. . .

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

167. ПРИГВОЖДЕНА. . .

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.

Я утверждаю, что во мне покой.
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей ладони — горстка пепла!

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

19 мая 1920

168

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем вас признав на веру, —
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью —
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

169

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

Между 21 и 30 мая 1920

170

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты. . .
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

23 мая 1920

171

Я не танцую, — без моей вины
Пошло волнами розовое платье.
Но вот обеими руками вдруг
Перехитрён, накрыт и пойман — ветер.

Молчит, хитрец. — Лишь там, внизу колен,
Чуть-чуть в краях подрагивает. — Пойман!
О, если б Прихоть я сдержать могла,
Как разволнованное ветром платье!

24 мая 1920

172—173. ДВЕ ПЕСНИ

1

И что тому костер остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты всё ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, *наши* девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, —
Одна не ведаю о том, —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
Разглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил — морскую!
Морская канула — в моря!»

В коралловом подводном древе
Не ты ль — серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

13 июня 1920

2

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Всё жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — отвечают.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что *ты*, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Самó — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

14 июня 1920

174

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — итальянским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плутают,
Из уст пересохших — дыханье глотают...
А я — руки настезь! — застыла — столбняк!
Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!

Другие — о, нежные, цепкие пути!
Нет, с нами Эол обращается круто.
— Небось, не растаешь! Одна, мол, семья! —
Как будто и вправду — не женщина я!

2 августа 1920

Проста моя осанка,
 Нищ мой домашний кров.
 Ведь я островитянка
 С далеких островов!

Живу — никто не нужен!
 Взошел — ночей не сплю.
 Согреть Чужому ужин —
 Жилье свое спалю!

Взглянул — так и знакомый,
 Взошел — так и живи!
 Просты наши законы:
 Написаны в крови.

Луну заманим с неба
 В ладонь, — коли мила!
 Ну, а ушел — как не́ был,
 И я — как не была.

Гляжу на след ножовый:
 Успеет ли зажить
 До первого чужого,
 Который скажет: «Пить».

Август 1920

176. ВОЛК

Было дружбой, стало службой.
 Бог с тобою, брат мой волк!
 Подыхает наша дружба:
 Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
 Отсылай версту к версте!
 Перегладила по шерстке, —
 Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, —
 Не твоя вина — мой грех:

Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить — как бог судил, —
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать — перстом не двину:
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура —
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

177

Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпрастаю руки, — стан упругий
Единым взмахом из твоих пелён,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увезть, —
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
 Вместе с которой из двух — не решить по заказу!
 Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
 Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! — Неба дочь!
 С полным передником роз! — Ни ростка не наруша!
 Знаю, умру на заре! — Ястребиную ночь
 Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
 В щедрое небо рванусь за последним приветом.
 Прорезь зари — и ответной улыбки прорез...
 — Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Декабрь 1920

179. РОЛАНДОВ РОГ

Как нежный шут о злом своем уродстве,
 Я повествую о своем сиротстве...

За князем — род, за серафимом — сонм,
 За каждым — тысячи таких, как он;

Чтоб, пошатнувшись, — на живую стену
 Упал и знал — что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд.
 За вором — сброд, а за шутком — всё горб.

Так, наконец, усталая держаться
 Сознанием: перст и назначением: драться,

Под свист глупца и мещанина смех —
 Одна из всех — за всех — противу всех! —

Есть некий час . . .

Тютчев

Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества — он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружие
К ногам указанного нам — перстом,
Мы пурпур воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас — как голос,
Вздымающий из своеволья дней!
О этот час, когда, как спелый колос,
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, — еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты — одиночества верховный час!

15 апреля 1921

8

Солнце Вечера — добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует — не греет —
Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
Солнце — к ночи.
Умудренное, — не хочет
Бить нам в очи.

Простотой своей тревожа —
Королевской,
Солнце Вечера — дороже
Песнопевцу!

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера — не кланяется
Черни. . .

Низвергаемый с престола,
Вспомни — Феба!
Низвергаемый — не долу
Смотрит — в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.

16 апреля 1921

4

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм.
Вечные — двое.

Тесно — плечо с плечом —
Встали в молчанье.
Два — под одним плащом —
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь — и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.

— Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!

Через всё небо — дым
Воинств господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и ропщет. . .
— Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!

Празднужа ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко — как спелый плод —
Падает: «Сыне! . . .»

Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое — в покое. . .

19 апреля 1921

5

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню — бок о бок — на холм,
Я помню — всходили. . .

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.

Всё выше, всё выше — высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

21 апреля 1921

Всё великолепье
Труб — лишь только лепет
Трав — перед тобой.

Всё великолепье
Бурь — лишь только щебет
Птиц — перед тобой.

Всё великолепье
Крыл — лишь только трепет
Век — перед тобой.

23 апреля 1921

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим.

25 апреля 1921

187. ПЕРВОЕ СОЛНЦЕ

О первое солнце над первым лбом!
И эти — на солнце прямо —
Дымящие — черным двойным жерлом
Большие глаза Адама.

О первая радость, о первый яд
Змеинный — под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший — Муж:
Крылатое солнце древних!

10 мая 1921

188—193. ИЗ ЦИКЛА «РАЗЛУКА»

1

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, — Разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже —
Неотъемлем.

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их —
Без звука! —
Как дерево-машет-рябина —
В разлуку,
Вослед журавлиному клину.

Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти — нарядной
Пребуду! твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!

Июнь 1921

Смуглой оливой
 Скрой изголовье!
 Боги ревнивы
 К смертной любви.

Каждый им шелест
 Внятен и шорох.
 Знай, не тебе лишь
 Юноша дорог.

Роскошью майской
 Кто-то разгневан.
 Остерегайся
 Зоркого неба!

Думаешь — скалы
 Манят, утесы,
 Думаешь — славы
 Медноголосый

Зов его — в гущу,
 Грудью на копья?
 Вал восстающий —
 Думаешь — топит?

Дольнее жало —
 Веришь — вонзилось?
 Пуще опалы —
 Царская милость!

Плачешь — что поздно
 Бродит в низинах.
 Не земнородных
 Бойся — незримых!

Каждый им волос
 Ведом на гребне.
 Тысячеоки
 Боги, как древле.

Бойся не тины —
Тверди небесной!
Ненасытимо —
Сердце Зевеса!

25 июня 1921

8

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутая пути:
Рученки, — и, ржанью
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.

Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. — В глаза — полыханье рассвета.
Рученки, рученки!
Напрасно зовете:
Меж нами — струистая лестница Леты.

27 июня 1921

4

Седой — не увидишь,
Большим — не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.

На всю твою муку
Раззор — плач:
— Брось руку!
Оставь плащ!

В бесстрастии
Каменноокой камен,
В дверях не помедлю —
Как матери медлят:

(Всею тяжестью крови,
Колен, глаз —

В последний земной
Раз!)

Не кра́дущимся перешибленным
зверем, —

Нет, каменной глыбою
Выйду из двери —
Из жизни. — О чем же
Слезам течь,
Раз — камень с твоих
Плеч!

Не камень! — Уже
Широтою орлиною —
Плащ! — и уже по лазурным
стремнинам

В тот град осиянный,
Куда — взять
Не смеет дитя
Мать.

28 июня 1921

6

Ростком серебряным
РванулсЯ ввысь.
Чтоб не узрел его
Зевес —
Молись!

При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.

Звериной челюсти
Страшной — их зов.
Ревниво к прелести
Гнездо богов.

Цветами, лаврами
Заманят ввысь.

Чтоб не избрал его
Зевес —
Молись!

Всё небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всей грудью грохайся,
Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте —
О клюв! о кровь! —
Ягненок крохотный
Повис — Любовь. . .

Простоволосая,
Всей грудью — ниц. . .
Чтоб не вознес его
Зевес —
Молись!

29 июня 1921

6

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная
Прелестная чаша —
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,
Повисшие в зорях.

Я знаю, я знаю,
Кто чаше — хозяин!
Но легкую ногу вперед — башней
В орлиную высь!
И крылом — чашу
От грозных и розовых уст —
Бога!

30 июня 1921

Геликону

1

Пустоты отроческих глаз! Провалы —
 В лазурь! Как ни черны — лазурь!
 Игралища для битвы небывалой,
 Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона.
 Вселенная в них правит ход.
 Лазурь! Лазурь! Пустынная до звона, —
 Книгохранилища пустот!

Провалы отроческих глаз! Пролеты!
 Душ раскаленных — водопой.
 Оазисы! — Чтоб всяк хлебнул и отпил,
 И захлебнулся пустотой.

Пью — не напьюсь. Вздых — и огромный выдох,
 И крови ропщущей подземный гул.
 Так по ночам, тревожа сон Давидов,
 Захлебывался царь Саул.

25 августа 1921

2

Огнепоклонник! Красная масть!
 Завороженный и ворожащий!
 Как годовалый — в красную пасть
 Льва, в пурпуровую кипь, в чашу —

Око и бровь! Перст и ладонь!
 В самый огонь! В самый огонь!

Огнепоклонник! Страшен твой бог!
 Пляшет твой бог, насмерть ударив!
 Думаешь — глаз? Красный всполох —
 Око твое! — Перебег зарёв!

А пока жив — прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!

Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью — горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных

Стройную мощь выкрутив в жгут —
Мой это бьет — красный лоскут!

27 августа 1921

8

Простоволосая Агарь — сижу,
В широкоокою печаль — гляжу.

В печное зарево раскрыв глаза —
Пустыни карие — твои глаза, —

Забывши: «Верую», купель, потир, —
Справа-налево в них читаю — мир!

Орлы и гады в них, и лунный год, —
Весь грустноглазый твой, чужой народ.

Пески и зори в них, и плащ вождя...
Как ты в огонь глядишь — я на тебя.

Пески не кончатся... Сынок, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, в тряпье...
— И уж не помню я, что там — в котле!..

28 августа 1921

4

Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! — Смолы тяжёле
Протекает в вас древняя грусть Саула.

Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку!
Так давно уж Саулу-царю не пьется,
Так давно уже землю пытается око.

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобье горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

30 августа 1921

198. СИВИЛЛА И ЮНОША

Векáми, векáми
Свергала, взводила.
Горбачусь — из серого камня — Сивилла.

Пустынные очи
Упорствуют в землю.
Уже не пророчу, —
Зубов не разъемлю.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

Свинцовые веки
Смежила — не выдать!
Свинцовые веки
Смеженные — видят:

В сей нищенской жизни —
Лишь час величавый!
Из серого камня — гляди! — твоя слава.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

1-сентября 1921

199. МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, кóзырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

200

Гордость и робость — рóдные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.

«Лоб запрокинув!» — гордость велела.
«Очи потупив!» — робость шепнула.

Так прохожу я — очи потупив —
Лоб запрокинув — Гордость и Робость.

20 сентября 1921

201. ЗМЕЙ

Семеро, семеро
Слаблю дней!
Семь твоих шкур твоих
Слаблю, Змей!

Пустопорожня
Дань земле —
Старая кожа
Лежит на пне.

Старая сброшена —
Новой жди!
Старую кожу,
Прохожий, жги!

Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей —
Семижды семь!

16 октября 1921

202—205. ХВАЛА АФРОДИТЕ

1

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны — в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Там лавр растет, жестоколист и трезв, —
Лавр-летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

17 октября 1921

Уже богов — не те уже щедроты
 На берегах — не той уже реки.
 В широкие закатные ворота,
 Венерины, летите, голубки!

Я ж, на песках похолодевших лежа,
 В день отойду, в котором нет числа...
 Как змей на старую взирает кожу —
 Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
 Нежная стая твоя гремит.
 Сластолюбивый роняю пояс,
 Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
 Освободил меня твой же сын.
 — Так, о престол моего покоя,
 Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

Сколько их, сколько их ест из рук,
 Белых и сизых!
 Целые царства воркуют вокруг
 Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
 В золоте кубка.
 И полководец гривастый льнет
 Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной
 Грудью круглится.
 В каждом цветке придорожном — твой
 Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке —
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

23 октября 1921

206

С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет, —

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: «Пора!»,
Так в ночь глядит — последними глазами —
Наложница последнего царя.

24 октября 1921

207—208. МОЛОДОСТЬ

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапжок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты в ночи начесывала гребнем,
Ты в ночи отгачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щербнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до срока —
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока —
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

18 ноября 1921

2

Скоро уж из ласточек — в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.
Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! Спляши, ошпарь!
Золотце мое — прощай, янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин —
Молодость моя! — Иди к другим!

20 ноября 1921

209. МУЗА

Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается, —
Такая далекая!

Под смуглыми веками —
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла — и забыла.

Подол неподобранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.

Не плачет, не сетует:
Рванул — так и милый!
Рукою обветренной
Дала — и забыла.

Забыла — и россыпью
Гортанною, клеткотом. . .
— Храни ее, господи,
Такую далекую!

19 ноября 1921

210. ОРФЕЙ

Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: — мира!
А губы повторяли: — жалы!

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра —
Брат нежный мой! сестра моя!

Порой, в тоске неутолимой,
Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: — мимо!
А губы ей вослед: — увы!

В даль-зыблющимся изголовьем
Сдвигаемые, как венцом, —
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли — серебром?

Так, лестницею нисходящей
Речною — в колыбель зыбей.

Так, к острову тому, где слаще,
Чем где-либо, — лжет соловей...

Где осиянные останки?
Волна соленая, — ответь!
Простоволосой поселянки,
Быть может, вытянула сеть?

1 декабря 1921

211

Не для льстивых этих риз, лживых ряс —
Голосистою на свет родилась!

Не ночные мои сны — наяву!
Шипом-шепотом, как вы, не живу!

От тебя у меня, шепот-тот-шип —
Лира, лира, лебединый загиб!

С лавром, с зорями, с ветрами союз,
Не монашествую я — веселюсь!

И мальчишка — недурён-белокур!
Ну, а накривь уж пошло чересчур, —

От тебя у меня, шепот-тот-шип —
Лира, лира, лебединый загиб!

Доля женская, слышать, тяжела!
А не знаю — на весы не брала!

Не продажный мой товар — даровой!
Ну, а ноготь как пойдет синевой, —

От тебя у меня, клекот-тот-хрип —
Лира, лира, лебединый загиб!

4 декабря 1921

212. ВЕСТЬ

Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!
Благословенна ты! Велел сказать —
Благословенна ты! А дальше гладь
Такая ровная... Постой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий... Дитя, услышь:
Благословенна ты! А дальше тишь —
Такая...

18 декабря 1921.

213

По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями,

Конь без удержу,
— Полным парусом! —
В завтра путь держу, —
В край без праотцев.

Не орлицей звать
И не ласточкой.
Не крестите, —
Не родилась еще!

Суть двужильная,
Чужедадьная.
Вместе с пильнями,
С наковальнями,

Вздых — без одыши,
Лоб — без огляди,
В завтра путь держу
Потом огненным.

Пни да рытвины, —
Не взялась еще!
Не судите!
Не родилась еще!

Тень — вожа́таем,
Тело — за́ версту!
Поверх за́кисей,
Поверх ржавостей,

Поверх старых вер,
Новых навыков,
В завтра, Русь, — поверх
Внуков — к правнукам!

(Мертвых Китежей
Что́ нам — пастбища?)
Возлюбите!
Не родилась еще!

Серпы убраны,
Столы с яствами.
Вместе с судьбами,
Вместе с царствами,

Полукружим,
— Солнцем за́ море! —
В завтра взор между:
— Есмь! — Адамово.

Дыхом-пыхом — дух!
Одни — поножи.
— Догоняй, лопух:
На седьмом уже!

22 января 1922

И. Эренбургу

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приютство,
Воркотов — приятство.

Веретен ворчливых царство,
Волков белых — рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,

Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки — воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!

Прощай, след неznam, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех, снежком покрытый,
По снегам размытый.

Горбуны-горбы-верблюдцы —
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Голытьбе с любовью долог
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!

Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.

День — с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться...

В две руки беру — за обе:
Ну — не оторвуся?
В две руки из ям-колдобин —
Дорогие бусы.

Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродан.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам...

Не гляди, что слезы льются:
Вода — может статься!
Раз сугробы подаются —
Пора расставаться!

12 марта 1922

215. НА ЗАРЕ...

На заре — наimedленнойшая кровь,
На заре — наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод,

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь...
Над разбитым Игорем плачет Див.

17 марта 1922

216.

Знакомец! Отколева в наши страны?
Которого ветра клясть?
Знакомец! С тобою в любовь не встану:
Твоя вороная масть.

Покамест костру вороному — пыхать,
Красавице — искра в глаз!
— Знакомец! Твоя дорогая прихоть,
А мой дорогой отказ.

*18 марта 1922
Москва*

217

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так — о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями — вся выплеснута,
С моими дикостями — и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматованьями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

*2 июня 1922
Берлин*

I

Так, в скудном труженичестве дней,
 Так, в трудной судорожности к ней,
 Забудешь дружественный хорей
 Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
 И легкой робостью скрытый жар,
 И тот беспроволочный удар,
 Которому имя — даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой*,
 Все ревности, кроме той, земной,
 Все верности, — но и в смертный бой
 Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
 Сей беженки не бери под кров!
 Да здравствует левогрудый ков
 Немудрствующих концов!

Но, может, в щебетах и в счетах
 От вечных женственностей устав —
 И вспомнишь руку мою без прав
 И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
 Права, не следующие вслед,
 Глаза, не ведающие век,
 Исследующие: свет.

15 июня 1922

2

Ищи себе доверчивых подруг,
 Не выправивших чуда на число.
 Я знаю, что Венера — дело рук,
 Ремесленник, — и знаю ремесло:

От высокаторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

18 июня 1922

3

Руки — и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел, —
Ты, что мне пропадом был
двухзвёздным!.. —

Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

4

Удостоверишься — повремени! —
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за голову заломив, —
Глоткою соловьиной! —
Не о сокровищнице — Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

5

Дабы ты меня не видел
В жизнь — пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.

Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.

Дабы ты меня не слушал
В ночь — в премудрости старушьей:
Скрытничестве — укреплюсь.

Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.

Дабы ты во мне не слишком
Цвел — по зарослям: по книжкам
Заживо запропащу:

Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.

25 июня 1922

223

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! — живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
На! — Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! — Сегодня день на шхуне,
— Льни! — на лыжах! — Льни! — льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

— Мой! — и о каких наградах
Рай — когда в руках, у рта —
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

224

В пустынной хрámине
Троилась — ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала — ровнею.
— Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов — пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любáя: бóльшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? — Всю тебе!
По-локоть? — Вóт она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! — Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...

— Не властвовать!
Без слов и на́ слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире — ласточкой!

*26 июня 1922
Берлин*

225—226. ИЗ ЦИКЛА «СИВИЛЛА»

1

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! — Древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками — вразбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне,
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так благовещенье свершилось в тот

Час нестареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...

— так в звездный вихрь

Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа 1922

Прага

2

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое — пещера
Голоса твоего.

Недрами — в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневеет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа 1922

227. БЕРЕГИСЬ...

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь

(Ибо странник — Дух,
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух —

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

В горный лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен — бог
И меж всех ревнив.)

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись слуги,
Дабы в отчий дом
В гордый час трубы
Не предстать рабом.

Берегись жены,
Дабы, сбросив прах,
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись! Не строй
На родстве высот.

(Ибо крепче — той
В нашем сердце — тот.)

Говорю, не льстись
На орла, — скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день — Давид!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись...

8 августа 1922

228—236. ДЕРЕВЬЯ

*Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой*

1

В смертных изверься,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

— Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! --
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Ключья последней парчи —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью
(Ибо вожатый — суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой — опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами —

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими костостями, —

Деревья! К вам иду! Спастьись
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз — яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна — ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы — пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуты!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки — плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

8

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми — стаей
Нимф-охранительниц — и вдруг,
Гривы взметая,

В закинутости лбов и рук,
— Свиток развитый! —
В пляске, кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1922

Други! Братственный сонм!
 Вы, чьим взмахом сметен
 След обиды земной.
 Лес! — Элизиум мой!

В громком таборе дружб
 Событыльница душ
 Кончу, трезвость избрав,
 День — в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
 В легкий жертвенный огонь
 Рощ! В великий покой
 Мхов! В струение хвой. . .

Древа вещая весть!
 Лес, вещающий: Есть
 Здесь, над сбродом кривизн —
 Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
 Там, где всё во весь рост,
 Там, где правда видней:
 По ту сторону дней. . .

17 сентября 1922

Беглецы? Вестовые?
 Отзовись, коль живые!
 Чернецы верховые,
 В чашах бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
 Сколько пышущих зданий!
 Сколько гончих и ланей —
 В убеганьи дерев!

Лес! Ты нынче — наездник!
 То, что люди болезнью
 Называют: последней
 Судорогою древес —

Это — в платье просторном —
Отрок, нектаром вскормлен.
Это — сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья —
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий!
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая — кто видел?! —
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

6

Не краской, не кистью!
Свет — царство его, ибо сед.
Ложь — красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет — цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила, и суть

Осеннего леса?
Над тихую заводью дней
Как будто завеса
Рванулась — и грозно за ней...

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук —
Слова: Палестина
Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквоженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь —
Свет, смерти блаженнее,
И — обрывается связь.

Осенняя седость.
Ты, Гётевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше еще — расплелось.

Так светят седины:
Так древние главы семьи —
Последнего сына,
Последнейшего из семи —

В последние двери —
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур — последний из слуг!)

...Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли — и обрывается связь.

Так светят пустыни.
И — больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

9 октября 1922

7

Та, что без видения спала, —
Вздогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скáлой —

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! — Руки! — Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для мýки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) — и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих — птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясицу

Выпростав из гробовых пелён —
Взлет седобородый:
Есмь! — Переселенье! — Легион!
Целые народы

Выходцев! — На милость и на гнев!
Види! — Буди! — Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

13 октября 1922

8

Кто-то едет — к смертной победе.
У деревьев — жесты трагедий.
Иудей — жертвенный танец!
У деревьев — трепеты таинств.

Это — заговор против века:
Веса, счета, времени. дробь.
Се — разодранная завеса:
У деревьев — жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо — как въезд.
У деревьев — жесты торжеств.

7 мая 1923

9

Каким найдем,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистовой
Сивиллы таинствами —
О чем шумите вы,
О чем беспамятствуете?

Что в вашем веянье?
Но знаю — лечите
Обиду Времени
Прохладой Вечности.

Но юным гением
Восстав — порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля — казалась нам.
Чтобы *под вёками*
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес — не чваниться!
Чтобы *под веками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! — В пророчества
Речами косвенными. . .

Листва ли — листьями?
Сивилла ль — выстонала?
. . . Лавины листовенные,
Руины листовенные. . .

9 мая 1923

237

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
Не жалеите: всё сбылось,
Всё в груди слилось и — спелось.

Спелось — как вся даль слилась
В стонущей трубе окраины.

208

Господи! Душа сбылась, —
Умысел твой самый тайный,

Несгорающую соль
Дум моих — ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?

Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громám и дымам,
К молодым сединам *дел* —
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым сединам *бед*
Лавр пристал — и дуб гражданский.

Между 17 и 23 сентября 1922

238—239. ЗАВОДСКИЕ

1

Стоят в чернорабочей хмури
Закóпченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окраины
О праведности вопиет.

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на-смерть осужденность
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!

Какая заживо-зарытость
И выведенность на убой!

А бог? — По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.

Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет — до
Скончания.

— Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь — ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

23 сентября 1922

2

Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав —
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю — дальнюю — дальше всех
Дальних — дольше всех...

Далечайшую...

Говорит: приду!

И еще: в гробу!

Труднодышащую — наших дел судью
И рабу — трубу,

Каму вимовляю на мовчавої угоді
Же бачує мовчав -
У вимові, вимові у вимові жовтій,
У вимові і вимові

У вимові жовтій... - Же вимові єврей,
Вимові вимові вимові...
У вимові - вимові - вимові вимові
Вимові - вимові вимові.

Вимові вимові...

Вимові вимові вимові!
У вимові: У вимові!
Вимові вимові вимові - вимові вимові вимові
У вимові - У вимові.

У вимові вимові вимові вимові вимові вимові
У вимові вимові вимові вимові,
У вимові вимові вимові - вимові вимові вимові
Вимові вимові, вимові вимові.

Вимові вимові вимові вимові!
- Вимові вимові вимові вимові!
Вимові вимові вимові вимові,
Вимові вимові вимові вимові вимові.
Вимові вимові вимові вимові, вимові
Вимові вимові вимові вимові - вимові!
Вимові вимові вимові вимові,
Вимові вимові вимові вимові.

Вимові - вимові вимові вимові.
Вимові - вимові вимові вимові!
Вимові вимові вимові вимові
Вимові вимові вимові вимові, - вимові!

Что над городом утвержденных зверств,
Прокаженных детств,
В дымном олове — как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов, —
Лбов на чахлом стебле! —
Голос сирых и малых,
Злых — и правых во зле:

Всех прокопченных, коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому — нету отбросов:
Сам — последний ошмёт!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим, — Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам — с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет:
Родился — и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют. . .

Голос, бьющийся в прахе
Лбом — о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос — свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, тверды!

Всех — кто с черного хода
В жизнь, и шепотом в смерть...

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав —
Ибо все бесправны — на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни — в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

26 сентября 1922

240. СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах — гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетою.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит, бог в мои двери —
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух — из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость — победа
Бессмертных сил.

27 сентября 1922

241. ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят —
Подтверждаю: *люблю* богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...

— не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет — такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный насмерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы —
Да...»

За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был...»
Присягаю: *люблю* богатых!

30 сентября 1922

242

Спаси господи, дым!
— Дым-то, бог с ним! А главное — сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:

С той же лампою вплоть, —
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
— Хоть бы деревце, хоть
Для детей! — И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов?

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то, в старом — да *нами* надышан

Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе — спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А всё мил... А уж тут: помера ведь!
Как рождаются в мир —
Я не знаю; но так умирают.

30 сентября 1922

243. РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шалыми
Лжет вороня сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз —
Владением бесплотнейшим —
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу:
Невидимыми рельсами
По сырости пушу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей.)

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сырости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными —
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй, вот она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

244

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздрогн,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мóроке — две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мóроке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

245

Нет, правды не оспаривай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперённый альт.

Девичий и мальчишеский:
На самом рубеже.
Единственный из тысячи —
И сорванный уже.

В самом истоке суженный:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.

Пой, пой, — миры поклонятся!
Но регент: «Голос тот
Над кровною покойницей,
Над Музою поет!

Я в голосах мальчишеских
Знаток...» — и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.

Нет, сказок не насказывай:
Не радужная хрупь, —
Кантатой Метастазовой
Растерзанная грудь.

Клянусь дарами божьими:
Своей душой живой! —
Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой!

8 февраля 1923

246. ДУША

Выше! Выше! Лови — летчицу!
Не спросившись лозы — отческой
Нереидою по-лощется,
Нереидою в ла-зурь!

Лира! Лира! Хвалынь — синяя!
Полыханье крыл — в скипии!

Над мотыгами — и — спинами
Полыхание двух бурь!

Муза! Муза! Да как — смеешь ты?
Только узел фаты — веющей!
Или ветер станиц — шелестом
О страницы — и, смыв, взмыл. . .

И покамест — счета — кипами,
И покамест — сердца — хрипами,
Закипание — до — кипени
Двух вспенённых — крепись — крыл.

Так, над вашей игрой — крупною,
(Между трюпами — й — куклами!)
Не общупана, не куплена,
Полыхая и пля-ша —

Шестикрылая, ра-душная,
Между мнимыми — ниц! — сущая,
Не задушена вашими тушами,
Ду-ша!

10 февраля 1923

247—249. СКИФСКИЕ

1

Из недр и на ветвь — рьями!
Из недр и на ветр — свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!

Крутого крыла грифова
Последняя зга — Скифия!

Сосед, не спеши! Нечего
Спешить, коли верст — тысячи.

Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там — спишемся!

Великая — и — тихая
Меж мной и тобой — Скифия...

И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами — и — лютнями
Глуша...
Не ушам смертного —

(Единожды в век слышимый)
Эпический бег — Скифии!

11 февраля 1923

2

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да...
— Спи,
Синь подушками глуша.

Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь-криволунь,
Хвалынь-колывань.

Как по льстивой по трості
Росным бисером плеща,
Заработают персты...
Шаг — подушками глуша,

Лежи — да не двинь,
Дрожи — да не грянь.
Волынь-перелынь,
Хвалынь-завирань.

Как из моря из Каспий-
ского — синего плаща,

Стрела свистнула да...
(спи,
Смерть подушками глуша...)

Лови — да не тронь,
Тони — да не кань.
Волынь-перезвонь,
Хвалынь-целовань.

13 февраля 1923

8

От стрел и от чар,
От гнезд и от пор,
Богиня Иштар,
Храни мой шатер:

Братьев, сестер.

Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...

(Взял меня — хан!)

Чтоб не жил, кто стар,
Чтоб не жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:

(Пламень востер!)

Чтоб не жил — кто стар,
Чтоб не жил — кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел

(Зарев и смол!)

Чтоб не жил — кто стар,
Чтоб *нежил* — кто юн!

Богиня Иштар,
Стреми мой табун
В тридевять лун!

14 февраля 1923

250. ОФЕЛИЯ — ГАМЛЕТУ

Гамлетом — перетянутым — натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный — до последнего атома...
(Год тысяча который — издания?)

Наглостью и пустотой — не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди — лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том — что сорвано
В маленьком цветнике безумия..

Розы?.. Но ведь это же — тсс! — Будущности!
Рвем — и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? — Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!), тонете...
— Не было! — Но встанем в памяти
В час, когда над ручьёвой хроникой
Гамлётom — перетянутым — встанете...

28 февраля 1923

251. ОФЕЛИЯ — В ЗАЩИТУ КОРОЛЕВЫ

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что — единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным — суд
Над страстью. Тяжеле виновная — Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! — А вы с вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь — в опочивальню — и всласть!
Своей королеве встаю на защиту —
Я, ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

252—253. ФЕДРА

1

ЖАЛОВА

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опалает... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят — от плеч!
Зубы щебень хотят — в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспалется ум мой пылкий!..

Точно в ноздри и губы — пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это — красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме — как в склепе.
Есть Элизиум — для — кляч:
Живодерня! — Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза-мен
Лепесткового — клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со-общник!
Это лава — взамен плит
Под ступнею! — Олимп взропщет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей — мы — лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме — как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2

ПОСЛАНИЕ

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
Прихотливому мальчику, чья красота, как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста:

Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам — стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты

Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней — как перст.

О, прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! Не похоть! Не женского лона — блажь!
То она — обольстительница! То Психеи лесть
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

— «Устыдись!» — Но ведь поздно! Ведь это последний
всплеск!

Понесли мои кони! С отвесного гребня — в прах —
Я наездница *тоже*! И так, с высоты груди,
С рокового двухолмия — в пропасть твоей груди!

(Не своей ли?!) Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
В вощаную дощечку — не смуглого ль сердца воск?! —
Ученическим стилосом знаки врезать... О, пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

254—260. ИЗ ЦИКЛА «ПРОВОДА»

1

Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпирей,
Посылаю тебе свой пай
Праха дальнего.

По аллее
Вздохов — проволокой к столбу —
Телеграфное: лю-ю-блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это — свай, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...

Вдоль свай
Телеграфное: про-о-щай...

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про-о-стите...
Это — снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:

Выше, выше, — и сли-лись
В Ариаднино: ве-ер-нись,
Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: не выйду!
Это — проводами стальных
Проводов — голоса Аида

Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа-аль...

Пожалейте! (В сем хоре — сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей —
Дуновение Эвридики:

Через насыпи — и — рвы
Эвридикино: у-у-вы,

Не у —

17 марта 1923

2

Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце — шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

«Всё плакали, и если кровь болит...
Всё плакали, и если в розах — змеи...»
Но был один — у Федры — Ипполит!
Плач Ариадны — об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо *небывших!*

Какие чаянья — когда насквозь
Тобой пропитанный — весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне — собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей — Стиксэм!

Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...

Как ты — Разрыв,
Не Ариадна я и не...
— Утрата!

О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого — незрячей!)
Я проводы вверяю проводам,
И в телеграфный столб упершись — плачу.

18 марта 1923

8

(ПУТИ)

Всё перебрав и всё отбросив,
(В особенности — семафор!)
Дичайшей из разноголосиц
Школ, оттепелей... (целый хор

На помощь!) Рукава как стяги
Выбрасывая...

— Без стыда! —
Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.

Столб телеграфный! Можно ль кратче
Избрать? Доколе небо есть —
Чувств непреложный передатчик,
Уст осязаемая весть...

Знай, что доколе свод небесный,
Доколе зори к рубежу —
Столь явственно и повсеместно
И длительно тебя вяжу.

Чрез лихолетие эпохи,
Лжей насыпи — из снасти в снасть —
Мои неизданные вздохи,
Моя неистовая страсть...

Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постоянств!)
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств.

19 марта 1923

4

Не черно книжница! В белой книге
Далей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог:

Через дыхание — в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! — Всё уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
— Сдайся! — Стрела, описавши круг...
— Сдайся! — Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:

Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вокруг уст — слюда...)
Как прозорливица — Самуила
Выморочу — и вернусь одна:

Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...

Вьюсь и длюсь.

Есмь я и буду я, и добуду
Душу — как губы добудет уст

Упокоительница...

25 марта 1923

5

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы:)
Горы начинают ведать.

Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук.)

Души начинают видеть.

25 марта 1923

6

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы — больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!),
Были взмахи — больше рук.

Точно руки — вслед — от плеч!
Точно губы вслед — заклать!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
— Господи, взгляни на нас! —
Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд
Атлантических...

26 марта 1923

7

Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют —

Буду ждать тебя (пальцы в жгут —
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.

Буду ждать тебя (в землю — взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник.)
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
— Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной —
Да мой.

27 марта 1923

261. ЭВРИДИКА — ОРФЕЮ

Для тех, отженивших последние ключья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного. . . На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицемерья,
Внутрь зрящим — свидание нож.

Уплочено же — всеми розами крови
За этот просторный покррой
Бессмертья. . .

До самых летеиских верховий
Любивший — мне нужен покой

Беспамятности. . . Ибо в призрачном доме
Сем — призрак *ты*, сущий, а явь —
Я, мертвая. . . Что же скажу тебе, кроме:
«Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! — С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же — вспомяни мои крики! —
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

262—264. ПОЭТ

1

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами. . . окольных
Притч рытвинами. . . Между *да* и *нет*
Он — даже размахнувшись с колокольни —
Крюк выморочит. . . Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверх лбом —
Отчаются! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают. . .

— ибо путь комет —

Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не вращивая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоем.
(Не числящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом.)

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие: навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозориумов крап!),
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

8

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям —
Страсти! где насморком
Назван — плач!

Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! — как провод! загар! Сибири!
По наважденьям своим — как по мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

22 апреля 1923

265. ПОЭМА ЗАСТАВЫ

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

А покамест еще в тенетах
Не увязла — людских кривизн,
Буду брать — труднейшую ноту,
Буду петь — последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.

День без числа.
Вербачуха.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!

Потных и плотных,
Потных и тощих:
— Ну да на площадь?! —
Как на полотнах —

Как на полотнах
Только — и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.

Ад? — Да,
Но и сад — для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.

«Рай — с драками?
Без — раковин
От устриц?
Без люстр?
С заплатами?!»

— Зря плакали:
У всякого —
Свой.

Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!

Здесь платят! Здесь Богом и Чертом,
Горбом и торбóй!
Здесь молодости, как над мертвым,
Поют над собой.

Здесь матери, дитя заспав. . .
(Мосты, пески, кресты застав!)

Здесь, младшую купцу пропив. . .
Отцы. . .
— Кусты, кресты крапив. . .

— Пусти.
— Прости.

23 апреля 1923

266. ЛАДОНЬ

Ладони! (Справочник
Юнцам и девам.)
Целуют правую,
Читают в левой.

В полночный заговор
Вступивший — ведай:
Являют правую,
Скрывают левой.

Сивилла — левая:
Вдали от славы.

Быть неким Сцеволою
Довольно — правой.

А всё же в ненависти
Час развёрстый
Мы миру левую
Даем — от сердца!

А всё же, праведным
Объевшись гневом,
Рукою правою
Мы жили — *левой!*

27 апреля 1923

267—269. ОБЛАКА

1

Перерытые — как битвой
Взрыхленные небеса.
Рытвинами — небеса.
Битвенные небеса.

Перелетами — как хлёстом
Хлёстанные табуны.
Взблестывающей Луны
Вдовствующей — табуны!

2

Стой! Не Федры ли под небом
Плащ? Не Федрин ли взвился
В эти марафонским бегом
Мчащиеся небеса?

Стой! Иродиады с чубом —
Блуд. . . Не бубен ли взвился
В эти иерихонским трубом
Рвущиеся небеса?

Нет! Вставший вал!
 Пал — и пророк оправдан!
 Раз-дался вал:
 Целое море — на два!

Бо-род и грив
 Шествие морем Чёрным!
 Нет! — се — Юдифь —
 Голову Олоферна!

1 мая 1923

270—271. ТАК ВСЛУШИВАЮТСЯ...

1

Так вслушиваются (в исток
 Вслушивается — устье).
 Так внюхиваются в цветок:
 Вглубь — до потери чувства!

Так в воздухе, который синь, —
 Жажда, которой дна нет.
 Так дети, в синеве простынь,
 Всматриваются в память.

Так вчувствуется в кровь
 Отрок — доселе лотос.
 ...Так влюбляются в любовь:
 Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
 Взгляд, деловой и тусклый.
 Так вглатываются в глоток:
 Вглубь — до потери чувства!

Так, в ткань вработываясь, ткач
 Ткет свой последний пропад.

Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Так вплясываются. . . (Велик
Бог — посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тишь.

Так жалом тронутая кровь
Жалуется — без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.

3 мая 1923

272—273. РУЧЬИ

1

Прорицаниями рокоча,
Нераскаянного скрипача
Pissicata'ми. . . Разрывом бус!
Паганиниевскими «добьюсь!»
Опрокинутыми. . .
Нот, планет —

Ливнем!

— Вывезет!!!

— Конец. . . На-нет. . .

Недосказанностями тишизм
Заговаривающие жизнь:
Страдивариусами в ночи
Проливающиеся ручьи.

4 мая 1923

2

Монистом, расколотым
На тысячу блях, —
Как Дзінгара в золоте —
Деревня в ручьях.

Монистами — вымылась!
Несется как челн
В ручьёвую жимолость
Окунутый холм.

Монистами-сбруями. . .
(Гривастых теней
Монистами! Сбруями
Пропавших коней. . .)

Монистами-бусами. . .
(Гривастых монет
Монистами! Бусами
Пропавших планет. . .)

По кручам, по впадинам,
И в щеку, и в пах —
Как Дзёнгара в краденое —
Деревня в ручьях.

Споем-ка на радостях!
Черны, горячи,
Сторонкою крадучись,
Цыганят ручьи.

6 мая 1923

274. ОКНО

Атлантским и сладостным
Дыханьем весны —
Огромною бабочкой
Мой занавес — и —

Вдовою индусскую
В жерло златоустое.
Наядою сонною
В моря законные. . .

5 мая 1923

275. ХВАЛА ВРЕМЕНИ

Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло — и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаньях
Пойманное. . . но песка
Струечкою шелестя. . .
Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин
Рытвинами — и Америк
Новшествами. . . — Пуст кувшин! —
Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!
Блудною женой — обнову
Выронишь. . . — «Хоть час да наш!»

— Поезда с тобой иного
Следования! . . —

Ибо *мимо* родилась
Времени! Вотще и всеу
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.

10 мая 1923

276. ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ

— На дне она, где ил
И водоросли. . . Спать в них
Ушла, — но сна и там нет!

— Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

— Гамлет! :

На дне она, где ил:
Ил! . . И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах. . .
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч. . .
— Меньше
Всё ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.
— Но я ее —
любил??

5 июня 1923

277. МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!

Слишком долго причалить тщусь, —
Голова устала от чувств:

Гимнов — лавров — героев — гидр, —
Голова устала от игр!

Положите меж трав и хвой, —
Голова устала от войн. . .

12 июня 1923

278. РАСЩЕЛИНА

Чем окончился этот случай —
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.

Так, ничем уже не волнуем, —
Только дерево ветви зыблет, —
Как в расщелину ледяную —
В грудь, что так о тебя расшиблась!

Из сокровищницы подобий
Вот тебе — наугад — гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе,
Спишь, — во мне, как в глубокой ране

Спишь, — тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень — панцирь — печать — и пояс...
Без возврата и без отъѣва.

Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...

Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец,
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

17 июня 1923

279. СВИДАНИЕ

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши — приду седая.
Ты его высоко назначил!

Буду годы идти — не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти — и стогны,
Через души идти — и руки.

Землю долго прожить! Трущоба —
Кровь! и каждая капля — заводь.
Но всегда стороной ручьевою —
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что, страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! — Снопом на щебень!
Я тебя высоко любила:
Я себя схоронила в небе!

18 июня 1923

280. ЛУНА — ЛУНАТИКУ

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.

У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Не прозрей.

Я — глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Не расслышь.

Я — душа твоя: Урания —
В боги — дверь.
В час последнего слияния
Не проверь!

20 июня 1923

281. ЗАНАВЕС

Водопадами занавеса, как пеной —
Хвоей — пламенем — прошумя.
Нет у тайны у занавеса — от сцены.
(Сцена — ты, занавес — я.)

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале — оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия — и — час.

Водопадными радугами, обвалом
Лавра (вверился же! знал!)
Я тебя загораживаю от зала,
(Завораживаю — зал!)

Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зёрн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии — как — шторм!)

Ложь, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес — как — парус,
Ходит занавес — как — грудь.

Из последнего сердца тебя, о недра,
Загораживаю. — Взрыв!
Над ужá-ленною — Федрой
Взвился занавес — как — гриф.

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
Заготáвливайте — чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель бел, занавес рдян.)

И тогда — сострадательным покрывалом —
Дóлу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса — от зала.
(Зала — жизнь, занавес — я.)

23 июня 1923

282

Строительница струн — приструню
И эту. Обожди
Расстраиваться! (В сем июне
Ты плачешь, ты — дожди!)

244

И если гром у нас — на крышах,
Дождь — в доме, ливень — сплошь, —
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.

Ты дробью голосов ручьевых
Мозг бороздишь, как стих.
(Вместительнейший из почтовых
Ящиков — не вместит!)

Ты, лбом обозревая дали,
Вдруг по хлебам — как цеп
Серебряный... (Прервать нельзя ли?
Дитя! Загубишь хлеб!)

3 июля 1923

283. САХАРА

Красавцы, не ездите!
Песками глуша,
Пропавшего бѣз вести
Не скажет душа.

Напрасные поиски,
Красавцы, не лгу!
Пропавший покоится
В надежном гробу.

Стихами, как странами
Чудес и огня,
Стихами — как странами,
Он въехал в меня:

Сухую, песчаную,
Без дна и без дня.
Стихами — как странами,
Он канул в меня.

Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В глазные оазисы —
Песчаная сушь...

Адамова яблока
Взывающий вздрог...
Взяла его наглухо,
Как страсть и как бог.

Без имени — канувший!
Не сыщете! Взят.
Пустыни беспамятны, —
В них тысячи спят!

Стиханье до кипени
Вскипающих волн. —
Песками засыпанный,
Сахара — твой холм.

3 июля 1923

284. РЕЛЬСЫ

В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь —
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало — не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.

Это — остаются. Боль, как нота
Высшаяся... Поверх любви
Высшаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Час, когда отчаяньем, как свахой,
Простыни разостланы. — Твоя! —
И обезголосившая Сафо
Плачет, как последняя швея.

Плач безропотности! Плач болотной
Цапли... Водоросли — плач! Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею,
Красное, напрасное пятно!
... Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

285—287. ЧАС ДУШИ

1

В глубокий час души и ночи,
Не числящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Не числящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой
— Без памяти и по края! —
Покоящиеся...

Отсюда
Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей — Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим

Потерянностям... Всé покровы
Сняв — выросшая из потерь! —
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дочь

Египетская...

14 июля 1923

2

В глубокий час души,
В глубокий — нóчи...
(Гигантский шаг души,
Души в нóчи).

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить — чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы — снегом.
(Атлантский вздох души,
Души — в ночь...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

3

Есть час Души, как час Луны,
Совы — час, мглы — час, тьмы —
Час... Час Души, как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей — мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. — Плотины спуск!
Всё вещи сорвались с пазов,
Всё сокровенья — с уст!

С глаз — всё завесы! Всё следы —
Вспять! На линейках — нот —
Нет! — Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей — бьет.

Бедя моя! — Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, — дети — мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. — Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей — благ.

14 августа 1923

288. НАКЛОН

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирающего вер-ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба — к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовой к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) — тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо-гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба, — годы ведь уснуть тщусы!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля 1923

289. РАКОВИНА

Из лепрозория лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий —
В руки, вот в эти ладони в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей,
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

Выйдешь! По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная. — О, настезь створы! —
Матери каждая пытка впору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

290. ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому току,
Взаимость, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно,
Как некое верхнее là,
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством, как нотой,
В тебя удаляясь, как стон —

В тебе удлиняясь,
Как эхо в соборную грудь,
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мне белым
По черному — мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство,
Ты нынче — глухая стена!

4 августа 1923

291. ПИСЬМО

Так писем не ждут,
Так ждут — письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — словцо.
И счастье. — И это — всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут — конца:
Солдатский салют
И в грудь — свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. — И это — всё.

Не счастья — стара!
Цвет — ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

292. МИНУТА

Минута: мѝнущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Что́ завтра б — вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж

Другим, десятеричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! *Ты, что минешь:*
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923 -

293. ОТРЫВОК

... Глазами казненных,
Глазами сирот и вдов —
Засады казенных
Немыслящихся домов.

Натянутый провод
Веревки, рубашки взлет.
И тайная робость:
А кто-нибудь здесь... живет?

30 августа 1923

С этой горы, как с крыши
 Мира, где в небо спуск.
 Друг, я люблю тебя свыше
 Мер — и чувств.

От очевидцев скрою
 В тучу! С золою съем.
 ... С этой горы, как с Трои
 Красных — стен.

Страсти: хвала убитым,
 Сущим — срам.
 Так же смотрел на битву
 Царь — Приам.

Рухнули у-стои:
 Зарево? Кровь? Нимб?
 Так же смотрел на Трою
 Весь О-лимп.

Нет, из прохладной ниши
 Дева, воздевши длань...
 Друг, я люблю тебя свыше.
 Слышь — и — встань.

30 августа 1923

Как бы дым твоих ни горек
 Труб, глотать его — всё нега!
 Оттого что ночью — город —
 Опрокинутое небо.

Как бы дел твоих презренных
 День ни гол, — в ночи ты — шах!
 Звезды страсть свела — на землю!
 Картою созвездий — прах.

Гектором иль Бонапартом
Звать тебя? Москва иль Троя?
Звездной и военной картой
Город лег...
Любовь? — Пустое!

Минет? Нищеты надземной
Ставленник, в ночи я — шах!
Небо сведено на землю:
Картою созвездий — прах

Рассыпается...

30 августа 1923

296. ПРАЖСКИЙ РЫЦАРЬ

Блédно-лицый
Страж над плеском века —
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку.

(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка-ра-ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. Розам — цвeсть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и мeсть!

Не устанем
Мы — доколе страсть eсть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто-вины
Нынче не плачу!

— «С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
в ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегуший
Реку — дней.

27 сентября 1923

297. ПОЕЗД

Не штык — так клык, так сугроб, так
шквал, —
В Бессмертье что час — то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал,
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё — равнодушьем глаз,
Которым конец — исконность.
О, как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... — Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток —
От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,
О-де-ко-лонов
Семейных, швейных

Счастий (kleinwenig!) ¹
Взят ли кофейник?..
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть — тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад,
— Эти нехристи и льнут же! — в тщету!
Чтоб какой-нибудь странник: «На тем
свету...»

Не дождавшись, скажу: лучше!

Площадка. — И шпалы. — И крайний куст
В руке. — Отпускаю. — Поздно
Держаться. — Шпалы. — От стóльких уст
Устала. — Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших — считал-то кто их? —
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

298

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

¹ Немножко, чуточку (нем.). — Ред.

1

Есть рифмы в мире сём:
 Разъединишь — и дрогнет.
 Гомер, ты был слепцом.
 Ночь — на буграх надбровных,

Ночь — твой рапсодов плащ,
 Ночь — на очах — завесой.
 Разъединил ли б зряц
 Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.
 Звук назови созвучней.
 Да, хаосу вразрез
 Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,
 Мстит (на согласьях строен!)
 Неверностями жен
 Мстит — и горящей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:
 Клад рассорил, как рухлядь.
 Есть рифмы — в мире том
 Подобренные. Рухнет

Сей — разведешь. Что нужд
 В рифме? Елена, старься!
 ...Ахеи лучший муж!
 Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес
 Миртовых, сном кифары:
 «Елена: Ахиллес:
 Разрозненная пара».

30 июня 1924

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сём.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
— Буйволами! — на скалу — скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною — спала.

Порознь! — даже на ложе брачном —
Порознь! — даже сцепясь в кулак —
Порознь! — на языке двузначном —
Поздно и порознь — вот наш брак!

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв, как лев, —
Так разминулись: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.

О вспомни — снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, — из жижи
Взгляд ее, — всё ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный — с равным...
.

Так разминовываемся — мы.

3 июля 1924

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю — один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю — один
Мне равномощен.

В мире, где всё —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты — равносущ

Мне.

3 июля 1924

302. ПОД ШАЛЬЮ

Запечатленный, как рот оракула, —
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что от дозора спрятала
Меж языком и небом?

Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведёрным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дёрном?

Располагающий ста кумирнями
Идол — не столь заносчив.
Женщина, что у пожара вырвала
Нег и страстей двуножных?

Женщина, в тайнах, как в шалях, ширишься,
В шалях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная — как счастливица-
Ель на вершине мгlistой.

Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую...
Женщина, что у тебя под шалью?
— Будущее!

8 ноября 1924
Вшеноры

Пела, как стрелы и как морены,
 Мчащие из под ног
 С звуком рвущегося атласа.
 — Пела! — и целой стеной матрасной
 Остановить не мог
 Мир меня.
 Ибо единый вырвала
 Дар у богов: бег!

Пела, как стрелы.
 Тело?
 Мне нету дела!

8 ноября, 1924

304. ВЗГЛЯД

Так — только Елена глядит над кровлями
 Троянскими! В столбняке зрачков
 Четыре провинции обескровлено.
 И обезнадёжено сто веков.

Так — только Елена над брачной бойнею,
 В сознании: наготой моей
 Четыре Аравии обездноено
 И обезжемчужено пять морей.

Так только Елена — не жди заломленных
 Рук! — диву дается на этот рой
 Престононаследников обездомленных
 И родоначальников, мчащих в бой.

Так только Елена — не жди взывания
 Уст! — диву дается на этот ров,
 Престононаследниками заваленный:
 На обессыновленность ста родов.

Но нет, не Елена! Не та двубрачная
 Грабительница, моровой сквозняк.
 Какая сокровищница растрочена
 Тобою, что в очи нам смотришь — так,

Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. — «Чужеземкою обезмуженный
Край! Всё еще гусеницей — к ногам!»

11 ноября 1924

305. ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По́ небу — не по водам)!
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с *любою* —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — *люба*?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бѣз шестых

Чувств?..

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

306—307. СОН

1

Врылась, забылась — и вот как с тысяче-
фúтовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Всѣ мои тайны — сон перерыл.

Сопки — казалось бы, прочно замерли, —
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко — как следователь по камере
Сердца — расхаживает Морфей.

Вы! Собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как, на перинах лёжачи,
Преображаешься и паришы!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Жизнь с ее грузом мужей и жен
Зорко — как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло, —
Тшетно! — уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Всё мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! ни шелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещих глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Всё мои тайны — сон перетряс!

24 ноября 1924

2

В мозгу ухаб пролёжан —
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны.

Сновидеть: рай Давидов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный, — стен не видеть!
В постель иду — затем.

Разведены с Мартыном
Задекою — не всё!
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!

Занежат, — лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного — заспят.

Спать! Потолок как короб
Снять! Синевой запить!
В постель иду — как в прорубь:
Вас — не себя топить!

Заокеанских тропик
Прель, Индостана — ил. . .
В постель иду — как в пропасть:
Перины — без перил!

26 ноября 1924

308. ЛЮБОВЬ

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

309. ПОЛОТЕРСКАЯ

Колотёры-молотёры,
Полотёры-полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип —
Ни приметы, ни следа.
— Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем,
По паркетам взъахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопер,
Пляши, полотер!

Колотилы-громыхалы,
Нам всё комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало —
Полотеры унесли.

Нажариваем.
Накаливаем.
...Пошариваем!
...Пошаливаем!

С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
«Пожалуйте на чаек!»

Не мастикой ясенеvy
Вам полы намасливаем.
Пóтом-кровью ясенеvy
Вам полы наласниваем.

Вощи добелá!
Трещи, мебелия!

Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом —
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.

Та богиня — мраморная,
Нарядить — от Ламановой,
Не гляди, что мраморная —
Всем бока наламываем!

Гол, бос.
Чтоб жглось!

Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.

Ногой пишем,
Ногой пашем.
Кто повыше —
Тому пляшем.

О пяти корявых пальцах —
Как и барская нога!
Из прихожей — через зальце —
Вот и вся вам недолга!

Знай откалывай
До колá в груди!
... Шестипалого
Полотера жди.

Нам балы давать не внове!
Двери — всё ли на ключе?
А кумач затем — что крови
Не видать на кумаче!

Нашей ли, вашей ли —
Ляжь да не спрашивай.

Как господско дело — грязью
Следить, лоску не жалеть —
Полотерско дело — мазью
Те следочки затереть.

А уж мазь хороша!
— Занялась пороша! —

Полодёры-полодралы,
Полотеры-пролеталы,
Разлет-штаны,
Паны-шаркуны,

Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая —
Мы господ вышаркиваем!

Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!

Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.

Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.

18 декабря 1924

310. МОЛВЬ

Емче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох — когда трудно, и ах — когда чудно,
А не дается — эх!

Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего, кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок, — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прыдал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полете —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924.

311—312. ЖИЗНИ

1

Не возьмешь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Тáк, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

25 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, —
Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром.
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.

— Заждалась ножа!

28 декабря 1924

313. КРЕСТИНЫ

Воды не перетеплил
В чану, зазнобил — как надобно —
Тот поп, что меня крестил.
В ковше плоскодонном свадебном

Вина не пересластил —
Душа да не шутит брашнами! —
Тот поп, что меня крестил
На трудное дело брачное:

Тот поп, что меня венчал.
(Ожжась, поняла танцовщица,
Что сок твоего, Анчар,
Плода в плоскодонном ковшике

Вкусила...)

— На вечный пыл
В печи смоляной поэтовой
Крестил — кто меня крестил
Водю неподогретую

Речною, — на свыше сил
Дела, не вершимы женами —
Крестил — кто меня крестил
Бедю неподслащенною:

Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь — напомнимте!
Каким опалюсь огнем?
Всё страсти водою комнатной

Мне кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды — водой отварною

Мне чудятся. Что мне рок
С его родовыми страхами —
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы — водою сахарной!

А ты, что меня крестил
Водой иступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) —

Молись, чтоб тебя простил —
Бог.

1 января 1925

314

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле — как в трюме,
В себе — как в тюрьме.

Мир — это стены.
Выход — топор.
(«Мир — это сцена», —
Лепечет актер.)

И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле — как в славе,
В теле — как в тоге.

Многие лета!
Жив — дорожи!
(Только поэты
В кости — как во лжи!)

Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле, как в ватном
Отчем халате.

Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле — как в стойле,
В себе — как в котле.

Бранных не копим
Великолепий.
В теле — как в топи,
В теле — как в склепе,

В теле — как в крайней
Ссылке. — Заचाх!
В теле — как в тайне,
В висках — как в тисках

Маски железной.

5 января 1925

815

Не колесо громовое —
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

В седину — висок,
 В колею — солдат,
 — Небо! — морем в тебя окрашиваюсь.
 Как на каждый слог —
 Что на тайный взгляд
 Оборачиваюсь,
 Охорашиваюсь.

В перестрелку — скиф,
 В христопляску — хлыст,
 — Море! — небом в тебя отваживаюсь.
 Как на каждый стих —
 Что на тайный свист
 Останавливаюсь,
 Настораживаюсь.

В каждой строчке: стой!
 В каждой точке — клад.
 — Око! — светом в тебя расслаиваюсь,
 Расхожусь. Тоской
 На гитарный лад
 Перестраиваюсь,
 Перекраиваюсь.

Не в пуху — в пере
 Лебедином — брак!
 Браки разные есть, разные есть!
 Как на знак тире —
 Что на тайный знак
 Брови вздрагивают —
 Заподозриваешь?

Не в чаю спитом
 Славы — дух мой креп.
 И казна моя — немалая есть!
 Под твоим перстом —
 Что господень хлеб,
 Перемалываюсь,
 Переламываюсь.

22 января 1925

Б. Пастернаку

Рас-стояние: версты, мили...
 Нас рас-ставили, рас-садили,
 Чтобы тихо себя вели,
 По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
 Нас расклеили, распаяли,
 В две руки развели, распяв,
 И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
 Не рассóрили — рассорíли,
 Расслоили...

Стена да ров.
 Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
 Не расстроили — растеряли.
 По трущобам земных широт
 Рассовали нас, как сирот.

Который уж — ну который — март?!
 Разбили нас — как колоду карт!

24 марта 1925

Русской ржи от меня поклон,
 Ниве, где баба застится.
 Дрúг! Дожди за моим окном,
 Беды и блажи на́ сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
 То ж, что Гомер — в гексаметре.
 Дай мне руку — на весь тот свет!
 Здесь — мои обе заняты.

7 мая 1925
Вшеноры

Тише, хвала!
 Дверью не хлопать,
 Слава!

Стола
 Угол — и локоть.

Сутолочь, стоп!
 Сердце, уймись!
 Локоть — и лоб.
 Локоть — и мысль.

Юность — любить,
 Старость — погреться:
 Некогда — *быть*,
 Некуда деться.

Хоть бы закут —
 Только без прочих!
 Краны — текут,
 Стулья — грохочут,

Рты говорят:
 Кашей во рту
 Благодарят
 «За красоту».

Знали бы вы,
 Ближний и дальний,
 Как головы
 Собственной жаль мне —

Бога в орде!
 Степь — каземат —
 Рай — это где
Не говорят!

Юбочник — скот —
 Лавочник — частность!
 Богом мне — тот
 Будет, кто даст мне

(Не временій!
Дни сочтены!)
Для тишины —
Четыре стены.

26 января 1926
Париж

820. РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Глыбами — лбу
Лавры похвал.
«Петь не могу!»
— «Будешь!» — «Пропал,

(На толокно
Переводи!)
Как молоко —
Звук из груди.

Пусто. Суха.
В полную веснь —
Чувство сука».
— «Старая песнь!

Брось, не морочь!»
«Лучше мне впредь —
Камень толочь!»
— «Тут-то и петь!»

«Что я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?»
— «Не моги,
Пташка, а пой!

На зло врагу!»
«Коли двух строк
Свесть не могу?»
— «Кто когда — мог?!» —

«Пытка!» — «Терпи!»
«Скошенный луг —
Глотка!» — «Хрипи:
Тоже ведь — звук!»

«Львов, а не жен
Дело». — «Детей:
Распотрошен —
Пел же — Орфей!»

«Так и в гробу?»
— «И под доской».
«Петь не могу!»
— «Это воспой!»

4 июня 1928
Медон

821. НАЯДА

Проходи стороной,
Тело вольное, рыбе!
Между мной и волной,
Между грудью и зыбью —

Третье, злостная грань
Дружбе гордой и голой:
Стопудовая дань
Пустяковине: полу.

Узнаю тебя, клин,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в поле — тын,
Вечный третий в любви!

Мало — злобе людской
Права каменных камер?
Мало — деве морской
Моря трепетной ткани?

Океана-Отца
Неизбывных достатков

Пены — чудо-чепца?
Вала — чудо-палатки?

Узнаю тебя, гад,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в горе — взгляд, —
Вечный третий в любви!

Как приму тебя, бой,
Мне даваемый глубию,
Раз меж мной — и волной:
Между грудью — и грудью...

— Нереида! — Волна!
Ничего нам не надо,
Что не я, не она,
Не волна, не наяда!

Узнаю тебя, гроб,
Как тебя ни зови:
В вере — храм, в храме — поп, —
Вечный третий в любви!

Хлебопек, кочегар, —
Брак без третьего между!
Прячут жир (горе бар!)
Чистым — нету одежды!

Черноморских чубов:
— Братцы, голые топай!
Голым в смерть и в любовь,
Как бойцы Перекопа —

В бой. .
Матросских сосков
Рябь. — «Товарищ, живи!»
... В пулю — шлем, в бурю — кров:
Вечный третий в любви!

Побережья бродяг:
Клятвы без аналоев!
Как вступлю в тебя, брак,
Раз меж мною — и мною ж —

Что? Да нос на тень,
Соглядатай извечный —
Свой же. Всѣ, что бы ни —
Что? Да всѣ, если нечто!

Узнаю тебя, бис,
Как тебя ни зови:
Нынче — нос, завтра — мыс, —
Вечный третий в любви!

Горделивая мать
Над цветущим отростком,
Торопись умирать!
Завтра — третий вотрется!

Узнаю тебя, смерть,
Как тебя ни зови:
В сыне — рост, в сливе — червь:
Вечный третий в любви.

*1 августа 1928.
Понтайяк*

822. ПЛАЧ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ

Уж вы, батальоны —
Эскадроны!
Сынок порожёный,
Бе-ре-женый!

Уж ты по младенцу —
Новобранцу —
Слеза деревенска,
Океанска!

В который раз вспóрот
Живот — мало!
Сколько б вас, Егорок,
Ни рожала —

Мало! Мои сучья!
Кр6вь чья? С6ль чья?
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!

Хоша б целый город
Склала — живы!
Сколько б вас, Егорок,
Ни ложила —

В землю. Большеротый,
Башка — вербой
Вьется. Людям — сотый,
А мне — первый!

Теки, мои соки,
Брегá — через!
Сосцы пересохли,
Очам — чéред!

Ревн, долговласа,
По армейцу!
Млец6м отлилася —
Слезой лейся!

1928

323. ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

I

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен —
Пушкин — в роли монумента?
Гостя каменного? — он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Критик — нб́я, нытик — вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство моря
Позабыли — о гранит

Бьющегося? Тот, солёный
Пушкин — в роли лексикона?

Две ноги свои — погреться —
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при самодержце
Африканский самовол —

Наших прадедов умора —
Пушкин — в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого — неисправим!
Недурён российский классик,
Небо Африки — своим

Звавший, невское — проклятым.
— Пушкин — в роли русопята?

Ох, бородатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с душой рифмовал,

А «Европы Вестник» — с ...
Пушкин — в роли гробокопа?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и *смуглее*
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?

То то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами — хлам!
Как из душа! Как из пушки —
Пушкиным — по соловьям

Слова, соколám полета!
— Пушкин — в роли пулемета!

Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пёкло
Губ, куда девали — бунт

Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца!

Томики поставив в шкафчик —
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга
Синь — с оскалом негра, горло
Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный,
Он со всех копыт — назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он — *не* трусоват.

Сей, глядевший во все страны —
В роли собственной Татьяны?

Что́ вы делаете, карлы,
Этот — голубей олив —
Самый вольный, самый крайний
Лоб — навеки заклеим

Низостию двуединой
Золота и середины?

«Пушкин — тога, Пушкин — схи́ма,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя
Благородное — как брань

Площадную — попуган.

— Пушкин? Очень испугали!

1931

2

ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не по́том, не задом
В заплатках, не Шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок, —

Не ло́том, не бо́том, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И бо́льшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузы!),
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, — от внука-
то *негрского* — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого — в струнку
Не стал бы! — «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я — машкерадный король!»

Поняе что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки, — царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я — цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви — ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабуди!

Приказ: ледяные туманы
Покинув, — за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать».

И мимо наставленной свиты,
Отставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал — по земле или *над?*

Сей не по снегам смуглолицый
Российским — снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей *тоже* — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не запис!

Уж он бы с тобою — поладил!
За непринужденный поклон

Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область,
Да ею б — пожалован был
Сим — так ненавидевшим робость
Мужскую, — что сына убил

Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? — Вот и роди! и расти!»
Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — ты

Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний — посмертный — бессмертный
Подарок России — Петра.

2 июля 1931

8

(СТАНОК)

Вся его наука —
Мощь. Светло — гляжу:
Пушкинскую руку.
Жму, а не лизу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл, короче — всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как — поется
И поныне — так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю — как хотелось
В лес — на бал — в возок. .

И как — спать хотелось!
Над цветком любви —
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьми!

Перья на востроты —
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато — меж талых
Свеч, картежных сеч —
Знаю — как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу —
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого — с самим!
— Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!

1931

4

Преодоление
Косности русской —
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул

На кашалотье
Туше судьбы —
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся — бодро!
Ровного бега,
Долгого хода —
Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шлюпки, что к берегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онедужен
Русскою кровью —
О, не верблюжья
И не воловья
Жила (усердство
Из-под ремня!) —
Конского сердца
Мышца — моя!

Больше балласту —
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,
Что на канате
Собственных жил
Из каземата —
Соколом взмыл!

Пушкин, с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Нáсмерть — как бьется
(Мощь — прибывала,
Сила — росла)
С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: «Атлета
Мускулатура,
А не поэта!»

То — серафима
Сила — была:
Несокрушимый
Мускул — крыла.

10 июля 1931

(Поэт и царь)

5

Потусторонним
Залом царей.
— А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
— Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
Рукопись — стриг.
Польского края —
Зверский мясник.

Зорче взглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

6

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царёвы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям —
Нет места. В изглавье, в изножье,
И справа, и слева — ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не дивно ли — и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно — архи-
Почетно, — почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры ворá
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

19 июля 1931 .
Медон

330. ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всёутёсно, всёрошно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы — порог,

Дерзко поправанный веком.
(В век турбин и динам
Только жить что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
— Нет, безногое племя,
Даль — ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам —
Божествам в сапогах!

Если есть в мире — ода
Богу сил, богу гор —
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто — шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд (что лопается!)

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст —

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.

— Случай?

— Дури собственной — столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту — как насильник,
С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет —
Как могила — как пласт, —
Но лица не покажет
И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, —
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом —
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши рольсы и ройсы —
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего — бресть.

Драгоценные куклы
С Оперá и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы — взамен

Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слава господу в небе —
Богу сил, богу царств —
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом — кремня...
И за то, что — *ходячим*
Чудом — создал меня!

3

Дармоедством пресытись,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху — хватит в груди!

Как поток жаждет Прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моренам,
Дальше — нет! дальше — стой!
Чтобы Альпы — коленом
Знал, саванны — ступней.

Я костями, други, лягу —
За *раскрытие* школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул —
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На своих-на двоих!

26 августа 1931
Медон

331. ДОМ

Из-под нахмуренных бровей
Дом — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: — Здравствуй, я!

Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я — грузи! вези! —
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона — лбом

Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни —
Как за ветвями бузины.

Глаза — без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий — сто пятьдесят.

Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня,
Глаза, оставшиеся — да —
Зерцалами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей —
О зелень юности моей!
Та — риз моих, та — бус моих,
Та — глаз моих, та — слез моих...

Меж обступающих громад —
Дом — пережиток, дом — магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип
Души моей. . .

6 сентября 1931

Медон

332—334. СТИХИ К СЫНУ

1

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну, —
В край — всем краям наоборот! —
Куда *назад* идти — *вперед*
Идти, особенно — тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое. . . Мое? *Ее* —
Дитя! То самое былье,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль, —
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
— «Русь — этот прах, чти — этот прах!»

От неиспытанных утрат —
Иди — куда глаза глядят!
Всех стран — глаза, со всей земли —
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР, —
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час, —
от нас —

В Россию — вас, в Россию — масс,
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!

Январь 1932

2

Наша совесть — не ваша совесть!
Полно! — Вольно! — О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота —
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом —

Градом. С братом своим не дравшись —
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, *ваш* век, *ваш* день, *ваш* час,
Наш грех, *наш* крест, *наш* спор, *наш* —

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь —
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам — и видом
Не видали! Поймите: слеп —
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, — как скоро
Из Мёдона — да на Кубань.
Наша ссора — не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932

Не быть тебе нулем
 Из молодых — да вредным!
 Ни медным королем,
 Ни по́просту — спортсмедным

Лбом, ни слепцом путей,
 Коптителем кают,
 Ни парой челюстей,
 Которые жуют, —

В *сем* полагая цель.
 Ибо в любую щель —
 Я — с моим ветром буйным!
 Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
 Хвост заложившим в банке,
 Ни томным женихом
 Седой американки, —

Нет, ни одним из тех,
 Дописанных, как лист,
 Которым — только смех
 Остался, только свист

Достался от отцов!
 С *той* стороны весов
 Я — с черноземным грузом!
 Не быть тебе французом.

Но также — ни одним
 Из нас, досадных внукам!
 Кем будешь — бог один. . .
 Не будешь кем — порукой —

Я, что в тебя — всю Русь
 Вкачала — как насосом!
 Бог видит — побожусь! —
 Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932

335. РОДИНА

О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
— Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
Мне открывалась *она* —
Даль — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь, —
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

336—341. СТОЛ

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям:
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо — что нес и нес.

Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
(Соблазнам мирским порог)
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант. . .
— Меня заливал, как шtrand!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —

Беглянку.
— Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал — как маг —

Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, — как пила
В грудь ввевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои,

Которых — не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра,
Что только сегодня — есть.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат —
Дурищу — да на тебя ж!

8

Тридцатая годовщина
Союза — держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы —

Малейшую из зазубрин!
(Зубами — коль стих не шел!).

Да, был человек возлюблен!
И сей человек был — стол

Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берег карёл!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг — через ночь — старел,

Разумнел — так школьник дерзость
Сдаёт под мужской нажим.
Сажусь — еле доску держит.
Побьюсь — точно век дружим!

Ты — стоя, в упор, я — спину
Согнувши — пиши! пиши! —
Которую десятину
Вспахали, версту — прошли,

Покрыли: письмом — красивой
Не сыщешь в державе всей!
Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый — всякий,
Лишь бы не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тезка — тот!
Бильярдный, базарный — всякий —
Лишь бы не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся
Железный — под локтевым
Напором, столов — богатство!
Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?
А старой могилы — пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: — даст

Бог! *Есть* бог! Поэт — устроичив:
Всё — стол ему, всё — престол!
Но лучше всего, всех стойче —
Ты, — мой наколенный стол!

Около 15 июля 1933—29—30 октября 1935

4

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что — стол
Дал, стойкий, врагам на страх —
Стол — на четырех ногах

Упорства. Скорей — скалу
Своротишь! И лоб — к столу
Подстатный, и локоть *под* —
Чтоб лоб свой держать, как свод.

— А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой *вес*,
Просторный, — во весь мой бег,
Стол — вечный — на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За дóску — во весь мой дар,
За ножки — прочней химер
Парижских, за вещь — в размер.

5

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

Квиты: вами я объедена,
 Мною — живописаны.
 Вас положат -- на обеденный,
 А меня — на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
 Яств иных не ведала.
 Оттого что слишком часто вы,
 Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее —
 Много до рождения! —
 Месте своего деяния,
 Своего радения:

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
 С трюфелем, я — с грифелем,
 Вы — с оливками, я — с рифмами,
 С пикулем, я — с дактилем.

В головах — свечами смертными —
 Спаржа толстоногая.
 Полосатая десертная
 Скатерть вам — дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
 Слева вам — и справа вам.
 Полотняная голландская
 Скатерть вам — да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться —
 В яму, место низкое,
 Вытряхнут вас всех со скатерти:
 С крошками, с огрызками.

Каплуном-то вместо голубя
 — Порх! — душа — при вскрытии.
 А меня положат — голую:
 Два крыла прикрытием.

1933

Вскрыла жилы: неостановимо,
 Невосстановимо хлещет жизнь.
 Подставляйте миски и тарелки!
 Всякая тарелка будет — мелкой,
 Миска — плоской.

Через край — и *мимо* —
 В землю черную, питать тростник.
 Невозвратно, неостановимо,
 Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

343. ДЕРЕВЬЯ

Мятущийся куст над обрывом —
 Смятение уст под наплывом
 Чувств...

Кварталом хорошего тона —
 Деревья с пугливым наклоном
 (Клонились — не так — над обрывом!)
 Пугливым, а может — брезгливым?

Мечтателя — персд богатым —
 Наклоном. А может — отвратом
 От улицы: всех и всего там —
 Курчавых голов отворотом?

От девушек — сплошь без стыда,
 От юношей — то ж — и без лба:
 Чем меньше — тем выше заносят!
 Безлобых, а завтра — безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
 От лака голов, ваты плеч,
 От отроков — листьев новых
 Не видящих из-за листовок,

Разрываемых на разрыв.
 Так и лисы в лесах родных,
 В похотливый комок смеша́ся, —
 Так и лисы не рвали мяса!

От гвалта, от мертвых лис —
На *лисах* (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна —

Как братья-поэты — в реку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою — о железо
Все руки себе порезав —
Деревья, как взломщики, лезут!

И выше! За крышу! За тучу!
Глядите — как собственных сучьев
Хроматикой — почек и птичек —
Деревья, как смертники, кличут!

(Был дуб. Под его листвою
Король восседал. . .)

— Святой

Людовик — чего глядишь?
Погиб — твой город Париж!

1934

311

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц — ошетиливаться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины

Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен. . .)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина. . .

1934

345. КУСТ

1

Что́ нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую — голову прячу

В него же (седей — день от дня!).
Сей мощи, и плéщи, и гущи —
Чтó нужно кусту — от меня?
Имущему — от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б — тогда бы не цвел
Мне прямо в разверзтую душу,

Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Чтó, полная чаша куста,
Находишь на сем — месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих — хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных прѣпинания знаках?

Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Предавши бессмертную силу —
Да разве я тó говорю,
Чтó знала, — пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду — как только умолкну.

2

А мне от куста (не шуми
Минуточку, мир человечесий!)
А мне от куста — тишины:
Той — между молчаньем и речью.

Той — можешь ничем, можешь — всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных — невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той — *до* всего, *после* всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну — шума ушного того,
Всё соединилось — в котором.

Как будто бы все кувшины
Востока — на лобное всхолмье.
Такой от куста — тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934

346. САД

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет. . .

На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад. . .

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни — лица,
Без ни — души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без *ни-душкá!*
Без ни-души!

Скажи: довольно мýки — нá
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и сам не стань!)
Сад, одинокий, как я сам.

Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

1 октября 1934

347. ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы! Звук —
Как сжатые челюсти.
Мороз из них прет,
Медведь из них щерится.

И впрямь челюстьми
— На славу всемирную —
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то
Что — черт его — Нобиле!)
Родили — дитё
И псов не угробили —

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:

— На льдов произвол
Ни пса не оставили!

И спасши (мечта
Для младшего возраста!),
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

— «Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На гробы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровьми
Стесненная ласковость...
Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здоровствует

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь:
Челюскинцы — русские!

3 октября 1934

248

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь *не* могущие. Им —
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю — ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж — призвание как плеть —
Меж стенания надгробного
Долг повелевает — петь.

Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Анд
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога *лишним*
Встав, — Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз *голос* тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

Январь 1935

349—352. ИЗ ЦИКЛА «НАДГРОБИЕ»

1

«Иду на несколько минут...»
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул — куда ушел?

Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь, да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа — куда ушла?

В шкафу — двустворчатом как храм —
Гляди: все книги по местам,
В строке — все буквы налицо.
Твое лицо — куда ушло?

Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо —
Куда ушло?

3 января 1935

Напрасно глазом — как гвоздем,
 Пронизываю чернозем:
 В сознании — верней гвоздя:
 Здесь нет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
 Обшариваю небосвод:
 — Дождь! дождевой воды бадья.
 Там нет тебя — и нет тебя.

Нет, некоторое из двух:
 Кость слишком — кость, дух слишком — дух.
 Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?
 Там — слишком там, здесь — слишком здесь.

Не подменю тебя песком
 И паром. Взавшего — родством
 За труп и призрак не отдам.
 Здесь — слишком здесь, там — слишком там.

Не ты — не ты — не ты — не ты.
 Что бы ни пели нам попы,
 Что смерть есть жизнь и жизнь есть
смерть —
 Бог — слишком бог, червь — слишком червь.

На труп и призрак — неделим!
 Не отдадим тебя за дым
 Кадил,
 Цветы
 Могил.

И если где-нибудь ты *есть* —
 Так — в нас. И лучшая вам честь,
 Ушедшие — презреть раскол:
 Совсем ушел. Со *всем* — ушел.

5—7 января 1935

За то, что некогда, юн и смел,
 Не дал мне заживо сгнить меж тел
 Бездушных, замёртво пасть меж стен —
 Не дам тебе — умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
 На волю вывел, весенний лист —
 Вязанками приносил мне в дом! —
 Не дам тебе — порастить быльем!

За то, что первых моих седин
 Сыновней гордостью встретил — чин,
 Ребачьей радостью встретил — страх —
 Не дам тебе — поседеть в сердцах!

7—8 января 1935

Удар, заглушенный годами забвенья,
 Годами незнания.
 Удар, доходящий — как женское пенье,
 Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь косное зданье
 Удар — доходящий.
 Удар, заглушенный забвенья, незнания
 Беззвучною чащей.

Грех памяти нашей — безглазой, безгубой,
 Безмясой, безносой!
 Всех дней друг без друга, ночей друг
 без друга
 Землею напосной

Удар — заглушенный, замшённый — как тиной.
 Так плющ сердцевину
 Съедает и жизнь обращает в руину...
 — Как нож сквозь перину!

...Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, законной:
Снегами — годами — пудами бездушья
Удар — заглушенный...

Между 26 января и 8 февраля 1935
Ванв

353. БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане.
Зелена — значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским! — в очах краснó
От бузиновой пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины...

Не звени! Не звени!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус —
Блеск, запекшейся крови — вкус!

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей — моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.

Над калиткой, стонавшей скрипкой
Возле дома, который пуст, —
Одинокий бузинный куст.

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день — ночьюми...),
Яда — всосанного очьми...

11 сентября 1931—21 мая 1935

354

Никуда не уехали — ты да я —
Обернулись прорехами — все моря!
Совладельцам пятерки рваной —
Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомьять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море — мелью:
Наше лето — другие съели!

С жиру лопающиеся: жир — их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш — в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!

Нами — лакомящиеся: франк — за вход.
О, урод, как водой туалетной — рот
Сполоснувший — бессмертной песней!
Будьте прокляты вы — за весь мой

Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, —
Пятью пальцами — да от всех пяти
Чувств — на память о чувствах добрых —
Через всё вам лицо — автограф!

1932 — лето 1935
Фэвьер

355. ДОМ

Лопушиный, ромашный
Дом — так мало домашний!
С тем особенным взглядом
Душ — тяжелого весу.
Дом, что к городу — задом
Встал, а передом — к лесу.
По-медвежьи — радушен,
По-оленьи — рогат.
Из которого души
Во все очи глядят —

Во все окна! С фронтона —
Вплоть до вросшего в глину —
Что окно — то икона,
Что лицо — то руина
И арена... За старым
Мне и жизнь и жилье
Заменившим каштаном —
Есть окно и мое.

А рубахи! Как взмахи
Рук над жизнью разбитой!
О, прорехи! Рубахи!
Точно стенопись битвы!

Бой за су-ще-ство-ванье.
Так и ночью и днем
Всех рубах рукавами
С смертью борется дом.

Не рассевшийся сиднем
И не пахнувший сдобным.
За который не стыдно
Перед злым и бездомным:

Не стыдятся же башен
Птицы — ночь переспав.
Дом, который *не* страшен
В час народных расправ!

Между 27 июля и 10 сентября 1935

Ударило в виноградник —
 Такое сквозь мглу седу́ —
 Что каждый кусток, как всадник,
 Копьем пригвожден к седлу.

Из туч с золотым обрезом —
 Такое — на краснозем,
 Что весь световым железом
 Пронизан — пробит — пронзен.

Светила и преисподни
 Дитя: виноград! смарагд!
 Твой каждый листок — господня
 Величия — транспарант.

Хвалы виноградным соком
 Исполнясь, как царь Давид —
 Пред Солнца Масонским Оком —
 Куст служит: боготворит.

20—22 сентября 1935

357. ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
 Ползет, везет людей.
 И каждый — со своей
 Газетой (со своей
 Экземой!) Жвачный тик,
 Газетный костоед.
 Жеватели мастик,
 Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
 Солдат? — Ни чёрт, ни лиц,
 Ни лет. Скелет — раз нет
 Лица: газетный лист!

Которым — весь Париж
С лба до пула одет.
Брось, девушка!
Родишь —
Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца!» —
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Что́ для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет -- читай: растрат.
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат. . .

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост, —
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Что́ думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
— Пустее места — нет! —
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-

ной нечисти.

1—15 ноября 1935
Ванв

358—364. СТИХИ СИРОТЕ

Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка,
Пожалела сироту...

1

Ледяная тиара гор —
Только брэнному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16—17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень —
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет — седым!
Круговую порукой сиротства, —
Одиночеством — круглым моим!

(Так вплелась в мои русые пряди —
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на две —
Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пиемонтом,
И — немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

21—24 августа 1936

3

(ПЕЩЕРА)

Могла бы — взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины лапы —
— Могла бы — взяла бы.

Природы — на лоно, природы — на ложе.
Могла бы — свою же пантерину кожу

Сняла бы...

— *Сдала бы* трущобе — в учёбу!

В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, —

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки —
Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.

В листве бы, в плюще бы, в плюще — как

в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:

В росе бы, в листве бы, в листве — как в родстве бы...

Чтоб в дверь — не стучалось,

В окно — не кричалось,

Чтоб впредь — не *случалось*,

Чтоб — ввек не кончалось!

Но мало — пещеры,

И мало — трущобы!

Могла бы — взяла бы

В пещеру — утробы.

Могла бы —

Взяла бы.

27 августа 1936

Савойя

4

На льдине —

Любимый,

На mine —

Любимый,

На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый.

В коросте — желанный,

С погоста — желанный:

Будь гостем! — лишь зубы да кости — желанный!

Тоской подколенной
До тьмы провалённой
Последнею схваткою чрева — жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5—6 сентября 1936

5

Скороговоркой — ручья водой
Бьющей: — Любимый! больной! родной!

Речитативом — тоски протяжной:
— Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева — продольным разрезом:
— Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

6

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба — во мне.

Что для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя и радуги
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —

Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что *с язвою*
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

7

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком —
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою.

5—6 сентября 1936

365

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые — как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине — забыт.

20-е числа октября 1936

В синее небо ширя глаза —
Как восклицаешь: — Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь —
Как восклицаешь: — Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: — Будут стихи!

1936

367—370. СЕНТЯБРЬ

I

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы —

Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На́ поле и в школе —
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось — всей горстью,
Строилось — всей честью.

Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных ска́лах
Как орел рассевшись —
Что́ с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды. . .
. . . Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В селах — счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что́ с тобою случилось,
Чешский лев двухвостый?

Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!

Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — слава.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи —
Белый день свободы!

12 ноября 1938

2

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище,
Не смутить зверья —
Хата крышей за́стится,
А в лесу — ружья́ —

Сколько бы ни пройдено
Верст — ни одного.
Эти доли — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

... Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рождением в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Славный край!

Все дары природные,
Все — до одного!
Пощедрее родины
Сына — моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь — ни одного
Нé было — на родине
Сына моего.

Прóкляты — кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими. . .

Трéкляты — кто продали, —
Ввек не прощены! —
Вековую родину
Всех, — кто без страны!

Край мой, край мой, проданный
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!

Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

8

Есть на карте — место:
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в мучке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орлиных гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных верст —

Язва.

Лег на отдых —
Чех: живым зарыл.
Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду — чествуй!
Мы ж — в ком сердце — есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

19—22 ноября 1938

ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершинны, эхом:
— День, как немцы входили к чехам!

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам, —
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!

Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желёз.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплёск!
Весь — рукоплёск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвою,
Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — *была!*

— Край мой, виват!
— Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

*Октябрь 1938—
17 апреля 1939*

371—381. МАРТ

1

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

В óны дни певала дрёма
По всем селам-деревням:
— Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
— Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь — по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
— Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!

28 марта 1939

2

ПЕНЕЛИЦЕ

Налетевший на град Вацлáва —
Так пожар пожирает тpáву. . .

Поигравший с богемской гранью! —
Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи. . .
От Эдема — скажите, чехи! —

Что осталось? — Пепелище.
— Так чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает траву —

Объявивший — последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
— Так чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлава
— Так пожар пожирает траву —

Задушивший без содроганья —
Так зола засыпает зданья:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпей глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
— Так чума веселит кладбище!

29—30 марта 1939

в

БАРАБАН

По богемским городам
Что бормочет барабан?
— Сдан — сдан — сдан
Край — без славы, край — без бою.
Лбы — под серую золою
Дум — дум — дум...
— Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам —
Или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских —
Гне-ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
— Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне — как в рамке
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4

ГЕРМАНИИ

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

С объятьями удавими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь!*

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9—10 апреля 1939

Б

МАРТ

Атлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
— С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
Земли — цепи горны —
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны́ руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных — *валетов*.

— Мне и кости, мне и жир!
Так играют — тигры.
Будет помнить целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что! и Вена — что!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
— Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, —
Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6

ВЗЯЛИ...

Чехи подходили к немцам и плевали.

(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары — взяли и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — больнее, чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7
ЛЕС

Видел, как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же, как мертвый лес
Зелен — минутоу чрез! —
(Мох — что зеленый мех!),
Не погибает — чех.

9 мая 1939

8

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

9

Не бесы — за иноком,
Не горе — за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, —

Не красный пожар лесной,
Не заяц — по зарослям,
Не ветлы — под бурею, —
За фюрером — фурни!

15 мая 1939

10

НАРОД

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт, —
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит — такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит. . .
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранат, творит — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой*,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

II

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ, —
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

21 мая 1939
Париж

ПОЭМЫ

382. ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Поэма-сказка

Как у молодой змеи — да старый уж,
Как у молодой жены — да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит — терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит.

Как у мачехи у младенькой — сынок в потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач, не стрелок,
Вместо щек — одни-то впадинки, губы крепко молчат.
Как в дворцовом палисадничке гусли за полночь
бренчат...

Поведешь в его сторонку оком —
Смотрит в стену.
Дай-ка боком
Д' ненароком
Да задену!

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Спит Царевич, распростерся,
Спит, не слышит ничего.
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.

Соврала, что палочкой:
Перстом светлым, пальчиком.
И стоит бабенка шалая
Над мальчиком.

«Скрытные твои ресницы, —
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится,
А мне плачется!
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной
Сынок с матушкой родной.
С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!
Не реви, царь морской!
Проходи, сон дурной!
Ребеночек — мой!

В кипяток положи яйцо —
Да как не сварится?
Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.
Я царевичу служанка —
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!
Хошь, диковинный с музыкой
Заведу — кубарь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:
Али грудь плоска?
Хочешь, два тебе — на бусы —
Подарю глазка?

Не введу в расход, — задаром!
А сынок в ответ:

— К взрослым пасынкам — нестарым
Мачехам ходить не след. —

«Дай подушечку поправлю!»
— Я и сам примощусь! —
«Как же так тебя оставлю?»
— Я и сам обойдусь! —

«Ай пониже? Ай повыше?»
— Мне твой вид постыл! —
«Видно, разум твой мальчиший
Звоном по морю уплыл.

«Али ручки не белые?»
— В море пена белей! —
«Али губки не алые?»
— В море зори алей! —

«Али грудь не высока?»
— Мне что грудь — что доска! —
«Можно рядушком прилечь?»
— Постеля узка! —

«Коль и впрямь она узка — свернусь в трубочку!
Говорливые мои шелка? — скину юбочку!
Всё, что знала, позабыла нынче за ночь я:
Я крестьяночка, твоей души служаночка!»

А Царевич ей в ответ
Опять всё то же:
Всё: негоже, да не трожь,
Не трожь, негоже!

«Али личиком и впрямь не бела?»
— Не страми родство, да брось озорство! —
«Ох, зачем тебя не я родила?»
— Мне не надо твоего — ничего! —

«Ох, височки, волосочки мои!»
— Корабельные досочки мои! —

Поздний свет в ночи, да треньканье струн...
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег — да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.

На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
— Распотешь себя, душа, распотешь! —
Над лампадочкой святой клонит плешь.

— Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей — поплавок.
Я недаром старичок-колдунок:
Не царевичев ли вижу челнок?

Шея лебедем, высок, белогруд,
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг.
Всколыхнулась лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон — Жар-Корабль!

Подивись со мной, пророк Моисей!
Купины твоей прекрасной — красней!
Посередке же, с простертой рукой —
Не то Ангел, не то Воин какой.

Что за притча? Что за гость-за-сосед?
Не то в латы, не то в ризы одет!
С корабля кладет две легких доски,
Да Царевичу дает две руки.

Всполохнулся мой Царевич — погиб! —
Половицы тут в ночи: скрип да скрип,
Голосочек тут в ночи: «Дядь, а дядь!
Научи меня, старик, колдовать!
Опостылела царёва кровать!
Я с Царевичем хочу ночевать».

— Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит? —
«Царь с бутылкою в обнимку храпит.
Ты царевичеву кровь развяжи:
Коршунком ко мне на грудь положи!»

Усмехнулся в бороденку старик:
Хоть царица, а проста на язык!
Ночевать одной, поди, невтерпеж! . .
— Что ж, краса, мне за работу кладешь?

«Положу тебе шесть сот соболей».
— Мне плевочек твой единый милей!

«Скат заморского сукна на кафтан».
— Из сукна того скатай сарафан!

«Так червонцев нагрину чугунок».
— Дешев, дешев тебе царский сынок!

Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком. —

Помертвела ровно столб соляной,
Д' как сорвется, д' как взовьется струной,
Как плевком ему да вызвездит лоб! . .
«Хам! Охальник! Худородный холоп!

Целовать тебя — повешусь допрежь!»
Старикашка ничего, вытер плешь:

— Хочешь проку, красоты не жалеи!
Погляди-ка ты в лампадный елей!

Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь? — «Корабль.

Без гребцов-парусов,
Само море несет».
— Ну-кость? — «Чтой-то темно».
— Плюнь на самое дно!

Ну-кость? — «Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит:
Человек молодой. . .
— Светел пасынок мой!»

Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видать.

— Перстень в маслице брось!
Ну-кошь? — «Рученьки врозь,
Бусы в левой руке,
Гусли в правой руке.

Привалился к корме.
Думу держит в уме».

— Топни правой ногой!
Что ты видишь? — «Другой
В синеморскую хлябь
Выплывает корабь.

В сини волны в упор
Грудь высокую впер.
Посередке — костер,
Пурпуровый шатер».

— Полный круг обойди!
Ну-кошь! Зорче гляди! —

«Душу сперло в груди!
Дева всех впереди!
Великановый рост,
Пояс — змей-самохлѣст,
Головою до звезд,
С головы конский хвост,
Месяц в ухе серьгой. . .»

— Топни левой ногой! —

Левой ножкой топнула,
Да как охнег, взглянув!
Да как навзничь грохнется,
Колен не согнув!

Да как затылком чокнется
С заслонкой печной! —
Подсмотрел в окошечко
Месяц, сторож ночной.

— Ох вы, бабьи дела келейные! —
Положил свою кладь на лавочку.
— Вынь из ближнего, из нашейного
Из платочка свою — булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,
Напой ее кровью досыта.
А пленишь молодого сокола,
Помяни и меня, красоточка! —

Дерганула рукою спешною:
Грудь раскинулась — цветом яблочным!
Вынимает из тела грешного
Пурпуровую — всю — булавочку:

«Всю до капли кровь
За его любовь!
Всю из жилок прочь
За одну за ночь!»

Тот булавку враз
Ртом клыкастым — хватать!
— Как начнет в волнах
Дева-Зверь вставать —

И вколи ему змейку в шиворот,
Чтобы вся их любовь — навыворот!
От булавки той — будет крепко спать,
Она звать его, а он пуще спать...
Ляжет парень смирней травиночки
От кровиночки-булавиночки.

Вру — оставь в руке
Бороденки клок! —
А она в тоске:
«Получай залог!»

И, прильнув к бороде взъерошенной,
В ночь — с улыбочкой перекошенной.

Лежит Царевич мой бессонный,
Как лебедь крылья разбросал;
«Всё отдал бы, весь сан престольный,
Кто бы мне душу распростал!

Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста,
Всё в пурпуровые туманы
Уводит синяя верста.

Каким правителем вам буду,
Каким ероем-силачом —
Я, гусяришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем!

Как с конницей-свяжусь-пехотой,
Когда до бабы не охоч!»
И, опершись на локоточек,
Такой унылый смотрит в ночь.

А за дверью скреб да скреб...
«Дядька, ты?»
— Я, твой лодырь,
Твой холоп-лысолоб!

Светлый колос мой, опять клонишь лоб?
Слабый голос твой меня силком приволок!

Что ж не спишь опять? — «Не сплю, не дремлю,
Дрему, радужную птицу, ловлю.
Поступь легкая, и птица близка,
Да ни сети у меня, ни силка».

— Не испить тебе бы маку? —
«Не в настойке суть!
В этих подлостях и так уж
Я увяз по грудь.

Всё-то нежат день-деньской,
Тешат, нянчат, —
Ровно цветик я какой,
Одуванчик!

Отчего душа теснится,
Грудь для вздоху мала?»
— Оттого, что Чудо-Птица
В ней гнездо завила.

«Отчего на бабьи речи
Весь — как ржавый замок?»
— Оттого, что узкоплечий:
Не по гостье — домок!

«Отчего корабль морями
Сам без весел плывет?»
— Оттого, что за морями
Царь-Деввица живет!

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Не слетались голуби
К окну, за крупой —
Встал Царевич сгорбленный,
Кручинный такой.

Вкруг очей — что обручи,
Набилсь круги.
Чай, опять на ковричек —
Да с левой ноги!

Гребешок потрагивал —
Из рук пустил!
Сапожок натягивал —
Да так застыл.

«Не понять, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как есть — лапша!

Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я таких
Взойдет в мундир.

Кто б меня да турманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?
Две черных дыры.

Снеговее скатерти,
Мертвец — весь сказ!
Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!

Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду — пробочкой
Поверх всплыву!

Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно, в полночь, в пятницу
На свет родился.

До любви нелакомый,
Себе немил —
Видно, месяц, плакамши,
Слезой обронил».

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.

Не трубили зóрю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.

Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне.
— Чей глазочек черный
В слуховом окне?

Что за соглядатай
Мерит даль зыбей —

Выше голубятни,
Раньше голубей?

Нет такой вершины,
Чтоб тоске — крута!
Лучше всех аршинов —
Черный взгляд-верста.

Берегитесь, люди,
Некалёных стрел!
Ветр с кудрями-грудью,
Как любовник, смел.

Уж такой ревнитель!
Всюду — враз — рука!
Что б дружочку прыти
Взять у ветерка?

«Дар ты мой обманной,
Клад непокупной!
Ровно столб туманный,
Аль дымок степной. . .

Пьет — отца хоронит,
А ступнёт шажком —
Вот сейчас обронит
Ножку с сапожком.

Шагай с косогору,
Плыви — вдаль — водой. . .
Не уйдешь от взору
Мачехи младой!

Всё ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз:
В вороток твой сладкий
Я змеей впилась!»

— Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Прискакав с ночной атаки
(На лбу — пот росую крупной),
У окна свово, над взморьем,
Царь-Девица саблю чистит.

На плече на правом — голубь,
На плече на левом — кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.

«Ох ты, царь мой, Царь-Девица,
Вихрь-Девица, Жар-Девица!
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость.

Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром —
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!

День встает — врага сражаешь,
Полдень бьет — по чашам рыщешь,
Вечер пал — по хлябям пляшешь,
Полночь в дом — с полком пируешь.

Люди спать — ты саблю точишь,
В церковь — псов из ручек кормишь.
Вся родня и отступилась.
Дай-ка правую мне ножку!»

Рассмеялась Царь-Девица:
«Мне и любо без родни-то!
Огонь — отец мне, Вода — мать,
Ветер — брат мне, сестра — Буря.
Мне другой родни не надо!»

Осерчала нянька: «Полно
Ржать-то, ровно кобылица!
Как бы этим ржаньсм всех-то
Женихов не распугала!»

Пуще Дева-Царь хохочет:
«Эка сладость — женихи-то!
Мой жених — мой меч пресветлый,
Меч мой сабельный, веселый:
Мне других дружков — не надо!»

Пригорюнилась тут нянька:
«Порвала б цветочков в поле,
Завела б себе подружек,
Позабавилась б маненько. . .»
Ей в ответ с усмешкой Дева:
«Трубный звон — моя забава!
Мне иных забав — не надо!»

«Первенчалась бы с красавцем, —
Нянька у ней в ножках хнычет, —
Сбросила б наряд свой мерзкий,
Да над люлькой над роскошной,
Над пеленочной заботой,
Всю бы ночь, заместо гульбищ,
Всё бы пела-распевала».

Топнула ногой тут Дева:
— Нянька ты, а я — Царь-Демон!
Кой мне черт в твоих пеленках!
Бранный быт — моя забота!
Мне иных забот — не надо!

. . . Отстранись-ка, нянька, что за
Звон с воды встает за чудный?
Чтой-то под моим окошком
Волны за слова лепечут?

— Гусли, гусли-самозвоны,
Вся забавушка моя!
Из зубчатой из короны
Ни зубца не стою я.

Не слышал еще, как бабы
По ночам толкуют сны.
Гусли, гусли — вся забава
Осемнадцатой весны!

Я, мальчишка узкогрудый,
С бранным бытом незнаком.
Гусли, гусли-самогуды
Мне — единственный закон!

Я до смертного до поту
Не отстану от струны!
Гусли, гусли — вся забота
Осемнадцатой весны!

Просияла Царь-Девушка:
Терем враз озолотила.
«Баб не любишь? Драк не любишь?
Ну, тебя-то мне и надо!
Как, к примеру, Дева-Царь я,
Так, выходит, — Царь-ты-Дева!
Уж с таким-то голосочком
Муж за прялку не засадит!»

Хлопнула тут Царь в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Вихря-мне-Коня седлали!»

Хлопнула в ладоши дважды:
«Повели, чтоб тем же часом
Был корабль готов к отплытью!»

Трижды хлопнула в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Для прощального параду
Там, на площади великой,
Всё наши полки сбирались!

— Дура старая, что хнычешь?
Али жалко, что последний
День встает наш, Царь-Девушкин?» —

«Ошалела я от счастья, —
Нянька хнычет под ногами, —
Знать, за все мои молитвы, за слёзные,
Вить гнездо тебе, моя орлица безгнездная!
Знать, недаром карты ввали,

Знать, недаром я все ночи,
Притаясь, наряд венчальный
Тебе шила-расшивала.
Утюжок пойду поставлю:
Хоть и глаженный, а надоть
Для красы провесть маненько. . .

— Что ж ты рот перекривила?»

«Как в раззолоченной попонке
Негоже бранному коню,
Ужель атласною тряпчонкой
Свою же славу заслоню?»

Цельному войску господином
Была, — так справлюсь и с одним!
Одним своим лучом единым
Мы светел-месяц полоним».

Опоясалась тут саблей,
Свистнула в кулак свой смуглый,
И на зов ее кулашный
Вихорь-Конь к ней на крылечко
Белой молнией взлетает.

«Ну, простимся, нянька, что ли?
Там, на площади великой,
Будет нам не до тебя уж».

Чмокнула с размаху няньку
В рот морщинистый, соленый,
И с окошечка резного
Коню на спину с размаху
Белой птицею махнула.

Не колосочки овсяные
До солнышка встают в ряды, —
То ратнички ее стальные
Равняются на площади.

Толк по рядам прошел безвестный:
«Не будет Девы-нам-Царя!»

И что нам до зари небесной,
Когда земная нам заря!

Топчи, конь вражеский, посевы!
Всё в море колколá, звонарь!
И вздох тут: «Дева! Дева! Дева!»
И рокот: «Царь наш! Царь наш! Царь!»

Грудь в светлых латах, лоб — обломом,
С подсолнечником равен лик.
Как из одной груди тут громом:
«Сам Михаил-Архистратиг!»

«Здорово, стан сильномогучий!» —
Гремит громopodobный глас.
Речё — и, рассекая тучи,
Промеж рядочков понеслась.

Конь с Дёвицею точно сросся;
Не различишь, коли вдали:
Хвост конский, али семишёрстый
Султан с девичьей головы!

Как вихрь промеж рядочков вихрит,
Пот — градом сквозь пожар ланит.
Лишь где на том конце затихнет,
Уж на другом конце гремит.

Уж никогда грозней да лучше
Трубач губастый не трубил.
Гром-барабанщик обе ручки
По локоток себе отбил.

Как облачная рать в лазури —
Полк за полком, полк за полком.
И подает полкам Царь-Буря
Тут знак малиновым платком.

«Прощайте, верные мундиры!
Стан сухопутный, стан морской!
Как вам — такого командира,
Команды мне не знать такой.

Ни сына у меня, ни дочек,
Вся без остатку пропаду!
Кто на мово коня да вскочит,
Того наследником кладу.

Перехожу в иную веру,
Всю вольность отдаю за грош...
Но следом моему примеру —
Вы бабами не станьте тож!»

Словно лес какой червонный —
Всё склоняются знамена...

Словно лик какой явлённый —
Все склоняются колена.

Словно реки в половодье —
Слезы светлые текут.

«Рев — сарафанам; кровь — доспехам! —
Им Дева молвит свысока. —
Смерть самое встречают смехом
Мои усердные войска.

Аль осердить меня решили?»
Стойком на стременах встает,
Всем руки сильные, большие
На целование дает...

«Чад не балуйте, баб не бейте,
Мечом рубите новизну!
А помянуть меня — пропейте
Сегодня всю нашу казну!»

— Прощайте! — почернела разом,
— Простите! — разломила щит...
Мчит, а за ней против приказу
Гром-барабанщик следом мчит.

«Как две руки мои отбиты,
Дай хоть с мизинца ноготок!»

На всем скаку рукой сердитой
Раздергивает жар-платок.

Рвет надвое платок-ширинку,
И, голову пригнув к плечу:
«На, барабанщик, половинку!
Другая будет трубачу».

Песнь прежалостную тут мы споем:
Как прощалась Царь-Девница с конем.

Как дружочка за загривок брала,
Сахарочку в рот брусочек клала,

Целовала как, огня горячей,
Промеж грозных, промеж кротких очей,

Прижималась как — щекой золотой
К конской шее лебединой, крутой. . .

Повязавши как шнурком поясным,
В ножки кланялась поклоном земным,

Как покорно — что гайдук-есаул —
Белый конь в ответ колено согнул,

Как пригнувшись, чтоб не слышал никто,
Сотворила ему речь на ушко.

И еще-то мы прибавим к сему,
Как все слезки до единой ему

Сцеловала — ровно брат-ей-жених —
С карих ласковых очей дорогих,

Как все жилы напряжились на лбу,
Себе в кровь как закусила губу.

Как по сходям взошла
Стопудовой пятёй,

Как прах с ног отрясла,
Как махнула рукой.

Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

«Что за костер это мчится в степях синих вод?»
— То своему счастью навстречу красotka плывет.

«Кто ж у ней славно так правит рулем-кораблем?»
— Море им правит, так вот он и прет напролом!

«А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой,
Что там за Воин — за Ангел — за Демон такой?»

Каску хвостатую ветр ему сшиб набекрень,
Ростом-то — башня, в плечах-то косая сажень!

В хладной пучине, чай, крестит купецкую тварь?»
— Мчит на смотрины, а имя ему — Дева-Царь.

«Как это?» — Так это! — «Что ж за краса без косиц?»
— Кос всюду досыта! А светлолиц, круглолиц, —

Солнцу на ревность! — «Уж больно плечá высоки!»
— А поясочек-то! Перстень берет в пояски!

Спорить-то нечего! Каб не свобода-душа:
Кабы не плечики — вся б в перстенечек прошла!

Так, почаявничав позавчерашним хвостом,
Спор-заводили-беседу акула с китом.

Отдыхает зыбь-красotka
От ночи своей от ндравной.
Идут ровно, идут славно,
Идут славно, идут ходко.

Словно месяц в полнолуние —
Звон собой всё море занял.
Струнки, струнки-говоруньи,
Жилочки мои бараньи!

Лежит царский сын на спинке,
Гусельки зажал любовно,
Ходят пальцы без запинки,
Ходят славно, ходят ровно.

В чудный час передвосходный
Мой совет тебе — кто б ни был!
Меняй страстный путь на водный!
Бросай бабу, — иди к рыбам!

Говорят: яд рыбий горек,
Говорят: яд бабий — тоже!
Да по крайности не спорит,
Как с нее сдираешь кожу!

Бабе: дура! она: рódный!
Ты ей в рыло, она: милый!
Не теряй на подлость силу
В чудный час передвосходный!

Эх вы, царские сыночки!
Эх мы, сосны-чернолесье!
— Ни денек тебе, ни ночка,
Ни заря тебе, ни месяц.

Ни корабль тебе, ни зыбка,
В ней ни муж тебе, ни дева,
Ни гармонь в руках, ни скрипка,
Ни те вправо, ни те влево. . .

Вдруг как вскочит корабль-лодка,
Как припустится с прыском!
Уж не ровно, уж не ходко:
Идут скоком, идут боком.

Уж такая дурь да дикость,
Новгородское аж Вече!

«Ну-кось, дядька, погляди-кось:
Ай корабь какой навстречу?»

Отвечает тот, осклабясь:
(Дух учуял Царь-Девицын!)
«Ни в волне мозгов, ни в бабе!
Стало — нечего дивиться.

В море плыть — не землянику
Брать, аль в шахматы-бирюльки!
То — корабь тебе, то — люлька!
Лучше песню затяни-ка».

Тот поет, а рев вокруг-то:
Точно львица с львом сцепилась!
Привстает гусяр по грудку:
«Что за притча? Ай забесилось?»

До зари-то, глянь, час цельный,
А волна-то, глянь, — кровь-кровью!»
— Пой, сыночек, на здоровье! —
«Нет уж, — не до колыбельной!»

Хлябь-то тигрой полосатой:
Вал пурпурный, вал червонный. . .
— Спи, сыночек, час-то сонный!
«Нет уж, дядька, не до сна тут!»

Хочет встать, а тот булавку
Ему в шиворот — как вгонит!
Хочет встать, а сон-то клонит,
Как ягненокка на травку,
Как купца валит к прилавку. . .

Спит. . .

Тут как вздрогнет жук навозный,
Раб неверный, тварь иудья:
С кораблем-челном — грудь с грудью —
Жар-Корабль стоит, гость грозный.

То не солнце по золотым ступеням —
Сходит Дева-Царь по красным сходням.

Под военной да под веской стопой
Чуть не треснул весь челнок скорлупой.

Руки в боки — ровно жар-самовар!
Зычным голосом речет: «Где гусяр?»

Дядька в ножки ей — совсем обопсел!
Аж по-пёсьему от страху присел.

Д'ну по дóскам башкой лысой плясать!
Д'ну сапожки лизать, лоснить, сосать!

Д'как брыкнет его тут Дева-Царь по башке:
«Что за тля — да на моем сапожке?»

Д'как притопнет о корабь каблучком:
Дядька — кубарем, а волны — ничком!

«Будешь помнить наш сапог-леденец!
Где гусяр — сын царский — знатный певец?»

Шипом-свистом тот с коленочек: — Спят-с!
«Я б за свист тебя змеиный — да бац
По щеке — да вот боясть-то какá:
Змеем-гадом провоняет рука!»

— Тише, волны, синеморская рать!
Голосочку мне свою не слышать! —
«Где ж он?» — Духом вам представлю
всю суть, —
Лишь изволите коленку согнуть! —

Смотрит: нé шелк-янтарь — мусор-товар:
На дне — с гусями в обнимку — гусяр!

Взглянула — д'как расхохочется!
В ладошечки — д'как всплеснет!
«Я-чай, еще в пеленки мочится!
Пустышечку еще сосет!

Без перстня, без попа, без венчика,
Ну, было мне о чем тужить!
Не думала я себе младенчика
От взгляду одного нажить!

Забыла я тебе пеленочек, —
Прости меня за недосмотр!
Смотрю-ка на тебя, миленочек:
Смотрины-то смотреть — не смотр!»

И водит всё —
По бровочкам,
По лобику
Рукой.
«Молоденький!
Да родненький!
Да плохонький какой!

В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
И ничего, что худенький, —
На личико приятненький».

Сгоняет муху с бровей,
Равняет руку с своей.

«Как суха корочка!
Как есть — без мякиша!
Твоя-то — перышко,
Моя-то — лапища!

И каждый пальчик-то
Как царь закованный!
А моя — черная
Да бесперстнёвая!

Твоя — ковры расшивать,
Моя — дубы корчевать».

И к люботе припав
Лбом смуглым сводчатым —
По волосочкам-то
Да по височкам-то...

«Твои-то тонкие,
Лен — волосенки-то!
А мои — конские,
Что струны — звонкие!

Дай, вошку поищу,
Головку почешу.

Уж такого из тебя детину вынянчу,
Паутинка ты моя, тростинка, шелковиночка!»

И гласом гневным вдруг:
«Ох, старый змей-паук!

На живодерню гож:
Дурной уход ведешь!

Чай, по снегам водил
Ступнями босыми,
Поил не дóльяна,
Кормил не досыта...

— Тонее тросточки!»
А дядька-хитростник:
«Были бы косточки, —
Мясо-то вырастет!

Что ж, что весом плох, зато стройнее сосенки!
По плечо тебе, небось, — такой высоконький!»

Та грудочкой склоняется,
Тот ручкой заслоняется, —
Чтоб солнышко ему, должно,
Личика не нажгло.

— Гляжу, гляжу, и невдомек:
Девушка — где, и где дружок?

Ты расплеться, верёвнице!
Где юноша? Где девушка?

Тот юноша? — лицом кругла,
Тот юноша? — рука мала:

Одной косы две плеточки,
Две девицы-красоточки.

Да больно вид-то их таков, —
А ну-ка двое пареньков?

Тот девица? — глядит насквозь!
Тот девица? — коленки врозь!

Одной руки суставчики,
Два юноши-красавчика.

Чтоб не испортил нам смотрин
Неверный разум наш Фомин, —

Где царь не приложил печать,
Там надо на́двое решать:

Кто сам с косою да в юбочке —
Тому пускай — два юноши.

Кто вокруг юбок веется —
Тому пускай — две девицы.

А ну́ как зорче поглядим —
И вовсе всё обман один,

И вовсе над туманом — дым,
Над херувимом — серафим?

Спим. . .

И ладит, и гладит,
Долг девичий плóтит.
Ресницами в самые веки щекотит.

Чай, синие очи-то,
Как по́ морю плыть!
И видеть-то хочется,
И жалко будить.

Над ухом аукает:
«Жених мой! — Ау!»

На грудке баюкает
Добычу свою.

«Спи, копна моя льняная,
Одуванчик на стебле!
Будет грудь моя стальная
Колыбелочкой тебе.

Сна тебя я не лишаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты — махонькой!

Что шелка — щека,
Что шелка — рука!
Ни разочку, чай, в атаку
Не водил полка.

Спать тебе не помешаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты — махонькой!

Что за дивный твой за сон за такой?
Дай-ка взбрызну да водицей морской!

— Держись, дружок хорошенький!» —
Берет воды пригоршенку:
«Тебе для раза первого
Твой сонный грех прощу!

Чтоб крепло тело бренное,
Морской водою пенною —
На подвиги военные
Младенчика крещу!

Чтоб светлым встал, чтоб век не спал,
Одним своим речением,
— Морским своим крещением —
Младенчика крещу!

Чтоб цельный полк поклат перстом,
Чтоб первый гром пред ним ползком,

Чтоб Деву-Царь согнул кольцом —
Младенчика крещу!»

То не тучка молодая
Лен кропит:
То дружочка — дорогая
Водой плещет, поливает,
А он спит.

На лице его из воску —
Как серебряная россыпь,
Как серебряные слезки, —
По лицу его из воску —
На всё стороны — полоски —
Струйки светлые — текут.

«И не взглянет! А уж знаю — глазаст!
Всем хорош, да больно спать-то горазд!

А пора бы уж глазочкам из горенки!
Погляди — меньше вершочку до зореньки!

Ровно шерстка на ягнятах-баранах —
Весь восход-то в завиточках румяных!»

Старик над ним: «Всё гусельки!
От них и сон глубок!»
Краса над ним: «Где ж усники?
Осьмнадцатый годок!

Пора бы уж травиночке
Пробиться на лужку!
За первую пушиночку
Весь сон тебе прощу!»

И, зардевшись пуще каски своей,
В лоб целует — промеж ровных бровей.

Дрогнули веки,
Руки разжал.
Вдоль лица — некий
Блеск пробежал.

Звякнули — выпав из ручек — гусли,
Дева над ним:

«Синих очей твоих аль дождусь я?»
Но — словно дым —

Изнизу — вдоль впалых щек —
Облак — мóрок — обморок.

Постояла Дева-Царь, пождала;
«Ох ты яблоч мой, изюм-шепталá! . .
А достать тебя — Господь умудри». —
Вынимает из височной кудри
Горсть кручёных-перкручёных струниц,
Горсть червонных-золотых волосиц.

«Не видали вы такого руна!
Каждый волос — золотая струна! —

Передашь их Гуслиару на струньё,
Пусть звончей бренчит во имя мое!

Таких на рынке нету струн! . .
Становся, старый змей, во фрунт!

Руки по швам,
Червяк земли!
Зелó моим словам
Внемли!

Чтоб вышла из него болесть —
Дашь яблочка ему поесть.

А пить ему вино, не квас, —
Вот будет первый наш приказ.

Чтоб выхмелил весь сонный хмель —
День за́ море, Гуслиар — в постель.

От мух рединкою накрой, —
Вот будет наш приказ второй.

Вставал чтоб правою ногой,
Чтоб мылся хладною водой,

И — весла в ручки! — в добрый час!
Вот будет третий наш приказ.

Да чтоб струнчек не рвал — поминаньца,
Да чтоб первым приплывал — на свиданьице!»

Стоит — дитя над пряником, —
Стоит, очей не сводит.
На личико кудрями-то
Резную тень наводит.

«Прощай, мой невзаправдошный,
До завтра, сласть нерусская!
На первый раз — вприглядочку,
А уж второй — вприкусочку!

Поцеловала б в лоб еще,
Да уж боюсь — без навыку!
Пока еще заботушкой
Не стал — прощай, забавонька!»

Сапожок чрез борток,
Ногой легкою — скок
Домой, в красный чертог.

На простор синих волн —
Толк — Царевичев челн!

Меж Солнцем и Месяцем
Верста пролегла.
Султан конский трепетя.
Поплыл. — Поплыла.

Не заноза из тела вон —
То из ткани булавка вострая,
То на личике снеговом
Глаза синие, синеморские,

Бьет ресницами — на́
Локоточек привстал.
Промеж бровками трет:
«Уж и долго я спал!

Ровно дождь меня тонким
Серебром поливал.
Ровно жавронок звонкий
Вкруг меня ликовал».

— То не пташечка-резвушка
Ликовала, —
То тебя твоя подружка
Миловала.

Аукала, агукала,
На жар-груди баюкала,
В кудрях тигрицей рыскала,
В лицо водицей прыскала.

Бушевала над тобой — как в день судный!
Да уж сон-то твой такой — непробудный!

«И снится мне, — молвит,
Лоб-гладя-чело, —
Что красное солнце
На лоб мне сошло.

Лежал, не завесясь,
Ан и вышел ожог!»
— Ох, бел ты мой месяц,
Меловой пирожок!

И солнца-то нетути
Тебе лоб припекать!
То губ царских редкостных
Дорогая печать. —

Не слышит Царевич
Тех дивных речей.
Глубь сонную мерит
Верстою очей.

«И снится мне, — охает,
Руно глядя волос, —
Что с куполу с грохотом
Сто цепей сорвалось».

— Тебе бы припарочек
Штук пяток на башку!
То первый подарочек
От невесты — дружку! —

Принимает в ручку белую
Волоса червонные.
А рука-то занемелая,
А рука-то сонная. . .

Волосок пить-есть не просит. . .
Ручку раскрывает,
За волосиком волосик
Из руки роняет.

— Эх вы, с головы беспутной
Кольцы завитые!
У морских цариц на лютнях,
Чай, звонят, златые!

НОЧЬ ВТОРАЯ

Сидит Царь в нутре земном, ус мокрый щипет,
Озирается кругом — чего бы выпить?
Уж питó-питó, — полцарства прóпито!
А всё как быдто чегой-то не дóпито.

Как боярышни пред грозным пред отцом,
Вкруг него всё чарочки кольцом.

Тут и турецкие, тут и немецкие.
Архиерейские да венецейские. . .

«Быстрее глоточки моей,
Ей-ей, вы сохнете!
Пью не напьюсь, лей не жалей,
А все пустёхоньки!»

Ровно милочки — плясать перед купцом —
Вкруг него бутылочки кольцом.

Уж и горластые, цветные, красные,
Уж и бокастые, и ярлыкастые!

Летáми-плесенью седой захватаны,
Как леший, царь лесной, — гляди — мохнатые.

Узнать-то надобно, что в них скрывается,
Что цветом-радугой переливается!

Лей-лей, не жалеи, —
Всё равно перельешь!
Пей-пей сколько хошь, —
Всё равно не перепьешь!

Лоза наша полная,
Погреба просторные,
Бочкарь наш испытанный,
Бочонки не считаны.

Как мальчоночки пред старым пред бойцом —
Вкруг него бочоночки кольцом.

Каким кольцом?
Сплошной стеной!
Какой стеной, —
Война войной!

Плеснешь — не выплеснешь!
Хлестнешь — не выхлестнешь!
Гляди, Царь-хитростник,
Как строй осилишь наш!

Промеж винных рек, бочоночных гор
Свой бахромчатый раскинул шатер.

«Людам — море синее,
Мое море — винное.
Люди спят на берегу,
А я — так всю ночь гребу!

Мое море тихое,
И гребу без смены.
А зато мне ихние
Моря — по колено!

Их вода — не сладкая,
А моя — с накладкою.
Не щадя ни рук, ни плеч,
И гребем мы бесперечь.

В своем море мы гребцы,
В своем море мы пловцы.
Придет час идти ко дну —
В своем море потону!»

— Да ну?

«Кто ж тебя схоронит?
Раз пьешь — неженатый,
А коли женатый,
Кругом виноватый!

Кому я нужен — старый,
Пятиалтынный — пара,
Вином лишенный сану,
Кому я нужен — пьяный?»

Сидел, сидел Царь наш — инда устал!
Ручкой-ножкой себе путь распростал.

Хочет на́ ноги — ан нет, тянет вниз!
— Эй, дорогу, мелкота, сторонись!

Попытался было с левой ноги —
Снова навзничь повалили враги!

Разгасился — что индюк-кохинхин!
Д' как вцепился тут в шатер-балдахин!

Был кумач тот не сменен — с коих пор!
Царю на́ голову и рухнул шатер!

Как пошла тут дребедень стеклянной пылью!
Как тут чокаться пошли бутылъ с бутылью!

Шатер Царя душит,
Вино Царя топит,
Уж не лужи — а реки,
Уж не реки — потоки. . .

Взошел бы кто с воли,
Всяк диву б дался!
Шатер царский воеет
На все голоса.

Как черт — красным машет,
Шатер царский пляшет.
Аль, может, в нем слон какой?
Аль, может, дракон какой?
Аль, может, всё сон какой?

Чтоб в умишке нам самим не порешиться,
Мы пройдем пока на половиночку к Царице.

Пройдем-ка к красавице,
— С вином спорить — зря! —
Посмотрим, как мается,
Слезой обливается,
Как с ночью справляется
Страна — без Царя.

Прежде чем засов раздвинем,
Ты скажи, душа, — отколе
Ты сама-то к нам: с мужской ли,
Али с женской половины?

Коль с мужской — так брось тревогу:
Нянек корочкой задобрим,
Коли с женской — врозь дороги,
Влево путь держи, час добрый!

Так. — Засим, дружок, дай руку.
Не робей, — плечом не трону!

Это — детская наука,
Я китайской обучёна.

Если ж сердце (грудь-то ящик!)
Хрусталем об стенки чокнет, —
Ничего, дружок! — тем слаще
На крыльце подружку чмокнешь!

Не води, дружок, певицы
Потаёнными тропáми!
Мы, поющие, — что птицы:
Разве что перо на память!

Да и то, коль не скупиться:
Тебе — малость, ему — малость...
Всем по перышку — Жар-Птица
Вовсе б без хвоста осталась!

— Так. —

Отстегни-ка мне монисто —
Нянек не беспокоить!
Семь небес у Девы Чистой,
У Царицы — семь покоев.

(У тебя ж, паренька,
Как ледышечка — рука!)

Стены всё в сетях-тенётах,
Колокольчиках-звоночках.
Честь жены — Царю веночек:
Недостаточно замочков!

(А со мной, коль пригож,
Сквозь иголочку пройдешь!)

Быстро — руки, вниз — ресницы:
В одной юбке легкой, летней —
То плетуньи-кружевницы
День и ночь сплетают сплетни.

(Только вкось поглядев,
Оплетем без кружéв!)

Глянь-ка: под семью замками,
Чтобы вора позабавить,
С семью смертными грехами
Целых семь укладок бабьих.

(Подари нитку бус, —
Без отмычки обойдусь!)

Что за звон такой комарий,
Что за звон такой претонкий?
То чесальщицы Камарин-
скую шпарят на гребенках!

(Лишь бы не было плеша, —
И без гребня расчешем!)

С утиральничками в лапах,
(Во все очи, мальчик, пялься!)
То семь чертовых арапок,
Семь царицыных купальщиц.

(Может, семь моих сестер:
Ты мне спинки не тер!)

В кухню женского обману
Поспешай, Самсон с Далилой!
Здесь из зорь творят румяна,
Из снегов творят белила. . .

(Без белил, без румян
В очи пустим туман!)

Так из кухоньки — да в кузню:
Кто-то, молот взявши в руки,
Из стекла кует союзы,
Из свинца кует разлуки.

(Не скажу наперед —
Чего нам с тобой скует!)

Рука об руку два брата,
Мухи не беспокоив.
Ровно жар в руке — рука-то!
Позади всё шесть покоев...

(Перед главным, седьмым,
Прижми губы к моим!)

Сердце к сердцу, устье к устью...
Окунуться в реки эти —
Всех Цариц с тобой упустим,
Всех Царевичей на свете!

(Отпусти! Оторвись!
Мы рассказывать взялись!)

Перед главным ее входом,
Пред седьмым ее покоем,
Вот тебе, дружок родный,
Слово я скажу какое:

(Да чтоб голос был свеж,
Дай воды напьюсь допрежь!)

Коль опять себе накличешь
Птицу, сходную со мною,
Знай: лишь перья наши птичьи,
Сердце знойное, земное...

(Площадной образец,
Каких много сердец.)

И еще, дружок, запомни:
Мы народ вдвойне пропащий!
Так, коли поем краснó мы, —
Так еще целуем слаще...

(Запиши себе в грудь.
Говорившую — забудь.)

Няньки спят, мамки спят,
Пуховик не смят.
Лишь лампадки в углах дымят.

Ах, так вот каков — покой ее — покой седьмой!
Ах, так вот каков — покой ночной!

Где ж она? — Нету.
Где ж она? — С ветром.
Не спится — так плачется,
Так к милому скачется —
От мамок, от мужа,
От риз от жемчужных,
От рож скоморошых, —
От дел наших тошных!

Из спаленки выкралась,
На лесенку выбралась,
Ступень за ступенечкой —
Лишь выйти труднечко!

А там уж — вольней, вольней,
Ногам уж верней, верней,
Как будто из гробика
Восстав, мчишь по воздуху:
Не к птицам на кровельку, —
На вышнюю звездочку!

(Ветер, ветер, вор-роскошник,
Всем красавицам — помощник,
Ревности — служитель,
Верности — губитель,
Даровой рабочий —
Ветерочек мой!)

Стоит полоняночка
На башенной выщечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым с мальчишечкой,
Кто цепь нашу грубую
Раньше всех расклепал,

Кто прежде супруга нам
Шейный плат растрепал.

И мастер он ластиться!
Потягается с кошками!
Сорвал ей запястье,
Играет сережками.
Своею жемчужинкой
Зовет — дорогой. . .

Да нужен-то, нужен-то
Ей мальчонок другой!

— Шаги! —
Матерь божья, помоги!
Оттого что эти чудные — шаги!
Я свечу тебе в три пуда засвечу,
Оттого что эти знаю — сапоги!

То не стон —
Струнный звон.
То не сон —
Он.

— Ты здесь зачем?
«А ты зачем?»
— Небось уйду.
«Сама уйду».

Стоит смиренник юный,
Пощипывает струны.

Нет слов у мачехи-красы,
Покусывает хвост косы.

А ветер между ними —
Как вьюн — между двоими.

Гусляр по стрункам: шелк да шелк,
А сердце в грудь ей: толк да толк, —

Вот в щелья расколотит!
Тот спиночку воротит.

Вот-вот уйдет! — Святой Исус!
И, косу выхлестнув из уст,

Как зверь нечеловечий —
Хвать! — сына за заплечье!

«Стой, погоди, так не уйдешь!»
— Брось, баба, что за речь ведешь?

Ты мне сукна не комкай!
Ай девка с моряком ты? —

И хочет плечиком повесть, —
Не может ручек ей развесть:

За шейкой за любезной
Свились — как круг железный.

— Я сын тебе, а ты мне — мать.
Взошел я ветром подышать,

Морскую речь послушать...
А ты — веревкой душишь! —

«Ты баб до времени не старь!
Царица я, а ты мне — Царь!»

А месяц между ними —
Как меч — между двоими.

«Три года завтрашней зарей,
Как я на персик восковой,

Как нищий на базаре, —
На нежный лик твой зарюсь!

Три года эту ночь ждала!»
Легонечко — как два крыла —

Ослабшие от муки
Он ей разводит — руки.

Вдоль стана бережно кладет,
Сам прямо к лесенке идет,

И на гортанный окрик
Вдруг голову воротит.

Стоит на башенном зубце,
Как ведьма в месячном венце,

Над бездной окианской
Стоит, качает стан свой.

Покачивает, раскачивает,
Как будто дитя укачивает,
Большие глаза незрячие
К мучителю оборачивает.
А ветер — шелка горячие
Как парусом разворачивает.

«Введешь в беду!
Уйдешь — уйду:
Ты — с лесенки,
Я — с башенки!»

Качается, качается,
Шелк вокруг колен курчавится.
Как есть — дитя-проказница
Страх нагоняет, дразнится.

«Что пошатнулся? Ай — струхнул?»
Царевич к ней на шаг ступнул.

«Теперь ко мне — ни шагу!»
Царевич к ней — два шага.

Качается: — помру за грош!
Качается: — и ты помрешь!
Качается: — ан нет, не трожь!
Не след! — Негоже! — И как горсть

Горошин тут жемчужинных —
Из горлышка — смех судорожный!

«Прощай, мой праведник-монах!»
Всё яростней разлет-размах,
«Мой персик абрикосик!»
Как змеи, свищут косы.

Так разошлась — в глазах рябит!
Так разошлась — луну дробит!

Тут страшным криком нутряным —
Как вскрикнет! тот кольцом стальным
На всем лету — как сдавит!
Как на ноги поставит!

Аж потом высыпал испуг. —
Она смирней ребенка. —
Стоит, не разжимая рук,
Стоит и дышит громко.

Тут речи нежные лились:
«Теперь не страшно с башни вниз. . .»
И — дрожью соловьиной —
Смех легкий, шаловливый.

«Моя исполнилась — вся сласть!
Моя исполнилась — вся страсть!»
Из бахромы курчавой
Глазок глядит лукаво.

«Ты на руках меня держал,
К своей груди меня прижал. . .
Добилась, — вновь смеется, —
Как твое сердце бьется!

Железом ты в меня впился,
Как огневая полоса
Под красными щипцами —
След троих рук — на память!

Хотенье жеѣское мое --
Вот всё именице мое.

Иди! — Теперь уж, друг мой,
Вниз головой не рухну!»

Ух! — Кто ж это так ухнул вдруг?
Чья кошачья меж зубцов — голова?
То пророчица великих разлук:
Сова-плакальщица, филин-сова.

Охорашивается, чистит клюв.
Глаза желтые — янтарь шаровой!
Красе на ухо шепочет, прильнув:
«За булавочкой к тебе я второй!»

Сотворила тут краса крестный знак,
Свою гостя дорогого узнав.
«Весь-то слышал я ваш спор боевой,
Всё-то филином летал я — совой!»

Дважды в грудь свою — булавку отправки!
Дважды филину — уста предоставь!»

Крылами руку ей с рукой,
А клювом губку ей с губой
Разводит пакостник рябой:
— Ты не противься, рот тугой!

Покорность с бабой родилась!
Льни, тонкоствольная лоза!
Чтоб не увидеть желтых глаз —
Закройтесь, черные глаза!

Закроешь — и легче!
Пол-зла, пол-обиды...
Обидчика чуешь хотя —
А не видишь!

И легче уж губы
Свой жар отдают.
Не ветер, а певчие
Ровно поют.

Уж разное шепчешь,
Рот жадный ощеря.
Уж грудь — без приказу
Вгребается в перья.

Всё легче — всё крепче —
И вот уж с тобой —
Не филин твой старый,
А лебедь молодой!

Видят сквозь кисейку-дымку
Месяц с ветром-невидимкой:

Ведьма с филином в прижимку!
Ведьма с филином в обнимку!

Месяц — слезку смахнул,
Тот — березкой тряхнул...

А от губ — двойной канавой —
Что за след такой за ржавый?

— Бог спаси нашу державу! —
Клюв у филина кровавый!

Ветер рябь зарядил,
Месяц лик загородил...

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Солнце в терем грянуло —
Что полк золотой.
Встал Царевич правильный:
Веселый такой!

Хоть не спал, а выспался!
Хоть враз под венец!
Смородина — кислая,
А я — молодец!

Трех быков на вертеле
Сгублю, не щадя!
Поглядим-ка в зеркале,
Каков из себя!

Белый стан с шнуровочкой,
Да красный кушак.
— Что за круг меж бровочек,
Кумашный пятак?

Словно снег пуховочкой
Прошелся вдоль щек.
— Что за круг меж бровочек,
Почетный значок?

Аль пастух полуночный
Здесь жег костер?
Али думу думамши —
Да лоб натер?

Смелыми руками —
Вдоль перил витых,
Резвыми шажками
С лестничек крутых.

Позабыл иконам
Класть поклон земной,
Не идет с поклоном
К батюшке с женой.

Невдомек, что стража
Ему на кра-ул,
Белизной лебязьей
Всех ворон спугнул.

Вся краса платочком
Ему вслед с крылец.
А старухи — дочкам:
«Молодец — малец!»

Чья в окошке темном
Ночь темней зрачка?

Кто к глазам недремным
Жмет два кулечка?

«Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
По счетам не плати,
Своди с совестью счет.

Скажет: в море плыви!
Пусть красотка клянет!
Бабы — дрянный народ,
Рыбы — славный народ.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
Держи сердце в горсти,
Дай челну полный ход...

Погляди, как в волнах
Наш Царевич плывет,
Вровень с морем плывет,
В голос с ветром поет.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
Надо быстро грести,
Молодой мореход!

Ведь всё то ж тебя ждет
И у жен и у вод:
Грудь — волною встает,
Волна — грудью встает.

Песнопевец, в плену!
Наша летопись: льну...
Не Царевич к челну —
Лебедь к лебедю льнет.

И опять ни к чему
Тебе вольный полет!
Никому не уйти
Да из женских тенёт!»

Слушал, слушал гусярок голоса,
Просветлел, на локоток оперся.

Словно струнки под его пятерней —
В теле жилочки пошли болтовней.

С раззолоченных подушек встает,
Лоб откинувши, а грудку вперед.

Да как вскинет синий взор — вот-те раз! —
Видит: филин-сыч сидит, пучеглаз.

Подошел, да и накрыл с головой:
«Доброй ночи, господин рулевой!

И без ваших ясных глаз обойдусь!»
А рябой из-под полы: — Вот так гусь!

Гусь ты, гусь ты мой, заморский индюк! —
Да как вымахнется — разом — из рук!

Не очнулся гусярок, как промеж
Двух сапог его — да дядькина плешь!

«Что за притча? Ошалел, старый гриб!»
— Ручки-ножки, ребра-кости зашиб!

«Без приказа моего — как дерзнул?»
— Чтобы лебедь мой — да в даль не махнул!

Мало ль на море приманок-прилук?
Кто в ответе? — есаул твой гайдук! —

Расходился тут Царевич, — нет сил!
Ожерельице в зубах закусил.

«Как завидел тебя — нож ровно в бок!
Словно черный кот мне путь перебёг!

Чтоб весь век не пил-не ел, чтоб зачах!»
Да как вдарит тут по гусям в сердцах!

Говорит тут Царь-Девнца
Двум юнцам-своим-щеноккам,
Морячочкам-морякам:

«Ох вы, чудо-морячочки,
Два весла моих проворных,
Две молодых моих руки!

Цельну ночь всё в карты дулись,
Картой дрему вышибали —
Моего дружка стеречь.

Бросьте карты-вы-колоду,
Вы ныряйте в глубь-пучину,
Поспрошайте тварей-рыб:

Не слышать ли рыбам звону,
Не слышать ли тварям гласу,
Не плывет ли млад-гусяр?»

Разом мбодцы вставали,
Расправляли стан плечистый,
Сотворяли знак честной, —

Лишь жемчужное круженье
По воде, — да грудь у Девы
Вся алмазами пошла.

«Мать рожала — не тужила:
Не дитя, — дымочек-дым!
Словно кто мне налил жилы
Светом месячным сквозным.

Лень и семечки лущить-то!
Не до плотского греха!
Вы невесту мне сыщите
Для такого жениха!

Не жених, а стебель шаткий!
Кто пройдет — дрожу росой.
Коли дождь, иду без шапки,
Коли снег, иду босой.

Старой бабы беззащитней,
Зеленее стерженька. . .
Вы подружку мне сыщите
Для такого муженька!

По морским румяным рощам,
Лыжи легкие востря,
Сжалилась над братом тощим
Мощная моя сестра.

Красный круг заря прожгла мне,
Круг, пылающий вверху.
Есть моим палатам — камни,
Есть невеста — жениху!»

Ту песенку прослушала —
Как яблочка откушала.
Звон струнный вобрала —
Как брагой запила.

А тут — борсьем водяным —
Пловцы на свет столбом двойным:

Гривастые, как львы,
Две красных головы.

«Шептались с тварью с рыбами»,
Враз на корабель прыгают,
«Для горя твоего —
Не слышно ничего.

Нет твоего Царевича!»
— «Знать, тонок слух мой девичий», —
Она с усмешкой им,
Двум морячкам своим.

«Такой уж слух мой воровской,
Что даже шум травы морской
О рыбий хвост чешуйный,
Не то что друга — чую!

Ввысь, паруса! Пучина, в пляс!
Не Царь я вам, коль в тот же час
Челнами не сшибиться!
Не Царь и не Девица!»

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Плывет Царь-мой-Лебедь
В перстнях, в ожерельях.
Кафтан — нет белее,
Кушак — нет алее. . .

Сережка — подковой
Висит из ушка. . .
(Живого такого
Напеть бы дружка!)

Ох, взор его синий!
Роток его алый!
«Глянь, чтой-то пучина
Пошаливать стала!»

— В сочельник крещенский,
Что ль, парень, рожден?
У баб деревенских,
Что ль, врать обучён?

«Да нет, старина!
Ровно мóрок какой-то.
Гляди, — не волна уж:
Гривастая тройка!»

— Ври, дурь-ты-деревня,
Лещу да ершу!
Дай, лучше-ка гребнем
Копну расчешу!

«Врешь, совья ты старость,
Подземная шахта!

Что там за Царь-Парус
Встает на водах-то?»

— Не видишь глазами, —
Гадай на бобах!
Я, что ли, хозяин
На грозных водах? —

Глаза-то всё шире,
А змейка-то колет...
— Спи, свет, спи, соколик! —
Уж руки как гири,

Уж ноги как гири,
Лоб налит свинцом...
Не пить ей в трактуре
Чайку с молодцом!

Но спорит, но всю свою мощь собирает,
Но пальцами веки себе разрывает...
Качнется — очнется: «Ой сплю, невтерпеж!»
Какой уж, какой тут любовный крутёж!

Красный загар,
Меченый лоб.
«Дядька, пожар!»
Закрылся глазок.

Ручку разжал,
Звякнул серьгой.
— Дядька, пожар! —
Закрылся другой.

Так и спит с последним криком,
С ротиком полуоткрытым.

Весь кафтан-ему-шнуровку
Расстегнула на груди.
Держит сонную головку
На полвздоха от груди.

Дышит? — Нет?
Дышит? — Да?

Наклонила лик сусальный
Над своей грудною сталью:
Есть ли, нет ли след вздыхальный?

Да, надышан круг!
Да!

Радость — молнией
В глазах, — зóлотом!
Радость — молнией!
Горе — молотом!

«А если уж жив он, —
Чего ж он лежит-то?
А если уж дышит, —
Чего ж он не слышит?»

Бог по морю ветром пишет!

Брови сильные стянув,
Взор свой — как орлица клюв —
В спящего вонзает.

Весь из памяти — буквары!
Растерялась Дева-Царь,
Что сказать — не знает.

В грудь, прямую как доска,
Втиснула два кулачка:
Усмиряет смуту.

— Ох, лентяй ты наш, лентяй!
И от пушечного, чай,
Не вздрогнёт — салюту! —

Как бы листвою
Затрёсся дуб.

Как пес цепной
Смех — с дерзких губ.

«Агу, агу, младенец!»
Хохочет, подбоченясь.

Всё — как метлою замела!
Всё — как водою залила!

Гляди: сейчас — грудь лопнет!
Все корабли потопнут!

— и —

Молча, молча,
Как сквозь толщу
Каменной коры древесной,

Из очей ее разверстых —
Слезы крупные, янтарные,
Непарные.

Не бывало, чтоб смолою
Плакал дуб!
Так, слезища за слезою,
Золотые три дороги
От истока глаз широких
К устью губ.

Не дрожат ресницы длинные,
Личико недвижимое.
Словно кто на лоб ей выжал
Персик апельсинный.

Апельсинный, абрикосный,
Лейся, сок души роскошный,
Лейся вдоль щек —

Сок преценный, янтарёвый,
Дар души ее суровой,
Лейся в песок!

На кафтан его причастный,
Лик безгласный — кровью красной
Капай, смола!

Кровью на немую льдину...
— Растопись слезой, гордыня,
Камень-скала!

А уж под сталью-латами
Спор беспардонный начат:
— Чтó: над конем не плакала,
А над мальчишкой — плачешь?

Вихрь-жар-град-гром была, —
За всё наказана!
Войска в полон брала, —
Былинкой связана!

Войска в полон брала,
Суда вверх дном клала,
А сама в топь брела —
Да невылазную!

Кулаком славным, смуглым
Лик утирает круглый —
Наводит красоту.

Лик опрокинула вверх дном,
Чтоб солнце ей своим огнем
Всю выжгло — срамоту.

«Его Высочеству приказ:
Что в третий и в последний раз
Зарей в морскую гладь

На гусельный прибудем зов.
Прощай, Гусяр! До трех разов
У нас закон — прощать».

Всей крепостью неженских уст
Уста прижгла. (От шейных бус
На латах — след двойной.)

От сласти отвалилась в срок,
И — сапожок через борток —
В дом свой морской — домой.

Еще сталь-змея вороток дерёт,
А целованный уже вздрогнул рот:
Не то вздох, не то так, зевота,
А, всё, может, зовет кого-то. . .

Допрежь синих глаз приоткрыл уста:
— Эх, и чтоб тебе подождать, краса!
И не слышал бы ветер жалоб:
Целовала б и целовала б!

Оттого что бабам в любовный час
Рот горячий-алый — дороже глаз,
Всё мы к райским плодам ревнивы,
А горячки-то — особливо!

Потягивается, подрагивает,
Перстами уста потрагивает. . .
Напрасно! И не оглянется!
Твое за сто верст — свиданыще!

А дядька-то шепчет, козлом пляша:
«Должно быть, на всех парусах пошла!
Не всё целовать в роточек. . .
Давай-ка свой вороточек!»

Синей василечков,
Синей конопли
На заспанных щечках
Глаза расцвели.

«Эй, старый, послушь-ка:
Вот сон-то приспел!
Как будто кукушку
Я взял на прицел!

Пусть зря не тоскует!
Зажмурил глазок. . .
И слышу — кукует:
До трех до разов».

— То не пташечка-кукушка
Куковала,
То твоя подружка
Тосковала.

Как под бурею ночной стонут снасти. . .
Да уж спать-то ты у нас больно мастер! —

«И вижу еще я, —
Речет сам не свой, —
Что плачет смолою
Дубок молодой.

Ветвями облапит
Как грудку-мне-стан,
И капит, и капит
Слезой на кафтан».

— Нет, Царь Лебединый,
Не дуб, не смола:
То спесь-ее-льдина
Слезой изошла. —

«И снится мне, — молвит
(Сам губочки трет), —
Что красное солнце
Мне — яблочком в рот.

Да так вот, с поклоном:
Испробуй, лентяй!»
— Царя Соломона
На сон почитай. —

Тот вздохом туманным:
«Дай сон доскажу!
За перст безымянный
Прикован — лежу.

Ай к смерти? Ай к свадьбе?
Скажи, не мытарь!»
— Эх, спать бы и спать бы
Тебе, государь!

От бабы Иосиф-то
Нагишом, — берегись!
На женском волосике
Не один уж повис! —

Не внемлет Царевич дурной ворожке,
Сам нежную руку целует себе.

«Гадай хошь на картах,
А хошь — на бобах!
Хошь вороном каркай, —
Всё сласть на губах!»

Ты бренчи, Гусляр, задай нам пиру-звону!
Синь-то водная — что синькой подсинёна!
Исполать тебе, Царь-Буря, будь здорова!
Рот у мальчика — что розан пурпуровый!

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

— Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь, белобородый.
Круговой поднос, кумачовый нос,
Мне сам черт сегодня чарочку поднес!

Веселитесь, наши руки даровые!
Всё хлеба ваши я пропил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся — и личиком в навоз!

Выпивайте, брови черные, до донышка!
Всех-то телок ваших пропил я, буренушек!
А коль тошно вам от ребячьих слез, —
Помолитесь, чтоб их черт скорей унес!

Задирайте, попы-дьяконы, подрясники!
Не то в пляске-то носами об пол хрястнетесь!

Чем крысиный хвост, да великий пост —
Лучше с чарочкой-сударочкой взасос!

Подымайтесь, воры-коршуны-мятежники!
Для костра свою я сам припас валежнику.
Двери — настезь — всё! В клетки заперт пес!
Частоколы сам по колышку разнес!

Рухай-рухай, наше царство развалённое!
Красный грянь, петух, над щами несолеными!
Красный грянь, петух: — Царь-кумашный нос
Всё, как есть, свое именье растрёс!

— Эй, холопы, гусяра за бока!
Чтоб Камаринскую мне, трепака!

То не дым-туман, турецкое куреньеце —
То Царевича перед Царем виденьеце.

То не птицы две за сеткою тюремною —
То ресницы его низкие, смиренные.

Ох, ресницы, две в снегу полуподковочки!
Розан-рот твой, куполок-льняной-маковочка!

В кулачок свой кашлянóвши для приличества:
«Какой песней услужу твоему Величеству?»

— Птица в небе — выше нас родилась!
Над тобою наш не властен приказ!

«Часто я слышал сквозь дрему
Бабий шепот-шепотех:
— Плохой сын царю земному, —
Знать, небесному хорош!

Черным словом, буйным скоком
Не грешил я на пиру.
На крыльце своем высококом
Дай ступеньку гусяру!

Никогда, сойдясь межою,
Навзничь девки не бросал,
Да не то что там с чужою —
Вовсе с бабами не спал!

Не плясал в зазорном платье,
Как ударят ввечеру.
Широки твои полаты, —
Дай местечко гусяру!

Хошь плохой я был наследник —
Гусярок зато лихой!
Паренек-то из последних —
Может, ангел не плохой. . .

Хошь и неуч я в молебнах,
Наверстаю — как помру!
Между труб твоих хвалебных
Дай местечко гусяру!»

Взял лучину Царь: «Нагнись-ка, дружок!»
(Чуть-что всей ему копны не поджег!)
«Видно, воду пьешь да постное ешь?
Что тебя-то не видал я допрежь?»

Сын ли с батюшкой, аль с львом красным — лань?
Вся-то глотка-пересохла-гортань!

Вспыхнул пуще корольков-своих-бус:
«Я вам, батюшка, сынком довожусь!»

Как толкнет его тут Царь сгоряча:
«Врешь, молочная лапша! каланча!

Прынц заморский либо беглый монах, —
Ни в каких я не повинен сынах!»

Подивился тут Царевич бровьми:
«Хоть убей меня, а зря не страми!

Не монах и не заморский мужик, —
Я в супружестве законном прижит!»

Помянул тут Царь с десятков шутов:
«Знать, косушку перелил, полуштоф!»

Да иная нам тут малость важна:
Коли сын, так твоя мать мне — жена?!»

И как взвоят — инда стекла дрожат:
«Ох пропал-пропал, пропал-пропал, — женат!

Коль жена, так значит — дочь, значит — зять?
Где ж убивица моя, — твоя мать?!»

В землю пальчиком гусяр: «Вечный дом! —
Ты в супружестве живешь во втором».

Разом хмель пропал от этого сказа,
Растарашился, что сом пучеглазый,

Вздоху нету, — гляди лопнет шарбóm.
«Так в супружестве живем во втором! . . .»

Дрожит сын, шепочет,
Винном виски мочит,
Хлопочет вокруг той горы кумачовой:
Лик — шар сургучовый, краснее клопа.
«Ох, батюшки, — так и ушел без попа!»

Льет в рот вино, назад — вино,
К груди припал, — бревном-бревно.
«Одно бы знать: что дышишь.
Да сердца не прослышишь!»

«Коли вино не хочет в рот, —
Сам в руки гусельки берет, —
Быть может, Царь-отец мой,
Мое — поможет средство!»

Пробежался по струнам ветерком,
Слышит: кто-то ровно — щелк! — языком.

Разжужжался, что шмелиха-пчела.
Смотрит: холм-гора-то кверху пошла!

А как пальчики пустил во всю прыть,
Видит: Царь сидит, да ручкою: пить!

Отцу сынок налил,
Пьет Царь, подставляет,
За каждую чаркой
Сынка похваляет:

«И кудри-то — шапкой!
Стан — рюмки стройней!
Вот что бы без баб-то —
Рожать сыновей!

Зачем — жена?
На-кой — жена?
Ты не жена,
Скажи, — война!

Чуть что не так —
И свет ей мрак,
И друг ей враг,
И царь — дурак...

Ох ты, Царь-дурак, женатый холостяк!

Приведи-ка мне, сыночек, жену:
Бить не стану, а разок — толкану!»

То не сон-туман, ночное наважденьице —
То Царицыно перед Царем виденьице.

То не черный чад над жаркою жаровнею —
То из уст ее — дыханьице неровное.

То не черных две косы, служанки кроткие:
Две расхлестанных змеи — да с косоплетками!

До ковровой до земли склонилась истоиво,
Об царевы сапоги звенит монистами.

«Виноградинка в соку,
Здравствуй, зернышко!
Не видал я на веку
Стройней горлышка!

Вся от пяточек до бус —
Вó как — нравишься!
Да коль я не подавлюсь,
Ты — подавишься!

Оттого что вкус мой гнусный, мокрый ус!»

Вырывала тут из кос косоплетки,
Отползала змея к самой середке,

Духом винным-тут-бочоночным румянилась,
Царю — в землю, гусярочку — в пояс
кланялась.

Ножки смиренные, рот алый поджат.
Во всем теле — одни ноздри дрожат.

Заиграл сперва гусяр так-óт легонечко,
Ровно капельки шумят по подоконничку.

Та — рябь рябит,
Плечьями дрожит.

Заработали тут струночки-прислужницы,
Ровно зернышки-посыпались-жемчужинки.

Та — пруд-река,
Колеблет бока.

Заходили тут и руки в странном плясе:
Коготочками гребет, что кот в атласе.

Сожмет, разожмет,
Вновь в горсть соберет.

Отпустил гусяр своих коней стреноженных —
Прокатилась дрожь волной до быстрых ноженек.

Как тигр-лежебок
Готовит прыжок.

Ой, рябы!
Ой, зыбы!
Ой, жар!
Ой, хлад!

Ой, в пляс пошла, помилуй бог вас, стар и млад!

Бочком, бочком,
Шмыжком, шмыжком,
Играючи да крадучись —
Что кот с мышом!

(Ох, не пляшут так, жена, пред муженьком!)

— Скидавай босовики!
Босая пляши! —

Эй, топ, босовичок!
Эй, скок, босовичок!
Наших бóсых ног —
Не белей снежок!

(Что ж ты вспыхнул, ай мороз тебя ожег?)

— Пусть душу не спасу, —
Распущай косу! —

Как тряханёт!
Как маханёт!
Мраком-то-как-
Жаром — дохнёт!

Белый плат-то свой нагрудный распахнет!..

Плоть ли бабья — ай
Просто яблонь-май?

Бабья пазуха —
Али божий рай?

То дыханьце ли, жаркий воздушок,
Аль инбирь-шафран-корица-корешок?

Веселится Царь, — инда пот утёр!
Белей снегу — сын, глаза в землю впер.

— Что ж вы, струночки, не стали впереворот?

Не змеинный шип — шелков рваных скрип,
То не плетка-хлыст — шелков рваных свист,
То на всем плясу — шелка́ ручьями вниз!

— Эй, жару поддавай!
Рубаху скидавай!

Отцу с сыном пир великий задавай!

Заленилась — не слышать монист.
С плеча левого наплечник вниз.

Рукой заспанной ресницы трет,
Теперь правому плечу — черед.

Осовела, что кулек с мукой,
Ткань у бедер собрала рукой.

Да не вóвремя зевнула, дрянь!
Пошла рот крестить, — пустила ткань.

И — взыграв как целый град Содом —
Закрутилась дымовым столбом!

Ночь — ежели черная,
Кровь ежели красная,
Бабенка невздорная,
Да на всё согласная —

Можно одной улочкой
Вдвоем ходить,

Можно одной булочкой
Двоих накормить.

Друг ли ты с товарищем,
Ай сын с отцом,
Поделитесь чарочкой —
И всё с концом!

Грех из-за убожества
Входить в изъян!
Поделись по-божески —
И каждый пьян.

На миру монашество —
Что землю грызть!
Ну, а бабья наша тут
Молчать — корысть.

Столбам с перекладкою
Никто не плох!
Хватай мертвой хваткою,
А там — как бог!

Луна с луговины
Ушла за копну.
Глядит Царь на сына,
Глядит на жену.

Верней самострела
Глаз пьяных — прицел.
«Ты ног не жалела,
Ты рук не жалел,

И так что за кружкой
Я верно сужу,
Решил, что друг дружкой
Я вас награжу.

Любьтесь — доколе
Ус есть у китов,
Да чтоб мне к Николе
Внучок был готов!

Да чтоб тот внучонок
С меня был снятой!»
Берет Царь бочонок:
«Налой вам святой!

В ковры-вам-подстилки
Вину велю течь!»
В персты по бутылке
Сует вместо свеч.

«Чтоб в играх-затействах
Плодились птенцы,
Вот вам венецейских
Две чарки — в венцы!»

Вверх дном, ошалелый!
Двойной аж фонтан:
Ей прямо на тело,
Ему на кафтан.

Сидит, приосанясь,
Меж струн и меж струй,
Да вдруг как затянет:
«Исайя, ликуй!»

Эх, Исайя ты, Исайя,
С небес свесь-ка голову!
На невесту взглянь: босая,
Того хуже — голая!

Словно цельным становйщем
Вражьим — в рот целована.
Всего тела вдоль — винищем
В кровь исполосована.

Ишь, сокрыла черноглазье!
Хороша, смиренница!
На полунощных-то разве
На летуньях — женятся?

Как пойдет чудить в кровати
Булавками-иглами!

— Нет, Исайя-ликователь,
Твое дело гиблое!

Гляди: Царь их лбами чокнул
Для дельца веселого!
«Да в уста чтобы — не в щеку
Целоваться, голуби!

Не рябая, не косая,
Глаже шелку — платице!»
— Ох, пророк ты наш Исайя,
Паренек-то пятится!

«Коли сам жену не чмокнешь,
Скручу с ней веревкою!»
(Ох, поддастся паренек наш!
Пенька — баба ловкая!)

Быть ему, пророк Исайя,
За дверьми чугунными!
От нее себя заставил
Изгородью струнную!

Царь из рук как схватит гусли!
— Держись, гуси-лебеди! —
«Чмокай в паточное устье, —
Не то — гусли вдребезги!»

То не девица в когтях у черной немочи —
То Царевича у женских уст застеночек.

Потягивается, подрагивает,
Устами уста потрагивает,
Как жалом в него вонзается,
Как в яблок в него вгрызается,
Из сердца весь сок вытягивает,
В глубинную глубь затягивает.

«Учись, учись, любовничек,
Как без меня чаевничать!

Учись, учись, болезный мой,
Как нашей лаской брезговать!

Учись, учись, монашек мой,
Как в споре жить — да с мачехой!»

Обхватывает, обматывает,
В грудь скудную — когти вкапывает,
Вокруг обвилась, как жимолость,
Как радуга — запрокинулась!
Белки-то уже — под дёснами!
Аж пол подметает — космами!

Стар и млад — не суди!
Этот жар — из груди
Должен в грудь перебечь,
Аль всю суть нашу сжечь.

У цыгана — луна,
У буяна — война,
У дворянчиков — честь,
У нас — кровь одна есть.

Кровь, что воет волкóм,
Кровь — свирепый дракон,
Кровь, что кровь с молоком
В кровь целует — силком!

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Солнце в терем врезалось —
Что меч золотой!
Лежит цвет-наш-трезвенник,
Как пьяный какой.

Вот уж вечер-заревó —
Он взор межжит.
Уж к вечерне вдарили —
Он всё лежит.

Ухо клонит-слушает:
Уж с коих пор —
Ровно шум-шушуканье,
Девичий спор.

Словно ручеечка два
Шумят сквозь снег...
Только шепоточка два, —
А толку — нет.

Ему шепоточка два
Без всяких слов,
А нам волосочка два
Да с двух голов.

(Враги неразрывные —
В одном котле!)
Сошлись на груди одной,
Одном сукне.

Один — глаз хоть выколи,
Тот — взор завесь.
Один — аж по щиколку,
Тот — с пальчик весь.

По кафтану шитому
Шумят войной.
Тот — змеиным шипом-то,
А тот — струной.

От их шуму-шороху
Аж лоб болит!
«Твое дело коротко!»
— Да толк велик!

«Стрижка-брижка-выскачка!»
— С грозой дружу!
«Из хвоста-знать-кисточки!»
— Да верх держу!

«С головы я чёсаной!»
— А я с честной!

«Моя баба — с косами!»
— Моя — с красой!

Был тут спор порядошный:
Свились в комок!
Только слышит: рядышком —
Другой шумок.

Не морской, не гусельный:
Пчелиный — гуд.
Близко-близко, чуть ли не
У самых губ.

Нет, не пчелки розанам
Ведут дозор.
То с печатью грозною
У слюнки — спор.¹

«Чей ты, мед несмешанный?»
— Забыл ожог?
«Подари усмешечкой!»
— Вздохни разок!

«Вспомни час полуночный!»
— Полдневный жар!
«Теку в каждой слюночке!»
— Что вздох — то дар!

«Раскрой половиночки!»
— Шепни во сне!
«Все мои — кровиночки!»
— Все песни — мне!

Разорвут на части две,
(Аж жар во рту!)
Разных уст — печати две
На том же рту.

«Мой он, мед несмешанный!»
— Шалишь, дружок!

¹ Печать (ожог) — поцелуй Царь-Девыцы, слюнка — поцелуй мачехи. Первой говорит слюнка.

Свистит слюнка грешная,
Кипит ожог.

«Что это с губами-то?»
(Гусляр втупик.)
«Пить хочу без памяти, —
Аж грудь кипит!»

Язычком оближется:
От губ — дымок,
Только что поблизости —
Опять шумок:

Как от свечки воск дает
В церкви ночной —
Речь великопостная,
Шумок свечной.

Ему — капли воску две
Из божьих сот,
А нам, значит, слезки две —
Из разных вод.

Та из моря Чёрного,
Акульих мест,
Та из моря верного —
Жемчужный всплеск.

Двух печалей первенцы:
— Вернись! — Вернись! —
Две слезы-соперницы
В одну слились.

—

Жаркими руками
Вдоль перил витых,
Шалыми скачками
С лестничек крутых.

Какой тут заморыш!
Богатырь, ей-ей!
Одним махом — сорок
Спрыгнул ступеней.

Бугор ему — кочка,
Страшён ему — кто?
Море бы в примочки
Взял, каб не мелко!

Ох, ожог, знать, лютый!
Не простой, знать, мед!
Гляди, вихрь полú-то
Сейчас оторвет!

По камням-колючкам
Шпарит-жарит — и-их!
А ведьмухи внучкам:
«Ошалел жених!»

Только — Царь Небесный! —
Из тьмы теремной
Что за знак за крестный
Вслед ему — чудной?

«На измор-отраву,
На позор-на-вред,
Слева — да направо,
Снизу — да наверх. . .»

Не глаза под бровью:
Черные дела!
Не наестся кровью
Ревности игла!

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога — колыбельная!

«Не спи, крепись!
Взгляни на птиц:
Заснем — так вниз,
Заснешь — так вниз. . .»

Не та уж синь
Промеж ресниц

Пойдет, —
Морская синь пойдет!

Морская синь,
Морская соль,
Всё море в грудь твою взойдет, —
И будешь ты
Не царский сын:
Морской король.
Аминь.

Не спи — встряхнись!
Учись у птиц!
Смекай наш писк,
Смекай наш свист!
Не звон монист —
Змеиный шип!
Держись!
С змеищей вперегиб
Не стой в ночи!
Шелками шит, змеей зашит
Твой вороток!
Не спи, крепись!
Встряхнись!
Смекай наш свист!»

И ветер этой песне вторил
Широким свистом кучерским.
Тогда заговорило море
Роскошным голосом морским:

— Доверься морю! — Не обманет!
Плыви, корабель-корабёль!
Я нянюшка — всех лучше — нянек,
Всем колыбелям колыбель.

Уж скоро ты в кулак — канаты
Сам разорвешь, своей рукой.
Припав к груди моей богатой,
Крепчай, мой выкормыш морской!

Клади себе взамен подушки
Мою широкую зарю!
Тебе в игрушки-погремушки
Я само солнце подарю!

Не будет вольным володеньям
Твоим ни краю, ни конца. . .
Испей, сыночек двухнедельный,
Испей морского питьеца.

Испей, испей его, испробуй!
Утробу тощую согрей.
Иди, иди ко мне в учебу —
К пенящейся груди моей!

Волна челн колышет,
Жар утробу сушит.
Одно дело — слушать,
А другое — слышать.

Кому жить охота —
К мощам не паломник,
Кому пить охота —
Лишь стакан и помнит.

Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Чересчур уж пенный!

Выпьешь, — ничего не
Скажешь, — мед хвалёный!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересолёный!

Кровь ли это в жилах,
Аль волна об челн,
Как та песнь сложилась —
Нам-то знать почему?

Не своей охотой —
Дуло у виска!
Не своей работы —
Смертная тоска!

Как ременным кушаком сжата грудь.
Ручку поднял — вороток отстегнуть,

Да от темени до пят — как вздрогнёт!
Да как ручку-то назад дерганёт!

А всего-то на тебе, дурачок,
Пустьяковина сидит: паучок.

Шейкой крутит, аж в лице покраснел!
А паук-то уж на грудку приспел.

«Не дави меня, господь не велит.
Не простой я паучок, — крестовик!»

И тоненько так, комарьей струной:
«Не простой я паучок, — теремной!»

Ну и страху-тут-смятенья было!
Ровно судорогой парня свело.

Тут бы дрянь ему да в воду шелчком!
Ан уж кончено и так с паучком:

Солнце светит, ветерок, значит, свеж...
Только нового — что дядькина плешь!

— Чтоб ты лопнул с той мушиной крови! —
А старик ему: «Бог в помощь, пльви!»

— Чтоб огнем тебя — мушиная кровь! —
А старик ему: «Совет да любовь!»

— Чтоб на гроб тебе не стало досок! —
А старик на то ни слова, — молчок.

То не свет-Егорий
Спор ведет с Советом,
То посередь моря —
Царь-Деввица с Ветром.

Говорит, как с ровней,
(Мудр, хоть непоседа!)
Спор-то любовный,
Дружная беседа:

«Ветер-ветер, перебежчик,
Переносчик, пересказчик,
Наших женских дел доносчик,
Слов разносчик, дум доказчик...»

Да чтоб слов не тратить,
— Разом чтоб! Спроста! —
Есть ли где, касатик,
Меж царей мне братец,
Меж девиц — сестра?»

Говорит — как шутит.
Тот кудрями крутит:

— Нет во всей вселенной
Такой здоровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

Вздых тут поборовши,
Отпила от чаши.
«Так-то так — здоровше!
Ну, а всех ли краше?»

Говорит — как рубит.
Тот как дьякон трѹбит:

— Нет во всей вселенной
Такой откровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

«Эх, болтун досужий,
Скажи, не жалея:
Ну, а может — хуже
Знаешь — да милее?»

Говорит — как просит.
Тот гонцом доносит:

— Нет во всей вселенной
Такой несравненной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

«Чего ж он, мой лебедь...
(Говорит — как бредит)
Синий взор свой прячет?»
Говорит — как плачет...

— Будет тебе руки
Марать бабьим делом!
Коли будут внуки,
Будешь ты им — дедом! —

На руку ей тихо
Шум-кладет-крыло:
— Мой совет, чтоб их и
Вовсе не было!

Варишь — не наваришь!
От лоханки — к курам!
Предоставь, товарищ,
Это дело — дурам.

Куры на насесте, —
Ребят не унять!
Давай лучше вместе
Корабли гонять! —

Разошелся дурень:
Аж грозитя Деве!
— А родства-то: шурин,
Тесть, да зять, да деверь...

Степняки, невежды,
Ватошный кафтан! —
Крылышек промежду
Грудку-взял-ей-стан.

— Нет на всем на рынке
Ценней — жениха-то!
От моей перинки
Не пойдешь брюхатой!

Крыл у меня двое:
Одно подстелю,
А другим накрою
И благословлю. —

Да над самой, эдак,
Шепчет над душой:
«Не хочу я девок,
Ты мне брат старшой!»

— Нет во всей вселенной
Такой дерзновенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

По рукам, что ль? — Слышит:
Слеза — стук — об сталь.
«Об одном лишь, — дышит, —
Грусть-схватила-жаль.

Лучше б... (тот к ней ближе)
Вовсе б свет погас!
Так и не увижу
Его синих глаз!»

Зарычал с досады!
Разом крылья отнял!
— Да в любом посаде
Таких глаз — по сотням!

Бабью страсть дрянную
Знаю — к кулаку!

Чай, не приревную, —
Сам приволоку!

Не мужик, не зверь я,
Не законный лапоть!
Ну, а чем на перья
Мне слезою капать —

Хватай-ка за гриву —
Брать Стамбул-Царьград!
Девичий-свой-львиный
Покажи захват!

Завзятой бобыль я,
Проживем без скуки! —
Тот навстречу — крылья,
Та навстречу — руки. . .

— Всех законов крепче
Ветровой закон! —
«Свет-Архандел! — шепчет. —
Никак, его звон?»

«Сорную траву дурную
Не коси, косарь, с плеча!
Не паша, не боронуя,
Молодость моя прошла:

Всё печаль свою покоил,
Даже печки не сложил.
Кто избы себе не строил —
Тот земли не заслужил.

Для гробочка-домовины,
Из досочек из шести
Из сосновых — ни единой
Я не выстрогал доски.

Только знал, что на перине
Струнным звоном ворожил.
Кто страды земной не принял —
Тот земли не заслужил.

На перине, на соломе,
Середь моря без весла, —
Ничего не чтит, кроме
Струнного рукомесла.

Ну, а этим уж именем
Пуще хлеба дорожил...
Кто к земным плодам надменен —
Тот земли не заслужил!»

Ломовым ей дышлом
В грудь — напев чуть слышный.
Она Ветру: «Слышишь?»
— Ничего не слышу!

Тот без зла ответил,
Ее зло взяло.
«Отстранись-ка, Ветер,
Рваное крыло!

Из твоей свободы
Не слатать заплаты!
Тебе путь — к Восходу,
Ну, а мне — к Закату!»

Не орел с орлицей
В спор-вступили-схват:
Крылья рвет — Девицын
Нареченный брат.

Солнце — долу,
Месяц — в гору,
Челнок с горы на гору.
Оставался б, мальчик, дома,
Обирал бы ягоды...

В сапожке казанском ногу
На борток поставил он.
Окиянскую дорогу
Мерит взором сабельным.

То не меч с мечом,
Не клинок с клинком —
То пресветлый взор
С заревым лучом —

Взор державный с лучом державным
В поединке схватились славном.

Под ногою хлябь-трясина
Дурь ведет опасную.
Мерься, мерься, взор пресиний,
С тою саблей красною!

Докажи: не трус ты скверный,
Не сопля в халатике!
С самим воинством вечерним,
Мол, играл в солдатики.

То не ладан-пар
От воды встает,
То войскам — гусяр
Производит смотр.

Не крестьянским полкам голодным —
Золотым облакам господним.

— Выходи сам хан татарский —
Поравняюсь силою!
Возводи меня на царство,
Рать ширококрылая!

Надоело промеж нянек
Брать цветник атакою!
Никакой я вам не пряник,
Не миндаль, не патока! —

То не два крыла —
В золотой костер,
То Царевич наш
Две руки простер,

Две руки свои разом поднял
В золотую зарю господню!

(Не кичись своим обхватом,
Грудь Первопрестольная!
Семихолмие — Москва-то,
Хлябь — тысячехолмие!

Величай нас, люд сермяжный,
По имени-отчеству!
На морском холму на каждом —
Вот наше Высочество!)

То не просто — конь
В боевой огонь,
Без стремян-подков
Острогрудый конь —

По морским заповедным чашам,
С белым всадником, ввысь глядящим.

А навстречу — из чертога —
Кто — в броню закованный?
Не ему ли дать дорогу
Войска — на две стороны?

К гусяру простерты длани,
За плечьями-просторами
Разошлась двумя крылами
Рать золотоперая...

То не меч честной
Мечу держит речь,
То булавка-сон
Промеж хилых плеч,

То острожник двух рук ревнивых
Женской мезтью сражен в загривок,

Над орленком своим — орлица,
Над Царевичем — Царь-Девнца.

— Бог на небе — и тот в аду,
Ворон в поле, мертвец в гробу,
Шептуны, летуны, ветрогоны,

Вихрь осенний и ветер полуденный,
Всё разбойнички по кустам,
Хан татарский, турецкий султан,
Силы — власти — престолы — славы —
Стан пернатый и стан шершавый,
Ветер — воды — огонь — земля,
Эта спящая кровь — моя!

Царю не дам,
Огню не дам,
Воде не дам,
Земле не дам.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в море и в чаше,
В шелках — под рогожей —
Мой — стоя и лежа,
И в волчьей берлоге,
И в поздней дороге,
Мой — пеший и конный,
Мой — певчий и сонный.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в горе и в счастье,
Мой — в мощи и в хвори,
Мой — в пляске и в соре,
И в царском чертоге,
И в царском остроге,
В шелках — на соломе —
Мой — в гробе и в громе!

В огне и в заразе,
В чуме и в проказе,
Мой — в сглазе и в порче,
Мой — в пене и в корчах,
В грехе и в погоне,
Мой — в ханском полоне,
Мой — есть он дотоле
И будет — доколе:

Есть страж — в раю,
Не-наш — в аду,

Земля — внизу,
Судьба — вверху.

Что́ это вдруг стальным лучом
Рассекло луч вечерний?
То Дева-Царь своим мечом
Клянется, саблей верной.

Припав к головочке льняной,
Ресницы-нежит-стрелы:
«Сама виной, сама виной, —
Гордыня одолела!

Видали вы такую статью,
Чтоб вдруг ребеночку не спать?
Да мне твой взор и спящий,
Всех царств небесных — слаще!

Кто спит — тот пьян, кто спит — тот сыт.
Да, цветик благовонный!
Есть Толстый Царь, есть Тонкий Царь,
Ты Царь мой будешь — Сонный!

Чуть что не так — и двор сквозной,
И дом дружку заказан. . .
Хоть и хорош, как заказной, —
У бога не заказан!»

С великой нежностью ему
Разглаживает шнур-тесму,
Лик-наклоняет-солнце
На белое суконце.

И вдруг — будь счастлив, паренек,
Что сон твой непритворный! —
Белого поля поперек
— Пропала! — волос черный!

Через всё небо — вкось
Красные письма.

Первый глухой удар
Грома далекого.

Дева не крестит лба,
Лат отломила бок,
Сабельной сталью в сталь
Знаки-врезает-весть.

Кончив, на острый край
Весть-насадила-гнев.
Через коленку — враз —
Саблю-ломает-сталь.

В правой — чем грудь разить,
В той — где рукой хватать.
Стан преклонив, к ногам
Оба конца кладет.

Не разогнув колен,
Русским честным крестом
Лоб-ему-грудь-плеча
Крестит на сон ночной.

Гонит пророк коней.
Гривами хлябь пошла.
Пуще взметнулся бич
В длани пророковой.

Молнией поднялась,
Грудь-разломила-сталь.
Правой рукой под грудь,
Левою — сердце вон!

Взмах — и ответный всплеск.
Красен рубахи холст,
Как кровавая — хлябь...
Ветер замел круги.

Ох, уж не ветер, не вихрь!
В небо полезла хлябь!
Не оплошай бичом, —
Вожжи уж вырваны!

Не приступ протрубил горнист —
Кулашный свист!
Не бурю полоснувший хлыст —
Ответный свист!

— Здорóво, нареченный брат!
— Здорóво, брат!
— В дорогу, нареченный брат!
— В дорогу, брат!
Довольно, знать, по гусярю
Рвать волоса!
В грудь — сквозь сердечную дыру —
Ветр ворвался!

Сталь из вóрота —
Память в лоб.
«Где же Воинство?
Что за сноп
Из воды, за лучи-за-стрелы?
Середь моря, что ль, солнце село?
Что за кровь на моей груди?»

А колдун: — В облака гляди!

И видит гусяр: в облаках тех румяных,
В морях тех не наших — туманных —
обманных —

Челнок лебединый с младым гусяром...
И дивного мужа под красным шатром
Он видит — как золотом-писанный-краской!
И светлые латы под огненной каской,
И красную каску на красных кудрях,
И властную руку, в небесных морях
Простертую — через простор пурпурóвый —
Через версты и версты к челну гусярову.

И бст уж — прыжками морская слюда,
Вот-вот уж носами сшибутся суда...
Сошлись — и как древнего времени чудо —
Тот муж светоносный в челнок белогрудый
Нисходит — склоняется — сдернул покров...

Да как подивится на вид гусяров!
Да как рассмеется так вот откровенно, —
Как новое солнце взошло во вселенной!
Как лев златогривый стоит над щенком. . .

Так, ласка за лаской, смешок за смешком,
В морях тех небесных — далече-далече! —
Вся их повторяется первая встреча.

И снова туман-всколыхнулся-фата,
И сызнава в небе всё та же мечта:
Корабль тот — и челн тот, и вновь пурпуровый
Вскипающий вал промеж ними — и снова
По грозному небу — как кистью золотой —
Над Ангелом — Воин из стали литой.

И грозную смуту на личике круглом,
Жемчужную россыпь на золоте смуглом
Он видит. — Как дождичком-бьет-серебром!
Да что ж это? Аль обернулся бабьём?
Да как ж это можно, чтоб в каске хвостатой
Над дрянь-гусяришкой реветь в три ручья-то!
Аль черная ночь-тобой крутит-дурман?
И длится, и длится зеркальный обман. . .
И вот уж, мечом-поиграв-рукою, —
Уста гусяру припечатал печатью.
— Смеется! — И это, мол, нам нипочем!

Так, слезка за слезкою, луч за лучом,
В том зеркале чудном — с закатного краю —
Вся их повторяется встреча вторая.

И видит гусяр, как в волшебном стекле,
Эбеновый волос на белом сукне,
И светлую саблю с письмом рукописным,
И крест тот широкий — любви бескорыстной,
Которым нас матери крестят: — Живи!
Ох, латы ломает! Рубаха в крови!
Кровавое сердце взметнулось над хлябью!
— Спаси мою душеньку! — Грудка-то — бабья!

Кровавою дланью громам поклялась! . .

Так, перед морями двух плачущих глаз,
В морях тех небесных — далече-далече! —
Вся их разыгралась последняя встреча.

И снова: гладь — гладью,
Синь — синью. . .
Где сердце упало — краснó!
Оставьте вы царского сына,
Он память-читает-письмо.
Науки — не царское дело,
Мозги не пристали гербам.
Знать — лютая страсть одолела,
Коль сразу прочел — по складам:

— Нигде меня нету.
В никуда я пропала.
Никто не догонит.
Ничто не вернет.

Как цветочек!
Смотреть-то жалость!
Эх вы, сабельных
Два куска!
«Что ж, — шепочет, —
Теперь осталось?»

— Ей войска, а тебе — тоска! —

Размахнулся всею силой рук:
Ан уж нету старика — паук!

Как притопнет, поглядев вострбó:
Ан уж нету паука — мокро!

Сам жс в воду — добывать свое добро.

НОЧЬ ПОСЛЕДНЯЯ

«Ой, ветлы, ой, ветлы —
Полночные метлы!
Ой, ветлы!

Ой, рот ты мой блеклый,
Глаза мои стеклы —
Ой, ветлы!

Пришел к побережью
Без парня — челнок-то!
Ой, ветлы!

Не жить мне на свете!
Ой, ветлы, ой, ветер,
Ой, ветер!

Бери меня, ветер,
На крылышки, ветер,
Ой, ветер!

Берите, туманы!
Не быть мне румяной —
Туманы!

Отравой-обманом —
Объелась — дурманом,
Ой, ветер!

Не жить мне на свете!
Ой, ветлы, ой, ветер,
Ой, ветер!»

А Ветер в ответ ей:
«Я милого встретил,
Шлет вести.

Жив белый твой цветик,
Да только не весел,
Не светел.

В кумашной палатке
Плывет без оглядки —
С солдаткой.

У страшной солдатки
Под огненной пяткой —
Твой сладкий!

А хочешь — за бабой
Разбойной — в погоню?
Обгоним!

А хочешь — волну
За волной поторопим?
Затопим!

Затопим, закружим,
Закружим, отслужим?
Отслужим!

А дружка — назад,
К груди пламенной!»
А она, в слезах:
«Ветер, на́ меня!

Ветер, на́ меня!
Туман, на́ меня!
Отпусти меня,
Гроб мой каменный!»

Мчится, мчится вместе с Ветром — молодая!
Заметает след — ветла седая.
Не пушись, ветла!
Не трудись, метла!
Кому дело, что я с ветром утекла?

«Ох ты, ветер, не было́ бы нам подвоху!»
— А ты, мать моя, сиди себе, не охай!
Крепче всяких уз —
Ветровой союз!
Чай, не первой в своей верности клянусь! —

«Что ж то, ветер, не слышать морского шуму?»
— А ты, мать моя, сиди себе, не думай!
Встречных птиц считай,
Звезды в лоб шелка́й, —
Не очнешься — и уж Царство-нам-Китай!

«Что толкаешься, мужик ты сиволапый?»
— А ты, мать, меня за крылышки не цапай!
Не слетишь — не трусь!
Не таков я гусь, —
Не таких еще носил через всю Русь!

«Прямо в небо норовит, лесной шишига!»
— А ты, мать моя, сиди себе, не прыгай!
Для двух ног твоих
Тот пролет велик —
Не с любовничком упасть на пуховик!

«Ой, родимый, погоди, никак не сяду!»
— Сиди, мать моя, сиди, сиди, не падай!
До низов-равнин —
Не вершок-аршин!
Уж не ссорься лучше с Ветром ты старшим!

«Говорят тебе, дурак, сидеть неловко!»
— Нет, уж некогда — годить! Верста — делов-то!
Не одна краса,
Что твоя коса!
Не одной тебе, чай, в верности клялся!

«Что ж ты, подлый, обернулся кверху брюхом?!»
— Не сумела усидеть, змея, — так рухай!
Знай, змея из змей:
Сахарок-твой-клей
Так и тает промеж двух ее груди!

— Ух! —

— Кто ж это так ухнул вдруг?
Просто вылетел из тела — дух!

Да не плачь ты, полуночный сын!
Просто тело о кремень-кирпич.

И пополз меж камней —
Змей...

КОНЕЦ

Над подвалами — полы,
Над полами — потолки,
Купола — над потолками,
Облака — над куполами.
Там — про наши дела
Пальцем пишет — Судьба.

Пишет — ровно плугом пашет:
Не до грамоты ей нашей!
Берегись, народ крещеный:
Пишет прописью саженой!
В облаках — промеж звезд —
Чуть зажглось — уж сбылось.

Под престолами — подвалы,
Над престолами — обломы
Облаков багровых, грозных
С красной молнией и с громом.
Сверху — страсть, снизу — смрад...
А еще царей винят!

Веселись, пока веселый!
Над *подвалами* — престолы.
Как нашлет бог грозу,
Был вверху, стал внизу.

Над подвалами — престолы,
Под подвалами — погосты,
С черной костью нашей рабской,
С мертвой плотью нашей скотской.
Сверху — страсть, снизу — смрад...
А еще рабов винят!

Веселись, лик бледный, впалый!
Под *престолами* — подвалы!

Не пропеть петуху —
Был внизу, сталверху.

— Кто ж всё царствице мое разнес в труху?

— А ты кто? — Царь.
— Какой ты Царь!
Нет, — ты не Царь, скажи:
Комарь.

Кровосос ты, ишь раздулся с нашей кровушки!
Где крестьянские все наши телочки-коровушки?

Царь, залечивай
Раны-немощи!
Есть нам нечего,
Пить нам не на што!
Свиньям месиво —
Вот обед наш весь!
Гниль да с плесенью —
Вот и век наш весь!

Гниль да плесень да горящая солома!
— Кто пустил вас, черти-дьяволы, в хоромы?

— А мы сами пришли!
Одолели вши.
Всё нутро-кишки
Проскребли жмыхи.

Чтоб спознался Царь крестьянский с нашим
горем —
Мы Царю-то Комару-то — брюхо вспорем!

— Что вы, дурни, Царю брюхо пороть?
У Царя-то, чай, священная плоть!
Али к божьему закону тупы?
— Всё по рощицам твои, Царь, попы!

— Ошалели, сволочь, черная кость!
— Кость-то белую твою с мясом врозь
Разведем — тогда смекнешь, старина:
Кость-то разная, а кровь-то — одна!

— Эй, дворянчики мои, грибы-груздочки!
Столбы верные, примерные столбочки!
Что ж вы нынче на помин не легки?
— Всё без шапочки твои, Царь, грибки!

За престол за твой по красным по стогнам
Место лобное свели — с местом лобным.
«Не трудись, — кричат, — собачьи кишки!
Только выше мы еще — без башки!»

— Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный;
Выручай меня хоть ты, двор Гостиный!
Аль в груди, как на лотке, — одна гниль?
— От купцов твоих, Кумач, — одна была!

Там, где розаны цветут и на святки
В том краю теперь разбили палатки!
Пропадать с тобой небось — не глупцы!
Всё водой твои махнули купцы!

— Эй, навозенные мухи,
Псы-антихристы!
Вызволяй, свиное ухо,
Царя — хитростью!

— Всё макать пошли — да в нашу солонку!
Все на нашу перешли на сторонку!

— Ой, боже, да кто ж вы?
— А мы — бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, бессапожье,
Ощепья, отребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьи, —
Да так себе — сволочь!

— Как не пропиты мои, значит, дрожки, —
Всем сафьянцу привезу на сапожки!

— Сафьян нам негоже:
Твоя нужна кожа.

— Пощадите мою спинку, голубчики!
Всем овчинки привезу на тулупчики!
— Нет, Царь, не до шуб!
Тебя под тулуп.

Чай, веками нас валили под рогожу-то!
— Ой, да что ж это, да что ж это, да что ж
это?!

— Смеялся — плачь!
— Грозился — трусь!
Да, Царь-Кумач,
Мы — Красная Русь!

Твоя мамка мы, кормилка никудашная,
Русь кулашная — калашная — кумашная!

Ша-баш!

14 июля — 17 сентября 1920
Москва

383. НА КРАСНОМ КОНЕ

Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Не Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.
Вихор ото лба отводила — не Муза,
В большие поля уводила — не Муза.

Не Муза, не черные косы, не бусы,
Не басни, — всего два крыла светлорусых, —
Коротких — над бровью крылатой.
Стан в латах.
Султан.

К устам не клонился,
На сон не крестил.
О сломанной кукле
Со мной не грустил.
Всех птиц моих — на свободу
Пускал — и потом — не жалея шпор,
На красном коне — промеж синих гор
Гремящего ледохода!

Пожарные! — Широкий крик!
Как зарево широкий — крик!
Пожарные! — Душа горит!
Не наш ли дом горит?!

Сполóшный колокол гремит,
Качай-раскачивай язык,
Сполóшный колокол! — Велик
Пожар! — Душа горит!

Пляша от страшной красоты,
На красных факелов жгуты
Рукоплещу — кричу — свищу —
Рычу — искры мечу.

Кто вынес? — Кто сквозь гром и чад
Орлом восхíтил? — Не очнись!
Рубашка — длинная — до пят
На мне — и нитка бус.

Вой пламени, стекольный лязг...
У каждого — заместо глаз —
Два зарева! — Полет перин!
Горим! Горим! Горим!

Трещи, тысячетный ларь!
Пылай, накопленная кладь!
Мой дом — над всеми государь,
Мне нечего желать.

— Пожарные! — Крепчай, Петух!
Грянь в раззолоченные лбы!
Чтобы пожар не тух, не тух!
Чтоб рухнули столбы!

Что́ это — вдруг — рухнуло — вдруг?
Это не столб — рухнул!
Бешеный всплеск маленьких рук
В небо — и крик: — Кукла!

Кто это — вслед — скоком гоня
Взор мне метнул — властный?
Кто это — вслед — скоком с коня
Красного — в дом — красный?!

Крик — и перекричавший всех
Крик. — Громовой удар.

Вздымая куклу, как доспех,
Встает, как сам Пожар.

Как Царь меж огненных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
— Я спас ее тебе, — разбей!
Освободи Любoвь!

Что́ это вдруг — рухнуло? — Нет,
Это не мир — рухнул!
То две руки — конному — вслед
Девочка — без — куклы.

Февраль. Кривые дороги.
В полях — метель.
Метет большие дороги
Ветрoв — артель.

То вскачь по хребтам наклонным,
То снова круть.
За красным, за красным конным
Всё тот же путь.

То — вот он! рукой достанешь!
Как дразнит: тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом — конь.

Султан ли — в глазах — косматый,
Аль так — ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Мети, ветра!

Мети, громозди пороги —
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан — стал.

И внемлют ветра — и стоном
В ответ на стон.
Торопится красным гоном
Мой конный сон.

Косматых воскрылий взлеты,
Аль так — ветла?
Вздымайте, вздымайте, метлы!
Держись, ветра!

А что ж это там за глыба,
Всплывает — там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.

Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,
Мне пламень подков, в ладони —
Уж край плаща!

На помощь, с мечом и громом,
Всех воинств Царь! —
Но прядает конь — и громом
Взгремел в алтарь!

Стремлю — а за мною — сворой
Вся рать ветров.
Еще не остыл — по хорам —
Раскат подков.

Как рокот Сорокоуста,
Метель взмелась:
Престол опрокинут! — Пусто!
Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!
Метель, ярись!
Померкло от конской пены
Сиянье риз.

Шатается купол. — Рухай,
Сонм сил и слав!
И рухает тело — руки
Крестом распяв.

Огромною битвой радуг —
Разлет лампад.
— Прими меня, чист и сладок,
За ны — распят.

Ревнивая длань — твой праздник!
Прими огонь!
Но что — с высоты — за всадник,
И что за конь?

Доспехи на нем — как солнце. . . —
Полет крутой —
И прямо на грудь мне — конской
Встает пятой.

Гром первый по черепу — или лом
По черепу?! — Люди! Люди!
В сухую подушку вгрызаясь лбом,
Впервые сказать: Не любит!

Не любит! — Не надо мне женских кос!
Не любит! — Не надо мне красных бус!
Не любит! — Так я на коня вздымусь!
Не любит! — Вздымусь — до неба!

О дух моих дедов, выиграй с цепи!
Шатай вековые сосны!
О дух моих дедов — Эол! — трепи
Мои золотые космы!

На белом коне впереди полков
Вперед под серебряный гром подков!
Посмотрим, посмотрим — в бою каков
Гордец на коне на красном!

Разломано небо! — Благой знак:
Заря кровянит шлем мой!
Солдаты! До неба — один шаг:
Законом зерна — в землю!

Вперед — через ров! — Сорвались? — Ряд
Другой — через ров! — Сорвались? — Вновь
Другой — через ров! — На снегу лат
Не знаю: заря? кровь?

Солдаты! Какого врага — бьем?
В груди холодок — жгуч.
И входит, и входит стальным копьем
Под левую грудь — луч.

И шепот: такой я тебя желал!
И рокот: такой я тебя избрал,
Дитя моей страсти — сестра — брат —
Невеста во льду — лат!

Моя и ничья — до конца лет.
Я, руки воздев: свет!
— Пребудешь? Не будешь ничья, — нет?
Я, рану зажав: нет.

Не Муза, не Муза, — не бранные узы
Родства, — не твои путы,
О Дружба! — Не женской рукой, — лютой
Затянут на мне —
Узел.

Сей страшен союз. — В черноте рва
Лежу — а Восход светел.
О кто невесомых моих два
Крыла за плечом —
Взвесил?

Немой соглядатай
Живых бурь —
Лежу — и слезу
Тени.

Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне —
Мой Гений!

13—17 января 1921

384. ПОЭМА ГОРЫ

Liebster, Dich wundert
die Rede? Alle Scheidenden
reden wie Trunkene und
nehmen sich festlich...

*Hölderlin*¹

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вздоргнешь — и горы с плеч,
И душа — горé.
Дай мне о гóре спеть:
О моей горе!

Черной ни днешь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о гóре спеть
Наверху горы.

1

Та гора была как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.
— Океан в ушную раковину
Вдруг-ворвавшимся ура! —
Та гора гнала и ратовала.

¹ О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... *Гёльдерлин*.

Та гора была как гром!
Грудь, титанами разыгранная!
(Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?)

Та гора была — миры!
Бог за мир взывает дорого!
.
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай,
Просто голый казарменный
Холм. — Равняйся! Стреляй! —
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была — рай?

3

Как на ладони поданный
Рай — не берись, коль жгуч!
Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.

Как бы титана лапами
Кустарников и хвой —
Гора хватала за полы,
Приказывала: стой!

О, далеко не азбучный
Рай: сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: ляг!

Оторопел под натиском, —
Как? Не понять и днесь! —
Гора, как сводня — святости,
Указывала: здесь...

Персефоны зерно гранатовое,
 Как забыть тебя в стужах зим?
 Помню губы, двойною раковиной
 Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
 Губ упорствующий багрец,
 И ресницы твои — зазубринами,
 И звезды золотой зубец.

Не обман — страсть, и не вымысел!
 И не лжет, — только не дли!
 О когда бы в сей мир явились мы
 Простолюдинами любви!

О когда б, здраво и попросту:
 Просто — холм, просто — бугор...
 Говорят — тягою к пропасти
 Измеряют уровень гор.

В ворохах вереска бурого,
 В островах страждущих хвой...
 (Высота бреда — над уровнем
 Жизни.)

— На́ же меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
 Но птенцов лепет — увы!
 Оттого что в сей мир явились мы —
 Небожителями любви!

Гора горевала (а горы глиной
 Горькой горюют в часы разлук),
 Гора горевала о голубиной
 Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется — по *слезам* его.

Еще горевала гора, что табор —
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком — отпустил Агарь!

Еще говорила, что это демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила. Мы были немые.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет — что нынче и кровь и зной.
Гора горевала, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет — что ныне: и Мир и Рим.
Гора горевала, что быть с другими
Нам (не завидую тем, другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора горевала, что стар тот узел
Гордиев: долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе:
Завтра! Не сразу! Когда над лбом —
Уж не *memento*,¹ а просто — *море*!
Завтра, когда пойдем!

Звук... ну... как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?

¹ *Memento mori* (лат.) — помни о смерти. — *Ред.*

Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи —

В жизнь, про которую знаем всё мы:
Сброд — рынок — барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор — пишутся — *тáк*.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до ночи мы

Жизнь свою — как карту бьем!
Страстные, *не быть* упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами —

Чтите мой угрюмый грот.
(Грот — была, и волны впрыгивали!)
Той горы последний ход
Помнишь — на исходе пригорода?

Та гора была — миры!
Боги мстят своим подобиям!
.
Горе началось с горы.
Та гора на мне — надгробием.

9

Минут годы. И вот — означенный
Камень, плоским смененный, снят.¹
Нашу гору застроят дачами,
Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах
Воздух лучше и легче жить.

¹ Т. е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита).

И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои — вверх дном!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Дома в счастье, и *счастья* — в дом!

Счастья — в *доме!* Любви без вымыслов!
Без вытя-гивания жил!
Надо женщиной быть — и вынести!
(Было-было, когда ходил,

Счастье — в *доме!*) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет: мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе, —
Пока можешь еще — греши! —
Будут лавочки на отдыхе
Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка — в дом!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора — игры.
Есть беспутные, нет — беспамятных:
Горы времени — у горы!

По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями:
Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками — Везувия
Не сковать! Великана — льном

Не связать! *Одного* безумия
Уст — достаточно, чтобы львом

Виноградники за-ворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами — сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Твёрже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть пробелы в памяти, — бельма
На глазах: семь покрывал.
Я не помню тебя отдельно.
Вместо чёрт — белый провал.

Без примет. Белым пробелом —
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана — сплошь.) Частности мелом
Отмечать — дело портных.

Небосвод — цельным основан.
Океан — скопище брызг?!
Без примет. Верно, особый —
Весь. Любовь — связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти —
Пусть сосед скажет: он зряч.

Разве страсть — делит на части?
Часовщик я или врач?

Ты как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, *полный* столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы, —
Новизной, странной для слуха,
Вместо: «я» — тронное: «мы»...)

Но зато, в нищей и тесной
Жизни: «жизнь, как она есть» —
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
— памяти мesty!

1 января — 1 февраля 1924
Прага. Гора

385. ПОЭМА КОНЦА

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на назначенном месте,
Как судьба.

— Бѣз четверти. Исправен?
— Смерть не ждет.
Преувеличенно плавлен
Шляпы взлет.

В каждой реснице — вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно низок
Был поклон.

— Бѣз четверти. Точен?
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!

Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесьть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так государыням руку,
Мертвым — так...

Мчащийся простолюдин
Локтем — в бок.
Преувеличенно нуден
Взвыл гудок.

Взвыл, как собака взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)

То, что вчера — по пояс,
Вдруг — до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.
— Час? Седьмой.
В кинематограф, или? .. —
Взрыв: «Домой!»

2

Братство таборное, —
Вот куда вело!
Громом на голову,
Саблей наголо́,

Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушащимся —
Слово: дом.

Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так из дому рвутся,
Как ты — домой!

Конем, рванувшим коновязь —
Ввысь! — и веревка в прах.
— Но никакого дома ведь!
— Есть, в десяти шагах:

Дом на горе. — Не выше ли?
— Дом на верху горы.
Окно под самой крышею.
— «Не от одной зари

Горящее?» Так сызнава
Жизнь? — Простота поэм!
Дом, это значит: из дому
В ночь.
(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда? ..)
— Вы слишком много думали. —
Задумчивое: — Да.

3

И — набережная. Воды
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие — так вот вы!

Воды — стальная полоса
Мертвецкого оттенка —
Держусь, как нотного листа
Певица, края стенки —

Слепец. . . Обрато не отдашь?
Нет? Наклонюсь — услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши

Лунатик...

Но не от реки
Дрожь — рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом —

И верен...

Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны —
Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
«Нам с вами нужно бы...»
(Озноб.)
...«Мы мужественны будем?»

4

Тумана белокурого
Волна — воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное — насказано!
Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное — насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: это вот —
Наш дом? — Не я хозяйкою!)

Один — над книжкой чековой,
Другой — над ручкой лайковой,
А тот — над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне — звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное — натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь — не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а плагина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы — телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Черт — газовым рожком.
...Коммерческими крахами
И неким порошком —
Бёртольда Шварца...
Даровит
Был — и заступник людям.
— Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
— Не любите? — Нет, люблю.
— Не любите! — Но истерзан,

Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
— Помилуйте, это — дом?
— Дом в сердце моем. — Словесность!

Любовь, это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?

Часочек — и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
— Храм?

Дитя, замените шрамом

На шраме! — Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь, это значит лук
Натянутый: лук: разлука».)

— Любовь, это значит — связь.
Всё врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы
И страсти. Мemento¹ — паром:
Любовь — это все дары
В костер — и всегда задаром!)

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка — опись.
— И прежде всего одна
Постель.

— Вы хотели пропасть

Сказать? — Барабанный бой
Перстов. — Не горами двигать!
Любовь, это значит...

— Мой.

Я вас понимаю. Вывод?

Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)

¹ Здесь: память (лат.). — *Ред.*

— Уедем. — А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
— Любовь, это значит: жизнь.
— Нет, иначе называлось

У древних...
— Итак? —
Лоскут

Платка в кулаке, как рыба.
— Так едемте? — Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!

Смерть — и никаких устройств!
— Жизнь! — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.
— Тогда простимся.

6

— Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть, это дело тел,
А мы друг для друга — души

Отныне...) — И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подаст,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаете...) — Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) — Внятно: слог
За слогом, итак — простимся,
Сказали вы? (Как платок
В час сладостного бесчинства

Уроненный...) — Битвы сей
Вы — Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику — как трофей,
Им отданную же шпагу

Вручать!) — Продолжает. (Звон
В ушах...) — Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. — Вы это каждой?

Не опровергайте! Мечь,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости. — Смешок. Сквозь смех —
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть, это дело — *тех*,
А мы друг для друга — тени

Отныне...) Последний гвоздь
Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
— Последнейшая из просьб.
— Прошу. — Никогда ни слова

О нас... никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые — в весну!)
— О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?
— Нет. — Взгляд, широко разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
— Но книгу тебе? — Как всем?
Нет, вовсе их не пишете,

Книг...

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.

В наших бродячих
Братствах рыбацких
Пляшут — не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят — не плачут.

Жемчуг в стакане
Плавят — и миром
Правят — не плачут.

— Так я ухожу? — Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей — как кость
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И — чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.

Самую крепость —
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

— Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Наç первыми просят...

— Срочно

Прошу, не глядите! — Взгляд. —
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) — Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
— Милый, уйдемте,
Плакать начну!

Забыла! Среди копилок
Живых (коммерсантов — тож)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая — менады мех! —
Голконда волосяная,
Сокровищница утех —

(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, — где тропа

Назад? Наготовю грубой
Дразня и слепя до слез —
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.

— Не правда ли? — Лгнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице — зуд.
— И главное — эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О рвущий уже одежды —
Жест! Проще, чем пить и есть —
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И — сестрински или братски?
Союзнически: союз!
— Не похоронив — смеяться!
(И, похоронив, смеюсь.)

7

И — набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки —

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшащимися сопреступниками
Бредем. (Убитое — Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
— Вы понимаете, что будущее —
Там? — Запрокидываюсь вспять.

— Спать! — Новобрачными по коврику...
— Спать! — Всё не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: — Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне *душою* — на руку
Лег! — На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, — на душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Что радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. — Я таких не знаю набережных
Кончающихся. — Мост, и:
— Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо-койных глаз
Взлет. — Можно до дому?
В по-следний раз!

8

По-следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.

Во-да и твердь.
Выкладываю монеты.
День-га за смерть,
Харонова мзда за Лету.

Мо-неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо-неты те.
Итак, в теневую руку

Мо-неты тень.
Без отсвета и без звяка.
Мо-неты — тем.
С умерших довольно маков.

Мост.

Бла-гая часть
Любовников без надежды:
Мост, ты как страсть:
Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,
Ребро — потому и льну так.
Ни *до*, ни *по*:
Прозрения промежутки!

Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь — в боку!
Он — ухо и он же — эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиама,
Что — ваш союз?
Та женщина — помнишь: мамой

Звал? — всё и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Те-бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!
Сбылись! На груди баюкал!
Не — брошусь вниз!
Нырять — отпускать бы руку

При-шлось. И жмусь,
И жмусь. . . И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник — сплошное мимо!

Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плю-щом впились,
Клещом: вырывают с корнем! .

Как плющ! как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!

Бро-сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём
Вещественном мире дутом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью утро,

Эк-спресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.

Про-гал глубок:
Последнею кровью грею.
Про-слушай бок!
Ведь это куда вернее

Сти-хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска-жи, что бред!
Что нет и не будет мосту

Кон-ца...
— Конец.

— Здесь? — Детский, божеский
Жест. — Ну-с? — Впилась.
— Е-ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей — тебе, подноготную
Тайну Евы от древа — вот:

Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоем глазка —
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.
Сплёв, пожили значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...

.....
И покосившись сбоку:
— Как ты уже далек!

Совместный и сплоченный
Вздорг. — Наша молочная!

Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам —

Сброд! Пара минутная! —
Справляли заутреню.

Базаром и за́кисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, —
Совсем овсяной!

(Овсом своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией —
Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, —
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви —

А главное — юности!
Смешку — без причин,
Усмешке — без умысла,
Лицу — без морщин, —

О, главное — юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
— Бурнус и Тунис! —
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалуюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
— Наша улица! — Уже не наша...
— Сколько раз по ней!.. — Уже не мы...

— Завтра с западу встанет солнце!
— С Иего́вой порвет Давид!
— Что мы делаем? — Расстаемся.
— Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся. — Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кroatски,
Верно? Чехия в нас чудит?
Рас-ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание — не по-русски!
Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Чтó мы — овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание — по-каковски?
Даже смысла такого нет,

Даже звука! Ну просто полный
Шум, — пилы, например, сквозь сон.
Расставание — просто школы
Хлебникова соловьиный стон

Лебединый...

Но как же вышло?
Точно высохший водоем —
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться — ведь это гром

На голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы — слишком круты:
Расставаться — ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвозды!
Опрокидывающий довод:
Расставаться — ведь это врозь,

Мы же — сросшиеся...

11

Разом проигрывать —
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.

Негам (читай — камням),
Дням и домам и нам.

Дачи пустующие! Как мать
Старую — так же чту их.
Это ведь действие — пустовать:
Полое не пустоует.

(Дачи, пустующие на треть,
Лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
За́город, за́город,
Швам разрыв!

Ибо — без лишних слов
Пышных — любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов — не щит.
— О, не проси защиты! —
Шов, коим мертвый к земле пришит,
Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:
Легким или тройным!)

Так или и́наче, друг, — по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!

Что под наметкой — живая жиль
Красная, а не гниль!

О, не проигрывает —
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче, — мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь —
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
На́бело, без наметки.

Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные —
В рубцах!..

Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь — по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую — как ее ни канай!
По-следний фонарь!

Здесь? Словно заговор —
Взгляд. Низших рас —
Взгляд. — Можно на гору?
В по-следний раз!

12

Частой гривую
Дождь в глаза. — Холмы.
Миновали пригород.
За городом мы,

Есть — да нету нам!
Мачеха — не мать!
Дальше некуда.
Здесь околевать.

Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород. —
За городом строй!

Эх, проигранное
Дело, господа!
Всё-то — пригороды!
Где же города?!

Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!

И у Иова,
Бог, хотел займы?
Да не выгорело:
За городом мы!

За́ городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
Стать вечным жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! — всюду! — но не в

Жизнь, — только выкрестов терпит, лишь
Овец — палачу!
Право-на-жительство свой лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Мечь! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — не захотел?!

Гетто избраннычеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты — жида!

18

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками
Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью —
Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах —
Речь? Водой — имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, —

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу — глажу —
Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,
Спесь, у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих. . .

Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наворачиваешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди-накового
Моря — рыбы! Взмах:
. . . Мертвой раковиной
Губы на губах.

В слезах.
Лебеда —
На вкус.
— А завтра
Когда
Проснусь?

Тропою овечьей —
 Спуск. Города гам.
 Три девки навстречу.
 Смеются. Слезам

Смеются, — всем полднем
 Недр, гребнем морским!
 Смеются!

— недолжным,
 Позорным, мужским

Слезам твоим, видным
 Сквозь дождь — в два рубца!
 Как жемчуг — постыдным
 На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,
 Последним, — о лей! —
 Слезам твоим — перлам
 В короне моей!

Глаз явно не туплю.
 Сквозь ливень — перюшь.
 Венерины куклы,
 Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,
 Чем влечься и лечь.
 Самой Песней Песен
 Уступлена речь

Нам, птицам безвестным
 Челом Соломон
 Бьет, — ибо совместный
 Плач — больше, чем сон!

И в полые волны
 Мглы — сгорблен и равн —
 Бесследно — безмолвно —
 Как тонет корабль.

*Прага, 1 февраля 1924 — Иловици,
 8 июня 1924*

386. КРЫСОЛОВ

Лирическая сатира

ГОРОД ГАММЕЛЬН

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромн, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн — славный городок.

В ночь, как быть должнó комсте,
Спал без прóсыпу и сплошь.
Прочно строен, чисто мётен,
До умильности похож,

— Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покрой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.

Гривенник — туша, пятак — кувшин
Сливок, полушка — твóрог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:

Грех.
(Спросим дедов:
Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,
Ни должников, — и кроме
Пива — ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови —

Грех. Полстолетия (пятьдесят
Лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава, —
Разница какова?

(Бог упаси меня даже пять
Лет на одной перине
Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души господь их принял.

И озаренье: а вдруг у них
Не было таковых?

Руки — чтоб гривну взымать с гроша,
Ноги — должок не додан.
Но, вразумите, к чему — душа?
Не глубоко ль негодный,

Как жардиньерка — гамак — кларнет —
В нашем быту — предмет?

В городе Гаммельне — отпиши —
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне — *ни души*,
Но уж телá за это!

Плотные, прочные. Столб, коль дюз,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся — георгии,
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин, —
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн — и умереть!»

Juri и Rührei и Rühr uns nicht
Ап¹ (в словаре: не тронь нас!) —
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых — скромность

И... бережливость: воззрился — ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка, читатель. Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сём Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

— Нищие. Те, что, от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, —

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз — да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор, — и правильно: не простак
Пастор, — не всем «осанна»!
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка — не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв — застегнут.

¹ Juri — судья, Rührei — яичница-болтуня, национальное блюдо; Rühr uns nicht — не дотрагивайтесь до нас (нем.). — *Ред.*

Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних —

Смерть. Обывателю ты — что чуб
Бульбе, и Будде — пуп.

С пуговицею — всё право в прах;
В грязь. Не теряй, беспутный,
Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch, wo bist?»)¹ —

Как не прообраз ее? («Bin nackt,²
Наг, — потому робею») —
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица — в идее!

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) — идея вот:

Для отличения Шатуна
Чад — от овец господних:
Божье застегнуто чадо на
Всё, — а козел расстегнут —

Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж, — застегнись на всё!

Не привиденьями ли в ночи
— Целый Бедлам вакантный! —
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники. . .
Коли взять на вес:
Без головы, чем без

¹ «Человек, где ты?» (нем.). — *Ред.*

² «Я гол» (нем.). — *Ред.*

Пуговицы! — Санкюлот! Босья!
От Пугача — к Сен-Жюсту?!
Если уж пуговица — пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она — что грунт
Древу и чреву — фунт

Стерлингов. А оборвется — голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, мать, коль
Пуговицею — носик:

Знак добронравия. (Мой же росс
Явственно горбонос —
В нас.)

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! От истин куцых!
От революции не спасет
Пуговица. Да рвутся ж, —

Всё! Коли с демонами в родстве —
Бард, — расстегнись на всё!

*(Здесь кончается ода пуговице и возобновляется
повествование.)*

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных, — Рай-

город...

Божья радость —
Гаммельн, здоровых —
город, правых —
город...

Рай-город, ¹ пай-город, всяк свой пай берет, —
Зай-город, за́годя закупай-город.

Без загадок —
город, — гладок:
Благость. Навык-
город, — Рай-

город...

Божья заводь —
Гаммельн, гадо́к —
Бесу, сладок —
Богу ..

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему уступай-город.

Без пожаров —
город, благость —
город, Авель-
город, — Рай-
город...

Кто не хладен
и не жарок,
прямо в Гаммельн
поез-

жай-город, рай-город, горностай-город,
Бай-город, вовремя засыпай-город.

Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупрежденье первое.

Су-дари, выпрягайте слуг!
Тру-бочку вытрясай, досуг!

¹ Ударение, как: Миргород, Белгород и пр.

Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag». ¹

Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник — на пять.

Ла-вочник, оставляй мелок,
Бюр-герша, оставляй чулок
И справляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдет ли засов?
Предупрежденье третье.

Би-блию закрывай, отец!
Бюр-герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак, —
«Morgen ist auch ein...»

— Спят

Гаммельнцы...

СНЫ

(Глава вторая)

В других городах,
В моих (через край-город),
Мужья видят дев
Морских, жены — Байронов,

Младенцы — чертей,
Служанки — наездников...
А ну-ка, Морфей,
Что — гаммельнцам грезится

¹ «Завтра — тоже день» (нем.) — *Ред.*

Безгрешным, — а ну?
— Востры, — да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа,

Младенец — сосок,
Краса толстощекая —
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар пробует,
Обер требует.
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля —
Так всё у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Конечно — внучат
Дед, (точку — прозаик),
Служанка — очаг
И добрых хозяев.

Каспар — заповедь,
Пастор — проповедь.
Не без проку ведь
Спать, — не плохо ведь?

Пуды колбасы —
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же — аптекарь,

Наставнику — трость,
Плод дел его швейных —
Швецу. Псу же — кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка — щипаное,
Прачка — плисовое.

Как по-писаному!
Как по-писаному!

— А сам бургомистр?
— Что въяве — то в дреме.
Раз он бургомистр,
Так что ж ему, кроме

Как бюргеров зреть,
Вассалов своих?
А сам бургомистр —
Своих крепостных.

Дело слаженное,
Платье сложенное, —
По-положенному!
По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:
Есть доброе — в старом!)
А впрочем, чтоб рифм
Не стаптывать даром —

Пройдем, пока спит,
В чертог его (строек
Царь!) — прочно стоит
И нашего стоит

Внимания. . .

Замкá не взломав,
Ковра не закапав, —
В богатых домах
Что́ первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нещадный, как Тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества, —
(Счетá в переплете
Шагреновом!) — вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей —
Вещественность сути:

Букет ее — всей!
Есть запахи — хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей
— О! и не дневала! —
Гнилых овощей
(Так пахнут подвалы)

Ему предпочту.
Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук!
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил — а по мне:
Смердит изобилье! —
Довольством — вполне.
А если и пылью —

Не нашей — с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной — штофной —

Портьерной. Красот
Собраишем, скопом
Красот и чистот,
А если и по́том, —

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным

Жилетным: не дам.

По самое небо
— О Ненависть! — храм
Стоглавый тебе бы —

За всех и за вся.

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят.
Врата без затвора —
Сон. Дóмы — без врат.
Всё — тени, всё — воры

В снах.)

Сто — невест тебе!
Всё — с запястьями!
Без-ответственно.
Бес-препятственно.

Сé — час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные дома!

В двуспальных толстух,
В мужей без измены.
Тот красен петух —
Как стяги — как стены

В *иных* городах...

Засова не сняв,
Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих — бургомистр.

—

Домовит, румянист —
Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седмица —
Бургомистрово чело.
Что же мнится? что же снится
Бургомистру? Ни-че-го.

Ничего (как с жир-горы
Пот-то!); то есть: бюргеры.

Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей — бюргерши.

Той — пропавший без вести,
Этой — Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной
Ничего не грезится.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дочь.

Соломонова пшеница —
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты. . .
Всё — и еще что-то!

НАПАСТЬ

(Глава третья)

Тетки-трещотки,
Кухарки-тарагорки,
— Чепцы, кошелки —
Бабки-балаболки.

— Сала для лекаря!
— Трав для аптекаря!
— Свежего красного
Легкого для пастора!

— По-последней дойки!
Девки-маслобойки.
— Ядреной крупки!
Стряпки-мясорубки.

— Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
— Свежих воловьих
Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,
Торговки-горлодерки,
— Кофты на байке —
Хозяйки-всезнайки.

— Све-жая требуха!
— Жи-во́го петуха!

— Масляна, не суха!
— Серд-ца для жениха!

— Сливки-последки!
Соседки-добросердки.
— Свежего! с ледничку!
Советницы-сплетницы.

— Взвесь, коль не веришь!
— Жарь — не ужарится!
— Гу-синих перьев
Для нотариуса!

— О-вощи, да с гряды!
— Со-вести для судьи!

Кур-ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежи, с постельки
Вдовицы-коротельки.

— Мни, да не тискай!
— Рдянь — не редиска!
— По-лушка с миской!
— Мозгов для бургомистра!

— Что хотите, то берите!
Подолы, капорá.
Поварихи-разберихи,
Румяные повара.

Но-сы приплюснутые:
— Чего бы вкусенького?
Ла-дошки — ширмочками:
— Чего бы жирненького?

Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.

- Все чехлы сняли с кресел!
- А гостей! А гостей!
- Нынче пекарева крестят!
- Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.

Один в трахоте

Глаз, другой — пенится.

Сидни-кофейницы.

- Женишка-то, чай, постарше!
- А наряд! А наряд!
- Говорят, что у почтарши...
- Говорят... Говорят...

Язвы-шнырялы,

Кляузы-обмиралы,

— На площадь сор неси! —

Козни-цикорницы.

- Нацепил зеленый галстук!
- Ловелас! Ловелас!
- Мясник с тещей поругался!
- А у нас! А у нас!

— Ред-ко-сти...

— Хит-ро-сти...

— Кхе-кхе-кхе...

— Кхи-кхи-кхи...

— Бургомистрова-то Грета!

— Не того! Не того!

— Третью ночь сидит до свету!

— Каково? Каково?

— Свечку жжет...

— Век свой жжет...

— Счастья ждет...

— В гроб пойдет...

— Скатертей одних — с три пуда!

— Чай, одна! Чай, одна!

— Ни за кем, отцу, не буду.

-- Не жена! Не жена!

— Грех-таки...

— Стыд-таки...

— Кхе-кхе-кхе...

— Кхи-кхи-кхи...

— Поглядеть — одни костяшки...

— Не в соку! Не в соку!

— К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!

Клуб

Женский — закрыт:

Суп

Перекипит.

Город грядок

Гаммельн, нравов

Добрых, складов

Полных...

Мера! Священный клич!

Пересмеялся — хнычь!

Перегордился — в грязь!

Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.

Переовечил ← хлев,

Перемонаршил — бунт.

Zuviel ist ungesund.¹

В меру! Сочти и взвесь!

Перебедал — резь,

(Лысина — перескреб),

Перепостился — гроб,

¹ Излишество вредит (нем.): — Ред.

Перелечил — чума!
Даже сходи с ума
В меру. Щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил — плеть,
Но и не перегладь:
— Только не передать! —

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

В меру! Im rechten Maas! ¹
Верный обманет глаз.
В царстве — давно — химер —
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuviel ist un —

Не красоты одной — сало, слышишь? —
Вреден излишек.

Переполненья же складов — рисом —
Следствием — крысы.

Саго и сала и мыла — в меру,
Господи, дáруй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и не мало.

¹ В меру! (нем.) — *Ред.*

Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы». ¹

К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв
С на-крытых столов!
Но — в том-то и гвоздь! —
Есть — голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть — надоест!
Бес-сильных не злость!
(Кры-синяя дробь.)

Злость тех, кто не сыт:
Се-годня рысит,
А завтра — повис.
(Кры-синяя рысь.)
(Скороговорка)

Не сыт и не спит
(Крысиная сыпь),
По сытеньким — прыг
(Крысиная прыть).

Дом. Склад.
Сье-дят
До — крох.
(Крысиный горох.)

Зря — крал,
Зря — клал,
Зря — греб
(Крысиный галоп).

· · · · ·
— Сказок довольно!
Слушать герольда!

¹ В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний.

Всех, кто отчизне — сын,
Оповещаю сим. . .

Не углубляясь в частности:
Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!
Слушать герольда!

Всё и семижды всё
Знайте: на волоске

— Вот уже рвущемся —
Наше имущество,

Слава и класс.
— Граждане, глас

Девы, словес не тратящей:
Постановленья ратуши:

Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит

Город от тьмы крысиной,
В дом бургомистра — сыном

Вступит — прошу понять:
Сын означает: зять.

(Треск барабанный.)
В Гаммельне аппо
Domini. . .¹

В тот же час — вините будочника:
Что ж он не усторожил?! —
В город медленно входил
Человек в зеленом — с дудочкой.

¹ В лето господне (лат.). — *Ред.*

УВОО
(Глава четвертая)

Ти-ри-ли,
По расадам германской земли,
Ти-ри-рам,
По ее городам
— Красотой ни один не оставлен —

Прохожу,
Госпожу свою — Музыку — славлю.

Нынче — здесь,
Да и то вполонинку, не весь!
Ти-ри-рам,
Завтра — там,
И хотя повсеместно оболган —

Стар и мал,
Равнодушно никто не внимал
И никто не отказывал в долгом
Взгляде — вслед.

Только там хорошо, где нас нет!
— Сердцелов! —
Только там хорошо, где ты нов:
Не заведом, не дознан, не вызнан.

«Прижились», —
Эта слизь называется — жизнью!

Переезд!
Не жалеите насиженных мест!
Через мост!
Не жалеите насиженных гнезд!
Так флейтист, — провались,
бережливость! —
— Перемен! —
Так павлин
Не считает своих переливов.

Ти-ри-ли!
Провалитесь, мешки и кули!

Ти-ри-ли!
Проломитесь, мучные лари!
Вместо гаммельнских — флейта не ферма! —

— Переступ —
Лип и круп —
Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.
Человек не ключарь кладовых!
Половик,
Червь, а не человек — тыловик!
Это Гаммельн, а есть Гималаи:
Райский сад.

Так да сяк —
Этот шлак называется — Раем!

Оторвись!
По дорогам цветет остролист!
Отвались!
По оврагам цветет барбарис
Кисловатый.

Лишь бы сыт!
Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!
Не водитесь с сытостью — съест!
Крысы, с глаз!
Осаждаемый сытостью — сдаст
Шагу. . .
О крысоловах злословят!

Дело слов:
Крысо-лов?
Крысо-люб: значит любит, коль ловит!

Крысы, в. . .

— Што ж мы?
— В чем дело ж?

— Тошно!
— Приелось!

— Вкусно ж.
— В чем тайна?
— Скушно:
Крайне.

Без борьбы человек не живет.
— У меня отрастает живот:
До колен, как у царских крыс.
— У меня — так совсем отвис.

— Без борьбы человек не жилец!
— У меня разминулись жилет
С животом: не разлад, а брешь.
— У меня объявилась плешь.

— Житие — не жисть!
— Разучился грызть!
— Не поход, а сласть!
— Разучился красть!

— Утром — булки, не меньше двух.
— У меня пропадает слух.
— У меня пошатнулся зуб.
— У меня остывает зуд
В зубах...

— Без слуги не влезаю в башмак...
— Есть дорога такая — большак...
— Без борьбы и овраг — острог...
— Хорошо без сапог!

— Не поход — погост.
— У меня отсыхает хвост.
— В полдень — клецки, не меньше трех...
— У меня — так совсем отсох.

— Без обид, без злоб...
— Назревает зоб...

— Чуть обут-одет —
Уж опять обед
Из трех блюд...

— Знали б — за версту не пошли б!
— Помнишь странную вещь — башлык?

Сшиб да стык,
Штык да шлык...

— Без слуги не влезаю в обшлаг...
— Есть дорога такая — большак...

.

— Больше сил моих нету: пас!
— У меня заплывает глаз.
— У меня отпадает слог.
— У меня — так совсем затек

Мозг.

— В Москву! — В Карлсбад!
— У меня оседает зад.
— У меня, по утрам, прострел.
— У меня — так совсем осел

До земли...

— Лыжи — и к богу!
— Грыжа!
— Изжога!

Свыкнись —
И крышка!
Сытно —
Слишком.

— Три денька таких — и готов:
— Начинаю любить котов
И купцов...
— Заушат — прощу.
— Завтра дочку свою крещу:
Мне-то всё одно, ну, а ей —
Ей — целей.

- Не бивак — насест!
- У меня пропадает жест.

Флейта

- Где-то Инд...
- Начинаю вдаваться в винт.
- Различать твое.
- Запирать белье.
- Без штанов махал!
- Начинаю вводить крахмал

В туалет.

- Самолично вощить паркет.
- Господа, секрет:
- Отвратителен красный цвет

Мне.

- Нам всем!
- От стыда засыпаю в семь.
- Недурен наезд!
- Начинаю бояться мест

Под мостами.

- Масс.
- Материнских глаз.
- Ну, а я — стрельбы!
- Отчего у дворян гербы, —

А у нас...

- Гладко, —
- Как шваброй!
- Взятки!
- Подагра!

- В трюм бы!
- В гром бы!
- ...Гумбы.
- ...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

Флейта

— Пе-ре-корм.

— Всё назад, чуть съем.

— И естественно: после схем,
Диаграмм — да в склад!

Обращение «камера»
Устарело. Ввиду седин
Предлагаю вам «господин»...

Господин гражданин...
Для... форм...

Флейта

(*настоячиво*)

— Перекорм.

Пересып.

Ели б досыта — не пошли б.

Спали б домертва — не прошли б

Ни километра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:

Перепев.

Пересест!

Не жалеите насиженных мест!

Перемен!

Не жалеите надышанных стен!

Звезд упавших — и тех не жалейте!

Мертвым — мир.

Выход в мир

Вст по этой по самой аллейке, —

Чуть левей.

— У меня пятьдесят сыновей!

Как один.

— У меня проржавел карабин.

.

— К черту всю
Быль с ее трехсотлетними Lind'ами!¹
— Идем завоевывать Индию!

Напролом!

— У меня недостроенный дом!
— Строим — мир!
— У меня недоеденный сыр!

— Выше носу же не переплюнешь!

Ф л е й т а.

— Переплюнь!
В синь! в июнь!
В новизну! и к тому — новолунье ж!

Чтоб шагать молодцом —
Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак —
Выступать натошак!

— Да здравствует полк!
Клыков перещелк.

— Довольно с нас круп!
Курков перещуп.

• • • • •

— Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!
Свежесть, которой триста
Лет — не свежа уже! Шагом, марш!
Кто не прокис — окрысься!

Нам опостылел молочный рис!
Погорячее в ранцах!

¹ Липами (нем.). — *Ред.*

Вышел радоваться, —
Не оглядываться!

Вот он, в просторы — лбом
Города крайний дом.

Око-ём!
Грань из граней, кайма из каём!
«Отстаем», —
Вот и рифма к тебе, окоем!

Скороход
В семитысячемилевых, флот,
Обогнавший нас раз
Навсегда, — дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!
Растопляющий всякую явь —
Аки воск, —
Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!
Синим по синю (восемь в уме),
Как по аспиду школьной доски,
Давший меру и скорость тоски:

Окохват!
Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ
О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж
Эта жгучая женская блажь
— Орд и стай —
По заглатывателю тайн.

Окоим!
Окодёр, окорыв, околом!
Ох, синим-
синё око твое, окоем!

Вышел в вей,
Допроси строевых журавлей,
В гаолян —
Допроси столбовых каторжан!

— Он! — За ним?
— Он же! — Ну, а за? — Он же...
— Джаным!

Здесь — нельзя.
Увези меня за́

Горизонт!..

— Шел или спал?
— Штиль или шквал?
— Рус или сед?
— Наш ли уж свет?

— Дали не те!
— Ели не те!
— Горы не те!
— Гулы не те!

— Наш или тот?
— Час или год?
— Год или три, —
Сколько же шли?

— Даль не та!
— Пыль не та!
— Синь не та!
— Тень не та!

— Плыл или мчал?
— Гаммельн? Квартал.
— Гаммельн? Проспал.
— Гаммельн? Читал

В сказке.

— Весьма не новая
Сказка: левой Ганновера.

— Лес не тот!
— Куст не тот!
— Дрозд не тот!
— Свист не тот!

— Юн как Ахилл!
— Гаммельн? Гостил!
— Гаммельн? Простыл!
— Гаммельн? Учил

В книжке, покамест тамбуром
Тетки...

— С меня так Гамбурга

Хватит!

— Вдох не тот!
— Ход не тот!
— Смех не тот!
— Свет не тот!

Синь, а не бел!
— Гаммельн? Пробел.
— Гаммельн? Прозрел:
Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном
Обществе: Hammelbraten.¹

Славный кусок!
— Гаммельн? Дай срок!
— Гаммельн? Заскок!
— Гаммельн? Отек

Мозга.

— Вниманья требую:
Гаммельна просто не было:

¹ Жареная баранина (нем.). — *Ред.*

Пыль.
Мель.
Моль.
Нуль.

.

— Говорю вам: не те холмы!

— Не Германия!
— Много далее!
— Не Германия!
— И не Галлия!

— Одурманены!
— Знай да захивай!
— Не Германия!
— И не Влахия!

— Тише тихого!
— Дольше длинного!
Коль не Скифия,
Значит...

— Индия!

Флейта

— Индостан!
Грань из граней, страна из стран.
Синий чан —
Это ночь твоя, Индостан.

«Здесь» на «там»
Променявший, и «дай» на «дам»,
Гамма гамм,
Восходящая прямо в храм.

Рис, маис,
Промываемый девой из
Кув-шина:
Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок
После зарослей и тревог
В пушину —
В тишину твою, Индостан, —

Человек...

— Пагоды купола!
— Что-то, синим-синё!
— Рисовые поля!
— Пальмовое вино!

С первоначальных бед,
С первоначальных дрём,
Детский и крысий бред
Сахарным тростником.

Миру который год?
Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина — шагреня!
У синевы налет
Сливы. — Четвертый день
И никоторый год.

Смол
Гул.
Вол.
Мул.

Не полотно — резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил

Демона. В первый раз
Молотом о кремь.
Миру четвертый час
И никоторый день.

Де-вы
Ган-га!
Древо
Манго!

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру — четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...
Ока последний взмах
И некоторый миг

Миру...

Старая крыса

— Так-таки и зудит!

Что-то — будто бы — точно — вид
Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром

Смахивает...

— Тюрбан! Брамин!

Старая крыса

— Что за Индия, где овин
На овине...

— Бомбей! Базар!

Дервиш с коброю!

Старая крыса

— И амбар

На амбаре...

— Дворец раджи!

Старая крыса

— Вот так тропики в поле ржи!

Черным по белу, по складам:
Пальма? Мельня. Бамбук? Шлагбаум.

Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех

Милях, — горсточка, а не полк!

Флейта

— Кривотолк!
Рвите шкурника, чтобы смолк!
Крив и кос
Тот, кто в хоботе видит нос
Собственный, и в слоне — загром.
Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи
Хроматические гаммы лжи!)

Лжец и трус
Тот, кто в будущем видит — груз,
Мертв и сгнил
Тот, кто, идучи, видит тыл
Собственный, и в просторах — порт.
Переверт!

Передерг!
Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит.
Ибо Музыки — динамит —
Младше... — Все на единый фронт!
Горизонт!

— Озеро!
— Яхонт!
— Розовым
Взмахом.

— Видишь? —
Самим бы!
Ибис!
Фламинго!

Старая крыса
— Синее топит!

— Зеркало тропик!
Кротость —
В сапфирах!
Лотос!
Папирус!

В воду —
Как в спальню.
Озеру —
Пальмы
Низкопоклонство.
— Смоем!
— Напьемся

Соком лотосовым: покой.

Флейта
— Водопой.
Дальним — варево и постой.
Спят и пьют.

Старая крыса
Говорю вам, что это — пруд
Гаммельнский: триста лет как сгнил.

Флейта
— Кро-ко-дил!
— Сбудется!
— Близится!

Старая крыса
— Лужица!
Жижица!
— Шелком ластится!

Старая крыса
Головастики!
Безголовым и главарю:
Головастики, говорю!

Флейта

Словарю —
Смыслов нищему корчмарю,
Делу рук —
Кто поверит, когда есть звук:
Царь и жрец.

Старая крыса
Говорю вам, что это лжец,
Лжец, агент!

Флейта

Лжет не музыка — инструмент!

Старая крыса
Tug und Schand!¹

Флейта

Лжет не музыка — музыкант!
Обособь!

Старая крыса
Говорю вам, что это топь,
Гать!

Флейта

Пусть так!
Лучше Музыка, чем мышьяк.

Старая крыса
Смерть!

Флейта

Что в том?
Лучше озеро, чем загром,
Сплыл, чем сгнил!
Тина? Полно! Коралл! Берилл!
Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке — мрут!

Что тело? Тени тень!
Век тела — пены трель!

¹ Обман и стыд! (нем.) — *Ред.*

Нир-вана, вот он, сок!
Ствол пальмы? Флага шток.

В мир арок, радуг, дуг
Флагштоком будет — звук.
Что — руки! Мало двух.
Звук — штоком, флагом — дух

Есмь: слышу! («вижу» — сон!).
Смысл выше — ниже тон.
Ни-жайший. Тела взмет,
И — тихо: нота нот.

Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа.
(В смерти...)
С миром глаза смежи...

— Этой Индии *мы* — раджи!

Раджа на радже!
Но крыс тех уже —
Никто и нигде:
Круги на воде.

В РАТУШЕ
(Глава пятая)

— Тайные, статские —
Здравствуйте, ратсгерры!
Старого Гаммельна
Стены избавлены
От даровых жильцов.

Праздник котлов,
Шествие протвиней, —
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы —
Стал бы поваром бы...

Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады — от хищников,
Головы — от идей.

В скóвороду — бей!

Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
— Цукром с цикорием —
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дóжили:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно ли —
Делать нечего —
Вам — исполненное,
Мне — обещанное.

Трепеток.
Шепоток.
Раты — вкось,
Герры — вбок.

Щеки — мак,
Брови — еж:
— То есть — как?
— То есть — что ж?

(Полка с мопсами
В лавке глиняной!)
— Что же — собственно?
Что же — именно?

— Ясно и точно, без «нечто» и «где-то»:
В собственность деву, по имени Грета.

— Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета — Ганс.
За валунами в реку —
В Гаммельн за Гретами. Контра-данс:
Коли не Ганс — так Грета.

Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжинами!

Не косорукий, да не слепой —
Уж себе Грету сыщешь!
Выемка — всё на один покрой! —
В ямку и прыщик в прыщик.

Оспа в оспину,
Чутка в чуточку,
Чью же, собственно,
Грету?
— Шутите!

Чью же, думали, высвистывал
Грету — как не бургомистрову?

Кипяток.
Топотеж.
Раты — в скок,
Герры — в лежь,

Раты — в ик,
Герры — в чих.
— И шутник!
— И жених!

Сто кабанов захрюкало.
Заколыхали брюхами.

— Ой насмешил! Утешил же!
Заполыхали плешами.

— В эдаком фартучке
Девоньку?
— Так-таки.

С кóробом пóчестей
Девоньку?
— В точности.

Раты — в фырк,
Герры — в вёрт.
— Ну и франт!
— Ну и ферт!

Очи — в узь,
Щеки — в глянец.
— Ну и гусь!
— Ну и Ганс!

С кузовом сéребра
Девоньку?
— Сеяли!

— Полную житницу
Девоньку?
— Жните же!

— Нотный тюк!
Штанный клок!
Ну — супруг!
Ну — зятек!

Уж и шустр!
Уж и быстр!
Ржет без чувств
Бургомистр.

— Наспех да наскоро
Свадебку?
— Ратсгерры!

Первую в городе
Девушку?
— Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит
Город — хоть слеп, хоть спятил! —
В дом бургомистра зятем
Вступит, в графу особ
В городе — первых...»
— Стоп!

Не в хороводе небось дуда, —
В думе! Шажком! Андáнте!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
Как завершен обряд —
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад, —
Только не в роли зятя.

За музыканта! За нотный крюк!
Звук! Флейтяную дырку!
Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом — в кирку?

За музыканта! За нервный ком —
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным — на ложе брачном!

За музыканта — за голый боб!
Может — в краях незнамых —
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов — замуж!

— Что есть музыка? Щебет птах!
Шутка! Ребенок сладит!
— Что есть музыка? Шум в ушах.
— Увеселенье свадеб.

— Беспоследственный дребезг струн.
— Скука и крики браво.
— Что есть музыка? Не каплун,
А к каплуну — приправа.

— За-бывается: молод был,
Сам загибал преловко!
— Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.

Околпачивающий пар.
— Нет! Музыкантов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

— Полегонечку — за пивцом —
Да чтобы женский пол был...
Две-три арийки перед сном...
Только не очень долго.

— Что есть музыка? с первых нот:
«Что бы вам, братцы, кончить?»
— Ну а я так — наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!

— Рано встав,
Да коли восемь ртишек...
— Превышение всяких прав.
Гетто: себя не слышишь!

— Музыка? Гриф
С лентами.
— Шлиф.

— К зёву позыв.
— Так... перелив...

— После сольцы — пирожное...
— Из пустоты — в порожнее...

— Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектация неких чувств,
Коиx и нету. Хам, мол, —
Кто не чувствует.

— Как ни тщусь:

Что-либо, кроме гаммы —

Беспоследственно.

— Факт есть факт:

Музыка есть антракт.

— Рукоделие праздных дур.

Что́ до мѣня — так стойко:

Пуще всяческих увертюр

Мне по нутру — настройка

Перед оными.

— Фонд есть фонд.

Музыка есть афронт —

Смыслу здравому. Вящий вздор,

Нежель чулок с ажуром.

Б у р г о м и с т р

Выше-высказанное — вздор.

Истина есть. Скажу вам.

Думали — гриф

С лентами? Шлиф?

К зѣву позыв?

Так... перелив —

Музыка? Тиф —

Музыка! Взрыв!

По степи — скиф!

Жил перерыв!

За головню да голыми —

Хвать! Из огня да в полымя!

Пострашнее, чем шум в ушах,

Грёзы, глаза зажмура.

Музыка — это банков крах,

Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На рождество предместий.
Quatuor¹ четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд —
Музыка — есть — бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста — клоком — фата! —
За фортепьяно — ведьма!

Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрёма —
В креслах? Бесы на площаді
Думской — и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд —
Музыка — есть — черт.

Лупоглазого школяра
В пасмах — кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ça ira!²
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und tödtel!³
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте —

Пред Бетховеном.

Брови — вверх,
Краска — в нос.
Раты — в перх,
Герры — в чёс.

¹ Квартет (лат.). — *Ред.*

² Будет дело! (франц.) — *Ред.*

³ Умри и убей! (нем.) — *Ред.*

Раты — в крѣхт,
Герры — в чох.
— С нами фохт!
— С нами бог!

Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов
И Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах —
Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:
— В вас говорит артист.

Ратсгерр от Романтизма
Tempi passati! ¹

Бургомистр
Ратсгерры, сядьте!

Шутки за рюмкой.
Думсгерры, думьте!

Можно ли — непостижим господь —
За музыканта — плоть

Нашу.

В городе — впрочем, одна семья
Гаммельн! И так, в семействе
Гаммельнском — местоименья «я»
Нет: не один: всё вместе.

За исключением веских благ,
«Я» означает — всяк.

¹ В прошлом! (итал.) — *Ред.*

Славное слово, и есть в нем прок:
Всяк! Так и льнет шубейкой!
Автору же этих скромных строк
— Озолоти! убей хоть! —

Только одна в нем — зато моя! —
Буква понятна: я.

Необоримая! Так алмаз
Жив в чистоте пожара.
Неповторимая! Что есть аз?
Что не бывает парой.

На языке невозвратных рас
Аз означает: раз.

(Азры. . .)

В городе Гаммельне лишь азы. . .
Впрочем, язык прикусим.
Страшное слово! Страшней грозы
В полночь, гостей за гусем:

Я! (В пожирающем большинстве
«Я» означает — «всё».)

Как у соседей! как у людей!
Не мое дело — всё так!
Автору же, ясновидцу лжей,
Оку — из самых светлых,

Только одна в нем — прошу понять —
Буква доступна: ять.

Я: нагруженная по края
Яблонь: снимай не снимешь!
В Гаммельне ж — вместо *именя*: я —
Мы — лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын —
С буквы когда — в аршин!

(Право гигантов!)
— За музыканта?
Это пикантно!
Это пикантно!

Время — пропало!
Место — пространство!
— За зубоскала!
— За голодранца!

— Без будущего!
— За дудочника!

В доме — гнусь.
В лавке — долг.
Черный гусь!
Белый волк!

С крыши — душ,
В спальне — шtrand.
— Кто ваш муж?
— Му-зы-кант.

Рук — вместо платы,
Плеск — вместо мяса.
— За звездохвата!
— За лоботряса!

В грёзы да в планы
Первенца кутай.
— За великана!
— За лилипута!

— За óпусника!
-- За фокусника!

Вечный иск!
Всё в ломбард!
Крысий писк
Квинт да кварт,

Деток — кладь,
Geld ist Sand.¹
— Кто ваш зять?
— Му-зы-кант.

Дудка! для этого нужен дых
Дюжий, — весь день дудишь-то!
Не затруднительно в молодых
Лéтах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники
Чистить. В слепцы, с жестянкой?
А неоплатные должники —
Всё они музыканты!

Ратсгерры белым
Полнятся гневом:
— Первую в целом
Городе — деву?

Первому? — bravo!
Встречному? — ново!
— За крысодава?
— За крысолова?

Бессахарника?
— За каторжника!

Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.

Помер — прей.
Unbekannt.²
— Кто был сей?
— Му-зы-кант.

¹ Деньги — песок (нем.). — *Ред.*

² Неизвестен (нем.). — *Ред.*

Сомущены — в сумятице —
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:

— В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном — тот же брак,
Что соловья с капустой!

К Розе приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,
Над соловьем моим слезы лью,
А соловей — женатый!

Гения с Гаммельном — где же такт?
Вкус? — не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей — в законе?

Брак — это за́-борт: занесть, залечь,
Закись — тюфяк — свинина. . .
Не небожителя слышу речь,
Други, а мещанина!

Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли, — так я — предместье!
Но небожителю — что́ за честь
Звать бургомистра — тестем?

Многозначителен — так красив,
Высокосерд — так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?

Кухонку?
Куколку?
Кольчику?
Только-то?

Что не для лириков — Гименей,
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей —
Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел —
Ни лоскутка на дыры
Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:

*Нам — только видимый, вам же — весь
Прочий (где несть болезни!).*
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.

Вам — миродержествовать, нам — родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть
Попросту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус
Обыкновенным смертным!
Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище — нектар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ —
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите — чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку — план
Дальний — другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья

Следующих. . .

Поразумянился весь совет,
Лбищи понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одни чужие.

Не мудрено: па земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд, —
Только одна, и та ведь

Авторская. . . Шепоток вдоль стен:
«Что бы ему взамен?»

— Что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину

Недорогих носков!
— Туфельку для часов!

— Что-нибудь на стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
— Дело ведь не в цене!

— Нотную папочку!
— Тросточку! На плечи
Что-нибудь из тряпья!
— Кисточку для бритья!

— Так себе — чуточку!
— Штучно! Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
— Главное — от души!

— Самую капельку!
— Крохотку! — Крапинку!
— Каб налицо — сюртук,
Я б предложил — утюг:

Прочно и дешево!
— Главное — пошибом
Взять: для подобных бар
Жест — наилучший дар.

Прочее — дорого.
— Дешево — здорово!
Без роковых затрат,
В дельности — аттестат.

Деньги — безвкусица!
Каперцы, устрицы,—
Не диабет — нефрит.
— Гений мечтами сыт.

Доброе мнение —
Вот она, гению
Плата: кошель похвал.
— Смертный дорожке б взял.

Стало быть, аттестационный лист.

Ратсгерр от Романтизма

— Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он — флейтист,
Значит — футляр на флейту!

Раты — в плёск.
Герры — в хлоп.
— Ну и мозг!
Ну и лоб!

Geben — frisst,
Leb'heisst: spar...¹
Раз флейтист —
Так футляр.

— Слажено! — Сложено!
— Замшевый! — Кожаный!

— Для музыкальных душ
Так же приятен плюш.

— Стало быть — плюшевый!
— Ратсгерры, кушанье
Стынет. — Коль нежность — цель,
Так же нежна фланель.

¹ Дадим — слопает (здесь: дают — бери), жить — значит экономить (нем.). — *Ред.*

— Главное — умысел!
— В траты не сунувшись,
Чтоб от души — к душе —
Как из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе
Прок был — у всех была бы.
А в переводе папье-маше —
Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги — а рты замажем!
(Так же, как критика — соловью:)
Жвачкой, притом — бумажной.

— Чистой! без примеси!
— Принято! Принято!
— Хлопковой! Рисовой!
— Bravo! Подписано!

Б у р г о м и с т р

Не проскочил — в зятя!
Но, человека чтя
И в музыканте —
Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,
Постановленье ратуши:

Гаммельн — не в царстве душ.
Раз музыкант — не муж,
Раз музыкант — не зять,
В названной отказать
Девушке. (В царстве цен!)
И предложить взамен
Нечто из царства чар:
На инструмент — футляр

Жвачно-бумажный.
Ибо не важно
Что («Вещество — лишь знак».
Гёте) — а важно — как.

Тих как мех.
Тих как лев.
Губы в смех.
Брови в гнев.

Выше звезд,
Выше слов.
Во весь рост —
Крысолов:

«Раз музыкант — так мот.
Дудки не бережет
Дудочник. Треснет — свистнет.

Чехолоненавистник
Он — и футлярокол.
Раз музыкант — так гол,

Чист. Для чего красе —
Щит? Гнойники скрывают!
Кто из всего и всё
В мире — чехлы срывает!

Нехороша — так пнуть!
Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух
Вам протрубят к обедне —
В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний,

В день, когда станут — льды.
В душу — и без трубы.

Не в инструменте — в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего — без глаз
Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал —
Грудь. Никогда не мал.

Но-гами в чан!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма, — скушна весьма!
Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов — а мир был мал! —
Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл,
Гунн да галл,
(Спутал — влёт.)
Галл да гот,

Гот да галл.
— Слишком мал —
Гунн да гот,
— Бутерброд.

Гунны — конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит — плюс.
Цезарь — немец.
Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.
— Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.
— Отосплюсь — просплюсь — просплюсь. . .

Буки — Аз —
В щелки глаз.

Сотней ос —
В ноздри, в нос.

На сто лет, на сто мод —
Мой завод — завод — завод.

Рухнет дуб, рухнет трон —
Заведён — ведён — ведён.

Сотни лет, сотни мод —
А что дальше будет —
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник будит.

Что есть час? что есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник — цел.

Были доли —
Выросли горы.
Нынче — в школу,
Завтра — в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу. . .

Утомительней мошкары. . .
— Шко-ля-ры!

Что́ это? Новый звук!
Книги летят из рук
— Мимо — и прямо в печь,
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз.
Ссло упало в таз,
Мыло упало в суп —
В школьную Morgensupp! ¹

¹ Утреннюю похлебку! (нем.) — *Ред.*

Звуки! Звуки! Как из лейки!
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта,
Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-притоп, топот-пряд.
— Флейта, лей нам! Флейта, пой нам! —
Жеребят, козлят, телят.

Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.

Что ливень с суков,
Что щебень с горы,
Со всех чердаков
Горох детворы.

Школьник? Вздор. Бальник? Сдаи.
Ливня, ливня барабан.

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад.

Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!
В роще — сойки, в роще — зайки,
В роще — белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают «Жития».

— Дет-во-ра!
Золотых вечеров мошкара. . .
Ди-ка-ри!
Голосистых прудов пескари. . .

Прочь из нор!
Мотылек — не сурок, не бобер.
Прочь из школ!
Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня — не в службу, а в дружбу! —
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
— Глубокая ловля и быстрая гребля, —
Для девочек — иглы, для мальчиков — кегли,

На-ряд и доспех,
И — вафли для всех.

Птичкам — рощица, рыбкам — озерце,
На всё особи, на всё возрасты!

Младшим — сладости, старшим — пряности, —
На всё тайности, на всё странности.

Блеск — больно глазам:
Э-дем и Сезам.

Под родительскою крышею
Вы «там-там» бессонный слышали?

Под родительскою кровлею
Кто шербет блаженный пробовал?

Дом — тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня — сказал, так в ладони! —
Для девочек лани, для мальчиков кони,

Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков — войны, для девочек —
свадьбы,

Весь мир — нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!

Рыбкам — озерце, птичкам — лето,
— Уничтожены все предметы!

Рож-дественский стол
В древнейшей из школ.

— Говорят, что он в зеленом!
— Где ж он? — Я иду за звоном.

— Он в жару меня баюкал.
— Где ж он? — Я иду за звуком.

— Я за красною фатой.
— Я за старшею сестрой.

— Говорят, что рай — далёко.
— Я не выучил урока.

— Что-то боязно мне втайне.
— Я — за дальним. Я — за крайним.

— Я — чтоб детство навестить.
— Не остаться. Не отстать.

— За отчаявшимся кладом.
— Я — за славой. Я — за стадом.

— Всё равно — домой нельзя уж!
— Я — так за море! — Я — замуж.

— Потому что в школе бьют.
— Потому что все идут.

— Ночевать хотел бы в сене.
— Я — за Францем. — Я — за всеми.

— Воевать хотел бы с львами.
— Я? не знаю. Ноги сами.

— Потому что фатер — бьет.
— Потому что — *всё* идет!

..Колотушки — и те в миндалинках!
Погремушки для самых маленьких!
Сказки — пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек — бусы.
На всякие жажды! на всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек — страсти:

Без свах, без помех,
И — письма — для всех.

— Говорят, что он заводит,
Топит. (Ворочай, народец!)

— Заведет, потом загубит!
— Раз не *может*, так не будет

Хуже! — В лад — так не злодей!
— В ад — так без проповедей!

— Хорошо еще, что вместе,
Кучей — А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше, —
Где ж он?) — Ничего не слышу:

Ни «гоп-гоп» и ни «ду-ду», —
Всё идут, и я иду.

— Есть у меня — всё, всё, кроме ренты!
Для мальчиков флинты, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек — звуки, для мальчиков — смыслы,

Сих — с теми — родство,
И — рифма — на всё.

Ветер в полы!
Мимо школы!

Целым цирком —
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан —
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем, и не пиши!
— Малыши!

Есть у меня, — не всё перескажешь! —
Для мальчиков — радость, для девочек — тяжесть.
Нежна — перелюбишь, умна — переборешь.
Для мальчиков — сладость, для девочек — горечь.

Дно — страсти земной. . .
И — рай — для одной.

Здесь — путы,
Здесь — числа. . .
Разруха. . .
Разлука. . .

Рай — сути,
Рай — смысла,
Рай — слуха,
Рай — звука.

Точно облачко перистое,
Шепот: — Грета бургомистрова!

— Стройтесь, резвые невестины
Сестры, в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках —
За руку берите маленьких.

Школьный дом — уже с горошину!
На руки берите крошечных

Братцев аистовых. . .
— Не раскаиваться!

Вроде благовеста. . .
— Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

— Зарастай,
След от ног наших. Спросят — в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить — стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить — врагу!
Всё, что вечно, — на том берегу!

В царстве моем — ни тюрем, ни боен, —
Одно ледяное! одно голубое!
Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей
Для девочек — перлы, для мальчиков — ловля

Их. — С грецкий орех!
И — ванна — для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,
Жемчуг — чуждая болезнь.

Хворост — сер. Хочешь — ал?
Вместо хворосту — коралл.

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,

Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето краснó.
И — время — на всё.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,
В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! кто-то: ил!
Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! кто-то: гул!
Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам. . .

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку. . .

Под коленочки норовит.
— Хри-зо-лит!

Красные мхи, лазурные ниши. . .
(А ноги всё ниже, а небо всё выше. . .)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца. . .
А что-то всё ближе, а что-то всё дальше. . .

— Берегись! По колено ввяз!
— Хри-зо-праз!

А вода уже по плечико
Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!
А вода уже по горлышко, —

Усладительней простыни. . .
— Хру-ста-ли. . .

В царстве моём (нежнейшее dolce) ¹...
А веку всё меньше, а око всё больше...
Болотная чайка? Младенческий чепчик?
А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!
Подступает к подбородочку.

Хороши чертоги выстроил
Нищий — дочке бургомистровой?

— Вечные сны, бесследные чаши...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
— Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

— Муттер, ужинать не зови!

Пу-зы-ри.

Париж, ноябрь 1925

¹ Нежнейший тон (итал.). — *Ред.*

387. ПОЭМА ЛЕСТНИЦЫ

Короткая ласка
На лестнице тряской.
Короткая краска

Лица под замазкой.
Короткая — сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.

Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.

В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад —

В ад...
— стезею листков капустных!
Точно лестница вся из спусков,
Точно больше (что — жить! жить — жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.

Так, до розовых уст дорваться —
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край —
Кто — когда — забывал: прощай.

Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.

От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.

Знаешь проповедь
Тех — мест?
Кто работает,
Тот — ест

Дорого в лавках!
Тощ — предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.

В жизненной давке —
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.

Взрывом газовым
Час. Да-с.
Кто отказывал,
Тот — даст.

. . .

Ящик сорный,
Скажут, скажите: вздор.
И у черной
Лестницы есть ковер.

(Масти сборной,
Правда. . .) Чеснок, коты, —
И у черной
Лестницы есть Coty.

Любят сласти-то
Червяки теснот!
Это — классика:
Чердаку — чеснок.

Может, лечатся. . .
А по мне — так месть:
Черной лестницы
Черноту заесть.

Стихотворец, бомбист, апаш —
Враг один у нас: бэль-этаж.

Короткая сшибка
На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой —

Как скрипка, как сопка,
Как нотная стопка.
Работает — топка!

Короткая встрепка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.

Бьем до искр из глаз,
Бьем — в лёжь.
Что с нас взыскивать?
Бит — бьешь.

Владельца в охапку —
По лестнице каткой,
По лестнице хлипкой —

Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

— Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.

Судор'жь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?

Что этаж — свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей
Лестницы есть низы,

Кто до слез, кто с корнем,
Кто та́к, кхи, кхи —
И у черной
Лестницы есть верхи.

— Вас бы выстукать!
— Кёркой в грудь — ужо!
Гамма приступов
От подвала — до

Крыши — грохают!
Большинством заплат —
Маркса проповедь
На стравинский лад.

Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.

Не спевка, а сплёвка:
На *лесгницу* легких
Ни цельного — ловко!

Торопкая склёвка.
А ярости — в клохтах!
Работают — ох как!

Что́ ни бросите —
Всё — в ход.
Кто не досыта ест —
Жрет.

Стол — как есть домашний:
Отъел — кладут.
И у нашей
Лестницы — карта блюд.

Всех сортов диета!
Кипящий бак —
И у этой
Лестницы — Франценсбад.

Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала — до

Крыши — стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си —
Гамма запахов!
Затыкай носы!

Точно в аду вита,
Раскалена — винта

Железная стружка.
Которая стопка
Ног — с лестницы швыркой?

Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.

Последняя сцепка
Двух — кости да тряпки —
Ног — с лестницей зыбкой.

Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.

Тихо. — Даже — кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час

Тишины. . .

Последняя взбёжка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.

Темнота всё стерла —
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час

Чистоты. . .

Откуда — узнай-ка! —
Последняя шайка —
Рейн, рухнувший с Альп, —
Воды об асфальт

Двора. . .

Над двором — узорно:
Вон — крест, вон — гроздь. . .
И у черной
Лестницы — карта звезд.

Ночь — как бы высказать?
Ночь — вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться —

Вся! Все унижены —
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выпренности:
Вещь хочет выпрямиться.

Винт черной лестницы —
Мнишь — стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.

Высь — вещь надежная.
В вещь — честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря-мою линией.

Двор — горстка выбоин,
Двор — год не выгребен! —

Цветами, ягодами —
Двор бредит за́городом.

Вещь, бросив вежливость:
— Есмь мел! Железо есмь!
Не быть нам выкрестами!
Жид, пейсы выпроставший.

Гвоздь, кафель, стружка ли —
Вещь — лоно чувствует.
С ремесл пародиями —
В спор — мощь прародинная.

Стикло, с полок бережных:
— Пе-сок есмь! Вдребезги ж!
Сти-хий пощечина!
Стикло — в пыль песочную!

Прочь, ложь и ломанность!
Тю-фяк: солома есмь!
Мат-рас: есмь водоросль!
Всё, вся: природа есмь!

Час пахнет бомбою.
Ве-ревка: льном была!
Огнь, в куче угольной:
— Был бог и буду им!

Что́ случилось с кранами?
— Пал — бог и встану им!
Чтоб сразу выговорить:
Вещь хочет выздороветь.

Мы, с ремеслами, мы, с заводами,
Что мы сделали с раем, отданным
Нам? Нож первый и первый лом,
Что́ мы сделали с первым днем?

Вещь как женщина нам поверила!
Видно, мало нам было дерева
И железа — отвесь, отбей! —
Захотелось досок, гвоздей,

Щеп! удóбоваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
Шаг? Планету, где всё о Нем —
На предметов бездарный лом?

Мы — с ремеслами, мы — с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом
Вещь. . . Замкнулась и ждет конца
Вещь — на адском одре станка.

Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир — одушевленной некуда! —
Что же человек привнес?

Нужно же, чтоб он, сей видимый
Дух, болящий бог — предмет
Неодушевленный выдумал!
Лживейшую из клевет!

Вы с предметами, вы с понятиями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)

Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку которой — ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь —

(Потому-то всегда взрываемся!)
Что вы сделали с первым равенством
Вещи — всюду, в любой среде —
Равной ровно самой себе.

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягивало руку.
Человек — рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),

Твердо устанавливали: чудо!
Человек — взрывал.

Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает — ломом.
Стол всегда утверждал, что — ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.

В лакированных ваших клетках
Шумы — думаете — от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся в пазáх орех.

Просыпаешься — как от залпа!
Шкаф разохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Двóрни домашний бал!
Газ взорвался? Нет, бес разыграл!

Ровно в срок подгниют перильца.
Нет — «нечаянно застрелился».
Огнестрельная воля бдит.
Есть — намеренно был убит

Вещью, в негодование стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень — навыки таковы:
Камень требует головы!

Мечь утеса. — С лесов — мечь леса!
Обстановочность этой пьесы!
Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!

Всё страхующих — вплоть до ситки
Жестяной. Это ты — тростник-то
Мыслящий? — Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!

От Гефеста — со всем, что в оном —
Дом, а яхту — от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!

От Гефеста? А шпиль над крышей —
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.

Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни — спрашивается — боги,
Раз над каждым — язык неймет! —
Каждым домом — богоотвод!

Бухты, яхты, гешефты, кофты —
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только — сей:
Огонь, страхующий от вещей.

Вещи бедных. Разве рогожа —
Вещь? И вещь — эта доска?
Вещи бедных — кости да кожа,
Вовсе — мяса, только тоска.

Где их брали? Вид — издалёка,
Изглубока. Глаз не труди!
Вещи бедных — точно из бока:
Взял да вырезал из груди!

Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже — этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья, —
Весь октябрьский лес целиком!

Нищеты робкая мебель!
Вся — чего? — четверть и треть.
Вещь — давно, явно на небе!
На тебя — больно глядеть.

От тебя грешного зренья,
Как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул — там, где о Вене —
Кто? когда? — страшная вещь!

Лучшей всех — *здесь* — обеспечен,
Был бы — дом? мало! — черлак

Ваш. Лишь *здесь* ставшая вещью —
Вещь. Вам — бровь, вставшая в знак

? — сей. На рвань нудную, вдовью —
Что? — бровь вверх! (Чем не лорнет —
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть — предмет.

Та́к подчас пуст он и сух он —
Женский глаз, дивный, большой,
Что — сравните — кажется духом —
Таз, лохань с синькой — душой.

Наравне с тазом и с ситом
— Да — царю! Да — на суде! —
Каждый, здесь званый пиитом,
Этот глаз *знал* на себе!

Нищеты робкая утварь!
Каждый нож *лично* знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то — здесь, *всем* — за окном —

Тем, пустым, тем — на предместья —
Те — читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: *не* примут в багаж.

Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти. . .
В слезах —

Оттого что не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а *наш*
Шкаф.
Оттого что сердец и душ
Не сдают в багаж.

Вещи бедных — плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.

Вещи бедных — попросту — души,
Оттого так чисто горят.

Ввысь, ввысь
Дым тот легкий!
Чист, чист
Лак от локтя!

Где ж шлак?
Весь — золой
Лак, лак
Локтевой!

Прям, прям
Дым окраин.
Труд — Хам,
Но не Каин.

Обшлаг —
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.

Стол — гол — на вещицы.
Стол — локтем вошится,
Воск чист, локоть востр.
За-стывший пот — воск.

Им, им — ваших спален
(Вощём, но не сáлим!)
Им, им так белы́
Полы — до поры!

Вещи бедных — странная пара
Слов. Сей брак — взрывом грозит:
Вещь и бедность — явная свара.
И не то спáрит язык!

Пономарь — что́ ему слово?
Вещь и нищ. Связь? нет, разлад.

Нагота ищет покрыва,
Оттого так часто горят

Чердаки — часто и споро —
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет — простора
(Автор сам в рачьей клешне).

Потолок, рухнув — по росту
Стал — уж горб нажил, крался.
Правота ищет помоста:
Всё сказать! Пусть хоть с костра!

А еще — место есть: нары.
Ни луча. Лучная вонь.
Бледнота ищет загару.
О всем том — помнит огонь.

—

Связь, звучанье парное:
Черная — пожарная.

У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой —
Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости —
Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный

Коробок. . .
— как вылизан
Пол, светлее зеркала!

Есть взамен пожизненной
Смерти — жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!
Дом — красная бузина!

Честь царственно спасена!
Дом — красная купина!

Ваши рабства и ваши главенства —
Погляди, погляди, как валятся!

Целый рай ведь — за миг удушья!
Погляди, погляди, как рушатся!

Печь прочного образца!
Протопится крепостца!

Все тучки поразнесло!
Просушится бельецо!

Пепелище в ночь? Нет — займище!
Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!

Не топчите золотого пастбища!
Нас? Да разве спасают — спасшихся?

Задивившись на утро красное,
Это яшень суки выпрастывает!

Спелой рожью — последний ломтичек!
Бельевая веревка — льном цветет!..

А по лестнице — с жарко спящими —
Восходящие — нисходящие —

Радуги...

— Утро

Спутало перья.
Птичьё? мое? не вемо.
Первое утро — первую дверью
Хлопает...

Спит поэма.

Июль 1926

388. АВТОБУС

Препонам наперерез
Автобус скакал как бес.
По улицам, уже сноски,
Как бес оголтелый несся
И тряся, как зал, на бис
Зовущий, — и мы тряслись —
Как бесы. Видал крупу
Под краном? И врозь, и вкúпе —
Горох, говорю, в супу
Кипящем! Как зёрна в стúпе,
Как вербный плясун — в спирту,
Как зубы в ознобном рту!

Кто — чем тряслись: от трясни
Такой — обернувшись люстрой:
Стеклярусом и костями —
Старушка, девица — бюстом
И бусами, мать — грудным
Ребенком, грудной — одним
Упитанным местом. Всех
Трясло нас, как скрипку — трелью!
От тряса родился — смех,
От смеху того — веселье
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ.

Я — в юность: в души восторг!
В девичество — в жар тот щёчный:

В девчончество, в зубный свёрк
Мальчишества, словом

— точно

Не за́ город тот дударь
Нас мчал — а за календарь.

От смеха рождалась лень
И немощь. Стоять не в силах,
Я в спутнический ремень
Товарищески вцепилась.

Хоть косо, а напрямик —
Автобус скакал, как бык
Встречь красному полушалку.
Как бык ошалелый, мчался,
Пока, описавши крюк
Крутой, не вкопался вдруг.

. . . И лежит, как ей повелено —
С долами и взгорьями.
Господи, как было зелено,
Гóлубо, лазорево!

Отошла январским оловом
Жизнь с ее обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

Каждую жилою — как по желобу —
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударяла в голову,
Освобождала ее от дум.

Каждую жилою — как по желобу —
Влажный, валежный, зеленый дым.
Зелень земли ударяла в голову,
Переполняла ее — полнѣм!

Переполняла теплом и щебетом —
Та́к, что из двух ее половин
Можно бы пьянствовать, как из черепа
Вражьего — пьянствовал славянин.

Каждый росток — что зеленый розан,
Весь окоём — изумрудный сплав.
Зелень земли ударяла в поздри
Нюхом — *тáк* буйвол не чует трав!

И, упразднив малахит и яхонт:
Каждый росток — животворный шприц
В око: — *тáк* сокол не видит пахот!
В ухо: — *тáк* узник не слышит птиц!

Позеленевшим, прозревшим глазом
Вижу, что счастье, а не напасть,
И не безумье, а высший разум:
С трона сшед — на четвереньки пасть. . .

Пасть и пастись, зарываясь носом
В траву — да был совершенно здрав
Тот государь Навуходоносор —
Землю рыв, стебли ев, траву жрав —

Царь травоядный, четвероногий,
Злаколюбивый Жан-Жаков брат. . .
Зелень земли ударяла в ноги —
Бéгом — донес бы до самых врат

Неба. . .

— Все соки вобрав, все токи,
Вооруженная, как герой. . .
— Зелень земли ударяла в щеки
И оборачивалась — зарей!

Боже, в тот час, под вишней —
С разумом — что — моим,
Вишенный цвет помнившей
Цветом лица — своим!

Лучше бы мне — под башней
Стать, не смешить юнца,
Вишенный цвет принявши
За своего лица —

Цвет. . .

«Седины»? Но яблоня — тоже
Седая, и сед под ней —
Младенец. . .

Всей твари божьей
(Есть рифма: бедней — родней) —

От лютика до кобылы —
Роднее сестры была!
Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?

Так веселятся на карусели
Старшие возрасты без стыда;
Чувствую: явственно порусели
Волосы: проседи — ни следа!

Зазеленевшею хворостиной
Спутника я, как гуся, гнала.
Спутника белая парусина
Прямо-таки — паруса была!

По зеленям; где земля смеялась, —
Прежде была — океана дном! —
На парусах тех душа собиралась
Плыть — океана за окоём!

(Как топорщился и как покоился
В юной зелени — твой белый холст!)
Спутник в белом был — и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем — толст!

Не разведенная чувством меры —
Вера! Аврора! Души — лазурь!
Дура — душа, но какое Пёру
Не уступалось — души за дурь?

Отяжелевшего без причины
Спутника я, как дитя, вела.
Спутницы смелая паутина
Прямо-таки — красота была!

И вдруг — огромной рамой
К живому чуду — Аз —

Подписанному — мрамор:
Ворота: даль и глаз

Сводящие. (*В сей рамке*
Останусь вся — везде.)
Не к ферме и не к замку,
А сами по себе —

Ворота... Львиной пастью
Пускающие — свет.
— Куда ворота? — В счастье,
Конечно! — был ответ

(Двойной)...

Счастье? Но это же там, — на Севере —
Где-то — когда-то — простыл и след!
Счастье? Его я искала в клевере,
На четвереньках! четырех лет!

Четырехлистником! В полной спорности:
Три ли? Четыре ли? Полтора?
Счастье? Но им же — коровы кормятся
И развлекается детвора

Четвероногая, в жвачном обществе
Двух челюстей, четырех копыт.
Счастье? Да это ж — ногами топчется,
А не воротами предстоит!

Потом была колода
Колодца. Басня — та:
Поток воды холодной
Колодезной — у рта —

И мимо. Было мало
Ей рта, как моря — мне,
И всё не попадала
Вода — как в странном сне,

Как бы из вскрытой жилы
Хлеща на влажный зём.

И мимо проходила
Вода, как жизни — сон...

И, утеревши щеки,
Колодцу: — Знаю, друг,
Что *сильные* потоки —
Сверх рта и *мимо* рук

Идут!..

И какое-то дерево облаком целым —
— Сновиденный, на нас устремленный обвал...
«Как цветная капуста под соусом белым!» —
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом — куда громовее, чем громом
Пораженная, прямо сраженная в грудь:
— С мародером, с воробом, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь, боже, в сене уснуть!

Мародер оберет — но лица не заденет,
Живодер обдерет — но душа отлетит.
Гастроном ковырнет — отщипнет — и оценит —
И отставит, на дальше храня аппетит.

Мои кольца — не я: вместе с пальцами скину!
Моя кожа — не я: получай на фасон!
Гастроному же — мозг подавай, сердцевину
Сердца, трепет живья, истязания стон.

Мародер отойдет, унося по карманам —
Кольца, цепи — и крест с отдышавшей груди.
Зубочисткой кончаются наши романы
С гастрономами.

Помни! И в руки — *нейди!*

Ты, который так царственно мог бы — любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) —
Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево — мшу.

Апрель 1934 — июнь 1936

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

389. М Е Т Е Л Ь

Драматические сцены в стихах

Л И Ц А

Дама в плаще, 20 лет, чуть юношественна.
Господин в плаще, 30 лет светлый.
Старуха, весь XVIII век.
Трактирщик }
Торговец } каждый — олицетворение
Охотник } своего рода занятий.

Действие происходит в ночь на 1830 год, в харчевне,
в лесах Богемни, в метель.

1

Харчевня. Пылает камин. У круглого дубового стола Торговец и Охотник беседуют. Поодаль, в огромном одиноком кресле — Старуха. У окна, в распахнутом зеленом плаще, Дама глядит в метель.

Торговец

Ну и погода!

Старуха

И на погоду
Новая нынче мода!
Эх, в старину! . .

Торговец

Снег, верно, сахаром был?

Старуха

Бывало,

Снегом я личико умывала,
Что твоя роза, сударь, цвела.

Скверные нынче пошли дела!
Даже на солнце глядеть не любо.

Торговец

Это, сударыня, как кому. . .
Были бы только у волка зубы —

Старуха

Розы не пахнут, не греют шубы. . .
А кавалеры-то стали грубы!
Ихних речей и в толк не возьму!

(Нюхает табак.)

Торговец

(Охотнику)

С доброй охотой поздравить можно?
Много чего настреляли?

Охотник

Нет.

Видно, на ложный напали след,
Да растеряли потом друг друга.

Торговец

Знатная выюга!

Входит Трактирщик.

Трактирщик

Ну и погода
К Новому году!
Чем угощу дорогих гостей?
Заяц, оленина, утки, гуси,
Окорок пражский. . .

Старуха

Не в нашем вкусе!

Грубые блюда! Эх, в старину —
Роскошь так роскошь — полночный ужин!
Робы-то! Розы-то! Гром жемчужин!
Кто поусерднее — тот и прав!
Помню, тогда был со мною дружен
Граф Ланденсберг — прелюбезный граф:
Всё от мужей хоронился в шкаф!

Да, не знавали вы наших пиршеств!
Устрицы, взоры, улыбки, вирши. . .
Слева — любовник, а справа — муж. . .
Из диамантов — на туфлях — пряжки. . .

Т р а к т и р щ и к

Может, гостям дорогим по чашке
Кофию венского? Страсть душист!

С т а р у х а

(продолжая)

И в диамантовых звездах — хлыст!

Т о р г о в е ц

Розы да взоры? — Тонкие яства!

С т а р у х а

(не отвечая и не замечая)

Взор его стоил — целого графства,
И королевства целого — рот!

Т о р г о в е ц

(снисходительно)

Что говорить, в старину народ. . .

С т а р у х а

(разгораясь, в пространство)

Стан перетянут, в атласе ляжки. . .
В страстных объятьях погиб, бедняжка!

(И, только сейчас расслышав слова Трактирщика)

Кофию? Пес с ним! Подашь вина.

Т р а к т и р щ и к

Лучшего?

С т а р у х а

А кружева! А кудри!

(Трактирщику)

Лучшее *нами* выпито, сударь.

Т о р г о в е ц

Темного пива!

Старуха
Как неучтиво!
Пиво! — При дамах!
Охотник
Светлого пива!

Трактирщик
(Даме)
Чем госпоже услужу?

Дама
(вполоборота)
Коней
Он¹ на конюшню отвел?

Трактирщик
(угодно)
Своей
Собственной, знающей толк, рукою;
Даже лягнул меня черный конь.
Чем госпоже услужу? Жаркое
Просит за повара.

Дама
Дров в огонь!
(Отворачивается к окну.)
Трактирщик выходит.

Торговец
Вот тебе раз!

Охотник
А на нас — ни взгляда!

Торговец
Мне и не надо: худа, как жердь,
Грудь — что стена крепостная. — Смерть
Как не люблю худобы и знати!

¹ Старинная немецкая форма обращения к слугам в 3-м лице.

Охотник

Да, с герцогиней в одной кровати —
Странная честь!

Торговец

Да еще с худой!

Гогочут.

Старуха

(вскипая)

Эх, кабы я была молодой,
Я бы вам, милые, показала!

Торговец

Райские прелести?

Старуха

Нет. — На дверь.

Я бы вам показала, хамы,
Как говорить про цветок — про Даму!

Торговец

Вот те и бабушка!

Охотник

Суший зверь!

(Возвращаясь к Даме)

Плащ-то на нашей красотке знатный, —
Женкам такого ведь не сошьем!

Торговец

Плащ-то плащом, а узнать занятно —
Есть ли и женщина под плащом!
Каши с одним-то плащом не сваришь!

Охотник

А погляжу-ка: и впрямь тоща!

Торговец

Плащ без красавицы? — Нет, товарищ!
Выпьем за женщину без плаща!

Входит Трактирщик с вином и пивом.

Т р а к т и р щ и к
Верно — так верно! Бобровый ворот —
Скудная пища для губ и глаз!

Т о р г о в е ц
Выпьем за Вену, за добрый город
Розовых ангелов и колбас!

Чокаются пивом.

Т о р г о в е ц
Женушку и не в такой одену!

С т а р у х а
(*созерцательно*)
Нынче корова в плаще — не сон.

Т о р г о в е ц
За достоверность!

О х о т н и к
За век!

Т р а к т и р щ и к
За Вену!

Т о р г о в е ц
За полнокровье!

Т р а к т и р щ и к
За наших жен!

Д а м а
(*вполоборота, режуща*)
Кажется, я принести велела
Дров?

Т р а к т и р щ и к
Не глухой небось, знаю — дров!
Не разжиреешь с таких делов.

Д а м а
Как?

(*И, сообразив, бросает ему кошелек.*)

Т р а к т и р щ и к
(*ловя на лету*)

Благодарствую. — Так-то лучше!
Много обязан. Целую ручки.

(*Выходит.*)

Т о р г о в е ц

А голосок-то — острей ножа!

О х о т н и к

Знатная, видимо, госпожа:
Может — графиня,
Может — княгиня,
Может — инкогнито — герцогиня.

С т а р у х а

Эх, в старину
Мы герцогинями быть умели!
Так и примета у нас велась:
Чем снеговее, чем тоньше кожа —
Тем обращенье строже.

Т о р г о в е ц

Так и блюли себя, как монашки?

С т а р у х а

(*упоенно*)

Нет, — целовались всласть!
Вирши царапали на бумажке
Про роковую страсть.
То-то ливрей золотых в прихожей,
Да у крыльца карет!
Эх, и сейчас пронимает дрожью,
Даром что волос — сед!
Грудь в орденах — молодой — пригожий. . .

Т о р г о в е ц

Всё-то она про то же!

З а н а в е с

Торговец и Охотник ушли. Трактирщик убирает со стола.
 Д а м а — по-прежнему — у окна, Старуха — по-прежнему
 в кресле.

Т р а к т и р щ и к

Славные гости! Таких хвалю!
 Знатно набили суму мою!
 Чай, уж пятнадцатый видят сон, —
 Бог сохрани их детей и жен!

С т а р у х а

Выпили, съели — и спят, как бревна!
 Вот так пирушка под Новый год!

Т р а к т и р щ и к

Старый ли, Новый ли, — нам всё ровно,
 Лишь бы на утро сошелся счет!

(Даме)

Ласковой гостье постель готова!
 Дó неба! Хоть по веревке лезь!
 Ну, не постелька, а холм пуховый!

Д а м а

Благодарю, я останусь здесь.

Т р а к т и р щ и к

Вот не откушали — и не спится!
 Птица, и та набивает зоб.
 Чем на утробу свою скупиться —
 Лучше уж прямо платить за гроб.
 Кушайте, внуки, — велели деды,
 Да запивайте исправней. . .

Д а м а

(подымая руку)

Едут!

Т р а к т и р щ и к

. . . Чтоб не застряла в гортани кость.
 Слабый звон бубенчиков.

Старуха

(Даме)

Едут!

Трактирщик

И впрямь — новогодний гость!

Старуха поднялась с кресла, шагом ожившего памятника прошла всю комнату и стала перед Дамой.

Старуха

Боги! С кольцом обручальным — ручка!

Лучше бы мне увидеть мозоль!

Сей диамант мне поднес Король.

(Торжественно)

На королевское счастье, внушка!

(Сняла и надела.)

Дама

Благодарю... Смущена...

Старуха

Дитя!

То, что Король подарил шутя,

В час, когда стража уснула в будке, —

Можно и должно принять как шутку.

(Обратно в кресло.)

Дама

Рядом занят!

Трактирщик

Уж такой глупец:

Не выношу я чужих колец,

Шалых старух да дворянской дури...

Огромный взрыв метели. На пороге — Господин в занесенном снегом плаще.

Господин

(невуче)

Я, кажется, вношу сюда — всю бурю?

Т р а к т и р щ и к
Дóбро пожаловать, поздний гость!

Г о с п о д и н
Здравствуй, хозяин! Стакан вина!

Т р а к т и р щ и к
Этим харчевня моя славна!
Здесь новогодняя читится гроздь.
Трезвый — хорош, а уж лучше — пьяный:
Всё тебе сразу: и жар, и прить. . .

Г о с п о д и н
(*глядя на Даму*)
Если позволите —
(*Трактирщику*)
— два стакана!

Д а м а
(*как лед*)
Благодарю, я не буду пить. . .

Г о с п о д и н
(*чуть насмешливо*)
Вы мне простите сей невольный промах:
Мой бедный ум ухабами разбит. . .

Д а м а
Мы незнакомы, сударь. Ни обид,
Ни извинений нет — от незнакомых.

Г о с п о д и н
(*наклоня голову*)
Позвольте мне исправить: Князь Луны,
Ротонды кавалер — и Рыцарь Розы.

С т а р у х а
(*как во сне*)
Ах, хорошо в суровые морозы —
Про розу! Хорошо
Над гробом — про любовь.

(*Полузакрывает глаза.*)

Дама
(наклоняя голову)

Графиня Ланска.

Господин
Голубая кровь!

Старуха
Что — голубая! Вот что — молодая!
(Господину)

Простите за досужий мой вопрос:
Куда? Откуда?

Господин
Вихрь меня принес,
Вихрь унесет.

Дама с его появлением перешла на низкую скамеечку, к огню.

Дама
(не поднимая головы)
Играете в загадки?

Трактирщик
(с бутылкой)

Хоть нет у вас сегодня недостатка
В прекрасных дамах, сударь, — дамы сей
Присутствие вам верно будет сладко.
Гоните грусть — и пейте без остатку!
И закусить бы, кажется, не грех. . .

Господин
Вот кошелек, чтоб говорил короче. . .

Трактирщик
— Так с Новым годом всех — и доброй нсчи!

Господин и Дама. — Дама на скамеечке, все, что она говорит, — снизу. Отделенный от нее поворотом стола, на конце стеной скамейки — Господин. Все, что он говорит, — сверху. Оба не сняли плащей.

Старуха в кресле недвижна.

Дама

(постукивая снизу по граненому стакану)

Хрусталь Богемии...

Господин

Глядеть — как сталь,
А разбивается.

Дама

На то и тонок.

Господин

Откуда эта горечь? Вы — ребенок!

Дама

Я не ребенок.

Господин

Замок родовой

На вьюжные леса покинуть ныне —
Способны лишь ребенок — и герой.

Дама

Я не герой.

Господин

Вы лучше, — Героиня!

Дама

День всюду бел, а ночь — везде черна.
Я замужем — и я верна.

Господин

(глубоко-серьезно)

Не сомневаюсь. Верность — панцирь Рода.
Герб — что броня заковывает грудь.

Дама

Моя броня — Любовь, и с нею в путь
Любой пушусь — во всякую погоду!

Г о с п о д и н

(любуясь)

Как застоявшийся арабский конь!
И в простоте своей — Змея премудрей!
— Посторонитесь! Обожжете кудри!

Д а м а

Не беспокойтесь! Я сама — огонь.

Г о с п о д и н

(задумчиво)

Огонь и лед. . . А всё ж следы забот
На вашем лобике, Огонь и Лед!
И губ углы опущенные эти. . .

Д а м а

Сижу и думаю: зачем на свете ветер?
Зачем ему сейчас лететь и дуть?

Г о с п о д и н

Чтоб те, что были дома, вышли в путь
Другим — таким же странникам — навстречу.
Чтоб то, что длилось вечер, — длилось вечность.

Д а м а

Вы говорите, точно ветер в грудь
Ударил и потом усталой птицей
Тихонечко свернулся на груди. . .

Г о с п о д и н

Чтоб то, что нам казалось впереди,
Назад ушло за тысячную вёрсту. . .
Чтоб то, что там, за тысячной верстой,
Вдруг верстовым столбом пред нами встало. . .

(Глядя на неподвижную Старуху)

Чтоб то, что было розой, — отцветало,

(глядя на Даму, нежно)

Чтоб то, что будет розой. . .

Дама

(медленно, точно с трудом припоминая)

И черный плащ... И ледяные струи...
Гул реки,

Господин

(тихонечко беря ее руки и оставляя их в своих)

Чтоб где-то — в полночь — глядя в уголки,
Держал за обе маленьких руки
Графиню Ланску — Князь Луны, чужой — чужую.

Дама

Нет, не чужую!

Господин

Деточка, скажи —

Зачем не дома в этот час ненастный?

Дама

(в упор)

Ни вам, ни мне сейчас не надо лжи:
Я замужем, — но я несчастна!

Господин

(чуть улыбаясь)

Очаровательное «но»... — Давно?

Дама

(с нарастающим жаром)

Сегодня утром, распахнув окно,
Где гневным ангелом металась вьюга...
Вы будете смеяться, — всё равно!
Я поняла — что не люблю супруга!
Мне захотелось в путь — туда — в Метель...

Господин

(как рассказывают сказку)

И вот графиня, отослав в постель
Докучную служанку, — лоб горячий
К прохладным орденам прижав в последний раз...
В атласных туфельках — как тень — смеясь
и плача...

Дама
(в упор)

Князь, разрешите мне одну задачу:
Где и когда уже встречала вас?

Господин
(продолжая)

... В мужском плаще — царицею опальной —
В бешеную метель — из выюги бальной!

Молчание.

Вся Ложь звала тебя назад,
Вся Вьюга за тебя боролась.

Дама
(как во сне)

Я где-то видела ваш взгляд,
Я где-то слышала ваш голос. . .

Первый удар полночи.

Господин

Колокол бьет! Новый год!
Старый назад не придет.
Он колокольным ударом
В гроб заколочен сосновый.
Гроб опускается, — с Новым
Годом и счастьем старым!

(Наливает вино.)

За возвращенье вечных звезд!
За вьюжный танец!

Дама

За поздних странников мой тост!

Господин
(с расстановкой)

За ранних странниц!

Большое молчание.

Дама

Князь! Это сон — или грех?

Г о с п о д и н
Бедный испуганный птенчик!

Д а м а
(совсем как ребенок)

Первая я — раньше всех! —
Ваш услышала бубенчик.

(Соскальзывает со скамейки на пол — головка на его
грудь — плачет.)

Г о с п о д и н
(положив ей обе руки на голову)

Так же — головкой к плечу. . .
Так же над бездною темной
Плащ наклонился к плащу. . .
— Юная женщина, вспомни!

Крылья слетались на пир,
И расставались в лазури
Двое, низринутых в мир
Тою же бешеной бурей.

И потому — раньше всех —
Мой бубенец издали. . .
Это не сон и не грех,
Это — последняя встреча.

(Тихонечко освободившись от нее, встает. Вздывая го-
лову — кому-то)

Освободи! Укрепи!
Дай ей Свободу и Силу!
— Юная женщина, спи!

Д а м а
(как бы сквозь сон)
Сплю.

Г о с п о д и н
И не помни!

Дама
(чуть слышно)

Забыла...

Молчание.

Дама, опустив голову на руки, на коленях перед скамьей —
недвижна.

Господин

И будет плыть в пустыне графских комнат
Высокая Луна...

(Глядя на нее, спящую, настойчиво и нежно.)

Ты женщина, ты ничего не помнишь...
Не помнишь!.. Не должна...

(Идет к выходу. Остановившись в дверях.)

Страннице — сон.
Страннику — путь.
Помни. — Забудь.

(Выходит.)

В комнате — сон. Звон безвозвратно удаляющихся бубенцов.

16—25 декабря 1918

390. П Р И К Л Ю Ч Е Н И Е

В пяти картинах

«Vous oublierez aussi Henriette...»

(Casanova. Memoires 1)

Л И Ц А

Д ж а к о м о К а з а н о в а, в первой картине 23 года, в последней 36 лет, острый угол и уголь.

А н р и - Г е н р и э т т а, 20 лет, лунный лед.

К а п и т а н, под пятьдесят, вояка.

Д е в ч о н к а, 17 лет, вся молодость и вся Италия.

Л е - Д ю к, слуга, ровесник и сподвижник Казановы, *преувеличенный* Казанова.

Г о р б у н, как все горбуны.

В и о л о п ч е л и с т, 18 лет, лоза.

П е д а н т, очаровательная развалина.

П о с о л ф р а н ц у з с к и й

П о с о л и с п а н с к и й

1 - й и с п а н е ц

2 - й и с п а н е ц

1 - й ф р а н ц у з

2 - й ф р а н ц у з

} марионетки.

Х о з я й к а модной лавки, сорокалетняя итальянская скороговорка.

1 - я м а с т е р и ц а

2 - я м а с т е р и ц а } девочки.

ВРЕМЯ И МЕСТО ВСТРЕЧ

I картина — комната гостиницы в Чезене

II картина — та же комната гостиницы

III картина — загородная вила в Парме

IV картина — комната гостиницы «Весы» в другом итальянском городе

} 1748 г.

V картина — та же комната гостиницы, 13 лет спустя.

Час встреч: вечер и ночь.

Источники мои — IV том Мемуаров Казановы.

¹ Вы позабудете и Генриэтту (Казанова. Мемуары). — франц. — Ред.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

КАПЛЯ МАСЛА

Ночь. К а з а н о в а, буйно разметавшись, спит на диване, под картой звездного неба. Видно, что заснул случайно. На полу валяются книги. Свечи в огромном трехсвечнике догорели. Начало картины в полной тьме.

Стук и голос за дверью

— — — — Позвольте мне взойти!

— — — — Вы заняты? Вы спите?

Вы, может, не одни? — Молчит, как гроб!

Да здравствует пример воров и кошек!

На пороге молодой г у с а р с ночником.

Светло, как в погребе! — Ночник, свети,
Как факел на ветру!

К а з а н о в а

(во сне)

Жавотта, ты?

Браслеты я купил!

Г у с а р

Должно быть, бредит.

К а з а н о в а

(так же)

Но если граф к тебе еще приедет. . .

А впрочем — черт с тобой!

Г у с а р

И бог — со мной!

(Рассматривает разбросанные всюду книги.)

Что мы читаем? — Данте. — Ариост.

«Значенье звезд». — «Семь спутников скелета».

Был или нет — у Асмодея — хвост. . .

К а з а н о в а

(так же)

Тогда Розине подарю браслеты!

Гусар

(у письменного стола)

Перо очинено... Весы... Печать...
А писем, писем! Полная корзина!
А, женский башмачок! Хотел бы знать,
Как в башмачке одном дошла...

Казанова

(так же)

Розина!

Гусар

Два женских имени за пять
Секунд — и всё чего-то шарит!
Не весело, должно быть, спать
С одною картой полушарий!

(Наклоняет светильник к самому лицу спящего.)

Души и ветренности смесь!
Над скольких Ев невинных — змеем,
Над скольких Ариадн — стою — Тезеем?!
— Ох, масло капнуло! Ох, я пропал!

Казанова

(вскакивая в темноте)

Кто здесь?

Ле-Дюк! На помощь! Сбирры! Смерть! Розина!

Суматоха.

Гусар

(зажигая светильник)

И бог сказал: Да будет свет!
Ни сбирров, ни Розины нет, —
А просто нашалил светильник.
И перед вами — ваш сосед:
Гусар и бравый собутыльник.

Казанова

Я, кажется, заснул и вижу сон?
Как вы сюда попали?

Гусар

Прямо в двери.

Но если здесь у вас заведено
Не в дверь ходить — могу уйти в окно.

Казанова

Ле-Дюк!

Гусар

Не встанет вам помочь
Ваш Лепорелло. — А причина
Сему: не спит в такую ночь
Слуга такого господина.

Казанова

Вы вор?

Гусар

Немножко.

Казанова

Странно, цепь цела
И перстень цел. . . Нет, вы не вор, — вы хуже:
Вы чей-то муж! — Нет, хороши для мужа!
Скажите же мне, сударь, что вам нужно?
Какая дурь сюда вас привела?

Гусар

(сидясь на ручку кресла, доверчиво)

Я странным недугом недужен:
Моя болезнь — бессонные дела.

Казанова

Ну, побеседовали, — баста!
Идите просыпайте хмель!

Гусар

(твердо)

Скорей в могилу, чем в постель!

Казанова

И на затылок наложите пластырь.

Гусар
(певуче)

Ах, не залечит
Ласковый пластырь
Этого сердца,
Сей головы!
Ах, я бессонней самой совы!
Такой же, как вы,
Бессонных дел мастер!

Казанова
Так вы не муж?

Гусар
Не муж.

Казанова
Не вор?

Гусар
Не вор.

Казанова
И вы не кредитор?

Гусар
Едва ли!

Казанова
Не муж, не вор, не кредитор, —
Зачем же вы сюда попали?
По звону шпор и по шнуровке
Гусар, очарование дам.
Умалишенный — по речам,
И... ангелочек — по головке!

Гусар
И ложь, и правда...

Казанова
Как певуч
Ваш голос молодой... Но всё же —
Зачем вы здесь?

Полоса луны.

Гусар

Зачем на ложе
Нисходит этот лунный луч?

Казанова

Кто вы?

Гусар

Я — лунный луч. Вольна
Мне всякая дорога.

Казанова

Кто вы?!

Гусар

Как спутница Земли — Луна,
Я — вечный спутник Казановы.
А для людей — гусар Анри,
Грош, по рукам еще не стертый. . .

Казанова

Но всё ж, дитя, какого черта
Сюда явились?

Анри

— На пари!

Казанова

Пари?!

Анри

(кладя ему руку на плечо)

Казанова, взгляните в окно!
Как в мире безумно от лунного света!
Всё минет, всё канет. . . Не всё ли равно:
Пари — или нежность. Анри — Генриэтта. . .

Казанова

(прозревая)

Анри? — Генриэтта?

(Вскакивает.)

А н р и

Оставьте! Не троны!

К а з а н о в а

(вне себя)

Пари — или нежность?

А н р и

(смеясь)

Какое бесстыдство!

Ни то, ни другое. В страшнейший огонь
Гусаров и женщин ведет — любопытство.

Входит Капитан.

К а п и т а н

Прикрою дверь, а то сквозит.
Простите, сударь, за визит
В столь неурочный час полночный.
Всяк господин в своем дому.
Мне это свято, но всему
Виной — мальчишка сей порочный.
Чуть ночь настанет, быстр и бодр
Сей лодырь покидает одр
Свой, моему одру соседний.
Ищу, свищу — ответа нет,
А поутру — один ответ:
— Где был, племянник? — У обедни!
Что, сударь, скажете на это?

К а з а н о в а

Всё в мире — только имена!
Кто скажет: месяц, кто: луна. . .
Анри — сегодня, завтра — Генриэтта. . .

К а п и т а н

Что значит? . .

К а з а н о в а

(вскипая)

То, что без ума

Я, сударь, от сего гусара,
Что сон бессоннице не пара,
Ну, словом, чтоб не тратить слов,

Я — Казанова, и готов
Платить казною или кровью.

Капитан

Я — воин, и чужой любовью
Не промышляю. Чтят любовь
И юность — старые венгерцы.
А проливать чужую кровь
Сегодня мне мешает — сердце.

(Генриэтте)

— Свободна!

(Выходит.)

Анри

(занося ногу на подоконник)

Кажется, погасла
Луна, нырнула в глубину. . .
Забудьте бедную луну
И помните о капле масла!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕСЯТЬ ЦЕХНОВ

Следующий вечер. Та же комната. Казанова и Анри, сменивший гусарский мундир на очаровательную мужскую одежду того времени, на разных концах дивана — беседуют.

Казанова

(продолжая нескончаемый диалог)

Я вас люблю!

Анри

У вас прелестный голос!

Казанова

А вы меня не любите!

Анри

Не всё

Так просто под луною, Казанова!
Семь ступеней у лестницы любовной. . .

К а з а н о в а
Я на восьмой тогда!

А н р и
И сотни тысяч,
И сотни тысяч верст меж «да» и «нет».

К а з а н о в а
Еще ни разу не поцеловали!

А н р и
Не все дороги в Рим ведут.

К а з а н о в а
(насторожившись)
Нет, Рим
Нам может быть опасен. Едем в Парму!
Я вас люблю!

А н р и
Прелестные слова!

К а з а н о в а
А вы меня не любите!

А н р и
...И губы...

К а з а н о в а
Я никогда так страстно не любил,
Так никогда любить уже не буду...

А н р и
(глубоко-серьезно)
Так — никогда, тысячу раз — иначе:
Страстнее — да, сильнее — да, страннее — нет.

К а з а н о в а
Что смотрите?

А н р и
Прелестные глаза!
Да, их должно быть целовать прелестно...

Казанова тянется.

А н р и

(смеясь и отстраняясь)

Нет, нет, — как лунный луч: когда заснут.
Не забывайте: мы — авантюристы:
Сначала деньги, а потом — любовь.

К а з а н о в а

(падая с облаков)

Какие деньги?

А н р и

(играя в серьезность)

За любовь. Но долгом
Своим считаю вас предупредить:
Никак не ниже десяти цехинов.

К а з а н о в а

Тысячу!

А н р и

Мало!

К а з а н о в а

С этим перстнем!

А н р и

Мало!

К а з а н о в а

Тысячу — цепь — и перстень...

А н р и

Мало!

К а з а н о в а

Вчерашний проигрыш! — И пряжки!

Чертов

А н р и

Мало!

К а з а н о в а

(в отчаянии)

И этот ларчик!

А н р и
Мало! Мало! Мало!

К а з а н о в а
Чего же вы потребуете?

А н р и
(упираясь кончиком пальца в грудь
Казановы)

— Душу

Сию — на все века, и эту
Турецкую пистоль — на смертный выстрел.
(Разглядывая пистоль)

Турецкая?

К а з а н о в а
(как во сне)
Да, да...

А н р и
Даешь?

К а з а н о в а
(так же)

Даю.

А н р и
(по-детски)

И не отнимешь?

К а з а н о в а
Нет...

А н р и
(грозя пальцем)

Ну-ну, мессэре!

Чтоб у меня не плакаться потом,
Что плата высока не по товару!
Нагнитесь.

Казанова склоняет голову.

Этот первый поцелуй
В безумный лоб, чтоб мудрым был и добрым.

Давайте — шаг за шагом — постепенно:
Как бог велел: сначала в лоб, потом в глаза...

К а з а н о в а

(яростно)

Когда же в губы?!

А н р и

(серьезно)

Слушайте, дружок!
Бог дивный мир свой сотворил в неделю.
Женщина — сто миров. Единым духом —
Как женщиной мне стать в единый день?
Вчера гусар — при шпорах и при шпаге,
Сегодня — кружевной атласный ангел,
А завтра — может быть — как знать? Кто знает?!

К а з а н о в а

(сжимая кулаки)

Ты поклялась свести меня с ума!

(Стук в двери, — он, бешено)

Кто там?!

Г о л о с з а д в е р ь ю

Из модной лавки Санта-Кроче.

А н р и

(приподымаясь на цыпочки)

Поцеловали в лоб — целуем в очи!

Входит Хозяйка, за ней две мастерицы.

Х о з я й к а

(проталкиваясь, мастерицам)

Я первая! Нельзя же разом!

Привет, синьоры!

К а з а н о в а

В добрый час!

Уже синьора заждалась.

Х о з я й к а

А я — нести надорвалась!
Три ражих девки над заказом
Три ночи не смыкали глаз.
Дорина обливалась потом,
С Джаниной сделалась икота,
Но разыграли, как по нотам
Сонату, — бисер — не работа!
Где же синьора наша?

К а з а н о в а
(на Анри)

— Вот.

Х о з я й к а

Где?

К а з а н о в а

Вот.

Х о з я й к а

Веселый у господ
Был, верно, ужин?

К а з а н о в а

Говорят вам,

Что — вот!

Х о з я й к а

Клянусь священной клятвой,
Что не синьору видит взгляд мой. . .
А — ну совсем наоборот.

К а з а н о в а

А чтобы спор покончить скоро, —
Синьора, утомивши взоры
Непостоянством женских мод,
Кинула чепчик в огород
И порешила быть — синьором!

Х о з я й к а
Да, да, — как раз наоборот!
(Мастерицам)

Ну, дети, это авантюра!
(Казанове)

Но как же, сударь? Белокура. . .
Синьора. *Та* была черна
И — ох! — куда полней фигурой. . .
А ликом — что твоя луна!
Не спутала же я. . . Едва ли. . .

К а з а н о в а
(с деланным смехом)
Кругом запуталась, швея!

Х о з я й к а
(с жаром)
Ну как же, сударь? Полным ртом
Ее вы в лавке целовали,
Еще Розиной называли:
«Розина, родинка моя! . . .»

А н р и
(в воздух)
Заказанный для темных глаз
Атлас — теперь послужит светлым.
Жизнь поклялась: *всё* будет пеплом. . .
(Кладя руку на плечо Казановы)
Дружочек, не сержусь на вас.

1 - я м а с т е р и ц а
И ни слова укора!

2 - я м а с т е р и ц а
И ни капельки злобы!

Х о з я й к а
(разгружая картонки)
Какие уборы, синьора!
Четыре роботы, синьора!

1 - я мастерица
Не плачет!

2 - я мастерица
Не бесится!

К а з а н о в а
Генриэтта! — Анри!

А н р и
(над платьями)

Одно — цвета месяца,
Другое — цвета зари!

Х о з я й к а
(продолжая)
Косынки! Мантилии!

А н р и
Ваш подарок — блестящ.
Одно позабыли вы:
Цвѣта Времени — Плащ.
Так, большими ударами
Жизнь готовит нам грудь. . .

Х о з я й к а
Довольно думать, сударыня,
Будемте мерить, сударыня. . .

А н р и
(в пространство)
Плащ тот пышен и пылен,
Плащ тот беден и славен. . .

Х о з я й к а
(держит на весу платье)
Здесь возьмем, там убавим,
Тут ушьем, там зашпилим. . .

Анри, Хозяйка и мастерицы выходят.

К а з а н о в а
Тысячу громов! — Это нрав! — Я прав! —
Не торговка, а чертовка! — Но Анри! — Как сталь!

И бровью не повела! — Ну, дела! — Хвала
Господу в небесах — за любовь! — Кто там?!

Г о л о с з а д в е р ь ю

Вчерашний капитан.

К а з а н о в а

Ах, это вы? Взойдите.

К а п и т а н

(входя)

Хотелось мне по поводу событий

Вчерашних — по душам — как друг —

потолковать.

Вы разрешаете, мессэре?

К а з а н о в а

Весь вниманье.

К а п и т а н

Сие созданье любит вас.

К а з а н о в а

(вспыхнув)

Созданье

Сие — невеста мне!

К а п и т а н

(невозмутимо)

Должно быть, мать

Что ль у нее до времени скончалась,

Иль просто колыбель ее качалась

Под бурным небом, — словом, была темна.

Послушна как дитя, добра, умна, —

Старик Гораций ей слагал бы оды! —

Но вдруг мужскую надевает моду,

По окнам бродит, как сама Луна,

Трезва за рюмкой, без вина — пьяна. . .

К а з а н о в а

(угрожающе)

Нельзя ли поучтивей, старина?

Капитан
(невозмутимо)

То в честь Платона составляет вирши,
То — молнией в седло. — Куда? — Приказ!
Жду час, жду два. — Влетает.

Казанова
Ну?

Капитан
Дралась
С польским временщиком — за командиршу!

Казанова
Как в руки вам достался этот клад?

Капитан
Я жил тогда, недели три назад,
В Чивите-Веккии, в гостинице...
(Щелкает пальцами.)

Казанова
Да шут с ней,
С гостиницей!

Капитан
И вот, с косичкой куцей —
Гусар по лестнице, за ним —
(пауза, и блаженно)

— еще гусар.
Вы хороши, я — нет. Вам двадцать лет, я стар, —
Но молод или нет, — всяк вправе быть убитым!
Сражен! — Заворожен! — Железником к магниту
Тянусь. Тот впереди, а наш Анри за ним.
Сигарный дым прошел, — но в сердце что за дым
Пошел, когда она, ресниц скосивши стрелы,
Меня, как невзначай, своим плащом задела...

Казанова
А дальше?

Капитан

Дальше — вот: из двух окон монх
Всё видно в их окне. Не муж и не жених
Он ей, но и не брат, — да вовсе ей не нужен!
За ужином сидят, — похороны, не ужин!
Молчат и не едят, — не разжимают губ.
Другой уходит спать.

...Я, может, груб и глуп, —
Зову слугу: гляди! — Тот смотрит, рот разинув.
— Зови ее ко мне!

Казанова

Черт!

Капитан

За́ десять цехинов!

Казанова

Пришла?

Капитан

Пришла. — Выходим в парк.
Отсчитываю ей монеты.
Смеется: — Думаете, нету
Цехинов у меня? — и шварк
Мне под ноги кошель.

Казанова

Богиия!

Капитан

Так и не ведаю поныне,
Мессэре, что ее за змей
Ужалил. — Окончанье просто:
Тот спал, а парочку друзей
В Чезену повезла повозка.
С тех пор не расстаемся.

Казанова

Так.

А кто она? Откуда?

Капитан

Мрак.

Туман. Обман. — Роман, быть может.
Быть может, злостный опекун,
Иль зверский муж, — ей мало лун,
Но этот век безумно прожит!

Генриэтта

(входя)

Позвольте мне вас потревожить. . .
Казанова и Капитан встают, столбенеют.
Синьоры. . .

Капитан

Молния и мрак!

Санкта Мадонна! — Конь и шпоры!
Ах я подлец! Ах я дурак!

Хозяйка

Ну, как вам нравится синьора?

1-я мастерица

Конфетка!

2-я мастерица

Ангел!

1-я мастерица

Божья мать!

Капитан

Как быть? — Куда глаза девать?

Хозяйка

(с ложной скромностью)

Не правда ли, для первой пробы —
Недурно?

Казанова

(только что очнувшись)

Сонм небесных сил!

Х о з я й к а

Клянусь, никто домашней робы
С таким величьем не носил!

К а п и т а н

Отныне ни вина, ни карт.

Х о з я й к а

(принимая от Казановы кошелек)

Какие звонкие цехины!
Сейчас июнь.

(Казанове)

Пусть подарит вам март
Такую дочку.

(Генриэтте)

Вам — такого сына.

Хозяйка и мастерицы, приседаая, выходят.

К а п и т а н

(со вздохом)

Им вслед, любезные друзья,
Со вздохом подымусь и я.

Г е н р и э т т а

(светски)

Так скоро?

К а з а н о в а

Отчего так спешно?

К а п и т а н

Что делать, — срочные дела!

(Казанове)

Мне ваша молодость мила.

(Генриэтте)

Я ваш поклонник — неутешный.

(Выходит.)

К а з а н о в а
(надевая Генриэтте кольцо)

Сегодня колечко, а завтра — запястье.

Г е н р и э т т а
(в тон)

Сегодня безумье, а завтра — бесстрашие.

К а з а н о в а
Смотрите — за новым
К другим Казановам
В окошко не лазьте!

Г е н р и э т т а
Я больше не вор и не кошка, —
Я ваша раба.

К а з а н о в а
Судьба ты моя! Роковое и грустное счастье!
Молчание.

К а з а н о в а
Генриэтта?

Г е н р и э т т а
Казанова?

К а з а н о в а
Взгляд опущен...
Ты не счастлива?

Г е н р и э т т а
Я счастлива — но тихо.
Мне когда-то на кофейной гуще
В нашем замке нагадала лесничиха...

К а з а н о в а
В вашем замке?

Г е н р и э т т а
Я ошиблась... Я случайно...
Ты не слушай...

К а з а н о в а
Генриэтта, где твой замок?
Кто ты?

Г е н р и э т т а
Тайна.

К а з а н о в а
Ты не скажешь?

Г е н р и э т т а
Тайна,
Казанова! — А кофейное гаданье —
Только сонное ворчанье глупых мамок.

К а з а н о в а
Ты не веришь, верно думаешь — я грубый,
Буду нежным, буду страшно осторожным.
Волком был, а буду шелком. — Можно
В этот локон мне поцеловать вас?

Г е н р и э т т а
(закрывая глаза)

В губы!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ВПОЛОНЧЕЛЬ

Терраса загородного дома в Парме. Ночь. Ступени в сад. ' 1

1 - й ф р а н ц у з

Престранный праздник... Кавалеров — тьма,
А дам у нас...

(Глядит на Генриэтту, беседующую с Педантом.)

2 - й ф р а н ц у з

Не может быть на небе
Двух лун...

1 - й ф р а н ц у з

Но звезды есть, кроме луны.
Прелестна — и до странности похожа
На лунный свет...

2 - й ф р а н ц у з
И на какой-то сон...

1 - й ф р а н ц у з
Никто друг другу не представлен.

2 - й ф р а н ц у з
Ясно,
Хозяин наш чудак — к тому горбун —
К тому влюблен — и вовсе не намерен,
Инкогнито ее раскрыв, стада
Вдыхателей к дверям ее пригнать...

1 - й ф р а н ц у з
А тот
С ней рядом, сух и жгуч, как адский уголь, —
Кто он?

2 - й ф р а н ц у з
Что за вопрос! Конечно, друг.
Не муж, конечно...

(Всматриваясь в Казанову)

Я как будто где-то
Его встречал... Ну да — конечно, тот,
Что банк сорвал... Фарусси, иль Ферусси...

Беседа, отходят.

Г о р б у н
(подходя к Генриэтте и Педанту)

Небесная, как нравится вам ваш
Ученый собеседник?

Г е н р и э т т а
Собеседник?
Нескромным словом этим как дерзну
Сей столп премудрости назвать, пред коим
Колена клонятся мои...

П е д а н т
Когда б
Сам Цицерон через летейски воды

Обратный путь свершив, древесный свод
Сей огласил прекрасными речами, —
Клянусь, не отразил бы этот свод
Краснее речи...

Г е н р и э т т а

Вы меня смутили.

П е д а н т

(с поклоном)

Учтивейшая всех подлунных жен,
Послушайте Педанта-Кавалера:
Во образе прелестном сем смущен
Не только Цицерон — сама Венера!

(Отходит.)

Г о р б у н

А что вы скажете на этот сад, —
Убежище хотя и не Амура,
(Тому виною горб!), — но девяти
Сестер бессмертных, коим вы десятой
Сестрой являетесь...

Г е н р и э т т а

Сей сад затмил

Навек в моих глазах сады Версаля.

Г о р б у н

(оживленно)

Вы знаете Версаль?

Г е н р и э т т а

(прохладно)

Да, да, слегка,

Проездом...

Г о р б у н

Вспоминаю, что синьора
При нашей встрече в Опере — число
В сем сердце запечатлено — пристрастье
К медалям обнаружила...

Генриэтта

Страстна

Я ко всему, что вечно.

Горбун

Буду льстить

Себя надеждой, что мои Челлини
Заслужат то, чего — виновен горб! —
Я заслужить — себе надеждой нежной
Не льщу: улыбки.

Генриэтта

(указывая на Казанову)

Разрешите мне

И кабалеро пригласить...

Горбун

(язвительно)

Пристрастен

Он также к ним?

Генриэтта

(отчетливо)

Пристрастен он — ко мне,

А я — к нему. Идемте, кабалеро!

Генриэтта, Казанова и Горбун выходят.

1 - й испанец

Хозяин по уши влюблен!

2 - й испанец

(намекая рукой на рост Горбуна)

Нетрудно

И выше головы! Клянусь плащом
И шпагою гидальго: кроме шпаги
Всё — за единый взгляд!

1 - й испанец

Напрасен труд!

Подходят, беседуя, Посол испанский и Посол французский.

Посол испанский
О чем так горячо?

Посол французский
Чей труд?

1 - й испанец

Извечный

Прекрасный труд испанца: покоренье
Того, что непокорно. Нынче — той.

Посол испанский

Ах, вы о нашей дивной чужестранке!
Но почему так безнадежно?

1 - й испанец

Дон

Антонио, когда в течение часа
Красавица ни разу не вздохнет
Всей грудью — значит, счастлива, и значит,
Не нужно ей ни вас — ни вас — ни вас —

(на себя)

Ни вашего слуги, ни всей вселенной, —
Ни самого инфанта. . .

2 - й испанец

Тише, тише!

Горбатые хитры и слышат всё.

Оба испанца отходят.

Посол испанский

А кто она?

Посол французский

Отнюдь не итальянка.

Сей стройный рост и заводь чудных глаз,
Зовя — отказывающих. . .

(С улыбкой.)

Да что нам

До родины ее, когда одна

У всех красоток родина: та пена,
Из коей нам Венера поднялась!
— А кто ее Парис?

Посол испанский
Какой-то плут,
Аббатишко разжалованный, мастер
Ловить Фортуны за конец плаща!
Ну и глазищи у него!

Посол французский
А кожа!
Как будто черным впоеном молоком.
Но я в мужчинах — не знаток. В красотках
Мы знаем толк, в нас знают толк — *они*.
Явление Генриэтты об руку с Горбуном.

Посол испанский
Вулкан с Венерой!

Посол французский
Нет, скорей Диана
С плененным фавном!

Горбун
Возвращаю вам
Восьмое чудо мира — нашу Музу!

Посол французский
Я б единицей стройной заменил
Восьмерку, друг, — и — таковы французы! —
Я «Дамой сердца» заменил бы Музу.

Генриэтта
(взглядывая на Казанову)
Умею быть и Дамой Души.

Посол французский
А разве это — не одно и то же?

Генриэтта
Секундной стрелкой сердце назову,
А душу — этим звездным циферблатом!

Горбун
Божественно!

Педант
Отменно!

Посол французский
И остро!

Педант
Вы как Спиноза — на любой вопрос
Имеете ответ.

Генриэтта
(смеясь)
Сентябрь-месяц
Мне вместо колыбели дал
(взглядывая в небо)

— Весы.

Мои ж часы, любезные друзья,
Заведены часовщиком Спинозой.

Из сада доносятся первые жемчужины менуэта.

Генриэтта
(Казанове)
Прислушайтесь, Джакомо! — Менуэт!
Мой друг и рыцарь, становитесь в позу.

Педант
Небесная, я вам сплету сонет,
Где рифма встретится «Спиноза» с рифмой
«Роза».

Менуэт.

Посол испанский
Что мне бахромчатая шаль
Испании!

Педант
Впервые жаль
Педанту, что взамен наук
Па — не усвоил — менуэта!

Горбун
Проклятый горб мой!

Казанова

Генриэтта!

Посол французский
Вы возвратили мне Версаль!

Пауза.

Смиренно верю и надеюсь,
Что, этим веером овеяшь,
Ваш нежный отдых будет быстр?

Генриэтта

Очаровательный министр!
Вы мне послушны?

Посол французский

Есть и буду.

Генриэтта

Не заносите же причуду
Сию — на черный свой регистр.
Я больше не танцую.

Посол французский

Танец —

За вами.

Педант

Я как в землю врос!

Посол испанский

Нет, даже перед Розой Роз
Не позабуду — что испанец!

(Отходит.)

Генриэтта

Я музыки хочу.

Горбун

Желанье

Владычицы — закон. Сюда,
Прекрасный Сандро!

Медленно и нехотя приближается, со своей виолончелью, прекрасный Сандро.

Предстоит вам честь

И счастье быть услышанным синьорой.
Синьора хочет звуков.

Прекрасный Сандро

Ах, гроза,

Должно быть, близко. Я в каком-то странном
Тумане...

Посол французский

Где гроза? Взгляните вверх:

Все звезды налицо. Коль не дочтетесь
Одной —

(глядя на Генриэтту)

— Взгляните вниз.

Прекрасный Сандро

Какой-то звон

Мне чудится...

Генриэтта

(участливо)

Вы не больны, надеюсь?

Прекрасный Сандро

Изнемогаю. Не могу играть.

Горбун

Диковинные люди — музыканты!

Проси хоть час, хоть год, хоть век...

Генриэтта

(глядя на Сандро, нежно)

На сих

Причудников нельзя сердиться, ибо
Как женщины — играют, как хотят,

Когда хотят — кому хотят...

(Протягивая руку Сандро)

— Маэстро,

Вы мой союзник...

Прекрасный Сандро

(склоняясь)

Как струна — смычку.

Генриэтта

(подходя к виолончели)

Посмотрим, всё ли мы с тобою в дружбе,
Виолончель, душа моей души?

(Садится, играет.)

Кто-то

Сялю или нет?

Другой

Нет, это сон нам снится!

Испанский посол

(хватаясь за сердце)

Как нож!

Французский посол

(гладя себя вдоль груди)

Как мед!

Горбун

Так добрый дух, скорбя,

Уходит в мир...

Прекрасный Сандро

(впервые человеком)

Лаири — ученица!

Что вы играли нам?

Генриэтта
(ему)
Свое, —
(взглядывая на Казанову)
— Себя.

Горбун, за секунду до того отозванный слугой, подходит к Генриэтте и окружающим ее.

Горбун
Простите, что прерву очарование. . .
К вам посланный с письмом. Не говорит —
Кем послан.

Все отходят.

Генриэтта
Где письмо?
(Не вскрывая)
— А! Семь печатей!
(Казанове)

Моя любовь, — расстаться мы должны.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСТИНИЦА «ВЕСЫ»

Ночь. Дорожный развал. Горит одна свеча. У стола, уронив вниз голову в руки, сидит Казанова, Генриэтта, одетая по-дорожному, в беспокойстве ходит по комнате.

Генриэтта
Который час?
Казанова
За час — который раз
Ты спрашиваешь?

Генриэтта
Нынче ночью встали
Мои часы: должно быть, предпочли
Времени — Вечность: отлетела стрелка!

К а з а н о в а
Ты уронила их?

Г е н р и э т т а
Нет, это ты
Задел их, сонный.

К а з а н о в а
Я не помню.

Г е н р и э т т а
Помнишь?
Еще ты вскрикнул: Что это за звон?
А я смеясь тебе сказала: сердце.

(Глядя на часы)
Мингер Спиноза, мудрый филозоф,
Но скверный часовщик вы!

К а з а н о в а
Генриэтта!
Мы скоро расстаемся. Сядь ко мне,
Как ты любила — хочешь? — на прощанье.

Г е н р и э т т а
(качая головой)
Нет.

К а з а н о в а
Ты не хочешь?

Г е н р и э т т а
Мало ли чего
Хотим, дружок. Пока живешь — всё хочешь —
Всего. Но это Жизнь, а нынче — Смерть.
Солдаты смерть встречают стоя.
Ах, не забыть турецкую пистоль,
Подарок твой!

К а з а н о в а
Мой мальчик! Генриэтта!
Последняя мольба к тебе!

Г е н р и э т т а

Изволь.

К а з а н о в а

(*по-детски*)

Ночь глубока, дорожная карета
Так широка, а мы с тобой тонки,
Как два клинка. . . Клянусь тебе, я слезу
На первом повороте!

Г е н р и э т т а

(*у окна*)

Огоньки

В домах — везде — погасли. . .

(*Вполоборота — Казанове*)

Бесполезно.

К а з а н о в а

Нет у тебя души!

Г е н р и э т т а

Должно быть — нет.

К а з а н о в а

А в жилах — лунный свет.

Г е н р и э т т а

Быть может — да,

Быть может — нет.

К а з а н о в а

Скажи мне на прощанье:

Бес или ангел ты?

Г е н р и э т т а

Чужая тайна.

Оставим это.

(*Глядя на часы*)

Бедные часы!

— И надо же, чтоб именно весы
Щиток гостиницы изображал, где встреча

Вечнейшая кончается навек,
Как тает снег...

(Берясь за сердце)

Боюсь, что здесь навек
Покончено с законом равновесья!
(Снимает с руки кольцо, подает его Казанове.)

Возьми назад.

К а з а н о в а
(высокомерно)

Ни писем, ни колец
Обратно не беру!

Г е н р и э т т а
(как эхо)

Ни клятв, ни писем
Напрасно не храню.

К а з а н о в а
(вскипая)
Ах — так?

Г е н р и э т т а
(сама с собой)

Зачем?

Нет, дорогой, прощаться — так прощаться!
Пишет что-то кольцом по стеклу, окно настезь, кольцо в ночь.
Вот и пропало!

К а з а н о в а
(прорываясь)

Хороша любовь!
Из-за каких-то там семи дурацких
Чертовых — черт! — печатей — в ночь — навек...
— Какая там любовь! Так, — приключенье!

Г е н р и э т т а

Оставим это. Обещать одно
Мне должен ты. Коль в жизни доведется

Нам встретиться еще — не должен ты
Глазом моргнуть. Вот долг твой. Понял?

К а з а н о в а
(желчно)

Понял.

Любовь и долг, но это так же ново. . .

Г е н р и э т т а
(на секунточку А н р и)

Как белый волк — и верный Казанова!

(По-другому)

Еще одно: нигде и никогда
Не смей разузнавать — под страхом смерти
Моей — кто я. Еще одно: люби
Другую, нет — других, нет — всех. Безумства —
Три — свершила я в свой краткий век.
Ты — третье и последнее. — Довольно.
— Который час?

К а з а н о в а
Так ты уйдешь одна?

Г е н р и э т т а

Да, как пришла.

К а з а н о в а
Нет, это невозможно!

Г е н р и э т т а

Всё можно — под луной!

Лунный луч.

— Гляди, луна

Уж зажигает нам фонарь дорожный. . .

(Тушит свечу, наклоняется над спинкой кресла, кладёт
Казанове на голову руки.)

Когда-нибудь, в старинных мемуарах, —
Ты будешь их писать совсем седой,

Смешной, забытый, в старомодном, странном
Сиреневом камзоле, где-нибудь
В богом забытом замке — на чужбине —
Под вой волков — под гром ветров — при двух
свечах...

Один — один — один, — со всей Любовью
Покончив, Казанова! — Но глаза,
Глаза твои я вижу: те же, в уголь
Всё обращающие, те же, в пепл и прах
Жизнь обратившие мою — я вижу...
И литеры встают из-под руки, —
Старинные — из-под руки старинной,
Старинной — старческой — вот этой вот —
моей...

(Прижимает к рукам его руки.)

Когда-нибудь, в старинных мемуарах,
Какая-нибудь женщина — как я
Такая ж... Но который час?

Казанова молча показывает ей часы.

— *Всё поздно!*

— Даю вам клятву, что тебе приснюсь!

(Затыкает за пояс пистоль. В дверях)

Прощай! — Одна — над тобой и мной
Луна бездомная.

К а з а н о в а
(к ней)

Скажи мне!

Г е н р и э т т а
(качая головой)

Всё под большой луной
Играем в темную.

(Исчезает в полосе лунного света.)

КАРТИНА ПЯТАЯ

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Комната гостиницы «Весы», где прощались Генриэтта и Казанова.
Входят — веселой уличной бурей — Казанова и его тысяча
первая подруга.

Девчонка

Вы здесь живете?

Казанова

Нынче здесь.

А завтра...

Девчонка

Графский вкус!

Святой Исус! Диван, комод

И люстра. . . Всё как у господ!

И пол коврами устлан весь!

— Я только одного боюсь,

Что это всё не наяву,

Что вдруг — боюсь — проснусь!

Казанова

Где муж твой?

Девчонка

Спят мужья мои!

Казанова

А как тебя зовут?

Девчонка

Мими.

Я ужинать хочу!

Казанова

Люблю

У женщин — аппетит!

Девчонка

О, я бы даже королю

Сказала: кто не сыт,

Любить не может!

Ле - Д ю к
(просовывая голову в дверь)
Что надо?

К а з а н о в а
Надо мне, пострел,
Чтоб ты мне на зло спать не смел!
Беги к хозяину, вели —
Да расторопнее, бревно! —
Чтобы тащил сюда вино
И снедь со всех концов земли.
И что иначе, дескать, граф. . .

Ле - Д ю к
Хороший граф!

К а з а н о в а
Треклятый нрав!

Ле - Д ю к
Такой же граф, как я!

К а з а н о в а
(в ярости)

Убью!!!

(Хладнокровно)

А что останется — в твою
же пасть перепадет, удав!

Ле - Д ю к
Останется тут!

К а з а н о в а
Чертов сын!

Ле - Д ю к
Каков, мессэре, господин,
Таков слуга.

К а з а н о в а
Молчи, наглец!

Ле - Д ю к
(разгораясь)

Кто черту — сын, а вы — отец:
Трудами вашими рогат
Весь мир, мессэре!

К а з а н о в а
(полусмеясь)

Шут проклятый!

— Вон!!!

Ле - Д ю к
Лондон — Рим — Париж — куда ни
кинешь взгляд —

По всей Европе ваши чертенята!

Казанова пускает в него чернильницей, тот, увернувшись, убегает.

К а з а н о в а
(вслед)

Дурак!

• (К Девчонке)

— Вздохнула, как во сне...
Взгрустнулось — иль устала слушать?

Д е в ч о н к а

Я думаю о том, что буду кушать
И сколько денег вы дадите мне.

(Задумчиво)

У тараканов — страшные усы...
Приду домой — пустой чугунок и старый веник...

К а з а н о в а

Чего бы ты хотела?

Д е в ч о н к а

Дом. — Часы. —
Лакея в золотом и мно-ого денег!

К а з а н о в а

Зачем тебе они?

Девчонка
Зачем?
Была ничем, а буду всем.

(Сентенциозно)

Как цвет нуждается в поливке,
Так нужно денег, чтобы жить —
Хотя бы для того, чтоб лить
Не сливки в кофий по утрам, а кофий
в сливки!

(Трепля на себе юбки)

Чтобы к чертям вот эти тряпки!
Чтобы катать в своей коляске!

Казанова
(вокруг нее)

Очаровательные лапки!
Очаровательные глазки!

Девчонка
Вздохатели — так и роятся!
Тот есть тебе несет, тот пить...

(Хлопая в ладоши)

Чтобы красивеньких — любить,
А над плешивыми — смеяться!

Казанова
Сама Премудрость!

Девчонка
Может быть.

Казанова
А сколько лет тебе?

Девчонка
Семнадцать.
— Скорей бы ужин!

Казанова
А потом бай-бай...

Девчонка

Моя кровать была бы голубая,
Нет, — алая! А в головах — Амур,
И чтобы ямочки везде, — ну пухлый-пухлый!

Казанова

Ты, кажется, еще играешь в куклы?

Девчонка
(оскорбленно)

Нет, никогда!

Казанова

Признайся, — иногда!

Девчонка

Когда была я *очень* молода,
Тогда играла: в мать и дочку — раньше.

Казанова

А куколку живую хочешь нянчить?

Девчонка

Похожую на вас — хочу, на всех —
Нет, не хочу. — Смешно! — И будет квакать,
Как лягушонок!.. Нет, грешно!

Казанова

Что — грех?!

Всех девушек удел — грешить и плакать,
И плакать и грешить, и плакать вновь,
И вышивать потом на церковь ризы...

Девчонка

Я буду звать ее: моя Любовь,
А при крещеньи дам ей имя: Лиза.

(*Постепенно переходя в скороговорку*)

А над кроватью был бы балдахин,
Розовым шелком вышит, — всюду кисти!
И я бы в ней спала одна: боюсь.
Когда храпят — и жарко, а хозяйка

Когда б пришла поздравить, я бы ей —
Смотри — вот так — в глаза бы наплевала!

(Плюется.)

Так, так, так, так. Потом бы золотой
В лоб запустила, — не один, а тыщу!
Вот-вот-вот-вот — за то, что у ворот
Стужей меня знобила. — Скоро ужин?

А впрочем, чтобы дотерпеть,
Я песенку могу вам спеть.
Хотите?

К а з а н о в а
Спой!

Д е в ч о н к а
Вы не скупой?
Вы мне дадите золотой?

Казанова, смеясь, опускает ей за шиворот несколько монет. Визг.

Д е в ч о н к а
(поет)

Страсть ударяет молотом,
Нежность пилит пилой.
Было веселым золотом,
Станет сухой золой.
Лучше — пока не выцвели
Очи от слезных дел —
Милый, гуляй с девицами,
В розах, как бог велел!
Много в саду садовников,
Роза в саду — одна!
Дальше сквозь строй любовников
Гонит меня Луна...

(Обрывает.)

Короткая песня, а в Рим доведет!
— Хорошая песня?

К а з а н о в а
На розовый рот
Я твой загляделся, на шейку твою...

Девчонка

(обиженно)

Как странно, что *смотрят*, когда я пою!

(*Взглядывая в окно*)

— Луна!

Казанова

Богородица всех измен!

Девчонка

(мечтательно)

Она голубого цвета...

(*Вглядываясь в окно, читает*)

«Забудешь» — а дальше? — «и Ген... и Ген...»

Забудешь и Генриэтту!»

Казанова

(*подойдя к ней*)

Что ты читаешь?

Девчонка

То, что на стекле

Написано — нет, здесь, левей! — алмазом...

«И Генриэтту?..»

Казанова

Или я ослеп?!

Гостиница Весы — часы — спаси мой разум!

Алмазом по стеклу — кольцом — кольцо!!!

Тринадцать лет назад!!! — Эй, кони, мчите!!!

(*Ударяет кулаком по стеклу. Стекло вдребезги. Взрыв ветра.*)

Девчонка

Какое страшное у вас лицо!

И почему вы так кричите?

Казанова

Что ты? Кто ты? Вон, негодяйка, сгинь!

(*В окно*)

Моя Любовь! Мой лунный мальчик!

Девчонка

Мне остается лишь сказать: аминь.
И тут же отправляться дальше.
— Еще убьете!

Казанова
(не понимая)

Ты зачем пришла?

Девчонка
(пятясь)

Вы сами звали, обещали ужин...

Казанова

Что! Ужин? — Кроме этого стекла,
Мне — понимаешь? — ничего не нужно!
Стекло выбито, попадает рукой в пустоту.

Девчонка
(хныкая)

Сейчас уйду... Сперва введут в беду,
Потом — у-у — выталкивают в спину...

Казанова

Тринадцать лет, Анри, в каком аду!
Платонова родная половина!
Здесь кто-то плачет? — В лунной полосе
Взойдешь, как сон... как сон... и бог
рассудит...

Девчонка

Я понимаю: вы такой, как все,
И никакого ужина не будет.
Прощайте!

Казанова
(очнувшись)

Ты уходишь?

Девчонка

Ухожу.

Я ненавижу вас!

К а з а н о в а
Ого! Ты злая!

Д е в ч о н к а
Я вам предоставляю госпожу
Луну, а вас — Луне предоставляю!
Целуйтесь с ней!

К а з а н о в а
Рассерженный зверек!

Д е в ч о н к а
Не смейте на меня глядеть!

К а з а н о в а
(*позабавленный*)

Хочу — гляжу!
Чертенок!

Д е в ч о н к а
А всё равно не впрок!

К а з а н о в а
Ну и состарься без таких девчонок!

Д е в ч о н к а
Я так хотела вас любить!

К а з а н о в а
Ну-ну!
Ещё захочешь!

Д е в ч о н к а
Чтоб взбесились вдруг вы?

К а з а н о в а
(*хлопая себя по колену*)
Садись сюда — хоп!

Д е в ч о н к а
(*уже на коленях*)
Больше на Луну
Глядеть не будешь — и на эти буквы?..

А что это за буквы? — Нет, в окно
Не смей глядеть! — Души моей мученье!
(*Поворачивает руками его голову к себе.*)

— Так что это за буквы?

К а з а н о в а

Так, — одно-
Единственное — приключенье.

Д е в ч о н к а

Амурное?

К а з а н о в а

Нет, нет...

Д е в ч о н к а

Ну да, ну да!

Знаем мы вас! — Дверь на задвижку запер?
Ужинать не хочу.

(*Одним прыжком с колен Казановы к статуэтке
Мадонны.*)

А шаль — сюда,
Чтобы не огорчалась божья мать.

25 декабря 1918—23 января 1919

391. А Р И А Д Н А

Трагедия

ЛИЦА

Тезей, сын царя Эгея.	Провидец.
Ариадна, дочь царя Миноса.	Вестник.
Эгей, царь Афин.	Водонос.
Минос, царь Крита.	Хор девушек.
Посейдон.	Хор юношей.
Вакх.	Хор граждан.
Жрец.	Народ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Дворцовая площадь в Афинах. Ранний рассвет. Проходит Вестник. У водоема, полулежа, Старик чужестранец. Подходит Водонос.

Вестник

Вставай, кто не спал!
Вставай, кто, как дух бродячий,
Очей не смыкал!
Вставайте, настал
День плача!

Семь утренних звезд,
Спесь прадеда, радость брата,
Вставайте в отъезд,
Которому несть
Возврата!

Семь доблестных львят —
Заглохнет и род и память —
С девицами в ряд
Вставайте. Канат
Натянут.

Встань, матери стон
Над морем! Земля умылась.
Корабль оснащен.
Афинам закон —
Царь Мѣнос!
Вставай, кто не...

(Проходит дальше.)

Чужестранец

Каб от слез смертным очам
Слепнуть — глаз не было б зрячих!
Что за город, где по ночам
Не младенцы — матери плачут!

Старцы плачут! Злое стряслось!
Рокот моря — что рѣв¹ львиный!
Ты скажи-ка мне, водонос,
Этот город — впрямь ли Афины?

Водонос

Не иначе.

Чужестранец

Дым очагов

Никнет. С небом огонь дружен!
Верно, плохо чтите богов?

Водонос

Нет, усердно богам служим.

День и ночь кровь и елей
Льются, щедр жертвенный ладан
В честь седого князя морей
Посейдона, девы Паллады.

¹ Слово *рев* прошу читать через простое «е».

Хоть и много, а чтим всех!
Содрогнись, выслушай, старый:
За Эгея-царя грех
Роковой — страшная кара.

Трижды восемь весен тому
Вспять — день в день — Андрогей, критский
Гость, — стрелков равных ему
Не встречал: с языка — птицей
Мысль, что мысль — в птицу — стрела!
Развевался плащ его алый,
На щеках — юность цвела,
На устах — мудрость играла.
Храбр как лев, строен как трость,
Щедр как некто, богам близкий.
Вечно-первым наш критский гость
В беге, в бое, в метанье диска,
В песнях — и в вождельнях дев... —
О, горстями бы рвал, — знай он! —
Но красы вечный припев —
Смерть — и был Андрогей найден
Мертвым... В роскоши мышц и чар!
От стрелы, пущенной в спину!
И пришлось нам Мίνосу в дар
Молодого мертвого сына
Отвозить...

Грянул войной
Крит. Страшны беды и многи:
Знобы, зуды, засуху, зной
Ниспослали мстящие боги
На наш град. Засухи бич
Нивы жжет, травы без сока.
Мать, плачь! Первенец, кличь!
Грудь, грозди, ручьи — иссохло
Всё в краю сем —

(указывает на глаза)

кроме ям
Сих. Верховный совет созван.
В Дельфы царь — к вещим камням.
Был ответ ясен и грозен.

«Андрогей, радость богов,
Жертвы ждет, кровью не сытый.
От Афин белых берегов
К берегам мощного Крита
Пусть корабль тронется. Груз
Корабля — дважды седмица
Дев и юношей».

— Стон уст
Слышишь? Это к берегам критским
В третий раз нынче корабль
Выплывает. В каждые восемь
Весен — раз. Так покарал
Крит — Афины — за всех весен
Наисладостнейшую. . .

Сын
Всем отцу был. Бед и разрух
День! — Эгея, царя Афин,
Называет убийцей слух.

Чужестранец
Мощен царь ваш.

Водонос
Косен и дрябл
Царь наш. Сласть же и скорбь — свыше!

Чужестранец
Искупите!

Водонос
Третий корабль!
Чужестранец
Так восстаньте!

Водонос
Идут, — слышишь?
Плачут. . .

Хор девушек
О утр румянец!
О девства лен!

Семи избранниц
Услышьте стон!

В тоске и в дрожи
Куда — за вёрсты ¹
Плывем? О не́
к женихам заморским

На ложе, — на́ смерть
Корабль везет!

Хор юношей
(*впадая*)

Семь звезд угаснет,
Семь роз опадет.

Хор девушек
Ни роз, ни лилий, —
Аида сень!
Семь струн у лиры —
Нас тоже семь!

Блаженство — лирою
Множить в семьях:
Семь струн у лиры,
И тоже семь нас,

Сестер по сходству,
Сестер в весне...

Хор юношей
(*впадая*)

Семь струн порвется!
Семь слез на весле...

Хор девушек
О, сестры! Слутан
Порядок волн.
Покорно вступим
На пенный холм.

¹ Слово *вёрсты* прошу читать через «ё» две точки, слово *не́* — с ударением на «е».

Защитник — кто нам?
Защитник — где нам?
Мы тщетно стонем,
Конец — надеждам...

Семь дев, семь чаек
Над гладью вод...

Хор юношей
(впадая)

Семь дев отчалит,
Семь жертв отплывет.

Хор дев уступает хору юношей.

Хор юношей

Рвите ризы и волоса,
Ибо семеро в полном цвете...
Ставьте черные паруса,
Корабельщики, горя дети!

Не к красавицам, в царство нег,
Не к чудовищам, в царство лавра, —
Семь юнцов покидают брег
В жертву красному Минотавру.

Минотавр, небывалый бык,
Мести Мinoisовой сообщник,
Мозг и печень нам прободит,
Грудь копытами нам затопчет.

Так, все заповеди поправ,
Мстит нам Мinois за кровь сыновью.

Хор девушек
(впадая)

Семь венцов упадают в прах,
Семь стволов истекают кровью.

Хор юношей

Ах, когда бы под градом стрел
Пасть — чтоб лаврами кровь бежала б!

Не оставим ни чад, ни дел,
Ничего, кроме женских жалоб,

Лишь утраивающих стыд:
Пасть, ни песни не дав витиям!

Хор девушек
(впадая)

Семь бойцов опускают щит,
Семь тельцов подставляют выю.

Хор граждан

Увы, увы!
Лягут юные львы на знойном
Щебне — ниже травы!
Едут юные львы —
На бойню!

Забудь, забудь,
Матерь, — коих спасти бессильна!
Задуть, задуть,
О ветер, помоги
Светильню

Напрасных дней...
Гоня кормовые струйки,
Буйней, буйней,
О ветры, о ветры,
Дуйте!

Что знатных жен
Стенанья и плач кормилиц?
Корабль оснащен.
Афинам закон —
Царь Мinois.

Спрута яростней, язвы злей...

Чужестранец

Мinois? Думалось мне, Эгей —
Царь ваш.

Н а р о д
Трепетнее тельца́ —
Царь наш.

Чужестранец
Думалось мне, сердца
Вы, не слизни!

Н а р о д
Упал, — лежи...
Что уж...

Чужестранец
Думалось мне, мужи —
Вы!

Н а р о д
Чуть живы мы, — вот что.¹ Брось
Поученья. Кость с мясом врозь
Разошлась. Не по силам мзда!

Чужестранец
Значит — Мíносовы стада
Вы — не граждане? Не отцы
Вы, а камни? Смирней овцы, —
Вздохи, стоны, а меч-то где ж? —
Ждете казни своих надежд?
Прелесть гибнет, а зрелость спит?
Стыд вам, граждане!

Н а р о д
Стыд-то стыд...
Богу — храм,
Рыбе — вода...
А уж нам —
Не до стыда!

Век наш — час, вздох наш — пар...

Чужестранец
Есть же царь!

¹ Ударение на что́.

Н а р о д

Царь наш стар.

Чужестранец

Что́ до царских седин?
Есть же сын!

Н а р о д

Сын один

У царя. Не про нас.
Лоб-то за́ морем тряс!
Гость в отцовом дому.
Да и сын ли ему —

Не сказать. Ходит слух,
Сам слышал от старух
Старых да стариков:
Будто и не царёв
Сын, — Атлантики гость.
Посейдонова кость.

Впрочем. . .

Чужестранец

Темен твой сказ!

Один из народа

Впрочем, что́ им до нас,
До кротов земляных,
Впрочем, что́ нам до них,
До богов, до царей
И до их сыновей. . .

Ими пламень раздут —
Наши на́ смерть пойдут!

Н а р о д

Увы, увы!
Лягут юные львы на дольном
Камне — ниже травы.
Едут юные львы. . .

Чужестранец

Довольно!

Поворотом руля
Спор решают. Пожарищ кличем
Вызывайте царя!
Будет жребий брошен вторично.

Парус смертной ладьи
Пусть и царскую грудь заденет!
Не бездетен — веди
Сына! Юноша — не младенец!

Отвечает вдвойне
Сын за пепел и пурпур отчий.
Пусть с твоим наравне
Встанет, белого óbна кротче.

Многих ставши отцом,
Царь единого блюсть не вправе.
Как волна под веслом,
Под серпом равнодушны — травы,

В час страды и войны
Все равны. И в крови и в хлебе —
Все — Эгею сыны!

Остальное решает жребий.

Царь! — Подхватывайте!
Царь! — Раскатывайте!
Царь! — Три заповеди
Дóлжно чтить.

Нет родных тебе,
И нет чужих тебе,
Царь забывчивый!
А третий стих

Этой заповеди... —
Царь! — Расшатывайте
Стены! Ратуйте же!
Бог — и жду?!

Там, где с заповедями
Запаздывают —
Боги ввязываются
В игру.

Н а р о д

К царю! К царю!
Во дворец!

Чужестранец

Наседай! Дружнее!

Н а р о д

Отец! Отец
Эгей! Подавай Тезея!
Стрела сорвалась!
Страдай же, как страждем мы!

Явление Эгея.

Э г е й

Приветствую вас,
Афинские граждане.

Что в утренней мглы
Час — в дом мой приводит вас?

Н а р о д

Мы ждать не могли,
Царь! Море тревожится!
Волна восстает!
Кровь взмыла и схлынула!

Э г е й

Каких же щедрот
Здесь ждете?

Н а р о д

За сыном мы
Твоим! Если *ты*
Молчишь — камни ожили!
Мы — тоже отцы!

— И первенцы тоже мы
В домах! — Через край
Беда! Не то вдребезги —
Дворец! Подавай
Тезея для жребия!

Крики.

Тезея! Коль сын
Он царский — не струсит же!
Тезея! Афин
Надежду!

Э г е й

Так слушайте ж:
Согласен!

(Кому-то)

Ладью
Готовь с черным парусом!
Я вам отдаю
Тезея, столп старости
Моей...

Н а р о д

Выводи!
Слов вѣдома суетность!
На сей площадѣ
Пусть жребий рассудит нас!
Тезея!

Э г е й

Очам
Предстанет немедленно.
Души моей храм,
Надежду последнюю
Я вам отдаю,
Афины!

Н а р о д

Да здравствует
Царь! Слава царю!
Воистину царь ты наш!

Э г ей

Если ж жребий, который слеп,
На мой оттиск падет единственный,
Не останетесь вы без скреп,
Золотые врата афинские.

Не страшитесь ни язв, ни зол, —
Царь с народом не зря поладили!
Унаследуют мой престол
Пятьдесят сыновей Палладия,

Брата грозного моего.
Не страшитесь престольной трещины!
Вместо кровного одного
Пятьдесят вам царей обещано:
Мощных, рослых...

Н а р о д

Но вступят в спор
Братья! От пирога ни корки нам
Не видать!

Э г ей

Пятьдесят подпор
Царству!

Н а р о д

Не пятьдесят ли коршунов?

Э г ей

Увозите же за моря
Сына: жизнь мою и глаза мои!
Не останетесь без царя!
Увозите Тезея за море,

К Минотавру.

Н а р о д

Царь готов.
Только будем ли целей?
Целых пятьдесят отцов!
Целых пятьдесят царей!

Брат на брата: бить и жечь!
Шаром прядающий вихрь!
Брат на брата: бич и меч!
Всё мы пасынки для них!

Вотчимами разгромят
Царство! — Злейшее из рабств!
Зуд пятидесяти язв!
Рев пятидесяти распрь!

О пятидесяти нам
Головах обещан змей!
Шибче, шибче по волнам!
Нам не надобен Тезей!

Э г е й

Слово сказано. Канат —
Клятва царская, — одна!

Н а р о д

Чужестранец виноват!

Э г е й

Клятва царская — дана.

Не последует канат
Легкой прихоти ветрил.

Н а р о д

Чужестранец виноват!
Ты — морочил, ты — мутил,

Ты — натравливал! Вязать
Старца злостного! Верны
Всё Эгею мы! Назад,
Гость Аидовой страны!

Нá головы нам как гром
Рухнул! Наш теперь черед!
Руки с разумом, с царем
Рознить можно ли народ?

Э г е й

— Сограждане, прав я?

Н а р о д

— Под стражу! — На плаху!

— Жало извлечь!

— Заживо сечь!

— Истолочь!

— Заковать до пят!

Явление Тезея.

Тезе й

Руки прочь!

Чужестранец свят!

Граждане, чтятся

В этом краю

Гости и старцы.

Не узнаю

В этой борьбе неравной —

Родины моей славной!

Гостю — обида?

Н а р о д

Ложь в нем и злость.

Тезе й

Кто бы он ни был —

Старец и гость.

Старцу — отмщенье?

Н а р о д

Яд в нем и вред.

Тезе й

Дважды священен:

Странник — и сед.

Н а р о д
Против основы
Шел, уличен!

Т е з е й
Чтите чужого, —
Вот вам закон!

Н а р о д
Нож уготован
Жизни твоей!

Т е з е й
Чтите седого, —
Вот вам Тезей!

Старца — под стражу?
Гостя — властям?

Э г е й
Да на тебя же,
Сын мой, восстал!

Т е з е й
Знаю. Бессмертным
Стать не боюсь.
Миносу в жертву
Сам отдаюсь.

На корабле немедленно
С вами плыву — без жребия.

Э г е й
Сын мой!

Т е з е й
Согласья
Царского жду.

Э г е й
Стар я.

Тезей
Но страстен
Я — и в ряду
Граждан афинских —
Первый. — Плыдем! —

Эгей
Слаб я.

Тезей
Но сын твой —
Дважды силен.

Народ
Слава Тезею!
Новый Геракл!

Эгей
Сын мой! Добрее
Волки в горах!
Сдайся!

Тезей
Не сдамся!
Храбрым — венцы!

Эгей
Под стражу упрянца!

Тезей
На весла, гребцы!

Парус,
В море!

Народ
Радость!

Эгей
Горе!

Тезей
Вгладь, морская пучина!

Н а р о д
Слава царскому сыну!

Э г е й
Так захлебнись же
В отчей крови,
Отцеубийца!

Ч у ж е с т р а н е ц
(выступая)

Останови
Слово в гортани,
Гнев на устах.
Юн — неустанен, —
Юноша прав.

(К Тезею)

Сын мой! Еще нам
Страсти нужны!
Ты Посейдоном
Избран в сыны.

В снах и в обличьях,
Вблизи и далече,
Трижды покличешь —
Трижды отвечу.

Пенная проседь,
Гневные волны.
Трижды попросишь —
Трижды исполню.

Пади ко мне на грудь,
Сын, в славе утвержден!

Объятие.

Вал, долу! Ветры, дуть!

Н а р о д
(падая ниц)
Владыка Посейдон!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ТЕЗЕЙ У МІНОСА

Тронный зал царя Міноса на Крите. А р и а д н а, одна, играет в мяч.

А р и а д н а

Выше, выше! Пробивши кровлю —
К олимпийцам, в лепнóую синь!
Мой клубок золотой и ровный,
Дар прекраснейшей из богинь!

В нем великие силы скрыты,
Нить устойчива и светла.
Мне владычица Афродита,
Подавая его, рекла:

«Муж, которому вместе с волей,
Вместе с долей его вручишь,
Он и в путах пребудет волен,
Он и в кознях пребудет чист.

Все пороги ему — путями!
Он и в страсти пребудет зряч! . . .»
Но заветным клубком покамест
Ариадна играет в мяч.

«Золотой невестин
Дар — подальше спрячь! . . .»
От земли невечной
Выше, выше, мяч!

«Никому не вручай до часа,
Милых много, один — милей!» —
Так учила она, клоняся
Над любимицею своей.

«Никому не вручай без жажды
Услаждать его до седин,
Ибо есть на земле для каждой
Меж единственными — один.

Золотой невестин
Дар — подальше спрячь!»
От земли невечной
Выше, выше, мяч!

Афродитою с самых ранних
Лет обласкана я: что мать —
Над дитятею. «Твой избранник
И моим не преминет стать.

Лишь бы в верности был испытан,
Лишь бы верностью был высок —
Всеми милостями осыплю,
Все дороги его — да в срок!

Чтобы богом земным пронесся,
Лавр и радость на лбу младом. . .»
Но, увы, золотого лоску
Мяч — по-прежнему мне в ладонь

Возвращается. Дар невестин
Всё — от суженого, хоть плачь!
От земли невечной
Выше, выше, мяч!

Но меди лязг!
Но лат багрец!
Но светочей кровавых гарь!
Теперь игре моей конец.
Приветствую тебя, отец и царь.

М и н о с

(в окружении факелоносцев)

В наготе тронного зала
Что ты делала, дочь?

А р и а д н а

Играла.

М и н о с

Игры — призрак, и радость — звук.
Чем?

Ариадна
Ударами быстрых рук
Мяч испытывала проворный.

Минос
В месте скорби моей тлетворной,
В день всех горестнее, всех злей?

Ариадна
Нет у девушки прошлых дней!

Минос
Плач и трепет по всей округе!

Ариадна
Мяч подбрасывала упругий,
Чтобы радости мне принес!
Нет у девушек долгих слез!

Вечно плакать — и слез не хватит!
Семя — долго ли в шелухе?
Слаще вздохов о бывшем брате
Вздых о будущем женихе!

Минос
Нету сердца в груди!

Ариадна
Не знала
Бед.

Минос
В канун моего обвала!
Нынче смерти его канун!

Ариадна
Но твой первенец, царь, *был* юн,
Я же — есмь. И тому уж трижды
Восемь весен, отец!

Минос
Недвижен
Век. Единожды был мне дан.

А р и а д н а

Нет у девушек старых ран!
Только новые! Дайте ж травкой
Быть, — долга ли ее пора?
Завтра уже — без завтра
Дева, что без вчера
Нынче. — Короток день наш красный!

М и н о с

Дан единожды, взят всечасно,
Всевечерне, всенощно взят.

А р и а д н а

Если ж сыну на смену — зять
Встанет, рощи мужской вершина?

М и н о с

Разве зять заменяет сына?

А р и а д н а

Ну, так я остаюсь, седин
Утешение.

М и н о с

Дочь — не сын.
Дочь — увы! — хороша замена! —
Вместо сына. Оплот — на пену
Променять? В этом море слез
Пена — дева, а сын — утес.

На низверженного не сетуй.

А р и а д н а

Сын — утесом, а дочь утехой
Создана, мотыльком жилья.

М и н о с

Медлит жертвенная ладья!
Обложу их тройною данью!

За мгновение запозданья —
В мясники обращает гнев! —
Рощи храбрых и кущи дев!

Минотавру тройная прибыль.

Вестник

Царь, корабль долгожданный прибыл.
Некий юноша по пятам,
Нрава властного.

Тезей

(входя)

Входит сам

Гость — коль ждан.

(Миносу)

Здравствуй, жрец
Трижды клятый!
Не певец:
Буду краток.
Посему остроу удвой.
Предводительствую ладьей
Осужденных. Восьмой — не болс.
Не по жребию, а по воле
Здесь, — вечернею жертвой лечь
За Афины.

— Приемли меч!

(Вручает.)

Кровью злых
Щедро смочен.
Не жених:
Буду срочен.

От Эгеевой злой стрелы
Пал твой первенец. — Так орлы
Падают! — За ниспадша в хрипах
Андрогея — Тезей на выкуп!

За Эгея ужасный грех
Сын ответит — один за всех.

Минос

Сын?!

Тезей

Убей,
Царь! Да рдеет
Меч!

Минос
(наступая)

Тезей?
Сын Эгеев?

Поединок взглядов.

...Тáк из вéдомых мне — один
Ты — взглянул бы!

(С новой яростью.)

Убийцы — сын?!

(Страже)

Увести от меня лукавца!

Тезей

Царь, еще не dokonчил сказки!
Этой крови узревши рдянь,
Царь, сними роковую дань
С града грешного...

Минос
(страже)

Прочь с безумцем!

Тезей

Не безумен я, образумься —
Ты! Швыряя тебе сию
Роскошь — мало тебе даю?

Кровь, что вечность бы не иссякла!
Славу будущего Геракла!
Гекатомбы, каких не зрел
Мир — еще! Мириады дел
Несвершенных и несвершимых.
Небожителей на вершинах,

Небожителей в лоне вод
Допроси.

— Водопады од,
Царь, как в пропасть, в тебя швыряю!
Ибо злейшее, что теряю
Днесь — не воздух и не перстов
Ощупь, — эхо в груди певцов!

Царь, безвестным уйду. Искусство,
Что ль, к одру пригвоздить Прокруста?
Кулака молодой размах
На бродягах и кабанах
Испытав, ни одной Химеры
Не сразив. . .

Но прими на веру,
Царь: единый, а не любой,
Завтра выведен на убой
Будет. Равная кровь прольется
Андрогеевой.

М и н о с

Это сходство!
Ад ли призраку повеле?
Так в немотствующей золе
Пепелища — алмаз неплавкий:
Честь.

Тезей с Андрогеем, — прав ты!
Горы — равные на весах.
О девицах и о юнцах
Не пекись. По стезе лазурной
Им — везти доверяю урну
С прахом громким твоим — и весть,
Что на Кретосе сердце — есть.
Вероломной стрелой не платим
Гостю. Праведнее бы зятем,
В дом принять тебя. — *Нá!* твоя!
Трон отдать тебе! По края
Чаши свадебные наполнив,
Всем назвать тебя!

Т е з е й

Царь, опомнись!

М и н о с

Сон и совесть обрел бы вновь...

Т е з е й

Но меж мной и тобою — кровь
Андрогеева!

М и н о с

(растерянно)

Кровь, но где же?

Т е з е й

Двух враждующих побережий
Башни!

М и н о с

Сон бы обрел и смех...
Но да сбудется воля *тех!*

Т е з е й

Царь, не должно такого часу
Длеть!

М и н о с

Убóиной! Грудой мяса! —
Судорог, содроганий смесь! —
И не некогда, где-то, — здесь,
Завтра же...

Т е з е й

Не крушись! не каюсь.

М и н о с

Но покамест еще, покамест... —
Взгляд, сломивший меня как трость! —
Но покамест еще ты гость
Мой.

В пустыне источник пресный!
Призрак! Первенец! Оттиск перстня
В воске — мрамором мнил его! —
Сердца старого моего.

Тезей

Царь, не для рокового часу!

Минос

Дщерь, вручи золотую чашу

Гостю. Досыта насласти,

Ибо — слёзная.

— Пей и спи.

—

Тот же зал. Ночь. Тезей один.

Тезей

Сердца крылатый взмах,

Вала чреватый стон,

Полночь и кровь в ушах —

Всё отгоняет сон.

Стражи протяжный клич,

Пены пустой припев

Об островах добыч, —

Всё распаляет гнев.

Гнев на тебя, о мощь,

Давшая — овном лечь

Клятву. Рабыней в ночь

Швыр-нувшая меч.

Гнев на тебя, о длань!

(Легче клыки развесть

Веprü — перстов сих!) — в дань

При-несшая честь.

Гнев на тебя, о мышц

Роскошь! Богам не чужд

Быв, без меча — камыш

Бо-лотный — не муж.

Гнев на тебя, о глас

Древа, травы, ручья:

«Тот, кто Афины спас,

Не — вынув меча!»

Плакальщиком смежу
Очи, — без боя бит!
Имени нет сему
Гневу — иного: стыд.

Плакальщиком сойду
В славы подземный храм.
Имени нет сему
Делу — иного: срам.

Явление Ариадны.

Ариадна

Будет краткою эта речь:
Принесла тебе нить и меч.

Дабы пережилó века
Критской девы гостеприимство.
Сим мечом поразишь быка,
Нитью — выйдешь из лабиринта.

Всё, и спи.

Невредим и здрав
Возвращайся в родную землю!

Тезей

За богиню тебя приняв,
Я даров твоих — не приемлю.

Ариадна

Гость, очнись!

Тезей

Не прикрыв лица,
Безоружным предстать клялся.

Ариадна

Меч твой, коим убит Прокруст!

Тезей

Меж мечом и рукою — уст
Клятва. Правой моей подъятье!

Меж рукою и рукоятю —
Честь, безжалостнейший канат.
Мною данною клятвой — взят.

Ариадна

Не пристало тебе покорство!

Тезей

Не осиленным распростерся,
Волей Миносу отдался!

Ариадна

Вспомяни *своего* отца!
Ненадежны восьмижды девять!
Дни последни кому ж лелеять,
Как не первенцу?

Тезей

Отчей есть
Власть безжалостнейшая — честь.

Да свершится ж предначертанье.

Ариадна

Андрогеевыми чертами
Обольщенный — простит отец!

Тезей

Честь — безжалостнейший истец.

Ариадна

Злость — нет равная во вселенной
Минотавровой!

Тезей

Уязвлена
Честь — чудовищнее стократ
Минотавра.

Ариадна

Не прав, не свят
Подвиг твой! Уж и так велик ты!

Ради этой моей улыбки
Дрогнувшей — отрекись! срази!
Ради этой моей слезы
Брызнувшей! На весах нельстящих
Разве клятва мужская — тяжче?

Тезей

Красоты в этой жизни есть
Власть безжалостнейшая — честь.

Даром бьешься и даром тщишься.

Ариадна

Просветите же нечестивца,
Боги! Рухай, гордец, с горы!
Афродитины — сё — дары.

Вышей воли ее зеркало,
Только вестницею предстала,
Только волю ее изречь —
Принесла тебе нить и меч.

Но твоих воспаленных бредом
Уст — заране ответ мне ведом:
«Божества над мужами есть
Власть безжалостнейшая».

Тезей

(преклоняясь)

Нссть.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛАБИРИНТ

Вход в лабиринт. Ариадна.

Ариадна

Тщетно над этой прочностью
Бьются и слух и стон.
Громче песок в песочнице
Льется, слышней Харон

Воду веслом задевает Стиксу.
Брат, завершивший день,
Громче над урной твоей ониксовой
Лавр расстиляет тень.

Канул — и канул полностью!
Сдайся, мой слух разверст!
Громче на круге солнечном
Тень подымает перст.

С тем суждено ль мне встретиться,
Коего богом мню?
Не отзовется Дедала детище,
Тайны не выдаст дню.

Ожесточенье слабости!
Бог — кто тебя не знал!
Камни так плотно сладивший,
Будь проклят, Дедал!

Свод, ничему не внемлющий!
Мертв — кто в тебя забрел!
Нагроможденье немощей —
Будь проклят, мой пол!

Девичьих наитий
Река глубока.
Не выпусти нити,
Не выронь клубка!

Вслушиваюсь — как в урне
Глухо, как в лоне вдов.
Вслушиваюсь — как в урну,
Вглядываюсь — как в ров...

Громче смола из дерева,
Громче роса на куст...
Вглядываюсь — как в зева
Львиного черный спуск.

Что́ там за поворотом?
Лучше не видь, не слышь!

Весь ли клубок размотан?
Глыб вероломна тишь.

Бык ли в крови и в пене
Пал? Или рогом в лоб?
Глыб немоты — не мене
Чувств ненадежен вопль.

Хвала Афродите
В громах и в тиши!
Не выпусти нити!
Не выронь души!

Афродита!
Мирт и мед!
Вся защита,
Весь оплот

Ревностнейшей из критянок,
В сем чернейшем из капканов
Мужу, светлому лицом,
Афродита, будь лучом!

Афродита!
Путь и цель!
Льном сквозь плиты,
Светом в щель,

Львов связующая нитью
Льна — войти ему дав — выйти
Дай. Открытому душой,
Афродита, будь тропой!

Афродита!
Соль! волна!
Если выкуп
Нужен — на!

Сохрани для дел великих
Жизнь, — мою возьми на выкуп!
Львом и солнцем да предстал!
Афродита! Дева! . .

Пал! — С молотом схожий¹
Звук, молота зык!
Пал мощный! Но кто же:
Бо-ец или бык?

Не — глыба осела!
Не — с кручи река!
Так падает тело
Бой-ца и быка.

Так — рухают царства!
В прах — брусом на брус!
Не-бесный потрясся
Свод, — реки из русл!

На — лбу крутобровом
Что: кровь или нимб?
Ве-кам свое слово
Ска-зал лабиринт!

Му-жайся же, сердце!
Му-жайся и чай!
Не-бесный разверзся
Свод! В трепете стай,

В ле-печущей свите
Крыл, — розы вослед...
Гря-дет Афродита
Не-бесная...

Тезей
(на пороге лабиринта)
— Свет!

Ариадна
Жив?

Тезей
Так едем,
Дева!

¹ Между первым и вторым слогом перерыв, т. е. равная ударяемость первого и второго слога. Тире мною проставлено не всюду.

Ариадна
Сон!
Жив?

Тезей
Победен!

Ариадна
Бык?

Тезей
Сражен!

Ариадна
Цел?

Тезей
Всем сердцем
Смерть приняв!

Ариадна
Цел?

Тезей
Бессмертен.

Ариадна
Меч?

Тезей
Кровав.
Дева, едем!

Ариадна
Гость, испей!
Цел, но бледен...

Тезей
Нет цепей!
Волен град мой!
Ветры, дуть
В путь обратный!

Ариадна
Гость, побудь!

Тезей
Меч окрашен!
Парус полн!

Ариадна
Гость, за чашу!

Тезей
Дева, в челн!

Ариадна
Гость, помедли!
Лют вдовы
Хлеб.

Тезей
Так едем,
Жизнь!

Ариадна
Увы!

(Напевом)

Гостю — далече плыть!
В баснях и в песнях — слыть.
Дева — забытой быть.
Гостю — забыть.

Тезей
Темной речи
Уясни
Смысл.

Ариадна
Далече
Плыть! Сквозь сны
Дней, вдоль пены кормовой
Проволакивая мой
Лик и след.

Белый беден
Свет!

Тезей
Так едем,
Дева!

Ариадна
Нет.

Тезей
В бурях и в бедах
Лепится дух.
В девах несведущ,
К лепетам глух.

Вправо — иль влево,
В гору — иль с круч!

Ариадна
Тайнопись — дева:
Надобен ключ.

Тезей
Красным гранитом
Взрос и окреп.
В снах неиспытан,
К ответам слеп.

Угль затверделый —
Муж, а не пух!

Ариадна
Умысел — дева:
Надобен слух.

Тезей
Внял, но не понял.
Брось — соловьем!
К басням не склонен,
В лъстях не силен.

Любишь — так следуй
В свет и во мрак!

Ариадна

Занавес — дева:
Надобен знак.

Тезей

Робость девства?
Естества
Крик? Ответствуй,
Жизнь! Отца
Жаль? Печаль твою уважив, —
Жизни не теряют дважды!
С сыном — вся — из жил руда.
Мертв — раз и навсегда.

Всюду мниться
Будет брат?
Пусть убийца —
Кем зачат!
Тени помешаем красться
К ложу! Между *тем* и страстью
Нашей — меч. Из страстных уз
Вставши — с призраком сражусь!

Кроме добрых
В сердце — несть
Мыслей. — Робость?
Рода честь?
Но — клянусь тебе сугубо —
Не утехою — супругой,
Матерью грядущих чад
В дом войдешь, отныне свят.

Дева! Злится
Вал об снасть!
Дева! Львицей
Стонет страсть!
Накажи меня за дерзкий
Домысел: другому — персей
Дрожь? Иным дерзаньям — край
Пеплума?

А р и а д н а

О, не терзай!

Гостю — далече плыть!
Горстью из Леты пить —
Гостю! в золе сокрыть
Деву, — забыть.

Гость, закончим
Скорбный спор.
Вал — твой кормчий!

Т е з е й

Хлябь — наш хор!

А р и а д н а

Уноси мое блаженство,
Юноша!

Не страсти женской
С разумом — постыдный торг.
Не отца седого скорбь
Черная, не крови братней
Ныне выцветшие пятна, —
Пурпурные и поднесь! —
И не приторная смесь
Робости и скудосердья,
Именуемая твердью,
Честью девичьей.

Т е з е й

Пресечь

Спор — тогда!

А р и а д н а

(подымая руку)

Возмездья меч!

Просьб — великая тщета!
Афродитою взята
Я в любимицы — владычиц
Сладостнейшею! В добычах —
Ревностнейшею! В любви —
Яростнейшею!

Плыви,

Гость! Покамест только брат мне —
Прочь! Покамест необъятный
Путь — зеркалом из зеркал —
Прочь! Покамест не познал
Уст моих...

Зане: как глыба
Страсть моя! Зане: на гибель
Страсть моя тебе! Зане —
Вещь, обещанная мне,
Взыщется с тебя не дочерью
Смертною, а той, что зверю
Льном повелевает быть.

Гостю — далече плыть!
Новые сети вить —
Гостю! других любить,
Эту — забыть.

Мир не полностью узрев,
Брат, опомнись!
Столько дев
Сладостных! А розы вянут —
Всё.

Тезей

Обманута!

Ариадна

Обманут —
Ты. Над клятвами же бдят
Боги. За единый взгляд
Косвенный — дитя из детищ
Афродитино! — ответишь —
Всем.

Тезей

Скорее — в море — мыс
Тронется!

Ариадна

О, не клянись,
Гость! Судьбы твоей волокна

Ведомы ль тебе? Не токмо
Девами — опасен брег.
Дебри есть, пещеры нег,
Тех — полунощные гроты.
Ведомо ль на повороте
Ждущее? Богинь и нимф
Грудь — не тот же ль лабиринт?

В сокровеннейшем из капищ,
Гость, бессмертные охватишь —
Мышцами. Необорим
Небожителей к земным
Жар. С бессмертными не мерься,
Юноша! Бессмертья — к смерти
Страсть — страшнейшая из кар!
Небожительницы дар,
Уст ее — отвергнуть — прелесть —
Кто б осмелился?

Тезей

Осмелюсь —

Я! Скорее с места мыс
Сдвинется!

Ариадна

О, не клянись,

Юноша!

Тезей

Пусть свет померкнет
Глаз моих!

Ариадна

О том, что смертных
Дев — любили божества,
Ведаешь?

(Касаясь лавра)

Сия листва
Всё еще трепещет Дафны
Трепетом...

Супругом став мне,

Клятву дав мне — даже в снах
Чтить, осмелишься ли, прах,
С небожителем тягаться?
Пасынка и святотатца
Груз — отважишься ль подъять?
Правую на рукоять —
Встанешь ли с парнасским горцем?
Пасынком и богоборцем,
Муж, отважишься ль прослыть?

Гостю — далече плыть!
Нечеловечью чтить
Волю, — богам служить.
Деву — забыть.

Тáртара ценой — не купишь
Нег. Отступишься! Уступишь —
Высшему!

Тезей

Одна мне власть —
Страсть моя!

Ариадна

Преступишь страсть.
Горлинкой твоей страшуся
Быть Змеиного укуса
Явственнее. мужем сим
Быть мне брошенной! Дым —
Страсть воя. Костер из стружек —
Страсть твоя! Двоим не служат,
Муж! Ни доли, ни родства
Мужу, кроме божества!

Прочь, не пастбище, а пустошь —
Страсть! — Отступишься! — Отпустишь!
Выпустишь! Цветком из рук
Выронишь!

Тезей

Какой недуг
Жжет тебя?

А р и а д н а

Но Пеннородной
Памятлива кость. Запродан
Ей, моих коснувшись уст.
Знаешь ли о том, что пуст —
Зрак ее! И без провеса —
Цепь!

Т е з е й

У самого Зевеса
Выхвачу! Из-под зениц —
Выхвачу!

А р и а д н а

О, не клянись,
Гость! Колеблемая ветром
Трость. Лозы моей заветной
Гроздь. Всех жил моих живых —
Гвоздь. Души моей жених... —

Брось! — Как Мiносу нарушил
Верность, — ибо всех радуший
Миновских вещь знак
Ока их... о! — так и брак
С дочерью его расторгнешь
Сладостною. Стран просторных
Гость, со мной тебе не лечь
В зарослях...

Т е з е й

Тогда — на меч!

Жест, прерываемый появлением девушек и юношей.

Хор девушек и юношей

Брата узрею!
Матерь узрею!
Жатву узрею!
Слава Тезею!

Меч, что уперся!
Стон, что исторгся!
Ветр семиморский,
Славь быкоборца!

Скорые весла, крутые снасти,
Освободителя родины славьте!
Славь, убегаящая корма,
Мужа, не вынесшего ярма!

Ставь ветрила,
Кормчий! К югу!
Грех искуплен!
Камень снят!
Буду милой
И супругой
И баюкать буду чад!

Правь прямее,
Кормчий! Плеском
Вёсл, с волны и до небес:
Честь Тезею,
Нас — невестам,
Нам вернувшего — невест!

Славься, храбрый!
Гору вынес!
Славься, добрый!
Жив Олимп!
С Минотавром
Свержен Мίνос!
Расколдован лабиринт!

Правь смелее,
Кормчий! Сломан
Крит! Свободные заснем!
Честь Тезею,
Нас — закону,
Нам вернувшего — закон!

Славься!

Тезей

Правь!

Ариадна

Не — оставь!

Тезей
Ветры, дуть!

Ариадна
Верен — будь.

Тезей
В красоте твоей богоравной,
Дева, имя твое?

Ариадна
Ариадна.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

НАКСОС

Скала со спящей Ариадной.

Тезей
(над спящей)

Спит, скрытую истину¹
По-знавшая душ.
Спит, негой насыщенная,
Спи! — Бодрствует муж.

Ветвь, влагой несомая!
Страсть, что ее — спит!
Лишь тем и бессонен я,
Что негой не сыт.

Не той же ли горечью
Сжат, бдит соловей?
Как будто бы море пью:
Что час — солоней!

Спит, розой осыпалась
В ласк бурный прибой,
Сколь быстро насытилась
Мою алчбой!

¹ См. примеч. на стр. 658.

В пу-чину хоть жемчугом
Кань, — горстью словлю!
Спи, юная женщина!
Кровь помнит.

А р и а д н а
(во сне)

Люблю!

Т е з е й

Сквозь цепкую жимолость
Сна — слушай завет:
Зем-ля утолима в нас,
Бес-смертное — нет.

Без дна наших чаяний
Чан, мысль — выше лба!
Те-ла насыщаемы,
Бес-смертна алчба!

Бой-цом обезжизненным, —
Ни вздоха в груди —
Спит. Знай же, что сызнава
Бой вспыхнет...

А р и а д н а
(во сне)

Люби!

Т е з е й

Сквозь затканый занавес
Сна — сердцем пробьюсь.
Ду-ша неустанна в нас,
И мало ей уст,

И мало ей зеркала
Тех игрищ и нег.
Спи, юная смертная,
Смерть минет.

А р и а д н а
(во сне)

Навек.

Тезей

Цвет выцветет, скрючится
Стан, розы — в отлет!
От смерти и участи
И Зевс — не оплот.

И — ложа скалистого
Одр — твёрже¹ нам взбит.
Но — въявь и воистину —
Знай: страсть устоит.

(Подъёмля правую)

Дева низин и нищ,
В гроте и в чаше
Царствующа, — услышь
Клятву над спящей.

В святости брачных уз
С милою свиться
Жимолостью — клянусь
Водами Стикса.

Влажных чураться уст
Девы и нимфы —
Облачными клянусь
Лбами Олимпа.

Судьбы и рты сдвоив,
Вплоть до укуса
Смертного...
— Чресл твоих
Гневом клянуся:

Страсти моей — сама
Ты не вечнее!
Если же в чувств, ума,
Недр помраченье,

Чудный порву союз, —
Гнев твой порукой! —

¹ Слово *твёрже* прошу читать через простое «е».

Да позабуду ж вкус
Млека и тука!

О, да бежит от вежд
Сон вероломный!
Да вместо лавра — плешь
Метит чело мне!

Медный да в прах шелом!
Трусом да лягу!
Да не коснусь челом
Отчего прага!

Да не коснусь седин
Отческих! Грузной
Да не дождусь родин!
Чад да не ўзрю!

О, да познаю клятв
Попранных цену!
Жен да познаю хлад,
Друга — измену!

Лен да понудят прясть
Женские козни!
Да посмеется страсть
Старости поздней!

Да посмеется тесть —
Бывшему зятю!
Слуг да познаю лесть,
Царства разъятье!

Да не бежит вода
В чаш водоносов!
Тучные нивы — да
Не плодоносят!

(Склоняясь над спящей)

Будь то хоть сам Зевес

С Мойрами вкупе —
Сих не сниму желез!

Свет, из света Голос.

Г о л о с

Вакху — уступишь.

Т е з е й

Зачаровывающий сердце
Звук — кифарой в ушах звенит!
Кто ты?

Г о л о с

Девы и Миродержца
Сын — невесты твоей жених
Предначертанный. Сладше млека
Пить на сладостнейшем из лож —
Предназначена мне от века
Здесь покоящаяся.

Т е з е й

Лжешь!

Минотавровой кровью смочен
Меч. Изведаешь, сколь веска
Длань Тезеева!

Г о л о с

Тсс... Непрочен
Сон в присутствии божества.

Т е з е й

Коль не вымысел и не слепок,
Выдь, — спознаемся, суеслов!

Г о л о с

Заклинаю тебя — некрепок
Сна колеблющийся покров!
Пощади ни отца, ни дома
Не имеющую.

Т е з е й

К борьбе,

Дерзкий!

Г о л о с

Тише же! Чти же дрёму
Девы, грезящей о тебе.

Любят — думаете? Нет, рубят
Так! нет — губят! нет — жилы рвут!
О, как мало и плохо любят!
Любят, рубят — единый звук

Мертвенный! И сие любовью
Величаете? Мыщ игра —
И не боле! Бревна дубовой
И топорнее топора.

О, как тупо и неуклюже:
Ложе — узы — подложный жар
Крови. . . Дева, познавши мужа,
Спит, жаровни твоей угар

Просыпает. От сих позорищ
Доны дыбом и реки вспять!
Как плодом заедают горечь,
Никнет — ласки твои заспать

Дева. Замертво павшей клячи
Кротче! Судорогой вдоль рта —
Ваших браков и новобрачий
Отвращающая тщета.

О, как мало и неумело
Нежите!

Т е з е й

Обличитель лбов —
Кто ты?

Г о л о с

Огненный сын Семелы —
Вдохновения грозный бог.

Т е з е й

Вахх!

Г о л о с
Двусердый и двоедонный.
Т е з е й

Вакх!

Г о л о с
В утробе мужской догрет.
Т е з е й

Вакх!

Г о л о с
Не женщиною рожденный.
Т е з е й

Вакх!

Г о л о с
Но дважды узревший свет.

Тот, чьей двойственностью двоится
Взгляд у всякого, кто прозрел.

Т е з е й

Вакх!

Г о л о с
Раздвинутая граница.
Т е з е й

Вакх!

Г о л о с
Пределам твоим предел.

Тот, которого душу пьете
В хороводах и на холмах.
С злыми каторжниками плоти
Бог, братающийся в боях.

Верховод громового хора, —
Всё возжаждавший, сюда! —
Одаряющий без разбора
И стирающий без следа.

Лицемеров, стоящих одаль, —
Бич! То вёркот ушам, то рык,
Низшим — оторопь я и одурь,
Высшим — заповеди язык!

О, ни до у меня, ни дальше!
Ни сетей на меня, ни уз!
Ненасытен — и глада алчу:
Только жаждою утолюсь.

Двоедонный, рожденный дважды,
Двоеверный, — и вождь и страж...
И да будет кувшин — по жажде
Сей изжаждавшей меж чаш

Деве...

Вежд крылатым взмахом —
Эти розы станут прахом.
Выравненные резцом,
Эти брови станут мхом.

Лба доверчивую кротость
Злыми бороздами опыт
Выбороздит. Гладь ланит
Жилами избороздит, —

Вилами! Улыбку рождши —
Плачь! Нет, дли ее, — всё тот же
Червь подтачивает плод:
Горе сушит, нега жжет,

Всё — обмеривает! Дивом
Мнишь? Всё сущее червиво,
Муж!

Тезей

С наглядностями рву!

В а к х

(до конца остающийся голосом)

Смерть — название червю.

Не цвести вторично древу!
Юность резвого котурна
Не задерживает. Деву,
Мнишь, отстаиваешь? Урну

С пеплом! С богом в ратоборство
Вставши — призраком влеком!
Тенью! Крохотною горсткой
Праха, бывшего цветком.

Сладостней, скажи, на высях
Гор, в лазоревых приречьях
Цвел ли? От тебя зависит
Срезать — иль увековечить

Цвет сей. Хватче Минотавра,
Злей Зевесовой грозы —
Огонь неистовости тварной,
Страстью названный. — Срази!

Уступи, влюбивший много,
Деву — богу —

Хмеле-кудро-головому!

Т е з е й

Дева мной завоевана!
И мечом и отдачею...

В а к х

Дева — мне предназначена!

За века предугадана!
Без разделу моя!
Что лоза — виноградарю,
То мне — дева сия!

Божеству ли с убожеством
Спорить? Муж скудосерд,
Что венчальным предложишь ей
Даром? Старость и смерть?

Красота и бессмертие, —
Вот в двудонном ковше
Жениха-виночерпия
Дар невесте: душе.

Дар Тезея и Вакхову
Дань — кладу на весы.
Взвесь. Ужель одинаковый
Вес?

Тезей

У спящей спроси.

Вакх

То ж, что рану закрашивать,
То ж, что море в сетях
Несть — у женщины спрашивать
О правах и путях.

Тезей

Та, что пленника вывела...

Вакх

Чувств изведала сеть.
Не смущай ее выбором,
Сам за деву ответь.

Тезей

Что Тезеем присвоено...

Вакх

Сгибнет, в прахе влачась.
Меж бессрочной красой ее
И цветеньем на час,

Между страстью, калечащей,
И бессмертной мечтой,

Между частью и вечностью
Выбирай, — выбор твой!

Уступи, объявший много,
Деву — богу.

Тезей

От алчбы моей жадной
Ей вовек не очнуться!

Вакх

У *моей* Ариадны
Будут новые чувства.

Тезей

Плеск весла безоглядна
Воском чаешь заткнуть?

Вакх

У *моей* Ариадны
Будет новая чуть.

Тезей

Мужа знавшая рядом,
Божества не восхощет!

Вакх

У *моей* Ариадны
Будет новая ощупь.

Тезей

Я — сквозь жертвенный ладан!
Я — в дурмане ночей!

Вакх

У *моей* Ариадны
Сих не будет очей.

Тезей

Иль не знаешь, что вдóвы
В час касаний бескостных...

В а к х

Новый облик, и новый
Взгляд, и новая поступь. . .

Т е з е й

По тишайшему зову —
В ночь! К былому на грудь!

В а к х

Новый образ, и новый
Взгляд, и новая суть. . .

Т е з е й

Каждым ногтем начертан
В сердца девственной глине!

В а к х

Чёрт, лелеянных — смертной
Не узнает — богиней.

Т е з е й

Но зачем же, двужалый,
Ночь была нам вдвоем?

В а к х

Дабы разницу знала
Между небом и дном.

Бога знавшая рядом,
Естества не восхощет.
Нет — твоей Ариадны!
На дворцовую площадь

Выйдя — Фив Семивратных,
Града новой зари,
Ариадне и Вакху
Фимиами воскури!

Уступи, познавший много,
Деву — богу.

Тезей

Но не Геей, не Гёрой, —
Афродитой клялся!

Вакх

К Минотавру в пещеру
Шедший кротче тельца...

Всё величия платны —
Дух! — пока во плоти.
Тяжесть попранной клятвы
Естеством оплаты.

Муж, решайся: светает.
Сна и яви — двойной
Свет. В предутренних стаях —
Свод.

— Прощайся с женой!

Тезей

Но хоть слово промолвить
Дай: не к трусу влеклась!

Вакх

Час любовных помолвок
Был. — Отплытия час.

Тезей

Но в глазах ее — чаны
Слез в двусветную рань! —
Я предателем встану!

Вакх

Да. Предателем — кань!

Тезей

Лишь в одном не солги ей:
Уступил, но любя!

Вакх

Чтобы даже богиней
Не забыла тебя?

Тсс... на целую вечность.

Тезей

Не в пределе мужском!
Выше сил человеческих —
Подвиг!

Вакх

Стань божеством.

Тезей

И мизинцем не двину,
Распростертый на плитах!

Вакх

Есть от памяти дивный
У Фиванца напиток:
Здесь меняющий в *где-то*,
Быть меняющий в *плоть*...

Тезей

Ни Аида, ни Леты —
Не хотим забыть!

(К Ариадне)

Спит, — хоть жалок, хоть жёсток
Одр, — не хочешь подняться?
Наксос — крыл моих остов!

Вакх

Остров жертвенный: Наксос.
Уходи безоглядно:
Чтоб ни шаг и ни вздох...

Тезей

Нет иной Ариадны,
Кроме Вакховой.

Вакх

(вслед)

Бог!

КАРТИНА ПЯТАЯ

ПАРУС

Дворцовая площадь в Афинах. Утро.
Эгей, Жрец, Провидец.

Эгей

Ночь не добрее дня,
День не добрее ночи.
Пытке моей три дня
Нынче, в огне три ночи

Вьюсь, из последних сил
Взор изошряю слабый.
Сын мой, который *был*, —
Прах твой узреть хотя бы!

Клад мой неотторжим!
Лучше бы вовсе не дан!
Уж не молю — живым,
Уж не молю — победным:

Так же, как раб к ковшу
Льнет, просмолён до паха, —
Урны его прошу, —
Боги! — щепотки праха,

Пепла. . . О, тучи крыл,
Стрел над афинским берегом!
Сын мой, который *был!*

Жрец

Сын твой, который *пребыл*,

Царь! В седине морей,
В россыпях водокрутных,
Жив громовой Нерей,
Кости твоей заступник, —

Жив еще Посейдон!
С рушащейся громады
Вала, со дна из дон
Он — охраняет чадо

Старости твоя!
Недр не страшись гневливых!
Жертвенная ладья
С парусом белым внидет

В гавань. Крыла светлей!
В град, не бывавший пленным!

Э г е й

Будь на семьсот локтей
Тот лабиринт под пенным
Уровнем — о, смеясь,
Ждал бы. Воды ль страшуся?
Но Океана князь
Не господин над сушей.

«Целым твой сын плывет —
Белый, как вал об скалы —
Парус». (О первый взлет
Вёсл его в час отчала!)

«Тело мое везут —
Черный, чернее горна
В полночь — в ветрах лоскут».
Парус провижу — черный.

Черный! Чернее крыл
Вороновых — в проливе!
Сын мой, который *был!*
Въявь, в естестве и вживе,

Внове! Дурная весть:
Неба тельца кровавей!

П р о р и ц а т е л ь

Сын твой, который *есть*,
Царь! В красоте и в славе!

Жив! Не сожжен, а жгущ,
Бьющ — тако огонь пурпурный
Лемноса. Старец, сущ —
Сын твой! Не горстку в урне... —

Розами оплети
Лоб свой! — Не урну с телом!
В духе и во плоти
Жив и плывет под белым

Парусом.

Э ге й

Если лжешь,
Лучше бы не родиться
В мир тебе! Псом сгниешь!

Ж р е ц

Царь, не гневи провидца.

Легче в своем дому
Скважин не знать и трещин —
Зодчему — чем сему
Старцу солгать по вещим

Внутренностям. Оставь
Гнев и хвали Зевеса.

П р о р и ц а т е л ь

Мысленное — вот явь,
Плотское — вот завеса.

Хочешь, чтобы рекла
Вещь, — истончись до пепла...

Э ге й

Жив — и рука тепла?

П р о р и ц а т е л ь

Хлеб из золы — не тёпле.

Э ге й

Но невредим ли? Но
Здрав ли? Всё так же ль рдея...

Прорицатель
В раковине зерно
Жемчуга не целее
Бездны на нижнем дне.
Цел, аки дух бесплотный.

Эгей

Не изувечен, не...
Так не иссякнет род мой?

С песней — кого отпел?
В гавань — взамен пещеры!
Но не бесчестьем цел?

Прорицатель

Чарою цел — и верой.

Эгей

Чарою?

Прорицатель

Знать не нам:
Знай, что любимым шел он.
Верою — в стан, что прям,
И в небосвод, что полон.

Чарой и верой яр,
Ими же заповедан...
Но, изощрив удар,
Старец, — еще победа!

Пурпуром омрача
Меч — улыбался, аще
Бог. Не подъяв меча,
Старец, победа тяжче.

Изнеможден, но светл
Вышел.

Эгей

Хвала! Но что за
Чудище? Змей или вепрь?

Прорицатель
Плотскою страстью прозван
Вепрь тот. *Его* сразил,
Высшею страстью движим.

Эгей
Ветр, не щади ветрил!
Сын вожделенный, мчи же!

(Жрецу и Провидцу)

Други, навстречу мчим!
Не выдавай, о старость!

Явление Вестника.

Вестник
Царь, в седине пучин
Черный отмечен парус.

Эгей
Смерть!

(Прорицателю)

Не земным воздам, —
Лжец! — а иным чеканом!
Жрец, доложи богам:
Сыну навстречу канул

Царь.

Исчезает. Вестник вслед. С другой стороны площади, не встретившись, рядами, граждане.

Хор граждан
Горе! Горе!
Вострый нож!
Море, море,
Что несешь?
Полным коробом роскошным —
Море, море, что несешь нам?
Розы, розы ли вискам?
Слезы, слезы ли очам?

Горе! Горе!
Лютый змей!

Из лазоревых горстей
Дарственных твоих — что примем,
Море, море? Было синим,
Вал, как старец, поседел —
Лишь бы парус вышел бел!

Горе! Горе!
Гнутый серп!
Море, море,
Двоесерд
Нрав твой: кабаном трущобным
Выбесившись, белым овном
Ляжешь, кудри раздвоя,
Море: ярая бадья!

Доля, доля,
Крытый чан!
Море, море,
Что — очам
Выявишь? За белым тыном
Пены — что? Каков Афинам
Дар? Растерзанная ткань?
Доля: крытая лохань!

Доля, доля,
Тихий ткач!
Море, море,
Выше мачт —
Вал твой! Кулаком сведенным
То по всем своим поддонным
Бьет владыка Посейдон.
Доля: сжатая ладонь!

Доля, доля,
Длить — доколь?
Море, море,
Всю-то соль
Донную и всю-то кипень
Пенную твою мы выпьем,
Выхлебаем: кипень-смоль,
Доля: лютая юдоль!

Доля, доля...
Воля — где?
Море, море,
Что в ладье?

Крит ли первенцев вернул нам,
Или братственная урна:
Семи вёсен пепл — и дым
Семи юношей с восьмым.

Доля, доля,
Скрытый сплав!
Море, море,
Ниже трав —
Вал твой! На ручьи распалось.
Море! Море! Что за парус
Там, что ворон меж ветрил?
Горе! Горе! Черен!

В е с т н и к

Был —

Царь. Переполнен¹
Чан скорби и мглы.
В ки-пящие волны
Пал царь со скалы.

Бе-ду издалече
Уз-ревши с высот,
Пал — сыну навстречу
С от-весных трехсот.

В пы-лу чадолюбья
И в пепле тщеты,
В че-тыреста глуби —
С трех-сот высоты.

Не орл быстролётен,
Царь крыл и когтей —
То старец с трех сотен
Гра-нитных локтей.

¹ См. примеч. на стр. 658.

Что яростный кричит —
В волн пенную шерсть —
Взмыл — первым да встретит
Сы-новнюю персть.

Не в яростном споре
Ветров и ветрил —
Не в море, а в горе
Се-бя утопил!

В уст — собственной пене,
Кро-вавой кайме,
В век — собственной тени,
В недр — собственной тьме,

В убийственном слове
Ко-ротком: к чему?
В от-цовской любви
Без-донном чану.

Где пропасти клином,
Где пена ревет —
Ле-тящего принял
В грудь водоворот.

Хор граждан

Горе! Горе! С красных скал —
Горе! Горе! Камнем пал

Царь наш. Наводняй же площадь,
Бессыновних и безотчих
Стадо — без поводыря!
Горе! Горе! Без царя!

Горе! Горе! Дважды пал!
Старого гремучий вал
Выхватил зеленокудрый.
Юного — слепая удаль
Чудищу швырнула в пасть.
Горе! Горе! С черным — снасть!

Коршунам — кровавый пир!
Горе! Горе! Дважды сир
Край наш, на куски искрошен.
Вместо пажитей роскошных —
Коршунов кровавый слет...
Горе! Горе! Море слез!

Горе! Горе! Кровных кровь!
Мать бездетная, готовь
Скорби черное убранство!
Явственен — через пространства —
Скорби веющий рукав.
Ах, не черен он — кровав!

Прав — взмывающий с крутизн!
Лучше б вовсе в эту жизнь, —
В коей правды не дожидаться, —
Не рождать и не рождаться,
И не знать, как ветер свеж...
Горе! Горе! Горе!

Явление Тезея в сопровождении девушек и юношей.

Тезей

Где ж
Лавры — победоносцу?
Жив и несокрушим!
Как по коврам пронесся
По валунам морским —

Вождь ваш, с благою вестью:
Вот она! Счетом семь
Дев, с семерыми вместе
Сими — в родную сень.

Целы и без изъяну, —
Что деревá весной!
Чаянных семь и жданных
Семеро, я — восьмой.

Пал Минотавр, и вынес
Вал! Кровяным бугром
Пал! С Минотавром — Мίνос.
Но — что́ за прием?

Что — овцы под крышу! ¹
Что — жены под щит!
При-ветствий не слышу!
Иль море глушит?

Что — рыбины в пену!
Что — ящеры в мох!
От радости немые?
Иль сам я оглох?

От радости слепые?
Ведь вот она, стать
Кра-са и укрепа
А-фин. Или вспять

Мне? Сызнова море
Тре-вожить кормой?
Лишь сам себе вторю
В сей предгромовой

Ти-ши. Не привечен
Ни взглядом очес!
Так вот она, встреча,
Так вот она, честь,

Так вот они, горсти
Роз, лавры вершин
Бой-цу-быкоборцу
От вольных Афин!

В час скорби и вздохов
Был скор мой булат.
На дел моих грохот
Не-мотствуешь, град?

На рук моих дело —
Уж весть о быке
Весь мир огремела —
Ни ветви в руке?!

¹ См. примеч. на стр. 658.

Серд-ца без отзы́ва!
Те-ла без сердец!
Но — злейшее диво:
Что — даже отец

На-встречу не вышел,
На мышц моих мощь
Скло-нить свою ношу...
Иль впрямь я безотч?

Афиняне, рдею!
Лоб — обручем сперт!
Скажите — Эгею,
Что сын его...

Прорицатель
Мертв
Царь. Не родиться —
Вот, в царстве тщеты —
О-снова.

Тезей
Убийца
Дер-жавного?

Прорицатель
— Ты.
«Бык поражен из двух —
Белый, белее пара —
Парус». Так в отчий слух
Слово твое упало.

«В пепле себя сокрыл —
Черных, чернее вара
Смольного, жди ветрил».
Ум твой какою чарой

Заворожен? Каков
Змей у тебя под корнем?

Тезей
Дивною дево́й вдов,
Изнемога от скорби —

Плыл. Когда свет немил,
Черное — оку мило.
Вот почему забыл
Переменить ветрило.

Хор юношей

В час осыпавшихся вёсен,
Ран, неведомых врачам,
Черный, черный лишь преносен
Цвет — горюющим очам.

В час раздавшихся расселин —
Ах! — и сдавшихся надежд! —
Черный, черный оку — зелен,
Черный, черный оку — свеж.

Резвым агнцем белорунным
Кто корабль пустить дерзнет,
Коль в груди своей, как в урне,
Вождь покойницу везет?

В час, как всё уже утратил,
В час, как всё похоронил,
Черный, черный оку — красен,
Черный, черный оку — мил.

Мрак — дыхание без вздрога!
Мрак — касание фаты!
Как боец усталый — лога,
Око жаждет черноты.

В час распавшихся объятий, —
Ах, с другим, невеста, ляг! —
Черный, черный оку — внятен,
Черный, черный оку — благ.

В час оставленных прибрежий, —
Ран, не знающих врачей, —
Черный, черный лишь не режет
Цвет — заплаканных очей.

В час, как розы не приметил,
В час, как сердцем поседел —
Черный, черный оку — светел,
Черный, черный оку — бел.

Посему под сим злорадным
Знаком — прибыли пловцы.
Пребелейшей Ариадны
Всё мы — черные вдовцы.

Всё мы — черные нубийцы
Скорби, — сгубленный дубняк!
Всё — Эгея соубийцы,
И на всех проклятья знак —

Черный. . .

Прор и ца т е л ь

Чарой клянусь полднейной,
Небожителя — се — резец!
Сын мой, кого прогневал
Из роковых божеств?

Муж, и разя, радушен,
Бог ударяет в тыл.
Верность — кому нарушил,
Сын, из бессмертных сил?

Перед какой незримой
Явственностью неправ?
Громы — с какой низринул
Из олимпийских глав?

Сын, неземным законом
Взыскан, — перстом сражен!
Ревность — какой затронул
Из олимпийских жен?

Высушенный опилок —
Муж, за кого взялись!
Мстительней олимпиек
Несть, и не мыслит мысль.

Взыщут, — осколок глинян,
Выплеснутый сосуд!
Сын мой, кому повинен
Из роковых?

Ж р е ц

Несут

Тело. Водорослью овито.

Т е з е й

Узнаю тебя, Афродита!

Октябрь 1924
Прага

ВАРИАНТЫ

2

Сев. зап., 1915
№ 5—6
После 16

Я вечности не приемлю!
Зачем меня погребли?
Я так не хотела в землю
С любимой моей земли!

8

Сев. зап., 1915
№ 1
Перед 1-й
строфой

Одна улыбка на портрете,
Одно движенье головы, —
И чувствуется: в целом свете
Герои — вы.

64

Автограф
Не вошедшее
в окончательный
текст

Надбровного свода
Всё та ж роковая дуга...
Над сальной колодой
Заходяя медлит судьба.

Где старец тот Осип
С девицею-свет-наш-явлен?
Звезда-моя-россыпь,
Которая — в град Вифлеем?

151

СЗ, 1921,
№ 7
После 16

Твоя ладонь нежна — но сколь нежнее
Сия ладонь — держу ее! — была б,
Когда б сейчас — вот так — ко мне на шею
Тихонечко легла б!

(Прости за повторенья и длинноты, —
Ведь женщина, дружок! — И потому,
Что столько раз сказать вам нужно —

кто ты?! —

Как здесь — ни одному!)

После 20 Идите, старьтесь над считаньем петель
И жалуйтесь на рост дороговизн!
Ее могильный холм, где прах и пепел,
Живей, чем ваша жизнь!

21—24 Служанками вокруг Самозванки Польской
Я б распротер вас, сборище теней!
Грабительницы мертвых! — Эти кольца
Украдены у ней!

165

Автограф
(1920)
Перед
1-й строфой
Зачеркнуто

Ведь был же мне на полчаса
Ты другом дорогим!
Кто виноват, что родился
Собой, а не другим?

Обоим нам — вниз головой
В рай прыгать. — Там решат,
Что лучше: мой ли цирковсй,
Твой ли морской канат.

166

Автограф
(1920)
5—8

На собственной руке и на стволах
Березовых и — чтобы всем понятней! —
На облаках — и на морских валах —
И на стенах чердачной голубятни.

Автограф
(1940)
5—8

Чем только не писала — и на чем?
И под конец — чтоб стало всем известно!
Что ты мне бог, и хлеб, и свет, и дом! —
Расписывалась — радугой небесной.

И лезвием на серебре коры
Березовой, и чтобы всем известно,
Что за тебя в огонь! в рудник! с горы! —
[Что ты — един, и нет тебе поры —]

Друзьям в тетради и себе в ладонь,
И, наконец, чтоб было всем известно —
Что за тебя в Хвалынь! В Нарым! в огонь!

Чем только не писала — и на чем?
И наконец, чтоб было всем известно:
Что нет тебе второго в мире всем

И на стволах, не знающих сует. . .
И наконец, чтоб было всем известно,
Что ты — Аллах, а я — твой Магомет —

(Не позабыть древесную кору. . .)
И наконец, чтоб было всем известно,
Что без тебя умру, умру, умру!
Расписывалась — радугой небесной.

*Автограф
(1940)
Варианты
5-й строки*

И на стволах сентябрьских [сгорающих] рябин

На серебре берез, красе рябин

(О сколько вас, берез, дубов, рябин
Изрезанных. . .)

Всё было мне тетрадью [бумагой] и пером

Без помощи бумаги и пера

Где не писала, не писала — чем

Где только не писала я — и чем

Чем только не писала я в те дни

На всём что можно — всем что можно! Дым —
И тот служил! И — чтобы всем известно —

Когда в тетрадку, а когда — в ладонь

А нет тетрадки — так себе в ладонь

И на седом березовом стволе
и т. д.

172

*Автограф
(1920)
25—32*

Такое уж мое именье:
Весь век дарю — не издарю!
Зато, прибрежные каменья
Точа, свою же грудь дроблю.

Подобно пленной королеве,
Что молвлю на суде простом —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

207

Автограф
(1921)
9—12

Ты волос закручивала кольца,
Ты ресниц оттачивала стрелы.
Строгие уста давая — скольким?
За чужие я грехи терпела.

Автограф
(1921)
Зачеркнуто

Выжила шального постояльца!
[Молодость моя — сдалась насилу!]
Голая стою — глаза раскрыла.
Так дитя, на дальние светила
Изумясь, кольцо роняет с пальца.

217

1

Начало,
зачеркнутое
в рукописи

Не спрашиваю — и не спрашивай!
Ведь праведными — не накрашенными,
Устами ведь, а не стихами ведь:
Не памятниками — беспмятностями.

2

После одежд выпретенных —
Здравствуй, покров содранный!
Целую жизнь — рифмами,
А на сей раз — ребрами,

Древним ребром вздыбленным:
Взрывами — первоглыбами. . .

После 12

Как из лесу дре-мучего:
Языческая великомученица!

(Мутная вода,
Двойственная гроздь. . .
Так — сквозь «дай» и «да»,
Брезжущее: — брось!)

218

Автограф
1—4

Так, в равноденственности сердец,
Меж стольких женственностей и детства
Блаженствуя, — проживешь и без
Не-женских моих чудес. . .

220

Автограф
Перед
1-й строфой
Зачеркнуто

Дело не в том:
Нынче меня, а потом другую!
Легким перстом
Новую рану твою ревную.

Ревность в дугу
Сжав — заклинаю свою же верность
В легком кругу
Недостоверных моих соперниц.

223

Автограф
13—16 Мой! — И никаких законов:
Вздых! — И никаких застав:
Взмах! — И никаких спросонок
Клятв: все выцелуем в тьмах

226

Автограф
9—12 Сизые ливни — плечи
В плащ: но и ливням — срок.
Тысячелетья плещут
У столбняковых ног.

После 16 Битв. . . ибо веком сглазив¹
Вечным — навек взошел
В тело (столбняк и кладезь)
Фебовой флейты ствол.

227

Автограф
Строфа 10 Берегись — как трон
Загвердевших — дружб.
Ибо крепче жен
В нашем сердце — муж.

—
Берегись — ружьем
Закрепленных дружб.

—
Берегись — в виссон
Облаченных дружб.

232

Автограф
9—16 Лес! Ты нынче — наездник!
То, что люди болезнью
Мнят: под тысячей лезвий
Бьющей кровью древес —

¹ В рукописи помета: «NB! — сглазив — как наказав: наказав вечным веком, бессмертием» (АрЦ).

21—24

Пурпур царской хламиды...
Знаю: тайны не выдам!
То Саул за Давидом:
Юной смертью своей!

233

Автограф
1—4

Такая ж заплата,
Как старое слово: любовь.
Ложь: пурпур и золото,
Ложь: киноварь, бронза и кровь.

Светлейший... Пресветлый...
Нет слова для той светлоты.
Ложь: корень и ветви,
Ложь: дерево, ствол и листья.

234

Автограф
Перво-
начальный
вариант
стихотворения

Рассеивающий листву, как свет,
Клен! — Жрец светорожденный!
Лишь богу своему глядящий вслед
Соборною колонной

Ствола, незыблемого, как псалом.
Встав от начала века —
Живее Библии являешь в дом —
День, когда тьма от света

Отделена была. Столь наг и чист
Свет, что три ночи сряду
Стихи забрасываю: каждый лист —
Целою Мессиадой!

9 октября 1922

236

Автограф
17—20

Над нашей срочностью
Спадая простынями —
[О нашей срочности
Напомнить посланные,]
О чем пророчите
Речами косвенными?

238

Автограф
5—8

В надышанную сирость чайной
Раб отработавший бредет...
Великая страда окраины

17—18 А бог? По самый лоб закурен,
Уст жаждущих — последний стон!
[Лбов каторжных — последний стон!]

21—22 Не вступится! — Беднее нас он
[Сам в нашей копоти зачах]
И всех отчаяний очаг.

239

Автограф — Буревестницу! — Что как перст в очах, —
13—16 Черный чтец в ночах!
Но не дым. . . . не чад:
То рабы рычат!

21—24 Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил,
Всех, кто рвани не стоит,
В коей заживо сгнил.
Всех, кто роет и строит
[В черном грохоте жил.]

241

Автограф За их корень, гнилой и шаткий,
9—12 С колыбели пошедший косо,
За растерянную повадку
К кошельку, упреждая спросы..

242

Автограф А уходят из этого мира
1—4 С тем же страхом, с каким
Переменяют квартиру.

9—12 И не слишком ли крут
Тот, в жетонах, в медалях, в монетах,
Чьи глаза стерегут
Поощренье, которого нету?

После 12 Круто выпятив грудь
(Свод отличий такого-то года..).
Хорошо б прошмыгнуть
Потихоньку по черному ходу!

244

Автограф В сиром мóроке — две дали:
5—8 Проведи — между!
Точно жизнь мою угнали,
Тáк — вослед гляжу.

9—12 Точно жизнь мою угнали.
Из последних жил,
Полегонечку — в две дали
Истекает жизнь.

Две продольности — и встречный
Гром! железа речь!
После 12 Разве некой поперечной
Посередке лечь?

254

Автограф Вереницею певчих свай
1—4 Телеграфной дорогой вдовьей
Посылаю тебе свой пай
. горечи и любви.

17—20 Пожалейте! . . (В сем хоре — сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Удаляющихся снастей
Эту жалобу Эвридики:
Не гляди. . .

255

Автограф О, если б Ариадны беглый гость!
13—14 О, если б Эвридикино: проститься!

256

Автограф Всё перебрав — и всё отбросив,
1—8 (В особенности — телеграф!)
Дичайшей из разногосиц
(Шпал, оттепелей, . . . трав. . .)

Автограф Певучие как снасти — сваи
После 8 (Всем — проволока! Мне — из жил!)
Я эти струны посылаю,
Чтоб вырвавшийся — связан был!

257

Автограф Не чернокнижница! В белой книге
1—8 Опрометей наострила взгляд.
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Вытоскую — и верну назад!

Через дыхание! (груди сперты,
Веки не видят, вокруг уст — слюда. . .)

Как Самуила из царства мертвых
Выморочу...

261

Автограф
1-я строфа
(в рукописи —
последняя) Порадуйся ж, средь асфodelий и лилий
На этот просторный покрой
Посмертья — о, как бы мы вас ни любили,
Нам нужен, нам нужеѹ покой!

Для тех, источивших последнюю каплю
Елея... (ни зарев, ни рѣн!)
— Чтѹ сердцу, когорого жилы иссякли,
В сей баночке поздних румян?

262

Автограф
3—6 Планетами, приметамн — настольный
Скрывая смысл, чураясь *да* и *нет*,
Он из любой прямой всегда окольный
Крюк выморочит, ибо путь комет —

263

Автограф
1—4 Есть в мире лишние, добавочные,
Не пущенные в оборот.
Немеют перед кажлым лавочником,
Их свалочная яма ждет.

265

Автограф
5—8 А покамест во лжах и в ложах
Не наложничаю, — из жил
Вылезая, как змей из кожи,
Буду петь — последнюю жизнь!

272

Автограф
1—6 Виноградниками рокоца,
Пиччикатами, от скрипача
Убежавшими: ловн! — в ницью
Паганиниевскими «хочу»
Опрокинутыми...

Виноградниками рокоца,
Лихорадочного скрипача
Сарразатами (прорывом шлюз!)
Паганиниевскими: добьюсь!
Опрокинутыми — тс... планет
Взвивом! Вынесет! — Коней! — На-нет...

Автограф
5—12

Речь — самая древняя,
— С пещерной в родстве!
Не вёсны в деревне ведь,
Древняя — в весне!

Монистами вымылась!
И в спину, и в грудь —
Ручьевая жимолость,
Ручьевая ртуть.

Рокочет — и нет у ней
[Любимей игры]
Ревнивей — нужды:
Перстнями, монетами
Зашвыривать в лбы. . .

275

Автограф
1—4

Беженская мостовая!
Целый ад разверстый — под
Опрометями господ. . .
— Время! Я не поспеваю.

17—20

Следования. . . Язык
Высуня. . . — куда? — На дроги!
Суетнейший из владык, —
Время, нам не по дороге!

278

Автограф
9—12

Из сокровищницы подобий
Вот тебе, до конца столетий:
Ты во мне, как в хрустальном гробе
Спишь, во мне, как в кристальном склепе. . .

280

Автограф
1—8

Пядь последняя и крайняя,
Крут — карниз.
В час последнего отчаянья
Не очнись.

Нить — созвездиями тянется.
— О, Тезей! —
В час последнего беспамятства
Не прозрей.

Я — душа твоя: Эгерия:
Света — край.
В час последнего доверия
Не предай.

281

Автограф
21—24

..... Раздвинься!
Складки — савана. Но — взрыв!
Под ударом трагического единства
Взвился занавес, как гриф.

Частоколом тайнописей (сквозь стену
Кто отважится?! Но — взрыв!
Монологи не вынесла Мельпомена!
Рвется занавес, как гриф!

Из последнего шелка тебя, о рана! —
Загораживаю. . . — Взрыв! —
Над разверстыми мо-рями
Взвился занавес, как гриф.

282

Автограф
Перед
1-й строфой
Зачеркнуто

Расплесканную в птичьем свисте, —
Зачем не уберег!
Набросанную щедрой кистью
На полотне дорог. . .

Там, где с души срываю пути,
Семь проводов слились —
Всё я, твоей бессменной смуты
Единственная мысль!

После 16

А молнии! Какой пожар в них!
Град, говорят, — всесвети!
(Ты продвижение льдов полярных,
Ты — извержение Эти!)

Нет, я щедрот таких не стою,
(Дом — тонет, сонмы крыс. . .)
Хранительница бурь, пристрою
И эту. . . Оступись

Мне в душу. — Эмпедоклом в Этну!
В ней, говорят, краснó!
[Так погибать — честнó!]
Сокровища мои — несметны. . .
Друг, опусти письмо!

Автограф Час, когда беспамятством, как смолюю,
13—20 Раны заливают нам любовь
Наглухо. . . Закатной канифолью
Сглаженные струны проводов.

21—24 Все мы школьники и все мы швен. . .
Вещь по имени ее назвав —
Наши белошвейкины трюфели:
Даль вдоль насыпи и гарь в поздрах.

Вот и не было тебя! Впустую
— Птицей — выплеснувшийся рукав. . .
К белому полотнищу вплотную
Грудью и дыханием припав. . .

Автограф Плавь недра, горячи
9—15 Слезами очи!
Атлантский вздох души —
Души — в ночи!

В тот час, душа, мрачи
Сады, где Гебой
Пройдешь. . .

Автограф С глаз — все завесы! Все пуды
13—16 С подошв! Все звезды в пруд!
Час запахов. — В тот час сады
Растут, зрачки растут.

С глаз — все завесы! Знай: гроза —
Душа! Грозы же час —
Час запахов. В тот час глаза
Растут — и царства в нас.

17—20 Уступ? Нет для ноги крутизн!
Счет лжет, не весит вес.
Глаза перерастают жизнь,
Куст обгоняет лес.

Автограф У меня к тебе наклон — слуха:
1—4 С кем ребенок мой в ночь — взмыл?
У меня к тебе наклон — крыл.

8—12 У меня к тебе наклон рек

К устью, лестницы к садам, века
К оку — радуги к слезам, Рока
К розе, розовой — из — всех!
У меня к тебе наклон веж

289

Автограф Из Валтасарова зала зла
1—6 Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мира вражды и дробн
В руки: вот в эти ладони, в обе,

Раковинные — в ладонях сих
Жемчугом — судьбы. — Расти, будь тих.

292

Автограф Минута: мнущая: мнень!
1—4 Не выманишь из роци Муз!
Семидесяти кож змеиных —
Минутностями не смущусь

Шесгидесяти сроков мнимых
Секундностями не смущусь.

Минута: мнущая: мнень!
Так — мимо же! Ключи на дно —
Да будет выброшено ныне ж —
Что завтра б вырвано равно!

295

Автограф Город: Аргусово око
1—8
Тысячью бессонных окон
Вызвездившая земля.

—
Нищеты моей пригорок!
Всех ночей бессонных — небыль.

Звездное богатство — возле.
Под руку плывет — бери!
Оттого что город — звезды
Для глядящего с горы!

296

Автограф От счастливых
Не вошедшее Лиц, [забывших] заспавших всё,
в окончательный Рыцарь, в ивах
текст Прячущий лицо. . .

Эту урну
Охраняй от рук,
Караульный
На посту разлук!

В смертной смете
Час — живи века! —
Станет Летой
Каждая река. . .

Мальчик! Воин!
Щеки — горячей,
Под конвоем
Каменных очей!

297

Автограф
9—12 Где от котлет разогретых, каш
Остывших. . . Нельзя ли дальше,
Душа! Хотя бы в четвертый класс
От этой фатальной фальши?

31—34 А потом, на площадке, в. . . . тишь
Окунувшись, — не так создан
Мир! — на чей-нибудь окрик: — Чего стоишь?
Улыбнуться: — А так. . . звезды. . .

*Не вошедшее
в окончательный
текст* Чем рвать, гнать, распинать, клясть
Поэта — когда же вспомните,
Что ад, чад, третий класс — страсть!
Но не — дамская комната!

299

Автограф
1—5 Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь — и в ключья!
Гомер, ты был слепцом.
Разъединил бы очи

Имеющий —
—————

Есть рифмы в мире сём:
Судеб единобрачье.
Гомер, ты был слепцом.
Разъединил бы зрячий

Очес владетель —

304

Автограф
1—4
(или 5—8)

Как некогда Ева под старой яблоней!
Как будто бы в нежной руке твоей
Четыре сокровищницы ограблены
И обезжемчужено пять морей.

307

Автограф
5—8

Сновидеть: рай Давидов
Зреть, и не ведать цен
Квартирных. . . Стен не видеть!
В постель иду затем.

309

Автограф

Не пожар, не метель —
Полотерова артель. . .

Пугачева артель,
Кумачева метель. . .

Из шалевого,
Из тюлевого
Вышпариваем,
Выкуриваем. . .

Колотеры — молотеры,
Молотеры — полотеры,
Без вас тесно —
Зачем принесло?

310

*Не вошедшее
в окончательный
текст*

Речь наковален и лесопилен,
Палуб и площадей.
Возглас — такой беспощадно-сильный
Скудостью своей.

313

Автограф
18—22

Беспримесным тем вином.
Вином — не по небу женскому!
Каким опалюсь огнем?
Водой огневой крещенскою

Ерданскою — крещена!

314

Автограф
13—16

Шествуй, да выю
Выше держи!
(Только витии
В кости — как во лжи!)

317

Автограф
5—8

Дабы крепче, должно быть, спали,
Нас расклеили, распаяли,
По частям погребли, распяв,
И не знали, что это — сплав. . .

После
4-й строфы

— Ты — не я ли? И я — не ты ли?
Не рассóрили — рассорíли,
Расслоили: магнит, игла —
Расслоившаяся скала.

Сокольники. — Тюнлерийский парк.
Разбили нас — как колоду карт!

324

Автограф
43—48

. . . Котом ученым
Или дубом был он, что ль?
А куда девали стоны
Бешенства? Морскую соль

Шутки? Смены постоянства?
Пушкин — в роли пушкиньянца?

Куда девали бунт
Пушкинский? Издёвка злая:
Пушкин — в роли Николая?

326

Автограф
После 40

. . . где хозяин — Гений.
Тягости Двора —
Шутки — по сравненью
С каторгой пера. . .

Узы и обузы
Сердца и Двора —
Шутки — перед грузом
Птичьего пера.

327

Автограф
14—17

Долгого вздоха
Мускул — степной.
Чертополоха
Мускул стальной.

328

Автограф
9—12

Зван Николаем,
Прожил без книг...
Силюю — бык
[Мстил без улик]

Байрона — хаял,
Пушкина — стриг...

Мертвый Рылеев,
Пушкин в снегу...

Не вошедшее
в окончательный
текст

Мертвый Рылеев
Что — перед ним?

329

17—20 Кого ж это так, оттеснивши народ
Кршенный, таясь, выносили?

Кого ж это так, чередой эполет
Смыкающихся — выносили?

Кого ж это так, за надежной спиной
Жандармской — таясь, выносили?

Кого ж это так, точно воры добро
Награбленное — выносили?
Звончей звонкоту и светлей серебро:
Светлейшего мужа России.

331

Автограф
Не вошедшее
в окончательный
текст

Как мой высокомерный нос —
Дом, без сомнения, на снос,
Как мой несовременный чуб —
Дом, без сомнения, на сруб.

И сад, и нос, и лоб, и дом —
Всё, без сомнения, на слом.

336

Автограф
9—16 (в чер-
новой тетради
входили в 337)

Льдов строже и тверже скал,
Спасибо за то, что стал
— Страстям преградив порог —
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Обиде, нужде, беде,
Быть может — самой себе.

*Последняя
строфа*

Над мертвыми наклонясь,
На дне отглядевших глаз
В глазах, отпустивших — всё.
— Так женщина зрит лицо
Последнего, в ком жила, —
Лицо моего стола.

338

Автограф
5—10

Моейшую из пробоев
Упорства — что дятел в ствол!
Да, был человек присвоен
И сей человек был — стол

Сосновый. . . не мне в обнову
Березу тесал карел!

339

Автограф
10—12

А прочный, во весь мой вес —
Стол: якорь, оплот и грунт —
Стол, стойкий во весь мой бунт?

340

Автограф
Не вошедшее
в окончательный
текст

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною, как тень, как пес,
Спасибо за то, что рос

По надобности — простор
Творящих — локтей и гор
Бумажных. . .

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною в любую даль —
Себя превращал в скрижаль

341

Автограф
1—2 Квиты: вами я обьедена,
А зато вас высею.

9—12 (Дело, в коем все вы гении!
Запиши предание:
«Первый в деле обьедения,
Нищих — обьедания».)

343

Автограф
1—6 Листвой докучая балконам —
Деревья с пугливым наклоном —
Пугливым, а может — бодливым?
Козлиным, бычиным, сохатым —
Наклоном? А может — *отвратом*
От улицы. . .

Не сошедшая
в окончательный
текст строфа
(в черновом
варианте —
вторая) От шин и от спин и от спиц
Колёсных. . . от клеток без птиц.
А если и клетку привесим
С [шеглом] чижом — непременно без песни!

344

Автограф
2-я строфа Быть, по каким камням домой
Брести, нашагивая крупно,
В дом, одинаково не мой,
Хотя бы на стихи был куплен!

4-я строфа В себя, в единоличье чувств.
С кем ни сдружиться — век мой минул! —
Где ни ужиться — ваш есть — спуск! —
Как унижаться — мне *едино*.

5-я строфа Не обольщусь и языком
Родным. — Сивилле или ведьме,
Мне безразлично, на каком
Непонимаемой быть средним

8-я строфа Роднее бывшее всего.
Все привязи с меня, все грузы,
Все связи — как *рукой* сняло
Узорешительницы — Музы.

<i>Начало 10-й строфы</i>	Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, И все земные царства — глина. . .
<i>Не вошедшая в окончательный текст строфы</i>	Так, не дано мне — ничего, В ответ на праздник, мной даваем — Так яблоня — до одного Цветы раздаривает маем!

345

1

<i>Автограф 1—4</i>	Что нужно кусту от меня? Не речи ж: сплошной [недостачи] незадачи Души преткновенного пня?? А прочим он — много богаче!
<i>13—16</i>	Что только тогда не пуста, Когда в ней листвы благостыня. . . Что, полная чаша куста, Желаешь от этой пустыни?
<i>Не вошедшая в окончательный текст строфы</i>	Всё лиственная болтовня Была. . . Проспалась — и ответчу: Что нужно кусту от меня? — Моей человеческой речи.

2

<i>Автограф Не вошедшее в окончательный текст</i>	Несмолчности — точно поэт О чем-то бормочет поэту. . . Но только — настойчивей нет. . . Но только — доходчивей нету. . .
	Несмолчности, и вместе с тем Сохранности — силы и тайны: Певнятности первых поэм, Невнятицы от чрезвычайной В нас мощи. . .

346

<i>Автограф Начало сти- хотворения</i>	Как в первый час — Чтоб был он пуст: Без взгляду глаз, Без визгу уст, Чтоб ливнем мок, Листвой горел. . . Без следу ног, Без следу — тел. . .
--	--

*Не вошедшее
в окончательный
текст*

Без мячиков, летящих в лоб,
Без яблочек, глядящих в рот,
— О, вспомяни Евфрат и Тигр! —
Без детских — и без плотских игр.

Чтоб цвет не сбит, чтоб мох не смят,
Сад, а не стыд пошли мне — сад —
На старость лет моих пошли,
Бог, — и на молодость души!

353

*Автограф
13—20*

Бузины. . .
 Не звени! Не звени!
Без того уж раздражены
Губы зовом твоим напрасным.
Как не жаждать тебя всечасно
Из всех ягод земных — о яд! —
Та, которую *не* едят!

363

*Автограф
5—8*

Слаще ведьмы снадобья,
Слаще сна вдвоем,
Человека — надоба
В старшинстве моем.

Что для Ноя — радуга,
Одиссею — дом,
Человеку — надоба
Человека — в нем.

17—20

И часы б не пробил
— Друг! Христос воскрес!
Эти руки — обе бы
За тебя — на крест!

369

*Автограф
5—8*

Здесь во имя жира
Над живыми — крест.
Есть на теле мира
Язва — всё проест.

Здесь народ — холопом
Черту отдан в рост.
Есть в груди Европы
Язва — в тыщи верст!

Автограф
5—6 Месяц (боже, срази расистов!)
Красных яблок и красных листьев.

Месяц — (скоро уж быть орехам)
— «Тот, что памятен будет чехам».

Место действия — лес богемский:
В день, как к чехам входили немцы.

День и месяц — в сердцах богемских —
«В день, как к чехам входили немцы».

Не вошедшее (Что блеснуло — на повороте?)
в окончательный Через тело мое войдете. . .
текст

Темный рой нечеловечий —
Вышел, выбежал, встал навстречу.

Той лавине тысяченогой
— Вышел — встал поперек дороги.

Сдвинув брови, расставив ноги —
[Наглецам] Господам поперек дороги.

Автограф
1—4 В оны дни, качая качку
— Расти весел! Расти прям!
Скажет первенцу русачка:
— Ш-ш. . . Татарину отдам!

Спят коровки, спят и гуси. . .
— Что кричишь? Не знаешь сам!
По-над всей Святою Русью:
— Ш-ш. . . Татарину отдам!

Автограф
1—2 Сапогом растоптавший право:
Так пожар пожирает траву:

3—4 Небеса обложивши данью:
Так зола засыпает зданья. . .

*Первоначальные
строфы*

Сзади, спереди, слева, справа --
Так пожар пожирает траву.
Пусто, чисто, беда без грани...
Так зола засыпает зданья!

От всего молодого края
— Так вода подмывает сваи —
Что осталось? Пепелище!
Так Чума веселит кладбище.

373

*Автограф
Черновой
вариант
стихотворения*

Что бормочет барабан?
Гунн — самум — чума — буран
Все мы эхом
Вместе в гости будем к чехам.
А военная труба:
Трупы — призраки — гроба. . .

По усопшим городам
Возвещает барабан
Явственнее, чем словами:
Правит нами — правит вами
Вран,
Гень,
Лгун. . .
Гунн!
Гунн!
Гунн!

374

*Автограф
Не вошедшее
в окончательный
текст*

Где ступишь — там засушена
Земля, на сотни лет. . .
Где дунешь — там задушено.
Но духу смерти — нет.

9—12

Пред чешскою крестьянкою
Что думает твой шеф,
Прокатываясь танками
По льду, который — гнев?

Как с чешскою крестьянкою
Справляется твой бог,
Прокатываясь танками
По ржи ее трудов?

Пред чешскою крестьянкою:
Что мнят твои мужи,
[Сам бог ответ держи,]
Прокатываясь танками
По льну ее и ржи?

Пред чешскою крестьянкою
Что чувствует твой хват,
Прокатываясь танками
По ржи ее утрат?

376

Автограф
13—16 Взяли пули и взяли ружья,
Взяли сына и взяли мужа —
Не тужи, что разорены!
Лбы — как львы вооружены

Кто-то свистнет, и край воскреснет...
Пока свист на устах и песня
На устах, а во рту — слюна —
Вся страна — вооружена.

После 16 Всё наземье и всё подземье
Поле гречи и поле зренья.
Поле действия и поле той
Битвы: смерти за край родной!

377

Автограф
После 4 Видел, как губят? Груб —
Ужас: за трупом — труп.
Но на руинах — смех:
Не погибает — чех.

378

Автограф
9—12 Отказываюсь — быть:
Наелась за двоих!
Отказываюсь — жить,
Дыханье затаив!
Отказываюсь — выть
С волками рощ твоих!

Всплеск — и победоносный зов
Из бездны. — Плавный вскок.
Подъемля тело, как улов,
Встает, как сам Поток.

Как Царь меж вздыбленных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
— Я спас его тебе, — убей!
Освободи Любовь!

Что это вдруг — ринулось — нет! —
Это не смерч-вьюга!
То две руки — конному — вслед:
Девушка — без — друга!

Мутная мгла — в прорезь окон.
Новый мне снится сон.

Ночь гонится — а путь таков:
Кровь в жилах сжата.
Сын! Детище моих боков, —
Веди, вожатый!

Мужайся, отрок! — Дух Горы
Один — нас двое.
Здесь только зори да орлы,
Да мы с тобою.

Вихрь! — Боги бы вернулись вспять,
Орлам он страшен. . .
Ввысь, первенец! — За пядью пядь —
Высь *будет* нашей!

На то и сына родила,
Прах дольний гложя —
Чтоб из-под орльего крыла
Мне внял — гром божий!

Черная высь. — Голый отвес.
Маленьких рук — стержни.
Кто это там — точно Зевес
В люльке — орла держит?

Смех — и в ответ — яростный плеск
Крыл — и когтей свёрла.
Кто это вслед — наперерез —
Молнией — в гром орлий?!

Хрип — и громоподобный рёв
Грудь горную рассек.
Как Первенца его воздев,
Встает как сам Набег.

Как Царь меж облачных зыбей
Стоит, сдвигает бровь.
— Я спас его тебе, — убей!
Освободи Любовь!

Что это вдруг — хрустнуло — нет! —
Это не сушь-древу.
То две руки — конному — вслед:
Женщина — без — чрева!

Злая заря — в прорезь окон.
Третий мне снится сон.

384

*Автограф
Не вошедшее
в окончатель-
ный текст
«Посвящения»
и «Послестло-
вия»*

Если б только не холод крайний,
Замыкающий мне уста,
Я бы людям сказала тайну:
Середина любви — пуста.

Та гора *хотела!* Песнь
Брачная — из ямы Лазаревой!
Та гора вопила: — Есмь!
Та гора любить приказывала. . .
Та гора была — миры!
— Господи! Ответа требую!
Горе началось с горы.
И гора и горе — пребыли.

385

*Автограф
Начало
предпоследней
строфы
5-й главы*

У древних. . . — Итак? — Как спрут
Впился. — Либо. . . . — Либо?
— Уедемте!! — Ваш маршрут

У древних. . . — Итак? — Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
— Так едемте! — Ваш маршрут?

У древних. . . — Итак? (Так суд
Идет?)

У древних — Итак? — Как спрут
Впился. — «Либо с мосту, либо. . .»

У древних. — «Итак?» — Как спрут
Впился. — «Собирайтесь, ибо. . .»

У древних... — Итак?? — Не тут, —
Так там! Либо с мосту, либо...

У древних... Итак? «Закрыт
Нам рай, [небеса ревнивы. .] божество ревниво.

У древних... «Итак?» (Лоскут
В руке [заплясал, как рыба] как живая рыба

387

Автограф
Начало «Пове-
сти о том, как
живет и рабо-
тает Черная
лестница»

Короткая ласка
На лестнице тряской —
Лишь одному тесны

Лестницы — в сих слободах Венеры!
В старой Лютеции кошки серы —
— Все — а уста красны.

388

Автограф
Варианты
18-й строфы

Седины? Но что не седо
Сегодня, и кто не сед
Под цветом? Всему, до следу
На глине... (Скромнее нет...)

Седины? Но что — не седо
Сегодня? И кто не сед
Под цветом, летящим с неба?
Весною седого — нет!

Седины? Но яблоня — тоже
Седая: весь мир — в снегу
Цветочном: всей твари божьей
И вражьей — всему, всему...

Седины? Под яблонь снегом
Сегодня и отрок — сед!
Сливаясь с землей и с небом,
Всему, без различья лет...

Да, да, вопреки сединам:
Обидам — беде — уму —
Канавам, колодам, спинам
Над грядкой, всему, всему...

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание впервые объединяет избранные стихотворения, поэмы и драматические произведения Марины Цветаевой, созданные ею на протяжении двух с половиной десятилетий, с 1913 по 1939 г. Составители стремились познакомить читателя с наиболее характерными образцами ее творчества в каждом из поэтических жанров на разных его этапах.

Данное издание включает примерно третью часть дошедшего до нас обширного поэтического наследия Цветаевой, остававшегося до последнего времени почти неизвестным и неизученным.¹ Ее сборники, выходявшие в свет малыми тиражами, давно уже сделались библиографической редкостью, так же как русские дореволюционные и зарубежные периодические издания, в которых печатались отдельные произведения поэта. Книги Цветаевой, вышедшие при ее жизни, дают неполное представление о творческом пути поэта, ибо включают в себя далеко не все написанное ею. Так, например, сборник лирики 1913—1915 гг. «Юношеские стихи» не увидел света; не был полностью опубликован сборник «Версты», объединяющий стихотворения 1917—1920 гг. (в 1921 и 1922 гг. вышла двумя книжками лишь небольшая часть этого сборника). Не удалось Цветаевой выпустить отдельной книгой стихотворения и поэмы 1926—1939 гг. Эмигрантские газеты и журналы неохотно помещали цветасвские стихи на своих страницах, зачастую подвергая их самовольной правке и сокращениям. Многие из них были опубликованы впервые лишь в советской печати и в сборнике «Избранное» (М., Гослитиздат, 1961). Не включались в книги и не выходили отдельными изданиями и драматические произведения поэта, за исключением отрывка из пьесы «Феникс», выпущенного с искажениями под названием «Конец Казановы» в Москве в 1922 г.

¹ За пределами настоящего сборника остаются ранние произведения 1909—1912 гг. и целый раздел поэтического творчества Цветаевой — все стихотворные переводы классиков и современных поэтов с иностранных языков и языков народов СССР на русский и с русского языка на французский (Пушкин, Лермонтов, советская поэзия, песни).

Архив Цветаевой в основной своей части находится в Советском Союзе у дочери поэта, А. С. Эфрон. Он уцелел не весь: в 1937 г. пропали рукописи некоторых ранних произведений, так же как дневники, письма и фотографии, хранившиеся в Москве у сестры поэта, А. И. Цветаевой. Часть архива, доверенного М. Цветаевой перед отъездом на родину друзьям за рубежом (в частности, черновики трех поэм и рукописи некоторых прозаических вещей), погибла во время оккупации Парижа немецкими фашистами. Не обнаружены следы небольшой части архива, переданной Цветаевой в 1941 г., накануне эвакуации, на хранение покойному писателю Б. А. Садовскому, во время войны остававшемуся в Москве. Однако в уцелевшей части архива находятся рукописи почти всех стихотворений 1916—1939 гг., большинства поэм, драматических и некоторых прозаических произведений Цветаевой, привезенных ею в 1939 г. в СССР.¹ Кроме того, в этом архиве имеются черновые тетради стихотворений, поэм, переводов, записные книжки, черновики писем, печатные экземпляры с авторской правкой, книги Цветаевой.

Рукописные материалы московского архива Цветаевой легли в основу подготовки текста и комментариев данного сборника. На основании рукописей была уточнена датировка ряда произведений, исправлены опечатки и восстановлены искаженные тексты; установлены наиболее поздние их редакции, по которым они и печатаются. Цветаева постоянно стремилась к совершенствованию своих уже законченных, зачастую опубликованных вещей. Так, в 1938—1939 гг., перед возвращением на родину, она еще раз подвергла многие из них правке и доработке.

В 1940 г., готовя в Москве к печати сборник лирики, выходу которого помешала война, Цветаева перделала некоторые свои ранние стихотворения. По сохранившемуся предварительному плану сборника 1940 г. (где, в частности, многие стихи образовали новые циклы и были по-новому озаглавлены) в него должны были войти стихотворения 1920—1936 гг. (кончая «Стихами сироте»). Однако впоследствии Цветаева решила представить в нем только избранную лирику 1920—1925 гг. В этом последнем варианте предполагавшаяся книга открывалась стихотворением «Писала я на аспидной доске...» (1920) и завершалась «Молвью» (1924) (стихотворения шли не в хронологическом порядке). Сборник дошел до нас в виде рукописного плана, белой тетради стихов 1920—1922 гг. (кончая стихотворением «На заре...») и невыправленной машинописной копии всего сборника. Первая часть машинописной копии полностью соответствует белой тетради 1920—1922 гг. Все три компонента сборника 1940 г. (предварительный его план со стихами 1920—1936 гг., белая тетрадь и машинопись) приняты во внимание при подготовке текстов настоящего издания.

Тексты печатаются с необходимым учетом особенностей пунк-

¹ В немногочисленных зарубежных хранилищах и частных собраниях остаются, в основном, машинописные и печатные экземпляры цветаевских произведений с авторской правкой; копии отдельных произведений, переписанных поэтом от руки с рукописей, хранящихся в московском архиве; письма.

туации Цветаевой, придававшей особое значение ритму, интонации, различного рода акцентам своей поэтической речи и настаивавшей на строгом их соблюдении. Так, например, большое значение имеет в стихе для его верного ритмического прочтения разбивка слов на слоги посредством тире (в данном издании, для облегчения чтения, тире заменено дефисом). На это Цветаева неоднократно указывала, печатая свои произведения (см., например, авторские примечания к драме «Ариадна» и др.). Можно сказать, что поэту недоставало существующих знаков препинания; в частности, тире несло в ее стихах множество различных функций, помимо привычной функции обозначения прямой речи. Цветаева избегала пользоваться кавычками, конкретизирующими прямую речь, и при помощи тире зачастую обозначала непроницаемый вслух внутренний монолог. См., например, «Поэму Конца», о которой Цветаева писала, что при неверной расстановке тире правильно прочесть поэму невозможно. Очень важны в стихе Цветаевой разного рода акценты на отдельных словах; к примеру: слово, выделенное курсивом, читается более протяжно, чем то же слово, подчеркнутое при помощи ударения: *так* и т.к. «Книга должна быть исполнена читателем, как соната; знаки — ноты. В воле читателя осуществить или исказить», — писала Цветаева.

55 произведений Цветаевой публикуются в настоящем издании впервые: 3—5, 10—14, 16, 21, 22, 75, 80, 85, 91, 93, 96, 99, 101, 103, 110, 111, 113, 116, 119, 134, 135, 144, 146, 157, 159, 160, 163—165, 167, 170, 200, 216, 224, 244, 295, 315, 338, 339, 343, 348, 352, 356, 364—368, 388.

Тексты стихотворений печатаются в настоящем издании, как правило, по следующим источникам:

Юношеские стихи — по машинописному тексту с авторской правкой 1938—1939 гг.

Стихотворения, написанные с 1916 по август 1918 г., — по беловой тетради 1938—1939 гг.

Стихотворения, написанные с сентября 1918 по 1919 г. включительно, — по прижизненным изданиям и публикациям, с учетом правки 1938—1939 гг., встречающейся в беловых рукописях 1918—1919 гг. Публикации в зарубежных периодических изданиях, осуществленные без участия Цветаевой, т. е. до приезда ее за границу (середина мая 1922 г.), как источник текста во внимание не принимаются.

Стихотворения, написанные за время с 1920 по март 1922 г., печатаются по тетради, перебеленной для предполагавшегося в 1940 г. издания; стихотворения, не включенные в него, — по прижизненным публикациям и по тексту сборника «Ремесло», с учетом правки, внесенной в 1938—1939 гг. в беловые рукописи 1920—1922 гг.

Стихотворения, написанные с апреля 1922 г. по 1925 г. (кроме не опубликованных при жизни Цветаевой), — по тексту сборника «После России», с учетом правки, внесенной автором в 1938—1939 гг. в беловые тетради 1922—1925 гг.

Стихотворения 1926—1939 гг. печатаются по беловым тетрадям 1938—1939 гг.

Все случаи отступлений оговариваются в примечаниях.

Произведения, написанные до 1 февраля 1918 г., датированы по старому стилю.

В разделе «Варианты» приведены лишь наиболее существенные и показательные для творческого метода Цветаевой редакции и варианты.

Сокращения, принятые в примечаниях

- АрЦ — Архив Цветаевой. Рукописные тетради, машинописные и печатные тексты с авторской правкой, дневники, записные книжки, письма Цветаевой и к ней. Хранится у дочери Цветаевой, А. С. Эфрон.
- В — Марина Цветаева. Версты. Стихи, М., «Костры», 1921.
- В1 — Марина Цветаева. Версты. Стихи. Выпуск 1, М., 1922.
- ВР — «Воля России». Журнал политики и культуры (Прага).
- Дни — «Дни». Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики, литературы (Берлин — Париж).
- ДП — «День поэзии», М., 1956.
- Избранное — Марина Цветаева. Избранное, М., 1961.
- П — Марина Цветаева. Психея. Романтика. 1923 (Берлин).
- ПН — «Последние новости». Ежедневная газета (Париж).
- ПР — Марина Цветаева. После России. 1922—1925, Париж, 1928.
- Р — Марина Цветаева. Ремесло. Книга стихов, Берлин, 1923.
- РЗ — «Русские записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал (Париж — Шанхай).
- РЛА — сборник «Русский литературный архив», Нью-Йорк, 1956.
- С640 — сборник стихотворений, подготовленный Цветаевой к изданию в 1940 г. (тетрадь с планом сборника и вариантами отдельных стихотворений, рукописная тетрадь стихотворений 1920—1922 гг. и машинописный экземпляр сборника).
- Сев. зап. — «Северные записки». Литературно-политический ежемесячник (Петроград).
- СЗ — «Современные записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, Париж.
- Стихи к Блоку — Марина Цветаева. Стихи к Блоку, Берлин, 1922.
- ТС — «Тарусские странницы». Литературно-художественный иллюстрированный сборник, Калуга, 1961.
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Первые 22 стихотворения вошли в неизданную книгу «Юношеские стихи» (1913—1915).

1. «Литературная Москва», сб. 2, 1956, с. 715. В 1931 г., отвечая на анкету «Что Вы думаете о своем творчестве?», Цветаева процитировала последнюю строфу стихотворения («Числа», Париж, 1931, № 5, с. 288). «Формула — вперед — всей моей писательской (и человеческой) судьбы», — так назвала она впоследствии эти строки (РЛА, с. 211).

2. Сев. зап., 1915, № 5—6, с. 105, где после 4-й строфы следовала еще одна. В марте 1914 г., посылая одному из друзей свои стихи, в том числе «Идешь, на меня похожий...» и «Уж сколько их упало в эту бездну...», Цветаева писала: «...Я совсем не верю в существование бога и загробной жизни. Отсюда — безнадежность, ужас старости и смерти. Полная невозможность природы — молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жажда жить» (ЦГАЛИ).

3, 4. Печ. впервые, по АрЦ.

5. Печ. впервые, по АрЦ. Обращено к М. С. Фельдштейну (1885 (?)—1948), впоследствии мужу В. Я. Эфрон, невестки М. Цветаевой.

6. Дни, 1924, 8 июня.

7. Сев. зап., 1915, № 5—6, с. 104. См. примеч. 2.

8. Сев. зап., 1915, № 1, с. 94, где перед 1-й строфой была еще одна. Печ. по АрЦ. Посвящено мужу Цветаевой, Сергею Яковлевичу Эфрону (1893—1941). *Тучков-четвертый* А. А. (1777—1812) — генерал-майор, погибший в Бородинском сражении.

9. Избранное, с. 35. Посвящено памяти Марии Лукиничны Бернацкой, в замужестве Мейн (1841—1869), бабушке М. Цветаевсой по материнской линии.

10. Печ. впервые, по АрЦ. Посвящено памяти Петра Яковлевича Эфрона (1881—1914).

11—13. Печ. впервые, по АрЦ.

14. Печ. впервые, по АрЦ. Обращено к М. А. Минцу (1886—1917), впоследствии мужу А. И. Цветаевой, сестры М. Цветаевой.

15. Сев. зап., 1916, № 3, с. 53.

16. Печ. впервые, по АрЦ.

17. «Альманах муз», Пг., 1916, с. 169.

18—20. Сев. зап., 1916, № 7—8, с. 5.

21—22. Печ. впервые, по АрЦ.

23. В1, с. 10. Как и два следующих стихотворения, обращено к О. Э. Мандельштаму (1891—1938), с которым Цветаева познакомилась во время поездки в Петербург зимой 1915—1916 г. «Весной 1916 г., — вспоминает она в очерке «История одного посвящения», — я дарила Мандельштаму Москву» (см. также цикл «Стихи о Москве»). В 1923 г. вошло в цикл «Проводы», «названный так не только потому, что проводы сильнее встреч... провожала его

в трудную жизнь поэта» (черновик письма 1931 г., АрЦ). В начале лета 1916 г. Мандельштам гостил в семье Цветаевой в Александровской слободе под Москвой, после чего написал обращенное к Цветаевой стихотворение «Не веря воскресенья чуду...». Встречами с Цветаевой вдохновлены также его стихотворения «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916). Цветаева посвятила Мандельштаму, помимо ряда стихотворений 1916 г., два прозаических произведения: «История одного посвящения», 1931 (Oxford Slavonic Papers, v XI, Oxford, 1964) и незавершенный очерк без названия и без даты (АрЦ).

24. В1, с. 12.

25. «Альманах муз», Пг., 1916, с. 171.

26. В1, с. 46. *Рогожия* — герой романа Ф. М. Достоевского «Идиот».

27. В1, с. 29. В П вошло в цикл «Стихи к дочери».

28. В1, с. 81.

29—37. Весь цикл вошел в В1.

1—4, 6—8. Сев. зап., 1917, № 1, с. 22—29, под общим заглавием: «Стихи о Москве».

5, 9. В1, с. 43, 47. *Ваганьково* — кладбище в Москве. Второе стих. обращено к О. Э. Мандельштаму (см. примеч. 23). *Спасские* — ворота в Кремле. *Пятисоборный ... круг* — площадь в Кремле, на которой находятся соборы Благовещенский, Успенский, Архангельский, Спаса Преображения на Бору и Верхо-Спасский. *Нечаянная Радости в саду* — часовня одной из икон богородицы, находившаяся недалеко от Кремля. *Иверская* — часовня Иверской божьей матери, стоявшая неподалеку от Кремля. *Отвергнутым Петром*. В 1712 г. Петр I перенес столицу из Москвы в Петербург. В тетради 1938 г. под стих. помета: «Никто не отвергал... А ведь как — обиженно и заносчиво — и убедительно! — звучит...» (АрЦ). *Калужскую дорогой*. В детские годы Цветаева проводила лето в городке Тарусе Калужской губернии. О природе этого на всю жизнь полюбившегося ей уголка России она вспоминала и в ряде ранних стихотворений. См. сб. «Вечерний альбом» (1911) и «Волшебный фонарь» (1912), и в поздней лирике («Родина»), и в автобиографической прозе 30-х гг. См., в частности, очерк «Хлыстовки», опубликованный под названием «Кирилловны» в ТС. *Пантелеймон* — имя святого «исцелителя», изображавшегося на иконах в облике отрока. О 9-м стих. М. Цветаева писала в 1934 г.: «Вот одно из моих самых любимых, самых моих стихов. Кстати, ведь могла: славили, могла: вторили (о колоколах. — Ред) — нет — спорили! Оспаривали мою душу, которую получили все и никто (все боги и ни одна церковь!)» (РЛА, с. 216).

38. Газ. «Понедельник», М., 1918, 2 (15) апреля.

39. В1, с. 55. *Восприемник* — крестный отец.

40—50. Цикл создан в 1923 г. и полностью опубликован в П. Отвечая на вопрос корреспондента, какое понятие — *Бдения* или *Бессонницы* — вложено поэтом в ее стихотворения, Цветаева писала: «... Вы говорите...: бдение, как волевое, и бессонница, как страдательное (стихийное)... Люди знают: спать (на то и ночь!), иногда: не спать (голова болит, заботы) — но *бдить*... Бдение как потребность, стихия Бессонницы, пошедшая по руслу бдения... вот мой ответ» (черновик письма 1923 г., АрЦ).

1—5, 7, 8. В1, с. 57—106.

6. Газ. «Понедельник». М., 1918, 6 мая (23 апреля):

9. «Новости дня», М., 1918, 13 апреля.

10. В1, с. 116. В 1938 г. Цветаева упростила 2-ю строфу стих:

Не от свеч — от ламп темнота зажглась:
От бессонных глаз!

11. Р, с. 25. Печ. по Сб40. В Р — посвящение: «Памяти Т. Ф. Скрыбиной — стихи, написанные ей еще при жизни». Бессонница, которой страдала вдова композитора, оказалась одной из примет болезни, оборвавшей ее жизнь. В письме 1922 г. к Б. Л. Пастернаку Цветаева вспоминает: «11 апреля (ст. ст.) 1922 г. — похороны Т. Ф. Скрыбиной. Я была с ней в дружбе 2 года подряд — ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая — вся на деле и в беседе, вне нежности земных примет» (копия в собрании А. Е. Крученых).

51—66. Цикл образован в книге «Стихи к Блоку».

1, 2, 4, 7, 8, 10, 12, 16. Стихи к Блоку, с. 11—37.

3, 6, 9, 11. «Пересвет», № 1, М., 1921, с. 8—11, под заглавием «Из стихов к Блоку».

5. Сев. зап., 1917, № 1, с. 26, в цикле «Стихи о Москве».

В П 1—3, 5 и 9 образовали цикл «Свете тихий».

Цветаева не была лично знакома с Блоком; видела она поэта всего дважды, в 1920 г., в Москве, на его чтениях: 9 мая — в Политехническом музее и 14 мая — во Дворце Искусств. «Я в жизни — волей стиха — пропустила большую встречу с Блоком... сама легкомысленно наколдовала: «и руками не потянусь», — писала она Б. Пастернаку в феврале 1923 г. — И была же секунда... когда я стояла с ним *рядом*, в толпе, плечо с плечом... глядела на впалый висок, на чуть рыжеватые, такие некрасивые (стриженный, больной) — бедные волосы... Стихи в кармане — руку протянуть — не дрогнула. Передала через Алю (дочь М. Ц. — *Ред.*) без адреса, накануне его отъезда» (копия в собрании А. Е. Крученых).

3. Первые строки стих. перефразируют слова молитвы «Свете тихий»: «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...» *Свете тихий — святая славы* — слова из этой же молитвы.

9. В рукописи примечание: «В день, когда взрывались пороховые погреба на Ходынке и падали стекла из Политехнического музея, где читал Блок» (9 мая 1920 г. — *Ред.*).

10. В рукописи под датой — помета: «9-й день». На самом деле — 10-й, т. к. Блок умер 7 августа 1921 г.

11. В рукописи помета: «9-й день». В эти же дни Цветаева писала А. А. Ахматовой: «Смерть Блока я чувствую как вознесение. Человеческую боль свою глотаю. Для него она кончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях» (АрЦ). Спустя три года Цветаева писала: «В лице Блока вся наша человечность оплакивала его... Смерть Блока — громовой удар по сердцу» («Герой труда», ВР, 1925, № 11, с. 46.). *Царство мое не от мира сего* — слова Христа в ответ на вопрос судей, воистину ли он считает себя царем иудейским (Евангелие).

14. В белой рукописи подзаголовок: «Вроде колыбельной». *До трубы* — т. е. до Страшного суда, на который, по библейским преданиям, ангелы «трубным гласом» созовут всех живых и мертвых.

15. В третьей строфе подразумевается эпизод из мифа об Орфее и Эвридике. *Вдоль сонного Гебра Плыла голова*. По преданию, Орфей был растерзан вакханками, бросившими останки его и лиру в реку Гебр (ср. 210).

16. *Обол* (греч.) — мелкая монета. *На утверждение храма*. Имеется в виду евангельская притча о бедной вдове, положившей свою последнюю лепту в сокровищницу Иерусалимского храма.

67—70. В1, с. 75, 77, 84 и 89, в цикле «Стихи к Ахматовой» из 11 стихотворений. Тот же цикл в П, под заглавием «Муза». Новое название дано в 1938 г. Цветаева познакомилась с творчеством А. Ахматовой в 1914 г.; первое стихотворение посвятила ей в 1915 г. (вошло в книгу «Юношеские стихи»). В записной книжке 1917 г. она дает оценку творчеству Ахматовой: «Всё о себе, всё о любви». Да, о себе, о любви — и еще — изумительно — о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах Херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном на Песне Песней, о воздухе, «подарке божьем»... Какой трудный и соблазнительный подарок *поэтам* — Анна Ахматова!» Цветаева переписывалась с Ахматовой в 20-е гг., вплоть до своего отъезда за границу. Встретились они лишь в 1940 г. в Москве.

71. В1, с. 90.

72. В1, с. 91. В 1931 г., приводя это стихотворение в «Истории одного посвящения», Цветаева вспоминает: «Лето 1916 года. Город Александров, Владимирской губернии. Домок на окраине. Перед домом, за лохмами сада, площадь. На ней солдаты учатся — стрельбе... Махали, мы — платками, нам — фуражками. Песенный вой с дымом паровоза ударял в лицо, когда последний вагон давно уже скрылся из глаз» (Oxford Slavonic Papers, v. XI, 1964, p. 121—122).

73. В1, с. 95. В П вошло в цикл «Плащ» из 11 стихотворений.

74. В1, с. 97. В П вошло в цикл «Плащ». *Коринна и Освальд* — герои романа французской писательницы де Сталь (1766—

1817) «Коринна, или Италия». *Пятая запозежь* (библ.): «Чти отца твоего и мать твою». *Веттурино* (итал.) — возница. *Асти* — сорт итальянского вина.

75. Печ. впервые, по АрЦ. В письме 1934 г. Цветаева пишет: «Всю жизнь не связана с церковью, я — не, *внецерковна*, т. е. чувствую себя хорошоazole, в ограде, в притворе, кругом да около, мимо, — и скверно, неуместно — *в*, особенно во время службы... отчуждение, несвойственность...» (АрЦ).

76. Избранное, с. 57. *У того, с которым Иаков стоял в ночи* — т. е. у бога, по библейскому преданию трижды являвшегося патриарху Иакову.

77. В1, с. 107.

78. В1, с. 111.

79. В1, с. 112.

80. Печ. впервые, по АрЦ.

81. В, с. 7. В П вошло в цикл «Мариула».

82. В, с. 8.

83. В, с. 10. В П вошло в цикл «Мариула».

84. Избранное, с. 65.

85. Печ. впервые, по АрЦ.

86—88. «Северные дни», сб. 2, М., 1922, с. 52—54. В записной книжке 1919 г. (АрЦ) читаем: «Персияночка Разина и Ундина. Смерть водою. Обоих любили, обоих бросили. Сон Разина (в моих стихах) — сон рыцаря у Lamotte Fouqué и Жуковского. И оба: и Разин, и Рыцарь должны были погибнуть той же смертью; только Персияночка приходит со всем коварством нелюбящей женщины и Персии «за башмачком», а Ундина со всей преданностью любящей женщины и той Германии, — за поцелуем».

89—91. П, с. 60—63, в цикле «Мариула». Цикл «Гаданье» из 3-х стихотворений образован в 1939 г. «В Трепрудном пер., рядом с нашим домом, гадали на заборе, — 19 мая 1917 г., — вспоминает Цветаева в 1939 г., перебеливая стих. — *Линии* мало — точное слово цыганки, которого я бы никогда в цыганском гадании не употребила... „Но Аллах — мудрее“» (АрЦ). *Талан* — удача. В тетради 1939 г. (АрЦ) к 3-му стихотворению помета: «Переписываю в Париже... 22 года спустя. И — одобряю. Эти стихи, горячо одобрил на каком-то вечере, в Чехии, в 1923 г. ... древний и ученый старичок с зелеными глазами змея, оказавшийся мировым ученым — археологом Кондаковым. Одобрил — за настоящность цыганской речи. — Где же вы так изучили цыган? — О, они мне только гадали...»

92. В, с. 13.

93. Печ. впервые, по АрЦ.

94. В, с. 34. В П вошло в цикл «Иоанн» из четырех стихотворений. В дневнике 1917 г. Цветаева приводит рассказ своей знакомой, которым и было навеяно данное стихотворение: «Когда мне было восемнадцать лет, в меня был безумно влюблен один банкир... Он мне говорил только одно слово: «Живите! Живите!»...» Переписав вслед за этим в дневник стихотворение «Только живите»..., Цветаева продолжает: «Вчерашняя смолянка — Буря, толстый банкир — бог. Что уцелело? Да вот то одно слово, которое банкир говорил институтке и бог в первый день — всему: — Живите «Будь» — единственное слово любви, человеческой и божеской... Что же уцелело? — Всё» (Дни, 1925, 25 декабря).

95. В, с. 14, без заглавия. В П вошло в цикл «Мариула». Заглавие дано в 1939 г.

96. Печ. впервые, по АрЦ.

97. Альм. «Возрождение», М., 1923, № 2, с. 21—22. «Живите!» — см. примеч. 94.

98, 99. Печ. впервые, по АрЦ.

100. П, с. 78, в цикле «Плащ». *Кавалер де Гриз, Манон* — герои романа французского писателя аббата Прево (1697—1763) «Манон Леско».

101—103. Цикл образован в 1939 г.

1, 3. Печ. впервые, по АрЦ.

2. П, с. 80, в цикле «Плащ». *Казанова* — см. примеч. 390. *Лозэн* — герцог Бирон (1753—1793), известный своими любовными похождениями; прошел сложный жизненный путь от придворного до генерала революционной армии. Посланный на усмирение контрреволюционной Ванден, после возвращения был казнен по обвинению в измене. Лозэну посвящена пьеса Цветаевой «Фортуна» (1919). *Антуанетты домино*. Подразумевается страсть к маскарадам королевы Марии-Антуанетты (1755—1793). «Граф» *Калиостро*, он же Джузеппе Балзамо (1743—1795) — знаменитый авантюрист XVIII в. *Плащ цвета времени* — из сказки Ш. Перро (1628—1702) «Ослиная кожа». *За океаном — Лафайет*. Французский военный и политический деятель Лафайет (1757—1834) участвовал в войне за независимость американских колоний от английского владычества. *Согласно сердцу — и Руссо* — *Купались в море детских кружев* — т. е. сами нянчили детей, согласно взглядам французского философа и писателя Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), проповедовавшего отказ от роскоши и «возврат к природе». *Тюильри* — дворец и парк в Париже, в XVIII в. — резиденция французских королей. *Королева-Колибри* — Мария-Антуанетта.

104, 105. В, с. 38—39, без заглавия. Объединены в цикл в 1939 г.

106. В, с. 40. В тетради 1939 г. — помета: «Одни из лучших стихов во всей книге».

107. Избранное, с. 76. В рукописи — помета: «*Настоящая* молитва солдата. Рассказ владимирской няни Нади». В «Истории одного посвящения» (1931) Цветаева вспоминает «восемнадцатилетнюю, крутоскулую, желтолицую, брови углом, глаза как угли», крестьянскую девушку Надю, нянчившую ее дочь и племянника, отмечает своеобразие ее речи, приводит отдельные ее рассказы и выражения.

108. В, с. 41. В рукописи — помета: «Тоже одно из лучших стихов в книге».

109. «Перезвоны», Рига, 1925, № 4, с. 88.

110. Печ. впервые, по АрЦ. О двух дочерях Цветаевой, Ариадне (р. 1912) и Ирине (1917—1920).

111. Печ. впервые, по АрЦ. *Ты — крылом стучавший в эту грудь* — обращение к крылатому Гению, мужскому воплощению Музы у древних. Ср. поэму «На красном коне».

112. В, с. 43.

113. Печ. впервые, по АрЦ.

114. СЗ, 1921, № 7, с. 98. В рукописи помета 1939 г.: «Одни из лучших стихов в книге». В «Истории одного посвящения» (1931) Цветаева пишет: «Сознавала ли я тогда, в 1918 году, что, уподобляя себя самому смиренному (чернозем и белая бумага), я называла — самое великое: недра (чернозем) — и все возможности белого листа? Что я, в полной бесхитростности любящей, уподобляла себя *просто всему?*» (Oxford Slavonic Papers, v. XI, 1964, p. 118).

115. СЗ, 1921, № 8, с. 120. Это стихотворение Цветаева считала одним из лучших своих ранних произведений (помета в тетради 1939 г.).

116. Печ. впервые, по АрЦ.

117. В, с. 45.

118. В, с. 46.

119. Печ. впервые, по АрЦ.

120. СЗ, 1920, № 1, с. 49. Вошло в В. Ср. примеч. 383.

121. В, с. 19.

122. СЗ, 1933, № 52, с. 193. В рукописи — помета: «Фили, 1918 г., 1-го августа, мимо красной церкви, собираю рябник».

123. СЗ, 1921, № 6, с. 74.

124. СЗ, 1921, № 8, с. 126—128. Вошло в П, в цикл «Стихи к дочери».

125. ТС, с. 255. Ср. в поэме-сказке «Царь-Девница»:

Всё печаль свою покоил,
Даже печки не сложил.
Кто избы себе не строил,
Тот земли не заслужил.

126. В, с. 48.

127. «Перезвоны», Рига, № 6, с. 149.

128—131. 1. П, с. 81, в цикле «Плащ». 2—4. СЗ, 1924, с. 171—172, в цикле «Комедьянт» из 15 стихотворений. Новый цикл из 4-х стихотворений образован при подготовке Сб40.

132. СЗ, 1921, № 8, с. 122. Печ. по В, с. 20.

133. СЗ, 1921, № 7, с. 98. Печ. по В, с. 22.

134, 135. Печ. впервые, по рукописи 1918 г.

136. П, с. 80, в цикле «Плащ». Второе стих. Цветаевой, обращенное к Байрону; первое, юношеское, было опубликовано в Сев. зап., 1915, № 1. *Рыдай, Эллада*. Байрон погиб в борьбе за независимость Греции. *Ада* — дочь Байрона.

137. В, с. 49. Печ. по рукописи 1918 г.

138. СЗ, 1921, № 8, с. 123. Печ. по рукописи 1918 г. *Помнишь лисёнка, Сердце спартанца?* Имеется в виду легенда о спартанском мальчике, который скрывал за пазухой лисенка и, не желая выдать себя, вытерпел страшные мучения, так как лисенок стал вгрызаться в его тело.

139. СЗ, 1921, № 8, с. 121. Печ. по рукописи 1918 г.

140—147. В рукописи 1919 г. цикл был озаглавлен «Сонечке Голлидэй» и состоял из 10 стих.; в 1937 г. изменен и дополнен двумя стихотворениями.

1—4. РЗ, 1938, № 3, с. 167—171.

5, 7. Печ. впервые, по рукописи 1919 г.

6. ТС, с. 225. Печ. по рукописи 1919 г.

8. Дни, 1924, 14 декабря.

Голлидэй Софья Евгеньевна (1896—1935) — актриса и чтица, ученица Вахтангова, с которой Цветаева дружила в 1919—1920 гг. Помимо стихотворного цикла, она посвятила С. Е. Голлидэй («Сонечке Голлидэй — Женщине — Актрисе — Цветку — Героине») пьесу «Каменный Ангел» (1919). В 1937 г. Цветаева написала большую прозаическую «Повесть о Сонечке», в которой рассказала о своей дружбе с С. Е. Голлидэй (первая часть опубликована в РЗ, 1938, № 3). Обаяние и своеобразие внешнего облика молодой актрисы: «Ни малейшего женского кокетства... Задор — мальчишки (при предельно женственной, девичьей, девчонческой внешности), лукавство... Существо, а не женщина...» (Рукопись 1937 г., АрЦ) — вдохновили сценические образы цветаевских романтических пьес 1919 г.: роли Розантты в «Фортуне», «Девчонки» в «Приключении», Мэри в незавершенной пьесе без названия, Авроры в «Каменном Ангеле» и Франчески в «Конце Казановы» были написаны для С. Е. Голлидэй.

В своей книге «Театр одного актера» Владимир Яхонтов пишет: «Была в этой студии (2-й студии Художественного театра. — Ред.) Софья Евгеньевна Голлидэй, очаровательная актриса, едва заметная от земли. Л. В. Гольденвейзер на руках выносил ее на сцену в розовеньком платьице с крапинками, усаживал в большое широкое кресло и сам бежал давать занавес. А Сонечка Голлидэй, помолчав минутку, начинала читать монолог Настеньки из «Белых ночей» Достоевского. Это было самое талантливое, самое яркое, что мне приходилось в те годы видеть или слышать во Второй студии... А потом Сонечка исчезла из студии, и никто не мог вернуть ее, даже Константин Сергеевич, который писал ей в Симбирск увещательное письмо... Сонечка Голлидэй очаровала меня в роли Настеньки. Подчиняясь ее обаянию, отбросив сомнения, я сделал попытку воскресить ее образ, ставший зерном Настеньки в моем „Петербург“» (В. Яхонтов, Театр одного актера, М., 1958, с. 206).

1. Как и ряд других стих. цикла, это — лирическая пародия на «жестокие романсы», исполнявшиеся уличными певцами под шарманку и, по воспоминаниям Цветаевой, особенно привлекавшие С. Е. Голлидэй.

3. *Маленькая сигарера!*.. «Испанское женское лицо есть человеческое женское лицо во всех его возможностях страдания и страсти, — писала Цветаева в «Повести о Сонечке». — Только географическая испаночка, не оперная. Уличная испаночка, работница на сигарной фабрике... Недаром я... сгоряча и сразу назвала ее в одном из первых стихов к ней: — Маленькая сигарера!» (АрЦ). Стих., не оконченное в 1919 г., было расширено и завершено в 1937 г.: 1-я строфа была переделана и написаны строфы 2, 3, 4, 7, 8 и 9. В рукописи 1919 г. стих. предшествовала «Посылка к Маленькой сигарере»:

Не ждет, не ждет мой кучер нанятый,
Торопит ветер-господин.
Я принесла тебе для памяти
Еще подарочек один.

5. *Моя маленькая.* «Не ростом, не только ростом — мало ли маленьких! — и маленкость ее была самая обыкновенная — 14-лет-

ней девочки; ее беда и прелесть была в том, что она этой 14-летней девочкой — была: личиком, косами, движениями, причудами (что с взрослой, 20-ти с чем-то, девушки, всё время сбивалась на девочку), что никак ни в чем не могла научиться по-взрослому...» («Повесть о Сонечке», АрЦ).

6. *Два дерева*. Напротив дома № 6 по Борисоглебскому пер. в Москве (ныне ул. Писемского), где жила Цветаева до отъезда за границу, росли два старых тополя.

К концу 1937 г. относится набросок стихотворения, также обращенного к Сонечке:

Были огромные очи:
Очи созвездья Весы.
Разве что Нила короче
Были две черных косы
Ну, а сама — меньше возможного!
Всё, что имелось длины, —
В косы ушло до подножия,
В очи — двойной ширины.

148—149. СЗ, 1921, № 7, с. 99. Печ. по рукописи 1919 г.

150. СЗ, 1921, № 8, с. 125. Печ. по рукописи 1919 г.

151. СЗ, 1921, № 7, с. 95. Печ. по С640. В черновой тетради 1919 г. (АрЦ) следующая запись: «Вчера целый день думала о том — через 100 лет — и писала ему стихи. Стихи написаны — он будет».

152. СЗ, 1921, № 8, с. 129, под названием «Але». Печ. по П, с. 14, где вошло в цикл «Стихи к дочери».

153. СЗ, 1921, № 6, с. 75. Печ. по рукописи 1919 г.

154. П, с. 66, в цикле «Мариула». *Мариула* — имя, упоминаемое в поэме А. С. Пушкина «Цыганы».

155. СЗ, 1921, № 7, с. 94. Печ. по рукописи 1920 г. *Первая* бабка Цветаевой (по отцовской линии) — Екатерина Васильевна Цветаева, жена сельского священника, умершая в возрасте 35 лет; *другая* (по материнской линии) — Мария Лукинична Бернацкая (1841—1869), дворянка польского происхождения. См. стих. 9.

156. Дни, 1924, 8 июня, с опечатками. Печ. по рукописи 1920 г., в которой после 28-й строки зачеркнуто:

Помните, княгиня, перл сей
Вам поручен! — Скрип полозьев...

157. Печ. впервые, по рукописи 1920 г.

158. ТС, 255. Печ. по рукописи 1920 г. Посвящено памяти младшей дочери Цветаевой Ирины Эфрон (1917—1920).

159. Печ. впервые, по рукописи 1920 г. Как и 6 последующих, в тетради 1920 г. входит в большой цикл без названия.

160. Печ. впервые, по рукописи 1920 г.

161. В, с. 25.

162. ПН, 1933, 29 июня.

163—165. Печ. впервые, по рукописи 1920 г.

166. ДП, с. 131. Печ. по С640, который открывается этим стих. Посвящено мужу Цветаевой Сергею Яковлевичу Эфрону (1893—1941). *Внутри кольца*. На внутренней стороне обручального кольца жены гравировалось имя мужа и дата свадьбы. Готовя к изданию С640, Цветаева переделывала вторую строфу. Сохранилось более 40 ее вариантов. После 10 страниц вариантов в черновой тетради следует запись: «NB: Весь день искала одну строку, и наконец, уже уходя — само:

И на стволах, которым сотни зим...

Хорошо! ибо зима передает старость. А м. б. все-таки лучше первое: «И на стволах сгорающих рябин»? Только боюсь, что «сгорающих» отнесут к *стволам*, тогда как у меня: *ствол сгорающей рябины*» (АрЦ).

167. Печ. впервые, по С640.

168. В, с. 50.

169. СЗ, 1921, № 7, с. 103. Печ. по рукописи 1920 г.

170. Печ. впервые, по рукописи 1920 г. *Марина* (Marina) (лат.) — морская. В юности Цветаева написала на эту тему стихотворение «Душа и имя» («Волшебный фонарь», М., 1912, с. 115). См. также стих. 172.

171. СЗ, 1921, № 7, с. 97. Печ. по рукописи 1920 г.

172—173. «Студенческие годы», Прага, 1924, № 1 (12), с. 9—10, в цикле «Песенки». Печ. по С640. Оба стих. — песни, вложенные автором в уста юноши рыбака, героя пьесы «Ученик», рукопись которой не сохранилась.

174. Избранное, с. 119. Печ. по рукописи 1920 г. Стих. написано во время работы над 6-й главой «Царь-Девицы» и сюжетно с ней перекликается.

175. В, с. 27.

176. «Перезвоны», Рига, 1925, № 7—8, с. 193.

177. В, с. 52.

178. В, с. 53.

179. СЗ, 1932, № 50, с. 234. Печ. по рукописи 1932 г. с правкой 1938—1939 гг. *Роланд* (ум. 778) — рыцарь Карла Великого, герой французского эпоса; по преданию, погибая в неравной борьбе с сарацинами, Роланд затрубил в рог, Карл его услышал и отомстил врагам.

180—186. Альм. «Свиток», М., 1922, с. 17—21. Вошло в Р и П. Готовя для издания Сб40, Цветаева объединила 1, 2, 5 и 6 стих. в новый цикл «Леонардо» (печ. по Сб40); 3, 4 и 7 печ. по П, с. 98—101. Эпиграф: «Есть некий час...» — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение». Цикл «Ученик» посвящен С. М. Волконскому (1860—1937), внуку декабриста, писателю и театральному деятелю. В 1924 г. Цветаева опубликовала в журн. «Записки наблюдателя» (Прага, кн. 1) очерк о книге Волконского «Родина» («Кедр. Апология»).

187. Р, с. 18, без заглавия. Печ. по Сб40.

188—193. «Разлука», Москва — Берлин, 1922, с. 11—18; 5-е стих. без 2, 3 и 4-й строф; 1, 2, 5 и 6-е печ. по Сб40; не включенные в этот сборник 3 и 4-е — по Р, с. 33—34, где цикл дан полностью.

194—197. «Эпопея», Москва — Берлин, 1922, № 2, с. 7—10. 1, 3, 4-е печ. по Сб40, где составили цикл «Отрок»; 2-е в Сб40 не вошло. Печ. по Р, с. 60, где цикл дан полностью, с посвящением Геликону. *Геликон* — А. Г. Вишняк, владелец издательства «Геликон», погиб в Освенциме во время второй мировой войны. *Тревожа сон Давидов*, *Захлебывался царь Саул*. По библ. преданию, Саул, мучимый ревностью к славе Давида, помазанного на царство вместо него, стал жестоко его преследовать. *Агарь* (библ.) — рабыня патриарха Авраама, родившая ему сына Измаила. По настоянию жены Авраама была с сыном изгнана и поселилась в Аравийской пустыне. *Потир* — чаша для «святых даров».

198. Р, с. 63, без названия. Печ. по Сб40.

199. Р, с. 65. По свидетельству П. Г. Антокольского, Цветаева была знакома с Маяковским уже зимой 1918 г. (см.: «В Маяковский в воспоминаниях современников», М., 1963, с. 148 и 150). История возникновения стих. такова: в начале сентября 1921 г. среди литераторов Москвы прошел ложный слух о смерти Ахматовой. В письме к последней от 13 сентября 1921 г. (черновик в АрЦ) Цветаева рассказывает: «Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимее. Ска-

жу Вам, что единственным — с моего ведома — Вашим другом (друг — действие!), среди поэтов, оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу Кафе Поэтов. *Убитый горем* — у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и *ему* я обязана радостью известия о Вас...» В 1923 г., просматривая черновую тетрадь 1921 г., Цветаева пишет под стихотворением «Маяковскому»: «В благодарности за Ахматову». В тетради 1939 г. находим посвящение: «Владимиру Маяковскому, единственному из московских поэтов, обеспокоившемуся проверить мнимую смерть Ахматовой». По свидетельству Б. Л. Пастернака (письмо 1922 г., АрЦ), Маяковский весьма положительно отзывался о книге Цветаевой «Версты». Цветаева высоко ценила творчество Маяковского и не только чувствовала и понимала революционную его сущность, но и защищала в печати и в публичных выступлениях «первого в мире поэта масс» от нападков белоэмигрантов. Она встречалась с Маяковским во время его приезда в Париж осенью 1928 г. и подарила ему свою книгу «После России». Письмо Цветаевой к Маяковскому от 3 декабря 1928 г. было помещено им самим среди материалов его выставки «20 лет работы» в феврале 1930 г. В последний приезд Маяковского во Францию весной 1929 г. Цветаева виделась с ним на одном из его чтений. На смерть Маяковского Цветаева откликнулась циклом стихотворений «Маяковскому» (1930). Подробно о поэзии Маяковского она говорит в критическом очерке «Эпос и лирика современной России» (1932).

200. Печ. впервые, по рукописи 1921 г.

201. Р, с. 74, без заглавия. Печ. по Сб40. *Семь... шкур*. По народному поверью, весной змея сбрасывает шесть шкур, оставаясь в седьмой, новой.

202—205. Печ. по Сб40.

1, 2 и 3. «Сполохи», Берлин, 1922, № 10, с. 2.

4. Р, с. 78, где оно со 2-м и 3-м стих. составило цикл «Хвала Афродите», а 1-е опубликовано вне цикла. *Нежная стая*. Один из символов богини любви Афродиты — голубь. *Пояс, мирт* — атрибуты Афродиты.

206. Р, с. 80.

207—208. Р, с. 81 и 83, вне цикла. Печ. по Сб40.

209. Р, с. 82. Печ. по Сб40.

210. Р, с. 85, без заглавия. Печ. по Сб40. *Голова и лира*. См. примеч. 65. *К острову тому*. Подразумевается остров Лесбос, родина древнегреческих поэтов Алкея и Сафо.

211. Избранное, с. 140. Печ. по рукописи 1921 г.

212. Р, с. 92, без заглавия. Печ. по Сб40. Тема стихотворения — евангельская легенда, по которой архангел Гавриил принес

деве Марии «благую весть» о том, что она будет матерью Христа. Приступая к работе над стихотворением, Цветаева записывает: «*Линия Благовещения: Взгляд. Она: раскрытые глаза, ожидание. . . Он хочет сказать, подымает глаза — остолбеневаает — она от взгляда потупляется, он сказал, она ничего не слышала. Линия движения: при виде его она встает с колен, он преклоняется. — Встреча глаз. — Она — ниц, — он — уже вестник — встает*» (АрЦ). *Меж жен Благословенна ты!* — слова, с которыми, по Евангелию, Гавриил обратился к деве Марии.

213. Р, с. 107.

214. Р, с. 139, в цикле «Сугробы», посвященном И. Эренбургу.

215. Р, с. 121, без заглавия. Печ. по Сб40. *Див* — зловещая птица в «Слове о полку Игореве».

216. Печ. впервые, по тетради 1922 г.

217. ПР, с. 8.

218—222. ПР, с. 8—10, 14—17, 19, 20; все стихотворения вне цикла.

Цикл — Сб40. *Горсточке красной глины* — здесь: плоти человеческой (по библ. легенде, из красной глины бог сделал Адама).

223. ПР, с. 14. *Вызолоченной, седьмой*. См. примеч. 201.

224. Печ. впервые, по рукописи 1922 г. *Логос* (греч.) — слово.

225—226. ВР, 1926, № 5, с. 29—33. Вошло в ПР. Известна легенда о том, как полюбивший Сивиллу Аполлон (Феб), по ее просьбе, даровал ей вечную жизнь, при условии, что она навсегда покинет свою родину. Сивилла поселилась в Кумах и сделалась самой прославленной пророчицей древности. Этот сюжет (использованный Овидием в его «Метаморфозах», гл. 14) Цветаева хотела развить в большом произведении. О замысле она пишет: «С И-В И Л Л А (когда-нибудь!). Сивилла, когда-то любимица Феба, забыла испросить у него вечную молодость. И вот — стареет. Любовь к Фебу пребыла, Сивилла — голос Феба. . . Сивилла давно не слышит людей. . . Встреча Сивиллы с сыном Феба, *их узнавание*. Сын Феба не видит Сивиллы, он только слышит ее голос: это говорит скала! Но по мере его возгласов голос Сивиллы (вечный!) нежнее: это говорит трава! это говорит ручей! Юноша влюбляется, хочет видеть, настаивает, наконец врывается в пещеру и разбивает себе грудь о скалу (Сивиллу). Сивилла над телом юноши» (АрЦ). В трактовке Цветаевой Сивилла превращена в саму пещеру, в которой совершаются «тайнства» прорицания (*тело твое — пещера голоса твоего*).

227. Альм. «Струги», кн. 1, Берлин, 1923, с. 17, под названием «Река». Вошло в ПР. Печ. по Сб40. *В гордый час трубы* — т. е. в день Страшного суда. *Скорбит Об упавшем ввысь. . . Давид*. Сын

царя Давида Авессалом (библ.), поднявший восстание против отца, погиб трагической смертью: повиснув на ветвях дуба между небом и землей, спасавшийся от своих преследователей, Авессалом был настигнут ими и убит. Давид горько оплакивал сына.

228—236. ВР, 1926, № 5, с. 34—36; № 8—9, с. 22—26. Цикл вошел в ПР и в Сб40. В рукописи 9-е стих. имеет заглавие «Листья». Анна Антоновна Тескова (1872—1954) — чешская общественная деятельница, уроженка Петербурга. Цветаева познакомилась с ней в 1923 г. в Праге. Дружеские их отношения поддерживались и после отъезда Цветаевой во Францию в 1925 г. Переписывались они вплоть до возвращения Цветаевой на родину. См. также примеч. 296 и к «Стихам к Чехии». *Авессалом* — см. примеч. 227. *Саул за Давидом* — см. примеч. 194. Царь *Саул* погиб в битве с филистимлянами, на стороне которых был *Давид*, не знавший, однако, об их нападении на израильтян и в нем не участвовавший. *Скала* — здесь: гамма оттенков.

237. Полностью печ. впервые, по рукописи 1922 г. Первые 2 строфы — ТС, с. 257. В архиве Цветаевой сохранилась следующая запись: «Я слишком молода, чтобы из самолюбия утверждать, что — это (седые волосы. — *Ред.*) мне нравится; я им действительно рада, как доказательству, что какие-то силы во мне тайно работают — не старость, конечно! — а может быть, мои — без усталости — работающие голова и сердце, вся эта моя страстная, скрытая под беззаботной оболочкой, творческая жизнь, — как доказательству того, что и на такое железное здоровье, как мое, нашлись железные законы духа» (июль 1919).

238—239. ВР, 1924, № 11—12, с. 27. Вошло в ПР и Сб40. *В надышанную сирость чайной*. Готовя стих. к печати в декабре 1923 г., Цветаева заметила: «В строчке «В надышанную сирость чайной» непременно вместо *сирость* напечатают *сырость*, а это вздор» (АрЦ).

240. ПР, с. 42, без заглавия. Печ. по Сб40. *Голубь голый и светлый, Не живущий четой*. Голубь — символ духовного начала; здесь: антипод «голубя, живущего четой» — символа земной любви, одного из атрибутов Венеры. *Соломоновы пеплы Над великой тщетою*. Библейский царь Соломон, прославлявший земные радости, к старости уверился в тщете всего земного. См. примеч. 292.

241. «Своими путями», Прага, 1925, № 3—4, с. 2. Вошло в ПР. В стихотворении выражены мысли, неоднократно высказывавшиеся Цветаевой в ее заметках и дневниках. Так, в «Отрывках из книги «Земные приметы» находим ироническую запись: «Обожаю богатых. Богатство — нимб. Кроме того, от них никогда ничего не ждешь хорошего, как от царей, потому просто разумное слово на их устах — откровение, просто человеческое чувство — героизм. Богатство все утысачеряет (*резонанс нуля!*). Думал — мешок с деньгами, нет — человек... Кроме того, клянусь и утверждаю, богатые добры (так как им это ничего не стоит) и красивы (так

как хорошо одеваются)» (ВР, 1924, № 1—2, с. 100). «Я могу любоваться только рукой, отдающей последнее, следовательно: я никогда не могу быть благодарной богатым... Бедный, когда дает, говорит: «Прости за малость». Смущение бедного от «больше не могу». Богатый, когда дает, ничего не говорит. Смущение богатого от «больше не хочу»... Дар нищего (кровный, последний!) безличен. «Бог дает». Дар богатого (излишек, почти отброс) имеет имя, отчество, фамилию, чин, звание, род, день, час, число. И — память. Дала правая, а помнят обе. Нищий, подав из руки в руку, забыл. Богатый, выславший через прислугу, помнит. И, если вдуматься, понятно: некий оправдательный материал для Страшного суда. — Гадательный материал («О благодарности». Отрывок из дневника 1919 г. «Благонамеренный», Брюссель, 1926, № 1, с. 124—125). Как верблюды в иглу пролезли. Имеются в виду слова Христа: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное» (Евангелие от Марка, 10—25).

242. ПР, с. 43. *Тот, в монистах* — швейцар доходного дома, увенчанный медалями.

243. «Окно», Париж, 1923, № 2, с. 19. Вошло в ПР. *Сорок человек И восемь лошадей* — норма загрузки, обозначавшаяся на стенках товарных вагонов.

244. Печ. впервые, по рукописи 1922 г.

245. ПР, с. 50. Печ. с восстановлением по белой тетради 1923 г. 4-й строфы, выпавшей из текста ПР. *Метастазио* (1698—1782) — итальянский поэт, автор трагедий и кантат.

246. ПР, с. 52. Включено в С640. *Хвалынь* — древнее название Каспийского моря. *Скиния* — у древних евреев походный храм в виде шатра.

247—249. Дни, 1925, 22 ноября. Вошло в ПР. В первой публикации 3-го стих. подзаголовок: «Заключенье» *Иштар* — богиня земли у древних вавилонян. *Руда* — кровь.

250. «Записки наблюдателя», Прага, 1924, кн. 1, с. 15, под заглавием «Встреча» — в цикле «Гамлет» из трех стихотворений. Вошло в ПР. *Над ручьёвой хроникой*. Обезумевшая Офелия утонула в потоке.

251. «Записки наблюдателя», Прага, 1924, кн. 1, с. 16, в цикле «Гамлет». Вошло в ПР и С640. *Тяжёле виновная — Федра*. См. примеч. 252—253.

252—253. «Записки наблюдателя», Прага, 1924, кн. 1, с. 18—20. Вошло в ПР и С640. *Федра* — супруга царя Тезея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита. Цветаева написала на этот сюжет трагедию «Федра» (1927). *Геркуланум* — город в древней Италии,

погибший от извержения Везувия в 79 г. н. э. *Пеплум* (лат.) — накидка, плащ. *Гарпия* (миф.) — крылатое чудовище, символ возмездия. *Стилос* — орудие письма у древних: металлический грифель, которым писали на восковых дощечках.

254—260. Все стих., кроме 6-го, — ПР, с. 65—72, в цикле из 10 стихотворений, который вошел в С640. 6-е — «Московские поэты», Великий Устюг, 1924, с. 36. Цикл «Провода», как и ряд стихотворений, вошедших в сборник «После России», вдохновлен перепиской с Б. Л. Пастернаком, начавшейся в июне 1922 г., вскоре после отъезда Цветаевой за границу, и продолжавшейся многие годы. В черновой тетради под 4-м стих. помета, потом вошедшая в письмо к Б. Л. Пастернаку: «Стихи — следы, по коням я иду в Вашу душу. Но Ваша душа удаляется, и я, раздосадованная, опережаю, делаю прыжок, вслепую, на авось, и потом, обмирая, жду: туда ли свернет?» *Прозорливица — Самуила*. По библ. легенде, вызванный волшебницей дух умершего пророка Самуила предсказал царю Саулу поражение в борьбе с филистимлянами и гибель. *Цари* — здесь: зажигающиеся в небе звезды отождествляются с царями-волхвами, по библейскому преданию пришедшими с богатыми дарами поклониться новорожденному Иисусу, путь к которому указывала загоревшаяся в небе звезда. *Были слезы — большие глаз*. В «Повести о Сонечке» Цветаева рассказывает историю возникновения этой строки. «Однажды она (С. Е. Голлидэй. — *Ред.*), рассказывая мне о какой-то своей обиде: — О, Марина! И у меня были такие большие слезы — *крупнее* глаз! — А вы знаете, Сонечка, я когда-нибудь это у вас украду в стихи, потому что это совершенно замечательно — по точности... Эти стихи написаны и посланы Борису Пастернаку, но автор и адресат их — Сонечка» (АрЦ).

261. ПР, с. 63. Вошло с С640. *С бессмертья змеиным укусом*. Эвридика погибла от укуса змеи. *Не надо Орфею сходить к Эвридике*. В 1926 г. Цветаева писала Пастернаку: «Я бы Орфею сумела внушить: не оглядывайся!оборот Орфея — дело рук Эвридики. («Рук» — через весь коридор Аида!)оборот Орфея — либо слезость ее любви, невладеение ею (скорей! скорей!) либо... приказ обернуться и потерять. Все, что в тебе еще любила последняя память, тень тела, какой-то мысок сердца, еще не тронутый ядом бессмертия.

С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть!

Все, что еще отзывалось в ней на ее женское имя, шло за ним; она не могла не идти, хотя, может быть, уже не хотела идти» (черновик письма, АрЦ).

262—264. Дни, 1924, 17 августа, под заглавием «Поэты». Вошло в ПР. Печ. по С640. *Лепрозоримов крап* — пятна проказы: По библейскому преданию, бог, желая испытать веру патриарха *Иова*, отнял у него семью, имущество и поразил его проказой.

265. ПР, с. 75. В сентябре 1922 г. Цветаева приехала из Берлина в Прагу и непродолжительное время жила там. Первым знакомством с фабричной окраиной капиталистического города и вдохновлена «Поэма заставы», так же как стихотворения «Заводские», «Спаси, господи, дым!..».

266. ПР, с. 82.

267—269. ПР, с. 83—84. Вошло в С640. *Иродиада* (библ.) — жена иудейского царя Ирода, научившая дочь свою Саломею потребовать у него в награду за пляску голову Иоанна Крестителя. *Иерихонские трубы*. По библейской легенде, крепостные стены города Иерихона разрушились от звука труб осаждавшей его армии. *Пророк оправдан... Шествие морем Черным*. При исходе из Египта (библ.) иудеи, преследуемые войсками египетского фараона, возроптали на своего предводителя, пророка Моисея, но тот спас их, посуху переведя через *Черное* (Красное) море, чем возвратил себе их доверие. *Юдифь — Голову Олоферна*. Юдифь (библ.), пленив вражеского полководца Олоферна, воспользовавшись его сном, отрубила ему голову и таким образом помогла иудеям одержать победу над войсками Навуходоносора, лишившимися предводителя.

270—271. ПР, с. 84. Вошло в С640. *Велик Бог — посему крутятся*. Намек на библ. легенду о том, как царь Давид, празднуя перенесение святыни своего народа, «ковчега откровения», из Ваала в Сион, плясал перед ковчегом.

272—273. ПР, с. 86. Вошло в С640. В тетради 1923 г. — следующая запись Цветаевой, предваряющая цикл «Ручьи»: «Весну этого года я увидела черной, в темноте, скорей услышала, чем увидела, — в шуме разливающегося ключа, поздно вечером, когда уже ничего не видно... Шум надувающихся и проносящихся ручьев. — Этого слова я искала вчера, проходя темным вечером по деревне. Черный остов церкви, запах березового лыка (размоченных ливнями плетней), под ногами вязь, грязь, — и справа и слева, вдогон и в обгон — шум надувающихся, торопящихся, проносящихся ручьев...» (АрЦ). *Нераскаянный скрипач* — великий итальянский скрипач Паганини (1784—1840), враждовавший с церковью; он умер «без покаяния», и католическое духовенство не дало разрешения на его погребение. *Piccicato* (пиччикато) — игра на смычковом инструменте при помощи щипков. *Страдивариус* — скрипка, по имени знаменитого скрипичного мастера Страдивариуса (1644—1737). *Дзингара* — цыганское имя.

274. ПР, с. 87. В рукописи озаглавлено «Занавес», подзаголовок «(Вдох и выдох)». *Вдовой индусскою В жерло златоустое*. По древнеиндийскому обычаю, вдова бросалась в костер, на котором сжигали прах ее мужа. В черновой тетради 1923 г. — запись, датированная февралем: «Хочу написать ОКНО (за кисеей)... Окно: синь. Просвет в горе. — Раскрываю окно: гора. Или облако?» 5 мая 1923 г. запись в этой же тетради: «Дать вброшенную занавеску. Вдох и выдох» (АрЦ).

275. Дни, 1926, 2 апреля. Вошло в ПР. *Аренская* (Завадская) *Вера Александровна* (1895 (?) — 1930) — гимназическая подруга Цветаевой; дружба их возобновилась в 1925—1928 гг. в Париже. См. примеч. к пьесе «Метель».

276. «Записки наблюдателя», кн. 1, Прага, 1924, с. 17, в цикле «Гамлет». Вошло в ПР и в С640. *На дне она, где ил. Офелия*, героиня трагедии Шекспира «Гамлет», утонула в потоке. *Но я ее любил, Как сорок тысяч братьев...* — слова Гамлета из V акта трагедии Шекспира «Гамлет».

277. ПР, с. 93.

278. ПР, с. 94. Вошло в С640. *Эмпедокл* (V в. до н. э.) — греческий философ и врач; по преданию, бросился в кратер вулкана *Этны*, желая, чтобы соотечественники, не найдя его останков, решили, что он живым вознесся на небо.

279. ПР, с. 95, без заглавия. В рукописи озаглавлено «Офелия». Печ. по С640. *Рута* — душистое растение, горько-пряное на вкус; в трагедии Шекспира «Гамлет» утратившая рассудок Офелия, раздавая всем цветы, оставляет себе руту как символ скорбного воспоминания.

280. ПР, с. 96 *Уrania* — муза астрономии у древних.

281. «Русский современник», 1924, кн. 3, с. 43. Вошло в ПР. Печ. по С640.

282. ПР, с. 98. Вошло в С640. В ПР ошибочная датировка: 30 июня. Исправлена по рукописи. Это стихотворение, как и следующее, обращено к Б. Л. Пастернаку.

283. «Русский современник», 1924, кн. 3, с. 44. Вошло в ПР и в С640. Две заключительные строки стихотворения были написаны первыми и относятся к 17 июня 1923 г., когда Цветаева работала над стих. «Расщелина», с которым «Сахара» внутренне перекликается.

284. ПР, с. 100. Печ. по С640. *Пушкинское: сколько их, куда их Гонит!* (*Миновало — не поют!*) Ассоциация со строками стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» (1830) и А. А. Блока «На железной дороге» (1910), с которым тематически перекликаются «Рельсы». *Женою Лота... столбы*. Жена Лота (библ.) заслушание была превращена в соляной столб. *Сафо* — древнегреческая поэтесса (конец VII — начало VI в. до н. э.), по преданию покончила с собой из-за любви к юноше Фаону.

285—287. Дни, 1926, 7 марта. Вошло в ПР и С640. *Дщерь Египетская*. По библ. легенде, младенец Моисей, будущий пророк, был найден в тростниковой корзине на берегу Нила дочерью египетского

фараона, усыновившей и вырастившей его. *Струны Давидовой сквозь сны Сауловы*. По библ. преданию, юный Давид своей прекрасной игрой на гуслях разгонял тоску царя Саула, от которого в эти мгновения отступал «злой дух».

288. ПР, с. 105. Вошло в С640. В черновике письма 1923 г. стихотворению посвящены строки: «Это не пустой подбор сравнений, это — из книги подобию: а эта книга — Жизнь!.. От наклона до на коленях — меньше чем шаг даже. На коленях: это ведь довершенный наклон — мать перед спящим сыном, к которому сначала клонилась, — до — клонилась, т. е. — молится... Наклоняться можно и ввысь (раз земля — шар!)» (АрЦ).

289. ПР, с. 106. Вошло в С640.

290. ПР, с. 107. Вошло в С640. Печ. с учетом правки 1939 г. в тетради 1923 г.

291. ПР, с. 108. Вошло в С640.

292. ПР, с. 109. Вошло в С640. «И сие пройдет». По преданию, на перстне библейского царя Соломона было написано: «И это пройдет».

293. ПР, с. 114. В черновой рукописи озаглавлено: «Застава»; в белой: «Отрывок из „Заставы“». Дата исправлена по рукописи.

294. ПР, с. 115.

295. Печ. впервые, по рукописи 1923 г.

296. ПР, с. 121. Вошло в С640. В рукописи озаглавлено: «Рыцарь на мосту». В стихотворении говорится о статуе легендарного чешского рыцаря Брунсвика, установленной в Праге, над Влтавой, у Карлова моста. В тот же день, когда было создано стихотворение, Цветаева писала: «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела... он очень молод: каменный мальчик» («Мосты», кн. 6, Мюнхен, 1961, с. 335). В 1925 г. Цветаева писала А. А. Тесковой: «Очень хотелось бы узнать происхождение: приблизительное время и символ — того пражского рыцаря на — вернее — под Карловым мостом — мальчика, сторожащего реку. Для меня он — символ верности (себе! не другим!). И до страсти хотелось бы изображение его (где достать? нигде нет!) — гравюру на память. Расскажите мне о нем все, что знаете. Это не женщина, и спросить можно: «Сколько тебе лет?» Ах, какую чудесную повесть можно было бы написать — на фоне Праги!» (Československa Rusistika, VII, Praha, 1962, с. 52). В 1939 г., во время фашистской оккупации Чехословакии, Цветаева снова просила Тескову прислать ей исторические сведения о Брунсвике, собираясь по-новому осветить тему этого эпического героя чешского народа. Замысел остался неосуществленным.

297. ПР, с. 123, под заглавием «Поезд жизни». Печ. по С640.

298. ТС, с. 258. Печ. по рукописи 1923 г.

299—301. СЗ, 1925, № 23, с. 209—211; вошло в ПР. В черновой рукописи — посвящение: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении — Борису Пастернаку» (АрЦ). Включая цикл в С640, Цветаева колебалась между названиями «Двое» и «Пара» и выбрала первое из них. *Не суждено, чтобы сильный с сильным.* В очерке «Наталья Гончарова» (1929) Цветаева писала: «Есть пары разрозненные, почти разорванные. Зигфрид, не узнавший Брунгильды, Пенфезилея, не узнавшая Ахилла, где рок в недоразумении, хотя бы в роковом. Пары — все же» (ВР, 1929, № 5—6, с. 63). *Зигфрид с Брунгильдой.* Подразумеваются события, вошедшие в «Кольцо Нибелунгов» (1853—1874) — поэтическую и музыкальную обработку композитором Р. Вагнером немецкого эпоса: королевич Зигфрид, некогда любивший отважную и гордую Брунгильду, но разлученный с нею и забывший ее при помощи волшебного напитка, помогает королю Гюнтеру жениться на Брунгильде и укрощает ее. *Сын Фетиды С дочерью Аресовой: Ахиллес с Пенфезилеей.* Ахилл (Ахиллес), сын морской богини Фетиды, во время Троянской войны вступил в бой с царицей амазонок Пенфезилеей, дочерью бога войны Марса; сняв шлем с убитой им Пенфезилеи, Ахилл был поражен ее красотой и почувствовал, что им овладела любовь к погибшей.

302. ПР, с. 132.

303. ПР, с. 134. *Морены* — скопления обломков горных пород, переносимых ледниками.

304. ПР, с. 133, без заглавия. Печ. по С640.

305. ПН, 1925, 17 декабря; вошло в ПР и С640. *Каррара* — место в Италии, где добывается белый мрамор. *Лилит* — по до-библейскому преданию, первая жена Адама, мать злых духов.

306—307. ПР, с. 136—138. «Есть особая порода снов, я бы сказала — максимум дозволенной во сне — жизни... Не сон о человеке, а сам он... Ог сна — только закрытые глаза. Есть и другое — отвесный полет вниз (непрерывность падения). Падаешь — и не кончаешь, и знаешь, что не кончишь, не до-упадеешь — и поселяешься в падении... Особенность и отличие: мне не снится, что я лечу: я — лечу! Сон — предлог, я бы сказала — законный предлог, не больше... Я не сновидящий, у меня — *зоркий сон.* И сны так вижу — всеми пятью чувствами», — записывает Цветаева в июле 1921 г. (АрЦ) «Мой сон — не отдых, а действие, *действие*, которого я — и зритель, и участник...» (запись в черновой тетради 1924 г.). *Сбирр* (итал.) — полицейский, сыщик. *Давид* — иудейский царь, при котором, по библейским преданиям, Иудея достигла небывалого расцвета. *Ахиллов шлем.* По греч. преданию, Гефест, бог огня, выковал Ахиллу боевые доспехи, в том числе шлем с золотым гребнем, являвший собой образец искуснейшей

работы. *Мартын Задека* — составитель популярного в свое время «сонника» (толкователя снов).

308. ПР, с. 139. В черновой тетради запись последних чисел сентября или начала октября 1924 г.: «NB! Сравнение: так же часто, как мать повторяет имя собственного ребенка» — и следом идут три последние строки стихотворения. Озаглавлено в 1938 г.

309. ВР, 1925, № 1, с. 54. Вошло в ПР. Записи в черновой тетради: «*Общий ход*: полотеры выглядывают тайное в домах, втирают в пол пожар... Что можно вымахать? Тепло, уют, уклад, порядок... Запахи: ладан, святость. Вчерашний день. Вчера... *Нарастание* угрозы должно быть сильнее развязки» (АрЦ). Н. П. *Ламанова* — известная портниха в дореволюционной Москве.

310. ПР, с. 143, без названия. Печ. по С640. *Эмпиреи* — рай древних. *Суламифь* (библ.) — девушка из города Сулама, возлюбленная иудейского царя *Соломона*, которой посвящена его «Песнь песней». Запись в черновой тетради 1924 г.:

«ОХ: — когда трудно, томно, или *после* усилия.

АХ: — неожиданность, изумление, новизна, восторг.

ЭХ: — не везет, не дается, птица — из рук, мог бы — да...

NB! — На всякое *ох* есть *ах* — и на всякое *ах* — *эх!*»

311—312. ПР, с. 144—145. Вошло в С640.

313. ПР, с. 146. Печ. по С640, с восстановлением выпавшей из ПР 5-й строфы. *Пещь смоляная*. По библ. преданию, иудеи-вероотступники бросали в раскаленную печь тех, кто отказывался поклоняться золотому истукану. *Савл* (библ.) — имя апостола Павла до обращения его в христианство; яростный гонитель христианства, Павел сделался впоследствии страстным его проповедником.

314. ПР, с. 147. *Мир — это сцена* — перефразировка слов Жака-меланхолика из II акта комедии Шекспира «Как вам это понравится» (1600): «Весь мир — театр».

315. Печ. впервые, по рукописи 1925 г.

316. ПР, с. 150. Это стих., как и два последующих, обращено к Б. Л. Пастернаку.

317. ПР, с. 152. *Разбили нас — как колоду карт*. Об этой заключительной строке Цветаева писала в 1933 г.: «Строка, за выразительностью, тогда (в 1925 г. — *Ред.*) мною оставленная, но с огорчительным сознанием несоответствия образа: *двух* нельзя разбить, как *колоду*, колода — множество, даже зрительно: карты летят!..» (АрЦ).

318. ПР, с. 153. Две последние строки вошли в стихотворение из письма, посланного в мае 1925 г. Пастернаку (черновик в АрЦ).

319. Избранное, с. 176. Незадолго до написания стихотворения Цветаева ответила на новогоднюю анкету ПН «среди писателей, ученых и политических деятелей»:

«Мои пожелания на 1926 г.

Себе — отдельной комнаты и письменного стола.
России — того, чего *оно* хочет.

Париж, 30 декабря 1925 г.»

(ПН, 1926 № 1747, 3 января).

320. СЗ, 1931, № 46, с. 160, под заглавием «Школа стиха». Новое название дано при подготовке СБ40.

321. «Числа», Париж, 1930, № 2—3, с. 5, под заглавием «Не-реида», самовольно данном редакцией. В 1933 г., объясняя замысел стихотворения корреспонденту, Цветаева писала: «В Нянде я говорю о третьем с *маленькой* буквы, о предмете, о быте — хотя бы этот быт был — мыс: между оком и горизонтом» (РЛА, с. 210). *Черноморские чубы... бойцы Перекопа* — участники героической Перекопско-Чонгарской операции, разгромившие Врангеля в ноябре 1920 г. в Крыму. *Клятвы без аналогов* — т. е. не освященные браком. *Бис* (укр.) — черт.

322. СЗ, 1931, № 46, с. 161, с искаженной по вине редакции 4-й строфой. Отрывок из незавершенной поэмы «Егорушка», работу над которой Цветаева начала в 1920—1921 гг. в Москве и продолжила в 1928 г. во Франции. В поэме отрывок озаглавлен: «Плач Лазорь-реки».

323. Избранное, с. 180.

324—329. Помимо ряда стихотворений, Цветаева посвятила Пушкину две большие прозаические работы — «Мой Пушкин» (1936) и «Пушкин и Пугачев» (1937), писала о нем в очерках «Наталья Гончарова», «Искусство при свете совести». Пушкина Цветаева часто упоминает в своих статьях и переписке. В 30-е годы Цветаева перевела на французский язык стихи Пушкина: «Пророк», «Для берегов отчизны дальней», «Няне», «К морю», «Бесы», «Стансы», «Поэту», «Заклинание», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» и др.

Часть этого цикла, созданного в 1931 г., была напечатана в Париже в столетнюю годовщину со дня гибели Пушкина. Стихи Цветаевой звучали как вызов, брошенный «белокровным» эмигрантским пушкинистам.

1. СЗ, 1937, № 63, с. 172, с изъятием 9, 10, 13, 14, 17—20-й строф, не пропущенных редакцией. *Две ноги свои — погреться — Вытянувший*. Во время аудиенции, данной Николаем I в Кремлевском дворце 8 сентября 1826 г. возвратившемуся из ссылки Пушкину, последний «обратился спиной к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги» (В. Вересаев, Пушкин в жизни, М., 1927, вып. 2, с. 55) *На стол вспрыгнувший при самодержце*. Во время той же аудиенции Пушкин, незаметно для себя самого, прислонился

к столу, который был позади него, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: «С поэтом нельзя быть милостивым» (там же). *Небо Африки* — своим *Звонкий, невское* — проклятым. Имеется в виду строка из «Евгения Онегина»: «Под небом Африки моей»; в письме к Вяземскому от 27 мая 1826 г. Пушкин говорит о «проклятой Руси», в которой он был вынужден сидеть «на привязи», так как царь не разрешал ему покидать пределы страны. *Авгуры* — в Древнем Риме жрецы, прорицатели, морочившие народ своими предсказаниями. *Царскую цензуру Только с душой рифмовал*. В сказке «Царь Никита и сорок его дочерей»: «Богомольной важной дуры Нашей чопорной цензуры». *А «Европы вестник»* — с ... В эпиграмме, ошибочно приписывавшейся Пушкину (см.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 1, ч. 1, М., 1919, с. 384). *Всех румяней и смуглее* — видоизмененная строка из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» *Беженство... Белокровье мозга, морга синь*. Цветаева имеет в виду белоэмигрантских пушкиноведов. *Трусават был Ваня бедный* — строка из стихотворения Пушкина «Вурдалак» («Песни западных славян»).

2. СЗ, 1937, № 63, с. 174. *Кнастер* — сорт табака. *Петро-диво, Петро-дело* — Петербург. *На волю? Изволь!* Пушкин просил в 1834 г. отставки от царской службы — Николай отклонил просьбу поэта. *Отныне я — цензор*. После возвращения Пушкина из ссылки в 1826 г. Николай взял на себя цензуру его произведений. *Измаил* — сын Агари (см. примеч. 197). *Архивами не заморил*. Отклоняя просьбу Пушкина об отставке, Николай пригрозил, что лишит его возможности «посещать архивы» (Пушкин работал в это время над «Историей Пугачева» и «Историей Петра»). «Николай Пушкина засадил в клетку, а клетку позолотил (мундир камер-юнкера) и — о, ирония! — вместо заграничной подорожной — открытый доступ в архивы, которыми, кстати, Пушкина при себе и держал. «Ты — в отставку, а я тебе архивную дверь под носом». И — Пушкин остался. Вместо деревни — Двор, вместо жизни — смерть», — писала Цветаева в 1929 г. в очерке «Наталья Гончарова» (ВР, 1929, № 5—6, с. 58—59). *Василиск* — сказочный змей, убивавший взглядом *Полтавских не комкал Концов*. Цветаева допускает неточность: будучи цензором Пушкина, Николай I смотрел «Медного всадника», а не «Полтаву» (уже вышедшую к этому времени). *Недостойным потомком... Петра Был сослан в румынскую область*. В 1820 г., за ряд политических стихотворений, Пушкин был сослан Александром I в Екатеринослав, затем в Кишинев.

3. СЗ, 1937, № 64, с. 173.

4. СЗ, 1937, № 64, с. 173. *На фуру Несший... Атлета Мускулатура*. Имеется в виду свидетельство А. О. Россета, клавшего тело Пушкина в гроб: «Мне припоминалось, какого крепкого мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою» (В. Вересаев, Пушкин в жизни, вып. 4, М., 1927, с. 153).

5. ДП, с. 130. *Потусторонним Залом царей*. До революции на территории московского Кремля находилась галерея, сооруженная в честь Александра II, отличавшаяся безвкусной роскошью и обилием позолоты. На потолке галереи помещались портреты предков Александра II (в частности, портрет его отца, Николая I), выполнен-

ные мозанкой. *Польского края — Зверский мясник*. Николай I жестоко подавил польское восстание в августе 1831 г. *Левцоубийца*. В черновой тетради Цветаевой запись: «Единственный памятник, который следовало бы сбить, — это памятник Николая I, убийцы Пушкина. Или, щадя работу Клодта, надпись: «Памятник, воздвигнутый самодержавием убийце Пушкина». 27 июля 1931 г.» (АрЦ).

6. ДП, с. 130. *Нет, бил барабан перед смутным полком...* Измененная строка из стихотворения ирландского поэта Ч. Вольфа «На погребение английского генерала сира Джона Мура» в русском переводе И. И. Козлова (1825). *Жандармские груди и рожки*. По свидетельству П. А. Вяземского, в день выноса тела Пушкина в его доме, «где собралось человек десять друзей и близких... очутился целый корпус жандармов» (В. Вересаев, Пушкин в жизни, вып. 4, с. 163). *Точно воры ворá... выносили*. В. А. Жуковский вспоминает: «Назначенную для отпевания церковь переменяли, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви» (там же, с. 162—163). *Умнейшего мужа России*. После встречи с Пушкиным 8 сентября 1826 г. Николай заявил в придворном кругу, что он «говорил с умнейшим человеком в России» (там же, вып. 2, с. 57). Запись Цветаевой в черновой тетради «Стихов к Пушкину»: «Хочется: Смерть Пушкина и Двор. Похороны Пушкина и танцующий Николай» (АрЦ).

330. Избранное, с. 187—190. Дорабатывая произведение в 1933 г., Цветаева озаглавила его «Ода пешему ходу — с содержащейся в ней контр-одой». В мае 1934 г. Цветаева пишет: «... Мне недавно вернули из «Современных записок» мою «Оду пешему ходу», уже набранную, — в последнюю секунду усумнились в понятности «среднему читателю» (РЛА, с. 217). Летом 1931 г. (когда были созданы первые варианты «Оды») Цветаевой не удалось, из-за отсутствия средств, выехать из Мёдона (пригород Парижа), где она тогда жила. Упоминания о долгих пеших прогулках по окрестностям городка («замене мечтаным просторам») хранятся в ее тетрадях, в черновиках стихов и писем. «Из села Талицы Владимирской губ. — в котором я никогда не была — наш цветаевский род... оттуда — сердце, не то, аллегорическое, а анатомическое, орган, сплошной мускул, сердце, несущее меня рысью в гору две версты подряд и больше, если нужно; оно же — падающее и опрокидывающее меня при первом шаге в мир автомобилей. Сердце не поэта, а пешехода... пешее сердце всех моих лесных предков, от деда... до пращура» (АрЦ). *Скоропадский* — здесь: недолговечный; в эпитете обыграна фамилия и историческая обреченность действий Скоропадского, контрреволюционного «гетмана» Украины, свергнутого в декабре 1918 г. *Чванством Распираемый торс* — намек на рекламу автомобильных шин, уродовавшую дороги Франции. *Рольсы и райсы* — от названия марки автомобиля Рольс-Ройс. *Змея ветхая лещь*. По библейской легенде, дьявол в образе змея льстивыми речами уговорил Еву сорвать запретный плод с «древа

познания добра и зла». *Оперá и Мадлэн* — центральные районы Парижа, где расположены лучшие магазины и ателье мод.

331. СЗ, 1933, № 51, с. 186.

332—334. *Сын* М. Цветаевой — Георгий Сергеевич Эфрон, род. в Чехословакии в 1925 г., приехал вместе с матерью в СССР, в 1939 г. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

1. Избранное, с. 192.

2. Избранное, с. 193. *Соляное семейство Лота* — см. примеч. 284. *Мёдон* — пригород Парижа, где жила Цветаева в 30-е годы.

3. СЗ, 1935, № 59, с. 203. *Галльский петух* — одна из национальных эмблем Франции.

335. СЗ, 1936, № 61, с. 165.

336—341. Запись в черновой тетради 1933 г.: «Он (стол. — *Ред.*) и так уже был смертным одром — многим моим радостям».

1. «Встречи», № 1, Париж, 1934, с. 4, в цикле «Стол» из 2 стих. *Штранд* (нем.) — морской берег. *Морю толп Еврейских — горящий столп*. По библ. преданию, при исходе евреев из Египта бог в образе огненного столба указывал им путь.

2. Избранное, с. 202. *Тридцатая годовщина*. Цветаева начала писать стихи с раннего детства, о чем вспоминает, в частности, в очерке «Дом у Старого Пимена» (СЗ, 1934, № 54). В 11—12 лет она писала стихи уже последовательно и сознательно.

3. Печ. впервые по рукописи 1939 г. *Березу берег карел*. Карельская береза — ценный сорт древесины, из которой изготавлиется дорогая мебель. *Трех Самозванцев в браке Признавшая тезка*. Речь идет о Марине Мнишек. Ей Цветаева посвятила пьесу «Дмитрий Самозванец» (1920), которая не сохранилась, и стихотворный цикл «Марина» (1921).

4. Печ. впервые, по рукописи 1939 г. *Парижские химеры*. Водосливы на Соборе Парижской богородицы.

5. «Встречи», № 1, Париж, 1934, с. 5, в цикле «Стол» из 2-х стихотворений.

6. Избранное, с. 203, без 3-й и 7-й строф. В рукописи 1939 г. переписано с пробелами в 3-й и 7-й строфах, которые восстановлены по черновикам.

342. Избранное, с. 205.

343. Печ. впервые, по рукописи 1939 г. В черновой тетради — подзаголовок: «Париж». *Листовки* — здесь: печатные рекламы, раздаваемые на парижских улицах прохожим. *Мертвые лисы* — лисий мех. *Смертный рис* — белая рисовая пудра, придающая лицу голубоватый оттенок. *Был дуб*. По преданию, французский король Людовик Святой (1226—1270), выходя из дворца после обедни, садился у подножия дуба в Венсенском лесу, выслушивал жалобы и творил правосудие. В черновой тетради, под набросками стихотворения, запись: «Какую дать улицу? Вообще? Парижскую? Обыватель-

скую? — Молодежь: фальшивую (парижскую) — ибо *деловая* (обывательская, чиновничья) — *не* фальшива. Дать фальшь» (АрЦ).

344. СЗ, 1935, № 57, с. 239.

345. СЗ, 1936, № 62, с. 188—189. *Невнятицы Фауста Второго* — вторая часть «Фауста» Гете, усложненная и трудная для восприятия.

346. «Русский сборник», кн. 1, Париж, 1946.

347. «Советский патриот», Париж, 1946, 19 июля, с опечаткой в 5-й строфе. Печ. по рукописи 1939 г., с восстановлением по черновику двух последних строф, не завершенных в белой тетради. *Челюскинцы* — участники героической экспедиции парохода «Челюскин», отправленной в августе 1933 г. с заданием пройти за одну навигацию из Мурманска во Владивосток по трассе Северного морского пути. Осенью 1933 г. «Челюскин» был вынесен дрейфующими льдинами в Чукотское море, где в феврале 1934 г. был раздавлен льдами. Участники экспедиции высадились на лед, затем на самолетах были доставлены на материк летчиками М. В. Водопьяновым и др. *Нобиле Умберто* (р. 1885) — итальянский полярный исследователь. В 1928 г. руководил экспедицией к Северному полюсу на дирижабле; потерпел аварию. В спасении участников экспедиции принял участие советский ледокол «Красин». *Родили — дитё*. Во время экспедиции «Челюскина» у одной из ее участниц родилась дочь, названная Кариной (в честь Карского моря). *Второй уже Шмидт* — О. Ю. Шмидт (1891—1956), выдающийся советский исследователь Арктики, возглавлявший экспедицию «Челюскина»; «первый» Шмидт — лейтенант П. П. Шмидт (1867—1906), революционер, один из руководителей севастопольского восстания 1905 г. В архиве Цветаевой сохранился черновик ее письма к поэту А. Эйсеру. На дружеский упрек Эйсера («почему не написали о челюскинцах?») Цветаева отвечает: «Вы меня своим укором о челюскинцах задели за живое мясо совести и за живую жилу *силы*. Ведь многие годы уже я — лирически — крепко сплю... и вот — Ваш оклик: *запрос*. ...С настоящим наслаждением... думаю, как буду читать эти стихи — *здесь*. *Последним*. Скоро» (3—4 октября 1934 г., АрЦ).

348. Печ. впервые, по черновой рукописи 1935 г. Стихотворение тематически предваряет цикл «Надгробие». *Пел же над другом своим Давид*. По библ. преданию, Давид, узнав о смерти горячо любимого друга Ионафана, оплакал его в «плачевной песне».

349—352. СЗ, 1935, № 58, с. 222—224, под названием «Памяти Н. П. Гронского», — цикл из 3 стих. (1—3). В 1940 г. был создан цикл «Надгробие», из 5 стих., предполагалось включить его в С640. Посвящено молодому поэту Н. П. Гронскому (1909—1934), погибшему в результате несчастного случая. Цветаева подружилась с Гронским в 1928 г. Видя в нем талантливого поэта, она высоко

оценила его поэму «Беладонна» в неопубликованной рецензии «По-смертный подарок», а также первую книжку Гронского (вышедшую после смерти автора) — в рецензии «О книге Гронского „Стихи и поэмы“» (СЗ, 1936, № 61). Цветаева противопоставила дарование Н. Гронского, самобытное и разностороннее, серому и унылому, оторвавшемуся от всякой почвы, творчеству эмигрантских молодых поэтов.

1. В СЗ, без последней строфы.

2. В СЗ 5-я строфа исключена редакцией без ведома Цветаевой. Об этом есть запись в белой тетради 1939 г.: «Четверостишие: Не ты — Не ты — Не ты — Не ты — было выпущено С <овременными> Записками из-за «что бы ни пели нам попы»... А по-моему, *попы* хуже, чем *пели*» (АрЦ). В черновой тетради 1940 г. — запись, из которой родилось стихотворение: «31 дек. 1934 г. — сороковой день. Стояла на его могиле и думала: здесь его нет, и там его нет, здесь — слишком местно (тесно), там — слишком просторно, здесь — слишком здесь, там — слишком там. Где — тогда?» (АрЦ).

4. Печ. впервые, по рукописи 1939 г., с восстановленными по черновой тетради строками в 3-й и 5-й строфах. Стихотворение не было завершено.

353. Избранное, с. 212. *Костром Ростовчинским*. Занятая французами в 1812 г., Москва была сожжена по инициативе, как считалось тогда, московского военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина (1763—1826).

354. Избранное, с. 217. Запись, сделанная Цветаевой при перебеливании стихотворения в 1939 г.: «Было еще четверостишие:

Бесконечную чередой —
Деловые с своей деньгой,
Молодые с своей любовью —
Мимо серой стены „Здоровья“».

«Santé» (франц. — «Здоровье» — название парижской тюрьмы. — *Ред.*).

355. СЗ, 1936, № 61, с. 165. Начало незавершенной поэмы «Певница», над которой Цветаева работала в 1935 г. *Дом*, о котором идет речь, находился в предместье Парижа Ванв; Цветаева жила в нем с 1934 по 1938 г. *Есть окно и мое*. «Мое единственное утешение — ... дерево: каштан перед окном комнаты, в окно комнаты. Он скоро будет цвести» (из черновика письма 1935 г. АрЦ).

356. Печ. впервые, по тетради 1939 г. *Хвалы... Исполнясь, как царь Давид*. Имеются в виду псалмы Давида, славословящие бога (библ.). *Пред Солнца Масонским Оком*. Одним из масонских знаков было «всевидящее Око» (глаз с расходящимися от него лучами); оно руководило движениями светил и проникало в тайники человеческой души.

357. ДП, с. 129. *Гуттенбергов пресс* — печатный станок (по имени его изобретателя И. Гуттенберга, 1400—1468). *Шварцев прах* — порох (по имени его изобретателя Бертольда Шварца — XIV в.).

358—364. СЗ, 1938, № 66, с. 188—191, без 7-го, в цикле «Стихи сироте»; 7-е стих. печ. впервые по тетради 1939 г.; включено в план С640. Эпиграф — искаженная цитата из «Сиротки» К. А. Петерсона. Над циклом «Стихи сироте» Цветаева работала в горном селенье Сен-Лоран (Савойя), где жила летом 1936 г. Стихи вдохновлены перепиской с тяжелобольным молодым поэтом А. С. Штейгером (1907—1944), обратившимся к Цветаевой с письмом, в котором просил ее дружбы и поддержки «на всю оставшуюся жизнь» и говорил о преследующем его страхе смерти (АрЦ). Виделась Цветаева со своим «приемным сыном» (отсюда — название цикла) только один раз, в конце ноября 1936 г. «Я с ним дружила (письменно) все лето, — писала Цветаева осенью 1936 г., — теперь встретилась, и мне с ним трудно потому, что он ничего не любит и ни в чем не нуждается. Все мое — лишнее... Дать можно только богатому и помочь можно только сильному — вот опыт всей моей жизни — и этого лета» (РЛА, с. 229—230).

1. План стихотворения в черновой тетради: «Можно пустить по двум руслам: возгласа: — Я сегодня взяла тюльпан как ребенка за подбородок! 1) свободу с природой: — Я сегодня сосновый ствол обняла, как живое тело... Я сегодня... к губам... привлекла, как живую руку... (побег с листьями). Тогда — без объяснений: что-то со мной сделалось такое, что все ожило (вочеловечилось)» (АрЦ). Помета в черновой тетради: «нужно дать фигуры горы, форму, лучше круглую, собственно — амфитеатр, цирк...»

2. *Феодального замка боками*. Речь идет о находящемся неподалеку от Сен-Лорана средневековом замке Арсин, в те годы превращенном в пансионат. Цветаева часто навещала живших там летом 1936 г. друзей. Пометы при работе над стихотворением в черновой тетради: «Решить: Я сама — тем, что я вижу, т. е. горы, замок и т. д. — мое средство. Я — ими. Либо: подобно тому, как. — Первое — лучше, сильнее; но тогда очень следить, чтобы не перейти на подобия. Одно: я сама становлюсь вещью, чтобы ею обнять. Другое: я, человек, обнимаю рядом вещей... Нужны вещи безотносительно-круглые: клумба, башня, кругозор, равнина» (АрЦ).

4. Французская *Гвиана* — место каторжной ссылки.

365. Печ. впервые, по черновой рукописи 1936 г. *Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид* — перифраз строк из стих. А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...»: «Мне стан твой понравился тонкий, И весь твой задумчивый вид...».

366. Печ. впервые, по тетради 1939 г. В рукописи 1939 г. — помета: «(Вариант второго двустушия:

Резвому сыну шупая лоб,
Как восклицашь: — Будет озноб!

NB! Много еще — чего: пожар — беда — и еще найдется.)» (АрЦ).

«Стихи к Чехии» — последний стихотворный цикл Цветаевой — был создан ею незадолго до возвращения на родину, в дни мюнхенского сговора, расчленения Чехословакии и последующего захвата ее германскими фашистами; отсюда — два раздела цикла: «Сентябрь» и «Март». Несмотря на то, что из семнадцати лет, прожитых в эмиграции, Цветаева провела в Чехословакии лишь немногим более трех, только к этой стране, к ее народу и природе, привязалась она по-настоящему после отъезда из России. «В Париже и тени моей не останется, — писала она в 30-е годы, — Таруса... Коктебель да чешские деревни — вот места моей души. По ним соберете» (АрЦ). Несмотря на материальные лишения и трудности быта (из-за отсутствия средств Цветаева с семьей была вынуждена жить в деревне, в тяжелых условиях), «...в Чехии писалось вольно... — сима земля помогала. Здесь (во Франции — *Ред.*) чувствую себя не только инородным телом — инородным духом!» (письмо 1933 г. АрЦ).

Поняв и полюбив Чехословакию, лишь в 1918 г. добившуюся национальной независимости, Цветаева не могла не принимать близко к сердцу разыгравшуюся на ее глазах трагедию малых стран, поработаемых фашизмом. В ее архиве сохранились наброски плана произведения, посвященного Абиссинии, письма и записки, в которых с гневом и печалью говорится о событиях в Испании, где на стороне республиканцев сражалось немало ее друзей. «Перекачиванием мертвой крови в живое тело» называет она в одном из писем насильственную фашизацию Испании.

Боль и негодование, вызванные в сердце поэта чешскими событиями (сентябрь 1938—март 1939 г.), нашли свой выход в «Стихах к Чехии». В это время Цветаева особенно активно переписывается со своим давним чешским другом — А. А. Тесковой (см. о ней примеч. 228—236). Тескова присылает Цветаевой по ее просьбе много материалов по истории, экономике, искусству, фольклору Чехии, сообщает о положении внутри страны; некоторые из этих материалов помогли поэту в работе над чешским циклом, часть их должна была послужить основой ряда задуманных, но неосуществленных или незавершенных произведений на ту же тему («Родина радия», «Германец входит в Градчаны», новое произведение на тему о «Пражском рыцаре» и др.). Закончив первый раздел «Стихов к Чехии» — «Сентябрь», Цветаева посылает его в Прагу Тесковой в начале декабря 1938 г., и та, сделав подстрочный перевод, передает стихотворения для литературного перевода одному из молодых поэтов, сотрудников газеты «Обнова» («Обновление»), выходившей в Праге вплоть до оккупации всей страны гитлеровцами. Стихи эти должны были появиться в «Обнове», но, по соображениям цензурного порядка, опубликованы не были. «Поэты — пророки, — пишет Цветаевой Тескова в декабре 1938 г. по получении стихотворений. — Дорогой мой пророк Марина, да сбудется Ваше пророчество! Целую Вас за понимание, за горячее чувство, за благородство, силу и красоту Ваших стихов к Чехии» (АрЦ).

В день оккупации столицы Чехословакии Цветаева запи-

сывает в черновой тетради: «15 марта 1939 г. — вход в Прагу. В 7.45 освещается Градчанский замок, взвивается флаг. Вся Прага на площади: последний гимн, вся толпа поет и плачет. 16-го — сплошной парад, оркестры военной музыки, Прага залита офицерами. Толпа идет к Памятнику павшим за независимость Чехии: толпа нашла свою дорогу... 15 марта — годовщина Аншлуса (Вены)» (АрЦ).

Поток стихов к Чехии перемежается в тетради краткими записями о положении в Европе: «(8 апреля 1939 г. Вчера сожрали *Албанию*... напали на страну с 1 миллионом населения... Итальянцы вошли в Тирану... Население ушло в горы. Нет пуль — бросают камни... — 28 апреля... Гитлер отвечал Рузвельту...)» 9 мая 1939 г. Цветаева рассказывает о своей неудачной попытке попасть на вечер, организованный французским комитетом помощи чехословацким беженцам, состоявшийся 7 мая в парижском зале Трокадеро. «Узнаю в 1 ч. дня. Занимаю деньги, бегу на ул. Бонапарт... где продаются билеты, там билетов уже нет, все остающиеся вернули утром... Вечером, в 8½ вхожу в Трокадеро — везде полиция, — потоки дам и господ — билетов нет, ни одного, ни за 10 фр., ни за 15, ни за — все мои чешские стихи. Идем с Муром (сыном. — *Ред.*) домой — Сеной. Мур — утешает. Я — спокойна: так со мной было — всю жизнь. А пели — чешский гимн. И были — *все чехи* Парижа. И этого я уже *никогда* не увижу и не услышу...» (АрЦ).

Последнее из стихотворений чешского цикла «Не умрешь, народ...» написано менее чем за три недели до отъезда Цветаевой в СССР.

Черновики «Стихов к Чехии», занимающие 90 страниц тетради большого формата, заканчиваются следующим наброском:

Но более всего, мне памятной
И граната, и хрустала —
Всего более сердце ранят мне
Эти — маленькие! — поля,
Те дороги — с большими сливами
И большими шагами — вдоль...

367—370. Цикл посвящен сентябрьским дням 1938 г., когда, в результате Мюнхенского соглашения между Германией, Италией, Англией и Францией, Судетская область была отторгнута от Чехословакии и распределена между фашистской Германией, буржуазной Венгрией и панской Польшей.

1. Печ. впервые, по тетради 1939 г. *Триста лет неволи, Двадцать лет свободы*. В 1526 г. чешские феодалы избрали королем Чехии Фердинанда Габсбурга; с 1620 г., после подавления восстания против Габсбургов, Чехия полностью потеряла свою национальную независимость, оставаясь вплоть до 1918 г. в составе Австро-Венгерской империи. В октябре 1918 г. было создано независимое чехословацкое государство. *Влтава* — река, на берегах которой расположена столица Чехословакии Прага. *Двухвостый лев* — эмблема национального герба Чехословакии.

2. Печ. впервые, по тетради 1939 г. *Родина Сына моего* — см.

примеч. 332—334. *Ружья... ни одного.* В годы, когда Цветаева жила в Чехословакии, большинство лесов республики являлись заповедниками и охота в них была запрещена. *С целыми народами, В поле, без жилья.* Друг Цветаевой А. А. Тескова писала ей из Праги 4 сентября 1938 г.: «Очень болит душа и сердце за бедных выселенных из своих родных углов... с детьми и животными, лишённых хлеба и почвы...» (АрЦ).

3. Избранное, с. 227.

4. ДП, с. 129. В стихотворении описывается эпизод захвата Судетской области германскими войсками в сентябре 1938 г. Согласно приказу генерала Сырового, главы временного правительства Чехословакии, чешские воинские части, охранявшие границу, вынуждены были отступить без боя. В черновой тетради «Стихов к Чехии» сохранился план стихотворения «Один офицер»: «Фабула: Судеты — та граница — чешский офицер и 20 солдат в лесу — перелесок. Проходят немцы. Офицер выбегает на дорогу и стреляет в воздух. — Конец. — Пока офицер стоит в лесу, он прощается. Прусский ли шаг? Сердца ли стук? NB! В первых строках дать историческую дату:

Чешский лесок
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

Месяц первых — равно росистых!
Красных яблок и красных листьев»

(АрЦ).

371—381. Второй раздел «Стихов к Чехии» посвящен мартовским дням 1939 г., когда гитлеровская Германия насильственно ликвидировала остатки независимости Чехословакии и оккупировала страну.

1 Избранное, с. 232. *Тюрингия* — здесь: германское королевство. В V в. Тюрингия была захвачена гуннами под предводительством Атиллы (ум. 453) и обложена данью.

2. Избранное, с. 233. *Град Вацлава* — Прага; кн. Вацлав Святой (ок. 908—929) считался патроном Чехии и ее столицы. *Богемская грань.* Чехословакия славится своими мастерами по ювелирному делу, а также по огранке драгоценных камней и добываемого в стране горного хрусталя.

3. ДП, с. 128. *Где Мой Дом?* — буквальный перевод начальных слов чешского гимна. *Градчанский замок* — пражский кремль, резиденция правительства. *В ледяном окне.* В архиве Цветаевой хранится вырезанная ею из французской газеты «Пари-Суар» от 19 марта 1939 г. фотография Гитлера, глядящего из окна Градчанского замка на захваченную Прагу.

4. Избранное, с. 235. *Хрустальное подземие* — см. примеч. 2. *Наздар!* — чешское приветствие.

5. Избранное, с. 236. *Каждый март:* — *С краем, с паем с новым!* В марте 1938 г. гитлеровская Германия захватила Австрию, в марте 1939 г. — Чехословакию. *Валет* — слуга (франц.). *С Тарпейской скалы* в Древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть. *Мартов-*

ские Иды. 15 марта 44 г. до н. э. по древнеримскому календарю; в этот день был убит Юлий Цезарь. Помета в черновой тетради: «Необходимо вставить в «Атлас — что колода карт...» — Мартовские игры. Переключка с Мартовскими Идами: — Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, Мартовские Иды...» (АрЦ).

6. ДП, с. 128. *Вары* — город Карловы Вары, курорт в Чехословакии. *Татры* — горы в Чехословакии.

7. Избранное, с. 238.

8. ДП, с. 128. В черновике стихотворение озаглавлено «Немцы входят в Прагу». *Творцу вернуть билет*. Ср. слова Ивана Карамазова из романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880). Не принимая религиозной концепции будущей «мировой гармонии», путь к которой лежит через неизбывные человеческие страдания, Карамазов говорит: «Свой билет на вход спешу возвратить обратно... Не бога я не принимаю... я только билет ему... возвращаю» (часть 2, кн. 5, глава «Бунт»).

9. Избранное, с. 240. В рукописи сохранилась запись, датированная 15 мая 1939 г.: «За фюрером — фурии: «NB! Ряд образов — погони. Кто и что — гонит?.. Не борзые — за зайцами... Не... за жертвою. Не тучи за тучами.

Не ужасом скрученный
Беглец — от свинца.

NB! Тучи за тучами — вереница и вереница; лучше: не туча за месяцем (будто преследуя). Вообще: нужно, чтобы множество преследовало единство. (NB! Трудновато.) *Никогда*: чтобы один преследовал многих: наоборот!)» (АрЦ).

10. ДП, с. 127. *Камешек гранит* — см. примеч. 2.

11. ДП, с. 128.

ПОЭМЫ

382. Марина Цветаева. Царь-Девница. Поэма-сказка. М., ГИЗ, 1922. То же — Берлин, изд. «Эпоха», с исправлением опечаток. Печ. по второму изданию. Рукопись поэмы не сохранилась.

Сюжет заимствован из одноименной русской сказки (собрание Афанасьева, № 232 и 233). Из обоих вариантов сказки Цветаева воспользовалась материалом лишь первой ее части. Вторая часть сказки, со счастливым исходом, где Царь-Девница после долгой разлуки соединяется с любимым, который в поисках ее проходит через множество испытаний и приключений, полностью опущена. Царь-Девница и Царевич в поэме Цветаевой олицетворяют противоположные, несоединимые начала: активное — «Воин» (Царь-Девница) и пассивное — «Ангел» (Царевич). Любовь Царь-Девницы к Царевичу — это тяготение солнца к месяцу, встреча между которыми невозможна («меж солнцем и месяцем верста пролегла»). Главную мысль своей поэмы-сказки Цветаева пояснила в письме 1923 г.: «Прочтите «Царь-Девницу».. Где суть? Да в ней, да в нем, да в мачехе, да в трагедии размилований: ведь всё любви — мимо... <Царевич> никого не любит... Он любит гусли, он брат молодому Давиду и еще больше. — Ипполиту» (АрЦ). На-

родно-поэтический образ Ветра не находит аналогии в фольклоре: любовь Ветра к Царь-Девнице, его участие в гибели мачехи — все это привнесено Цветаевой так же, как и завершающий поэму эпизод крушения царства; образ Царя, второстепенный в сказке, в поэме становится одним из центральных; этот образ — самодура, пропигающего свою державу, — в конце произведения перерастает в символ старого мира — мира гнета и порабощения, уничтожаемого восставшим народом.

Поэма была создана в два месяца. Окончив ее, Цветаева писала из Москвы сестре: «Последняя большая вещь — «Царь-Девница» — русская и моя». «Мои русские вещи, — писала она двенадцать лет спустя в эмиграции, — ..волей не моей, а своей, расщитаны — на множества. Здесь множеств — физически нет, есть группы. Как вместо стен и трибун России — зальца, вместо поэтического события выступления (пусть наступления!) — литературные вечера, вместо безымянного незаменимого слушателя России — слушатель именной и даже именитый... Не тот масштаб, не тот ответ. В России, как в степи, как на море, есть откуда и куда сказать... А в общем просто: здесь *та* Россия, там — *вся* Россия. Здешнему в искусстве современно прошлое. Россия — страна ведущих...» (статья «Поэт и время», ВР, 1932, № 1—3, с. 9—10). Зимой 1920 г. в Москве Цветаева выступила с чтением «Царь-Девницы» в Союзе писателей («Дворце искусств»). В советской печати поэма была принята положительно. Журнал «Печать и революция» писал: «Книга прямо искрится своими отдельными строками, где так отлично, непосредственно понята песня, понят былинный лад. Понят так, как давно не приходилось видеть, как не удалось никому из писавших в русском стиле. Поэма эта .. по-своему удалась Марине, удалась этой удалой, силой, единством» («Печать и революция», 1924, № 1, с. 277—288).

Пророк Моисей! Купины твоей прекрасной — красной По библейскому преданию, бог явился Моисею в пламени несгорающего тернового куста («неопалимой купины» — слав). *Столб соляной. Жена Лота (библ.)* за ослушание была превращена богом в соляной столб. *В небесах Егорий Не разжег войны* Здесь не наступило утро; Егорий — Георгий Победоносец. *Михаил-Архистратиг* — один из семи архангелов, вождь небесного воинства в его борьбе с темными силами ада. *Крестит купецкую твирь* — грабит и топит купеческие суда *Шентал* — сушеные абрикосы. *Фома «Неверный»* (еванг.) — один из двенадцати апостолов, учеников Христа, но поверивший в его воскресение до тех пор, пока сам не увидел воскресшего Иисуса и не дотронулся до его ран *В кухню женского обману* *Поспешиай, Самсон с Далилой!* По библейскому преданию, филистимлянка Далила, пленив доверившегося ее мнимой любви иудея Самсона, обманом лишила его богатырской силы, заключавшейся в его длинных волосах, и предала своим единоплеменникам. *Царь Соломон* (библ.) написал «Книгу Премудростей» и «Притчи» содержащие поучения, наставления и толкования явлений и событий. *От бабы Иосиф-то.* В Библии рассказывается о том, как жена египетского царедворца Потифара пыталась соблазнить Иосифа, молодого раба своего мужа, но тот бежал от нее, оставив в ее руках свою одежду. *Крысиный хвост* — поповская косячка, *Исайя,*

ликуй! — слова из свадебного богослужения. *Черное море* — древнее название Красного моря. *Слева — да направо, Снизу — да наверх* — дьявольский колдовской знак, обратный крестному знаменю. *Не-наш — в аду* — дьявол. *Гонит пророк коней* — надвигается гроза; по народным поверьям, гром вызывался колесницей, в которой Илья-пророк разезжал по небу.

383. Марина Цветаева, «Разлука», Москва — Берлин, 1922, с. 19—38, с посвящением: «Анне Ахматовой». Печ. по П. Рукопись поэмы не сохранилась. В поэме «На красном коне» звучит одна из краеугольных тем цветаевского творчества: высокого назначения поэта и поэзии, долга поэта перед собственным даром, в жертву которому он приносит все, вплоть до собственной жизни.

Красный конь — крылатый конь (у древних греков — Пегас) — символ поэтического вдохновения. У Цветаевой этот образ сливается с образом всадника-Гения, мужского воплощения Музы. *Сорокоуст* — сорокадневная молитва по умершим. *За ны* (слав.) — за нас.

384. «Версты», № 1, Прага, 1926, с. 12. Печ. с учетом исправлений и добавлений, сделанных в 1938—1940 годах. В сентябре 1923 г. Цветаева начинает работать над грилогией «Тезей» (см. примеч. 391). Но уже к концу месяца в черновой тетради «Тезей» появляются краткие записи, свидетельствующие о зарождении нового, пока еще смутного замысла будущих «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца»: «Улицы — лестницами. Отлогими...» И — через несколько страниц: «— О перстне Соломона. Об Иове. Проводы: всю дорогу. Кафе — набережная — мост — предместье — лестница — гора — пустырь». И дальше, еще через несколько страниц 1-го действия «Ариадны»: «Непременно нужно: Поэму расставания... Разлука висела в воздухе — Верней, чем Дамоклов меч» ... и снова, влетаясь в реплики пьесы, слова: «Не попадают в шаг. «Как завтра встану?» — Он просит *дома*, а она может дать *только* душу». В декабре Цветаева прерывает работу над «Ариадной» и 1923 год провожает записью в той же черновой тетради: «Господи! Дай мне на Новый год — написать большую и прекрасную вещь!.. Непремененно, непременно нужно: Поэму расставания...» С 1 января 1924 г. Цветаева работает над «Поэмой Горы». 27 января завершается последняя глава поэмы, а 1 февраля — «Послесловие».

Гора — Петршин холм в Праге. Гора *Парнас* — обиталище богов (греч. миф.). *Персефоны зерно гранатовое*. Дочь богини Деметры Персефона (миф.) была похищена Аидом (Плутоном), богом подземного царства. Чтобы вернуться на землю, она не должна была принимать никакой пищи, но, не выдержав искушения, проглотила шесть зерен граната (символизирующих брак), за что была осуждена ежегодно возвращаться к Плутону и проводить с ним шесть месяцев. *Коемужды сбудется — по слезам его* — перефразировка слов из Библии: «Коемуждо воздастся по делам его». *С дитячком — отпустил Агарь* — см. примеч. 194—197. *Двенадцать апостолов*. Имеются в виду фигурки двенадцати апостолов на часах старой пражской ратуши, появляющиеся над циферблатом с боем часов.

Гору заповеди седьмой. По Библии, седьмая заповедь, данная богом Моисею, гласит: «Не прелюбодействуй!»

385. Альм. «Ковчег», № 1, Прага, 1926, с. 3—29. Печ. по рукописи 1940 г. В письме от 26 мая 1926 г. (АрЦ) Цветаева писала: «„Поэма конца“ — уже разразившееся женское горе, грянувшие слезы». Над поэмой этой, тематически продолжающей «Поэму Горы», Цветаева работала более четырех месяцев. 27 января 1924 г., еще не приступив к работе над завершающим «Поэму Горы» послесловием, она записывает в тетради: «Теперь — Поэму Расставания. (Другую). Весь крестный путь этапами...» — и тут же набрасывает предварительный план будущей «Поэмы Конца», первоначально названной «Поэмой последнего раза»: «1) — Встреча у фонаря. 2) — Кафе. Окно в пустоту. 3) — Путь набережной... Мост (в бесконечность). 4) — Последние улицы... 5) — Другой фонарь. 6) — Гора (изгородь). 7) — Последний жест». В тот же день, что были написаны заключительные строфы «Послесловия» к «Поэме Горы» (1 февраля 1924 г.), Цветаева начинает «Поэму Конца» строками:

Ждал на назначенном месте,
Как судьба.

План поэмы обрастает подробностями «отдельностей» и «примет». «Отдельности: — «Мы мужественны будем?» — «Куда — в кафе?» — «Домой!» — ... «Уйдемте. Плакать начну». — «Я ухожу от вас...» — «Вы слишком много думали. — Задумчивое: Да» (запись от начала февраля 1924 г.). К этой записи Цветаева возвращается позже, в разработке сцены объяснения и разрыва: «Приметы: Кафе. Можно рефрен: «Плакать не надо». — «Уйдемте — плакать начну». Белокурый затылок. — Дать его позу: его слова — обвинительный акт. После... — ее вопрос: — «Какие же выводы?» — Он: — «Никаких. Просто — тяжело». Она: — Тогда сделаю их я. Вывод и есть выход: расстаться! — Я этого не говорил. — Великодушие? Или самолюбие? Как на эстраде, где никто не хочет читать первый...». Сохранились планы-сценарии отдельных частей поэмы, которых, по первоначальному замыслу, должно было быть 12; в поэме — 14 («Набережная: — Молчание. Рука. — Можно — последний раз? Крепко прижимает руку... Фабричные здания, пустынный рынок, дождь — «Наша улица!» — Уже не наша». Поворот горы. (*Здесь — перелом.*)) — Еще примета: стеклянный полукруг двери — (харчевня, где — несколько утр подряд. Всё в последний раз... — Общая линия: лед, мужественность. До поворота горы: не сдаваться. Столбняк. *Дальнейший ход.* 8. Мост (Мост, делящий два мира. Тот берег — жизни). ...Связующее и разъединяющее начало моста... Через Лету. Летейская Влтава. До середины ... (Живая, вернувшаяся в царство теней, или тень в царстве тей?) Островки... Жить на таком островке... 9. «На этих улицах тебя не встречу» ... Фабричные корпуса — пустые. Усилить дождь. Мимо каварни (чеш. кофейня. — *Ред.*) — полукруг. Постоим! — И — видение: утро, бессонные веселые лица, — сквозь кофе. Наша улица... 10) — *Поворот и перелом.* ... Еще несколько шагов. Фонарь. 11) *Гора и слезы.* Меховое, мокрое. — На том свете? — Et puis se

fut tout. (И тут — конец. — франц. *Ред.*) Сгорбленная фигура большими шагами» (АрЦ). В отличие от «Поэмы Горы», работа над «Поэмой Конца» проходит трудно и напряженно. Об этом свидетельствуют 140 страниц (в два столбца) рукописи, заполненных строфами и отрывками, подвергнутыми жестокой правке: некоторые из них насчитывают множество вариантов, как например начало предпоследней строфы 5-й главы поэмы. 9 июля 1924 г., в чешской деревне Иловищи, Цветаева заканчивает «Поэму Конца». «Начав, как вздох, дописывала, как долг», — вспоминала она в 1933 г. (АрЦ).

Окно под самой крышею. — «Не от одной зари Горящее?» — измененная цитата из стих. Блока «На небе — празелень, и месяца осколок...»: «В последнем этаже, там, под высокой крышей, Окно, горящее не от одной зари...» *Кому повею Печаль мою* — слова из Псалтири. *Семирамида* — легендарная царица, при которой было создано одно из «семи чудес света» — висячие сады в Вавилонии. *Звезда мальтийская* — эмблема средневекового рыцарского ордена, учрежденного в XV в. *Порошок Бертольда Шварца* — порох. *Как печатъ На сердце твое, как перстень На руку твою* — слова из «Песни песней» царя Соломона (библ.). *Менады мех.* Менады, участницы празднеств в честь бога Диониса (Вакха), одевались в зверные шкуры. *Голконда* — город древней Индии, славившийся царскими усыпальницами, в которых хранились несметные богатства; синоним слова «сокровищница». *Мостовина* — плата за переход моста. *Харон* (миф.) — перевозчик душ умерших через реку Лету. *Мак* — символ сна у древних народов; здесь: символ вечного сна. *С Иеговой повет Давид* — т. е. совершится невозможное; *Иегова* — одно из имен бога в Библии; *царь Давид* — по Библии, один из самых ярких приверженцев Иеговы, собравший на построение его храма огромные богатства, автор псалмов, прославляющих бога. *Иов* — см. примеч. 262—264. *Вечный жид.* По преданию, Агасфер был осужден Христом, которого он оскорбил, на вечные скитания по земле. *Давидов щит* (библ.) — символ силы и веры иудейского народа.

386. ВР, 1925, № 4, с. 25—31; № 5, с. 41—46; № 6, с. 37—48; № 7—8, с. 38—56; № 12, с. 20—35; 1926, № 1, с. 60—70. Чернобая тетрадь поэмы (АрЦ) насчитывает более трехсот страниц большого формата, нередко заполненных в 2—3 столбца. Отдельные строфы и строки насчитывают по 10 и более вариантов. Печатается с незначительными сокращениями.

Сюжетом поэмы Цветаевой послужила известная средневековая немецкая легенда, в которой говорится о том, как летом 1284 г. в Гаммельн пришел бродячий музыкант, предложивший избавить город от наводнивших его крыс. Звуками флейты он выманил их из домов и амбаров, завел в реку Везер и утопил. Не получив за это обещанной платы, Крысолов во время воскресной обедни, когда взрослые были в церкви, при помощи той же флейты вывел из Гаммельна всех детей и отвел их на гору Коппенберг, которая разверзлась и поглотила их. Легенду о Крысолове использовали Гете («Крысолов»), Гейне («Бродячие крысы»), Р. Броунинг («Флейтист из Гаммельна»), Ю. Вольф («Крысолов») и др.

Впервые «мечта о Крысолове, небольшой поэме» зародилась у Цветаевой осенью 1923 г., когда она посетила старинный чешский городок Моравскую Тшебову, где училась ее дочь. В те годы быт и уклад обитателей Моравской Тшебовы еще сохранял некоторые внешние черты германского влияния, и сказочно-чуждый, вневременный облик городка, вся жизнь которого, казалось, протекала в тесном пространстве между кирхой, базаром и ратушей, живо нарисовал в воображении Цветаевой легендарный Гаммельн немецкого сказания. К осуществлению своего замысла Цветаева приступает лишь полтора года спустя, 1 марта 1925 г., в местечке Вшеноры, близ Праги. Вспоминая в 1933 г. об этом времени, Цветаева пишет: «На верху двора, за загородкой — березовая беседка, в ней по утрам сторожу сына (Георгия, род. 1 февраля 1925 г. — *Рсд.*) — и пишу. Почти весь Крысолов там написан. Одинокое заключение на воле...» (АрЦ). Первый рабочий план поэмы, равно как и снятое впоследствии посвящение «Моей Германии» (романтической Германии, родине поэтов и философов, воспетой Цветаевой в ее «Юношеских стихах»), указывают на то, что поэма задумана была вначале как произведение *лирического* строя:

«Толкование: Охотник — Дьявол-соблазнитель — *Поэзия*.

Бургомистр — *Быт*.

Дочка бургомистра — *Душа*...

Крысы — земные заботы, от которых Охотник освобождает город.

Быт не держит слово Поэзии, Поэзия мстит.

Озеро — вроде Китеж-Озера, на дне — Вечный град, где дочка бургомистра будет вечно жить с Охотником...

Лирика... Лирические отступления...

Музыка: Две Музыки: первая — для крыс: мелкими крупами, сахаром... сальными огарками... врывается *Индия*: тропики, тропическая крыса зовет.

Другая: каждый ребенок слышит в ней свое: мальчики слышат барабан, видят сражение (конские гривы, хвосты, литавры, раны), девочки — рождественские и колыбельные напевы, некоторые идут — сонные, другие — за подарками, иные слышат звон медных кастрюль и видят гигантские игрушечные *кухни* — плиты, сковороды и т. д.

Дочка бургомистра: пение ангелов? (...демонов?) Запретный рай? М. б. пение сирен (о к-ых читала в старой растрепанной книге...).

NB Эпизод: бургомистр, видя напасть, затыкает ей уши воском. Проходит *сквозь* воск. («Музыка прошла *сквозь* воск!»).

Конфликт между «Крысоловом — Поэзией» и «Бургомистром — Бытом», по-видимому, должен был решаться средствами лирики. а не приемами сатиры. Однако уже с первых строф поэма становится сатирической, вместо лирических отступлений возникает сатирическое «наступление», — уже не на «Быт», а на воинствующее *мещанство*; вместо поэмы о Германии *романтической* Цветаева пишет поэму *антибюргерскую*.

1-я глава («Город Гаммельн») была написана за 19 дней (1—19 марта 1925 г.). Созданный в это же время новый рабочий

плад поэмы свидетельствует об изменении ее идейных акцентов: «1. Город Гаммельн (Введение). 2. Сны. 3. Город Гаммельн бьет тревогу (Базар. Хозяйки. Герольд). 4. Увод крыс. 5. Честность честных (В ратуше). 6. Дочка бургомистра. 7. Озеро (Эпилог)». В дальнейшем глава 6 окажется ненужной, и роль Греты, задуманная вначале подробно, сведется лишь к нескольким лаконичным упоминаниям о ней; почти полностью отпадает, таким образом, важная для первоначального замысла линия: «Дочка бургомистра — Душа».

«Узреть Гаммельн — и умереть!» — перефразировка слов популярной неаполитанской песенки: «Увидеть Неаполь и умереть». *Будде — пуп* — от выражения «созерцать свой пуп», идущее от традиционной позы буддийского монаха, погруженного в размышления. «*Mensch, wo bist?*»... «*Bin nackt*». По библейской легенде, со словами «Человек, где ты?» бог обратился к Адаму, который после грехопадения скрылся, боясь гнева господня, и Адам ответил: «Голос твой я услышал... и убоился, ибо я наг». *Шатун* — здесь: дьявол. *Овцы господни* — в Евангелии Христос угождается «добром пастырю», а истинные христиане — овцам его стада. *Козел* — в старину считался «нечистым» животным; здесь — синоним «нечистого», дьявола. *Пугач* — Емельян Пугачев. *Сен-Жюст* (1767—1794) — политический деятель французской буржуазной революции. *Мой же росс Явственно горбонос — В нас*. В феврале 1925 г. Цветаева писала в дневнике о новорожденном сыне: «Глаза светлые, масть русая, нос с горбинкой — мой!» (АрЦ). «*Morgen ist auch ein Tag*» («Завтра тоже будет день») — немецкая пословица.

2-я глава («Сны») была начата 4 или 5 апреля и окончена 22 апреля 1925 г. Предварительный план ее: «Город Гаммельн спит. Муж видит во сне жену, жена — мужа, сын — страницу тетради чистописания, дочь — заштопанный отцовский носок, служанка — добрых хозяев. — Сном добродетели и — сны добродетели. (Что может видеть добродетель во сне? Собственные добродетели. И нашествие крыс. — Град! Сыпы! — Лица: Пастор, Бургомистр, судья, школьный учитель... NB! Обратное Охотнику — пастор: лицемерие.)» *Обер* (нем.) — старший, начальник. *Тора* — еврейское название первой части Библии, излагающей «божественные» законы иудейского народа и кары за нарушение их. *Седьмица* — здесь: неделя. *Соломонова пшеница — косы*, т. е. густые и золотистые, как пшеница «земли обетованной» — Палестины, царем которой был Соломон (биб.).

Дата начала работы над 3-й главой («Напасть»), в черновом варианте названной «Базар», неизвестна. Окончена она была 28 мая 1925 г. Принимаясь за работу над этой главой, Цветаева делает следующую запись: «Хорошенько дать крысиную толкучку: грязню, возню, крысы ноги отъели... Что крысы едят? Мыло, сало, свечи, кожу, муку... NB! Библию (вся пропитана салом)... Кроме ущерба, дать их увеселения... Всю ночь топали, как кони... звонили в колокол... У аптекаря выпили лекарство и напустили своего...»

Тугендбунд (нем.) — «Союз добродетели», тайное общество, возникшее в Германии в начале XIX в. против власти Наполеона; здесь: кредо, основной принцип. *Дева, словес не тратящая* (по-

пусту) — верховная власть города, отвечающая за свои постановления.

4-я глава («Увод»), начатая в первых числах июня, была окончена 7 июля 1925 г. Записи к ней: «NB! Все любовное и женское, весь соблазн мужского — в «Озеро». Здесь (в этой главе. — *Ред.*) — соблазн чужого, там — Чужого... Дать прощание с Гаммельном. Дальнейшая линия: закрепить их окончательный уход. Дать глядящих из окна гаммельнцев — караульщиков — ворота — простор. Местность — неизвестная. Дать озеро. (В жемчужной оправе пены... жемчужной мелочи пены... Пены жемчужная мелочь.) Дать: «Гаммельна просто не было!» — Обольщение флейты. Не в луже, а в звуках потонули». В процессе работы над 4-й главой темы «крысиной напасти» и «увода» были переосмыслены автором. Первоначальное толкование крыс как «земных забот» гаммельнцев отступает на задний план. Уводом крыс Охотник не столько спасает от них гаммельнцев, сколько прежде всего — самих же крыс от гибели, т. е. превращения в бургеров, ожирения («без борьбы человек не живет»).

Трехсотлетние Lind'ы — старые липы на одной из центральных улиц Берлина — «Unter den Linden» («Под липами»). *Штурм унд Дранг* — «Буря и натиск»; здесь: поход против отжившего реакционного мира (от названия прогрессивного литературного движения в Германии в 70-е годы XVIII в., в котором принимали участие Шиллер и Гете). *Шираз* — город в Персии, бывший в X—XIII вв. центром персидской культуры; знаменит своими розами, воспетыми поэтами Гафизом и Саади. *Джаным* (тюрк.) — любимый. *Тамбур* — род вышивания на палках. *Четвертый день... Дотварный ил.* По библ. преданию, в первые четыре дня сотворения мира бог создал свет и тьму, небо, сушу и воду, растительность на земле и светила на небе; животные («твари») еще не были созданы. *Соком лотосовым: покой.* По древним поверьям, сок лотоса дает забвение.

Над 5-й главой («В ратуше»), первоначально названной «Честность честных», Цветаева работает с 17 сентября по 26 октября 1925 г. План этой главы: «Постепенность: — Крысы утоплены — пришел за наградой — (Теперь: смущение или наглость ратсгерров) — За какой? За обещанной. — Объясните. — Дочкой бургомистра. (Приводит: — Будь то хоть бес, хоть жид. — Тот, кто освобождает (Кто-то из ратсгерров: — стоп! Т. е. как: За музыканта? За музыканта? — «Да, но...») и характеристика музыки (артиста, богемы вообще). — Вы хороши, чтобы увеселять нас, разгонять тучи с наших чёл (чело). Музыкант хорош на свадьбе, но не свадьба с музыкантом. — Разные типы ратсгерров: мещанское, чиновничье, нераскрытое отвращение к музыке и —

1) непонимание музыки (к чему? шум в ушах); 2) отвращение чиновничьего регламента к музыке; 3) страх перед музыкой (анархия) (страх Гете перед Бетховеном, страх перед демонами). Примеры: под музыку: — измены, революции и пр.; 4) лицемерное обожествление музыки (и музыканта). — К чему вам очаг? К чему вам жена? Вы делаете высшее дело. Пар котлов из долины и пар дымящихся вершин и т. д.

И все певаются на «За музыканта?! За музыканта?!»

Крысолов, пока, не являет себя: — остроумные реплики — приберегает козырь к концу. Ряд предложений: вместо дочки бургомистра — *№!* придумать. Крысолов на все — нет. Или молчание. И, к концу, *сопредложение*. «В ответ на ваше — все предложение — несмеленно выдать мне обещанную награду или...» — Или? — «Или я вам покажу, что такое музыка!» (Определение ратсгерров: шум в ушах.) — Даю вам на размышление столько-то. Когда часы пробьют столько-то, вы мне сообщите ответ. Шепот, м. б., описание ратсгерров? (Старики... парики?) Бой часов. Единодушно: «Нет». — Тогда — ...» *Ратсгерр* (нем.) — советник муниципалитета. *Не был Цезарем бы — Стал бы поваром бы*. Перифраз слов Александра Македонского: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». *Ну и гусь!* — *Ну и Ганс* — игра слов: гусь по-немецки — *Gans*. *Анданте* — музыкальный термин, обозначающий темп средней скорости. *Шлиф* (нем.) — лоск, хорошие манеры. *Фонд* (нем.) — здесь: скрытая суть. *Унтерgrund* (нем.) — основа. *Септ-аккорд* — аккорд из четырех звуков, *Потсдам* — город в Германии, резиденция прусских королей; символ прусской военщины. «*Ça ira!*» («Будет дело!») — припев песни времен французской буржуазной революции. *Страх Тайного рата Гёте — Пред Бетховеном*. Гёте был тайным советником при дворе Веймарского герцога. О страхе Гёте перед Бетховеном — «бездной» — писал, в частности, Р. Роллан («Гёте и Бетховен»). *Фохт* (нем.) — управляющий; здесь: начальство. *Филомела* (лат.) — поэтическое наименование соловья, связанное с античным мифом о превращении в соловья девушки Филомелы. *Азры* — название мифического арабского племени; по преданию, пылкость и возвышенность чувств обрекали юношей этого племени на гибель. *Штранд* (нем.) — морской берег, пляж. *Квинта, кварта* (лат.) — музыкальные интервалы. *Где несть болезни* — слова из православного богослужения, говорящие о «том свете», рае. *Иерофант* — у древних греков верховный жрец культа богини Деметры; здесь: тайновидец, избранник богов.

6-я глава («Детский рай») была окончена в 20-х числах ноября 1925 г. в Париже, куда Цветаева приехала в начале месяца. В тетради сохранилась лишь одна запись, относящаяся к этой главе: «Кто разобьет будильник и освободит нас (школьников. — *Ред.*) от времени?» *Плоды Соломона* — здесь: мудрость, которую приписывает Соломону библ. легенда. *Розы Саади* — от названия сборника персидского поэта Саади (ок. 1184—1291) «Гулистан» (Розовый сад), здесь: красота. *Флинте* (нем.) — ружье. *Братцы аистовы*. В фольклоре многих народов аист — символ семейного счастья; маленьким детям говорят, что их принес в семью аист. *Гусовой казни*. Ян Гус (1369—1415), великий чешский реформатор, был обвинен в ереси и сожжен на костре.

387. ВР, 1926, № 11, с. 29, под названием «Лестница». Печ. по рукописи 1938—1939 гг. «Поэма Лестницы» — одно из первых произведений, созданных Цветаевой во Франции, куда, в ноябре 1925 г., она переехала из Чехословакии. Париж (как в свое время капиталистическая Прага, чьи рабочие окраины послужили социальным фоном цветаевских поэм «Горы», «Конца», «Заставы» и многих стихотворений) поразил поэта не блеском своим и красо-

тою, а «кварталами боен, улиц из ниоткуда и в никуда, прожженных трущоб, тупиков *действительно* без выхода, свинцовой тоскою каналов...» (письмо 1925 г., АрЦ). Одним из непосредственных поводов, побудивших Цветаеву избрать темой своего произведения трагическую судьбу обездоленных, пасынков большого города, оказалось случайное знакомство с супругами М., жившими в нищете, удивительной даже для рабочей эмигрантской среды, в убогом «Гранд-отеле» на окраине Парижа. В их чердачной каморке познакомилась Цветаева с героями будущей своей поэмы, прислушиваясь к их спорам о политике, к их разговорам о ценах, болезнях, бедах и радостях, о смерти. Смерть была частой гостьей в доме, сплошь населенном беднотой. Нередко возникали в нем и пожары — от жаровен с углями, неисправной электросети, утечек газа, детских игр со спичками...

«Поэма Лестницы» создавалась автором в два приема. Начало «Повести о том, как живет и работает черная лестница» (раннее название произведения) датировано 26 января 1926 г. Далее — запись: «*Швея* (беловейка или платье?), разноцветные лоскуты. Мотив лестницы, возвращающийся: «...шутка на лестнице чуткой, на лестнице гудкой, хлеб нежности днешной (сегодняшней) — на лестнице спешной...» (Лестница безостановочна.) Лестница всегда летит, никогда не останавливается. Куда по лестнице? Огнотить заказ. За материалом. В кинематограф. Плата за газ. Опустить письмо. В лавочку за вином. В сберегательную кассу. За углями. Постепенно — из лестницы — ноги (ножки) швеи... Веером ступени. Лестница винтовая. «От железного стержня — вокруг // Плиты веером разошлись». Написав 8 страниц черновых вариантов поэмы, Цветаева почти на пять месяцев прерывает работу над нею. Черновая тетрадь поэта заполняется замыслами, планами, набросками других произведений. В частности, в ней появляется отрывок «Поэмы одного дня», незавершенного произведения, переосмысленные образы и мотивы которого впоследствии войдут в «Поэму Лестницы». В этом отрывке говорится о бунте вещей, восставших против старого быта, прежнего уклада жизни, уничтоженного Октябрем (...«Не вещи горели, а старые дни...»)

...Брали злом, брали нажимом
Деда, вы ж — вес не таков!
Вот о чем стонут пружины
Под нулем золотников

Наших... в бок ровно бы дышлом:
Коль не слеп — прочь — коль не глух!
Седочок, весом не вышел!
Эх вы, вздох, люд! Эх вы, пух!

Не сойдешь — сброшу и тресну:
Седоку конь — не кунак.
Вот о чем думает кресло,
Напружив львиный кулак.

Мебелям — новое солнце
Занялось! Век не таков!
Не пора ль волосом конским
Пробивать кожу и штоф?

Штоф истлел, кожа истлела,
Волос жив — кончен нажим!
Конь и трон — знамое дело:
Не на нем — значит, под ним! —

говорят вещи, обращаясь к никчемным потомкам «дедов», «бравших злом и нажимом».

Отрывок «Поэмы одного дня» кончается пожаром, в котором сгорает обветшавшее, пережившее себя, «прежнее время», воплощенное в утратившие ценность и значение вещи, «мебеля». набросок завершается строфами:

Что не алмаз на огне — то шлак.
После России не верю в лак.
Не нафталин в узелке, а соль:
После России не верю в моль.

Вся сгорела! Пожар малиной
Лил и Ладогой разлился.
Был в России — пожар — молиный.
Моль горела. Сгорела — вся.

В мае 1926 г. был создан черновой вариант поэмы «Попытка комнаты», являющейся, наряду с «Поэмой одного дня», промежуточным звеном в развитии родственной для всех трех вещей темы.

К работе над «Поэмой Лестницы» Цветаева возвращается 10 июня 1926 г. Перебелив январский черновик начала произведения, кончающийся строками «Черной лестницы Черноту заесть», она пишет второй, расширенный план поэмы, вводит в него ряд действующих лиц, среди которых как бы растворяется образ задуманной ранее главной героини — швеи: «Прачка (на дому). Швея. Музыкант, или актер (трагик), или поэт. ...Объединить чем-нибудь все этажи. Лаззарони. Босьяк. Кредиторы. ...Смерть. — Любовь. — Дети... — Вид с лестницы (двор — колодец)...» В дальнейших поисках некоего единого начала, связующего «все этажи», все судьбы населяющих их людей, автор намечает персонаж «нового жильца»: «Обход нового жильца по этажам; подвал; прачка... Верх: трагик? поэт? До него: гадалка; до гадалки: тряпичник... Еще: портниха (лоскутница — распутница)... Многосемейная мать. Вдова с детьми. Пьянчуга. Скрипач... Вопрос нового жильца — ряд ответов: прачка: каток или котел. Тряпичник... Лоскутница: машинку... — Дом искусств, дом ремесел?.. *Муравейник*».

Наброски эти свидетельствуют о замысле произведения более обширного и многопланового, чем то, которое было создано автором. Можно предполагать, что «Поэма Лестницы» должна была являться лишь первой, вводной частью большой вещи, оставшейся ненаписанной.

Черновые варианты поэмы, занимающей более 60 страниц тетради большого формата, близки к беловому варианту. Сюжетные линии «бунта вещей» и «пожара», привнесенные из «Поэмы одного дня», переосмыслены автором в соответствии с темой «Поэмы Лестницы». Так, если по замыслу «Поэмы одного дня» в пожаре революции сгорают вещи — символы богатства и власти старого мира, то в «Поэме Лестницы» очистительный огонь вместе с *вещами бедных* уничтожает самые понятия нищеты, бесправия, унижения. Пожар «Поэмы одного дня», отождествляемый с полымем Октября, изображается Цветаевой как реальное событие; пожар «Поэмы Лестницы» (действие которой происходит в капиталистическом городе) — пока еще только сон пострадавших людей (к которому примешиваются мотивы библейского «Сна Иакова», сулящего обездоленному и гонимому человеку торжество и процветание его потомков, бесчисленных, как песчинки на дне морском).

В тот же день, что был закончен первый беловой вариант «Поэмы Лестницы» (21 июля 1926 г.), Цветаева пишет: «Вторая часть — если будет — начнется с *деревни* в городе: запахов, звуков, вестей — возы — крестьяне — рынок — молоко — тревога города: пахнет несвойственным. Город, родства не помнящий, забывает начисто (лишь деревня долго плачется: город забывает начисто)... Расспросы и — новый жилец...» Вторая часть поэмы осталась неосуществленной.

Coty (Коти) — известная французская парфюмерная фирма. *На stravинский лад* — т. е. резкими, диссонирующими звуками, характерными для музыки русского композитора И. Стравинского (р. 1882) в 20-е годы. *Франценсбад* — в прошлом известный австрийский курорт; ныне — Франтишкове Лазии в Чехословакии. *Сон Иакова*. Иаков (библ.), преследуемый своим братом Исавом, скрывался в пустыне; там ему приснилась лестница, один конец которой упирался в землю, другой — в небо и по которой спускались и поднимались ангелы. В это время бог возвестил Иакову, что потомство его на земле будет столь же многочисленно, как песчинки на дне морском. *Мыслящий тростник* — известное изречение французского философа Блэза Паскаля (1623—1662): «Человек всего лишь слабый тростник... , но тростник мыслящий». *От Зевеса страхуют дом*. Царь богов Зевс — громовержец, по верованиям древних ударом молнии вызывавший пожары.

388. Печ. впервые, по беловой рукописи 1938—1939 гг., с восстановлением по черновой тетради 1936 г. строф 14, 18 и 19, переписанных автором с пробелами.

За работу над поэмой Цветаева принималась трижды: с 12 по 26 апреля 1934 г. в Клармаре близ Парижа был написан черновой вариант 1-й части поэмы (до слов «И оборачивалась — зарей!»); несколько дней декабря 1935 г. были посвящены отделке начала, и наконец, с последних чисел мая по 16 июня 1936 г. в предместье Парижа Ванв был написан последний вариант «Автобуса», 1-я часть которого вновь подверглась значительной авторской правке и доработке. Черновики поэмы занимают более семидесяти рукописных страниц; отдельные строфы и строки насчитывают до 10—15 вариантов, а например, 20-я строфа («Седины? Но

яблоня тоже...») — свыше двадцати. Работая над описанием весенней земли: «И лежит, как ей повелено, С долами и взгорьями», Цветаева ищет: «С рощами и взгорьями... надо дать контур, т. е. не рощи. Слепить (объемно). С речками... спусками... взлобьями... нивами... ширями... логами... ямами (плохо:) ... тропами... даями». «...Нужно одно слово для шума и для дыма, — пишет она дальше, обдумывая следующие строфы, — ... по смыслу — отвлеченное, ибо влага и цвет (влажный ... зеленый дым) и звук — в самом слове шум (влажный... зеленый шум) уже даны. Можно: шепотом, шуршаньем... либо светом (листвы), блеском»...

...«Зелень земли ударяла в голову,
Переполюняла ее полным...»

Переполюняла росой и щебетом — хорошо, но нужно <окончание> на «м»! Смысл: цветенье, звон, смех, игра, ветер, воздух, веянье; если прозой: соком и щебетом, влагой и щебетом... ромашкой... свистом, жужжанием, блеском, запахом (какие цветы?) — цветения, красотой, краской, — бирюзой, лазурью; черноземом, свежестью, прохладой... Жаром? нехорошо. Теплом?» — Так рождается строка «Переполюняла теплом и щебетом...». Чтобы наиболее выразительно передать обостренное наступлением весны восприятие природы, Цветаева отыскивает свыше 80 «подобий», из которых выбирает три: сокола («Так сокол не видит пахот»), узника («Так узник не слышит птиц») и буйвола («Так буйвол не чует трав»), отбрасывая варианты:

Так знахарь не чует трав
Так иннок не слышит стоп
Женских

Так предок не видит мест
Прежних

Так ястреб не видит нив

Так летчик не видит мест

Так кормчий не видит мелей

и десятки других. «А м. б., вместо обоняния и слуха — знанье, рвенье к...?» — спрашивает себя Цветаева:

Слухом — по ... конской чути,
Зреньем — так сокол не видит мест!
Знаньем — так столпник не знает сути!
Рвеньем — так правда не рвется с уст!

Или: Знанием — так горек не знает тропок... Рвением — так иннок не рвется в мир... Знанием — так схимник не знает страхов... Рвением — так школа не рвется с мест... NB: Все эти подобия должны быть положительные, радостные, и в поле моего зрения, т. е. из обихода данной природы. Потому *страхов* (схимник) — не годится. Искать плюсового». — «Если повести сравнение по буйволу и травам, — записывает далее Цветаева, — либо знахарю и травам, то выход: как я знаю травы — так и буйвол их не знает. Я же хотела: я вижу, чую *так*, как и буйвол не чует трав... Лучше повести подобие по простоте: без схимника, хотя жаль; т. е. травы, места — и что-то для зрения; и — приятные, открытые подобия, которые я могла бы принять на себя». И, наконец, после долгих поисков найди удовлетворяющий ее вариант (...«Писала, т. е. искала, т. е. плутала... — до отупения, и в момент полного отупения и отчаяния — само, т. е. по какой-то механической, мозга, инерции...»), Цветаева заносит в черновую тетрадь: «Трудно писать восторг — и любовь — и доверье, когда нет ни одного, ни другого, ни третьего, и вдобавок холод и дождь (июнь 1936 г.). Но м. б., так и создаются — восторг, любовь, доверье — и вдобавок — хорошая погода?..» (АрЦ).

В 1938 г., перебеливая «Автобус», Цветаева пишет о желании еще раз вернуться к доработке поэмы, развить последнюю ее часть, ввести новые эпизоды: «...Кафе — может быть, под вишнею... Их танец: — И наяривала — И наяривала — Механическая рояль... Потом дать погасание. Гремя, подходит автобус...» Это намерение осталось невыполненным. *Вербный плясун* — игрушка, продававшаяся на «вербной неделе». *Навуходоносор II* (604—562 до н. э.) — могущественный вавилонский царь; по библийской легенде, бог, наказав его за гордыню, отнял у него разум; Навуходоносор был на 7 лет «отлучен от людей» и «ел траву, как вол». *Жан-Жаков брат* — т. е. вернувшийся к природе, согласно учению Ж.-Ж. Руссо.

«Автобус» — последняя поэма, созданная Цветаевой; главная ее идея — непримиримое отрицание эстетского, гурманского, потребительского отношения к жизни, природе, человеку. Еще в 1919 г., рассуждая о поэтическом мастерстве, Цветаева писала: «Для того чтобы воспевать — вам, эстеты, японские вазы или край ноготка вашей возлюбленной, — вам, футуристы, небоскребы, — достаточно *казаться*. Чтобы говорить о жизни, о солнце, о любви — нужно *быть*» (АрЦ). «Эстетство — это бездушье, — читаем в письме 1923 г. — Замена сущности — приметами. Эстеты, минув живую заросль, упиваются ею на гравюре. Эстетство — это расчет: взять без страдания: даже страдание превратить в усладу! Всему под небом есть место: и предателю, и насильнику, и убийце, — а вот эстету нет. Он не считается. Он выключен из стихий, он нуль... Не будьте эстетом: не любите: красок — глазами, звуков — ушами, губ — губами, *любите всё душой*. Эстет — это мозговой чувственик, существо не только низменное — презренное. Пять чувств его — проводники не в душу, а в пустоту: «Вкусное отношение», — от этого один шаг до гастрономии» (АрЦ). «Сыну своему я пожелаю быть, как я, произведением *природы*, а не *искусства*», — писала Цветаева в 1925 г. (АрЦ).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

389. «Звено», Париж, 1923, 12 февраля. Рукопись пьесы не сохранилась. «Метель» — вторая по счету из шести дошедших до нас пьес романтического цикла, созданных Цветаевой: «Червонный Валет» (1918), «Метель» (1918), «Фортуна» (1919), «Приключение» (1919), «Каменный Ангел» (1919), «Феникс (Конец Казановы)» (1919). Рукописи неопубликованных пьес 1919—1920 гг. — «Дмитрий Самозванец» и «Ученик», — так же как перевода комедии Мюссе «С любовью не шутят», над которыми Цветаева работала в 1920 г. по заказу III Студии МХТ, не сохранились. Непосредственной причиной обращения Цветаевой к драматическому жанру послужила ее близость к кружку артистической молодежи (впоследствии образовавшему III Студию МХТ), в который в 1917 г. ввел ее П. Г. Антокольский, тогда начинающий поэт. Цветаева не смогла не увлечься устремлениями и интересами студийцев, искавших под руководством Евг. Вахтангова новые пути молодого советского театра, однако театральное искусство как таковое вызывало у нее противоречивое отношение, равно притягивая и отталкивая сочетанием несоместимых для ее творческой сущности начал «зрительного» и «словесного». Видя задачу поэта в отображении мира осязуемого, осязаемого, зримого средствами поэтического слова, обращенного к *читателю*, Цветаева воспринимала театр, превращающий читателя в *зрителя*, как некое «подспорье для ... хитрецов породы Фомы Неверного, верящих лишь в то, что видят, еще больше: в то, что осязают» («Конец Казановы», М., 1922, с. 6). Эпиграфом своего предисловия к изданному в 1922 г. в Москве «Концу Казановы» Цветаева взяла слова Гейне: «Театр не благоприятен для Поэта, и Поэт не благоприятен для Театра». В то же время, как свидетельствуют записи в тетрадях 1919—1920 гг., Цветаева мечтала о постановках своих пьес, об актерах для них и признавала, что драматургия открыла ей новые возможности выражения человеческих отношений, коллизий, характеров и страстей. «... Я стала писать пьесы — это пришло, как неизбежность, — записывает она в июле 1919 г., — просто голос перерос стихи, слишком много вздоху в груди стало для флейты... Пишу, действительно, себя не щадя, не помня...» (АрЦ). В этих же тетрадях, так же как и в «Повести о Сонечке», Цветаева рассказывает о людях театра, вдохновивших некоторые сценические образы героев ее пьес; так, старому Казанове из пьесы «Феникс» придала она отдельные черты А. А. Стаховича (1856—1919), преподававшего сценические «манеры» (выpravку). С. Е. Голлидэй послужила прообразом юных героинь в пьесах «Феникс», «Фортуна», «Приключение»; Ю. А. Завадский, тогда актер III Студии МХТ, и его сестра В. А. Завадская (Аренская) воплотились в Господина и Даму, главных действующих лиц «Метели». Несмотря на желание увидеть «Метель», первый свой серьезный опыт в области драматургии, на сцене, Цветаева долгое время не решалась ознакомиться с этой пьесой студийцев. Лишь примерно через год после написания Цветаева прочитала «Метель» в III Студии МХТ. «Чтение... вещи перед лицом всей Третьей Студии и, главное, перед лицом Вахтангова, их всех бога... Читала, могу сказать, в *алом* тумане, не

видя тетради, не видя букв, наизусть, единым духом, — как пьют — но и как поют!.. Когда я кончила — все сразу заговорили. Так же полно заговорили, как я — замолчала. «— Великолепно! — Необычайно! — ... Театрально — и т. д. ... Вот только — кто будет играть Даму в плаще? — ... (Я, молча: — Дама в плаще — моя душа, ее никто не может играть...)» («Повесть о Сонечке», АрЦ). Мечта Цветаевой — быть зрителем собственных пьес — не осуществилась: ни одна из них не была поставлена в театре. Так же остался неосуществленным ее замысел издания «Метели», «Приключения», «Фортуны», «Феникса» отдельной книгой, которую она готовила к печати в 1925 г. под названием «Романтика».

390. ВР, 1923, № 18, с. 1—18; № 19, с. 1—22. Беловая рукопись, с незначительными, по сравнению с публикацией, разночтениями, — в АрЦ. «Приключение», так же как и «Феникс» (последняя из пьес романтического цикла), вдохновлено образом Джакомо Казановы (1725—1798), легендарного искателя приключений, «Мемуары» которого Цветаева считала ценнейшим человеческим и историческим документом той эпохи и широко использовала в работе над обеими пьесами. Венецианец Казанова, человек незаурядного ума, разносторонне образованный, предприимчивый и бесстрашный, любитель и любимец женщин, предпочел сомнительную карьеру авантюриста любой из тех, что открывали перед ним его способности и связи. Применяясь к обстоятельствам, Казанова перевоплощался то в правоведа, то во врача, то в мага-астролога, то в дипломата, носил сутану аббата и военный мундир, писал стихи и читал проповеди... В 1917 г. Цветаева дает характеристику герою своих будущих пьес: «Казанова: блестящий ум (вечные проекты) ... сердце — вечно настороже... наконец — дух: вечная потребность в Тассо. — И полное отсутствие души. Отсюда полнейшее незамечание природы. Музыкальность же его и стихотворчество — музыкальность и стихотворчество всей Италии» (АрЦ). Объездив всю Европу (в 1765 г. Казанова побывал и в России, где был предостережен Екатерине II), одержав неисчислимое количество побед над женскими сердцами и человеческой доверчивостью, он кончил свои дни безвестным библиотекарем в замке Дукс, в Богемии, оставив после себя, помимо многотомных «Мемуаров», около тридцати трудов на самые различные темы и ряд переводов древних авторов (в том числе перевод гомеровской «Илиады»). В «Приключении» Казанова предстает в расцвете сил и своей фантастической карьеры; «Феникс» раскрывает образ всеми брошенного и забытого старика — «... величественного, гордого, смешного, но никогда не жалкого в постигшем его непоправимом бедствии — старости» (запись 1919 г., АрЦ).

В основу пьесы «Приключение» положена подлинная история, рассказанная Казановой в его «Мемуарах». ¹ Добываясь достовер-

¹ В примечаниях использовано последнее издание воспоминаний Казановы: «Jacques Casanova de Seingalt. Memoires, v. 1—11, Edition de la Sirène, Paris, 1924—1932» (Жак Казанова де Сейнгальт, Мемуары, т. 1—11, изд. Сирены, Париж, 1924—1932). Ссылки на это издание даются в сокращенном виде.

ности повествования, Цветаева следовала подчас мельчайшим деталям «Мемуаров», воссоздающим реальную обстановку, в которой происходило действие. «В «Приключении» я, ввиду неизящества позы и громоздкости предмета, чуть было не заменила виолончель — скрипкой, — писала она, вспоминая о своей работе над пьесой, — но... в жизни была виолончель! И, укротив себя, не раскаялась: виолончель больше душа, чем скрипка, виолончель — несовершеннейшее воплощение души, за виолончелью мы забываем вид и позу, слушая — не глядят» (запись 1919 г., АрЦ). В то же время Цветаева несколько романтизировала образы главных героев, в необходимых случаях отступая от фактов, изложенных Казановой, привнося в сюжет собственные мотивы и акценты и устрняя из него тривиальные подробности и ситуации, описанные в мемуарах. Возводя в принцип право поэта на романтизацию героев и событий, Цветаева провозглашала лозунгом всего своего творчества слова русского поэта Тредиаковского (1703—1769) о том, что «поэтическое вымышление бывает по разуму, то есть так, как вещь могла быть, или должна была быть».

Картина 1. «Капля масла». Название картины, так же как привнесенные автором обстоятельства встречи Генриэтты с Казановой, вдохновлены известным эпизодом из рассказа об «Амуре и Психее» Апулея («Метаморфозы», кн. 5): желая увидеть скрытые от нее черты влюбленного в нее Амура, Психея склоняется над ним, спящим, держа в руке светильник. Капля масла, пролившаяся из светильника, пробуждает Амура. *Что мы читаем.* В «Мемуарах» Казанова неоднократно упоминает в числе своих любимейших поэтов Данте (1265—1321) и Ариосто (1474—1533), произведения которых знал буквально наизусть. «Значенье звезд», «Семь спутников скелета» — вымышленные Цветаевой названия книг по астрологии и черной магии, при помощи которых Казанова одурачивал простаков. *Асмодей* (библ.) — демон-вдохновитель «нечистых» страстей. *Над скольких Ариадн — стою — Тезеем* — намек на непостоянство Казановой (по греч. мифу, Тезей покинул свою возлюбленную Ариадну). *Ле-Дюк*. Слуга Казановой Ле-Дюк, часто упоминаемый в его мемуарах, был нанят им позднее описываемых Цветаевой событий и не участвовал в них. *Сбирры* (итал.) — полицейские. *Лепорелло* — слуга Дон Жуана.

Картина 2. *Никак не ниже десяти цехинов.* В «Мемуарах» Казановой ни о каком «денежном вознаграждении» Генриэтта не упоминает даже в шутку. *И эту Турецкую пистоль — на смертный выстрел.* В «Повести о Сонечке» Цветаева рассказывает, что у В. Алексеева, одного из участников II Студии МХТ, «... была пистоль, «гишпанская пиштоль», как мы ее называли, и эту пиштоль я... взяла в свое «Приключение», вручила ее своей (казановиной) Генриэтте: «Ах, не забыть гипшанскую пиштоль, // Подарок твой...» (см. 4-ю карт. — *Ред.*) Потому что он эту «пиштоль» мне на Новый год принес и торжественно вручил — потому что он, как и я, не мог вынести, чтобы другому вещь нравилась, и держать ее у себя...» (АрЦ). *Мессэре* (итал.) — сударь. *Одно — цвета месяца, Другое — цвета зари... Цвета Времени — Плащ.* Генриэтта вспоминает сказку Шарля Перро (1628—1702) «Ослиная кожа», в которой фигурируют платья «цвета месяца и зари» и плащ

«цвета времени». *Дралась С польским временщиком*. Этого эпизода в «Мемуарах» нет. *Я жил тогда, недели три назад*. В своем изложении рассказа капитана Цветаева в основном следует тексту «Мемуаров» (т. 3, с. 26), несколько романтизируя образ Генриэтты. *В нашем замке нагадала лесничиха*. О знатности своего рода Генриэтта упоминает только однажды, в разговоре с Дюбуа-Шательро (см. примеч. к 3-й картине), намекая на то, что по происхождению своему могла бы быть представленной ко двору (т. 3, с. 54).

Картина 3. В рукописи «Приключения» некоторые действующие лица, появляющиеся в 3-й картине, носят имена людей, реально существовавших и упомянутых в «Мемуарах» Казанова. Так, «Горбун — как все горбуны» первоначально был назван Цветаевой именем Дюбуа. Это — француз Дюбуа-Шательро (1711—1776), директор «Монетного управления» герцога Пармского, нумизмат, гравер медалей и печатей. Музыкальный вечер, описываемый в 3-й картине, устроен был им в честь Казановы и Генриэтты, к которой горбун был неравнодушен. *Посол французский* в рукописи носит имя Дюгилио, французского посла при пармском дворе. Генриэтте он был представлен не на вечере Дюбуа, на котором не присутствовал, а несколько позже (т. 3, с. 63); *Посол испанский* по первоначальному замыслу должен был носить имя подполковника д'Антуан Блакаса, приближенного герцога Пармского. Д'Антуан, по-видимому связанный с семьей Генриэтты и знавший ее в лицо, столкнулся с ней на празднестве в Коларно, резиденции герцога. Именно от него исходило письмо, послужившее причиной ее разрыва с Казановой и возвращения во Францию (т. 3, с. 63). Под *Педантом* подразумевается некий Валентен Делаэ, преподававший Генриэтте итальянский язык. «Человек respectableйшей внешности, вежливый и скромный; говорящий мало, но хорошо, осмотрительный в ответах и образованный в старом вкусе... При всем этом подлинный Гартюф», — пишет о нем Казанова (т. 3, с. 44). *Фарусси* — девичья фамилия матери Казанова, которую он носил, когда желал скрыть свою собственную. Французский гость намекает на эпизод, рассказанный в мемуарах (т. 3, с. 10), когда Казанова «почти срывает банк» во время карточной игры у актрисы Нариччи, накануне встречи с Генриэттой. *Когда б Сам Цицерон*. «Суждения Генриэтты превосходили Цицероновы в его «Тускуланах», — говорит Казанова о красноречии своей возлюбленной (т. 3, с. 56). *Девять Сестер бессмертных* — девять муз, покровительниц и вдохновительниц искусств у древних. *При нашей встрече в Опере*. Впервые Дюбуа-Шательро видит Генриэтту в пармской Опере, которую та посещает по настоянию Казановы. *Пристрастие К медалям обнаружила*. Казанова заказывает Дюбуа копии медалей его работы, изображающих Филиппа, герцога Пармского, и его супругу; Генриэтта высоко оценивает работу горбуна (т. 3, с. 52). *Челлини* Бенвенуто (1500—1571) — флорентийский ваятель и золотых дел мастер, автор непревзойденных по изяществу ювелирных изделий и медалей. *А кто ее Парис?* Французский посол сравнивает Генриэтту с прекрасной Еленой. *Аббатшко разжалованный*. По настоянию своей семьи Казанова в юности изучал церковное право и в 1740 г. получил звание аббата. *Вулкан*

с Венерой. Красавица Венера, богиня любви у древних римлян, и ее супруг Вулкан — хромым и кривоногий кузнец, бог огня и металла, часто изображались художниками Возрождения рядом; уродство Вулкана подчеркивало красоту Венеры; по такой же аналогии французский посол называет красавицу Диану и козлоногого уродца Фавна. *Весы* — астрологический знак сентября; подразумевается, что Генриэтта родилась в сентябре, «под знаком Весов». *Заведены часовщиком Спинозой*. В своих мемуарах Казанова приводит высказывания Генриэтты, свидетельствующие об ее увлечении учением голландского философа Б. Спинозы (1632—1677). *Прекрасный Сандро*. Молодой виолончелист, названный Цветаевой именем Сандро, упоминается Казановой в его воспоминаниях (т. 3, с. 58). За словами Прекрасного Сандро: «Изнемогаю, не могу играть» — в рукописи следует строфа, не вошедшая в окончательный вариант:

Дюбуа: Диковинные люди — музыканты!
Проси хоть час, хоть три, хоть пять, хоть сто
Часов — ни с места! А когда, без сил
От тщетных просьб, глаза сомкнешь — как гром
С небес — музыка: час, и три, и тридцать,
Доколь не лопнут струны на виоле,
И наши уши бедные...

Виолончель, душа моей души... Как вспоминает Казанова, Генриэтта, прослушав концерт виолончелиста, взяла его инструмент и, читая ноты с листа, повторила сыгранные им мелодии с большим блеском, чем сам концертант. Потрясенный неведомым ему талантом Генриэтты, Казанова вскоре после вечера подарил ей виолончель (т. 3, с. 58—59). *Лаури — ученица*. В «Мемуарах» нет сведений о преподавателе музыки Генриэтты. *Где письмо? — А! Сэмь печатей*. Письмо, принудившее Генриэтту разлучиться с возлюбленным, было получено ею вскоре после описываемого в 3-й картине вечера и исходило от д'Антуана (т. 3, с. 64—66).

Картина 4. По «Мемуарам» (т. 3, с. 64—73), Генриэтта, получив письмо д'Антуана, игравшего роль посредника между ней и ее семьей, с которой она разошлась, встречается с ним и ставит ему условия возможного своего возвращения во Францию, после чего проводит со своим возлюбленным две недели в Милане; вернувшись в Парму, она вновь видится с д'Антуаном. Свидание это решает ее участь: она должна покинуть Казанову. Он провозжает ее до Женевы, где они расстаются. Оттуда Генриэтта следует во Францию одна. *Гостиница «Весы»*. Гостиница, о которой идет речь, находилась в Женеве и существует поныне; в свое время там останавливался Гёте. В 1828 г., по свидетельству Мальмесбурга (*Notes and Queries*, 21 марта 1914, 226), в одной из ее комнат еще можно было видеть окно с надписью Генриэтты. *Мингер* (голл.) — господин. *Не смей разузнавать... кто я*. В «Мемуарах» Казанова приводит следующие слова Генриэтты: «Коль скоро необходимость заставляет нас расстаться — единственный друг мой, прошу тебя никогда не наводить обо мне справок, и если случай столкнет нас еще когда-нибудь, сделай вид, что ты меня не знаешь» (т. 3, с. 71). *Безумства — Три — свер-*

шила я в свой краткий век. «Я... твоя Генриэтта, та самая Генриэтта, что совершила в жизни три безумства, из коих последнее погубило бы меня, если бы не ты... Теперь я могу назвать его чудесным, раз оно послужило причиной нашего знакомства», — говорит Генриэтта Казанова в начале их романа (т. 3, с. 48). *Когда-нибудь, в старинных мемуарах.* Эти слова Генриэтты старый Казанова читает в ее письме в пьесе «Феникс». *Где-нибудь, В богом забытом замке — на чужбине.* Казанова кончил свои дни в замке Дукс, в Богемии, в возрасте 73 лет. Смерть его описана князем де Линь, у племянника которого, гр. Вальдштейна, Казанова служил в качестве библиотекаря последние годы своей жизни. «Поскольку аппетит его уменьшался с каждым днем, он не слишком сожалел о жизни, которую окончил достойно пред богом и людьми. Жестикуюлируя и произнес несколько сентенций, он причастился св. даров и произнес: «Великий боже и все вы свидетели моей кончины, я прожил философом и умираю христианином» («Мемуары кн. де Линь», изд. Гарнье, т. 8, с. 470).

Картина 5. *Тринадцать лет спустя. Комната гостиницы «Весы».* Казанова действительно останавливался в гостинице «Весы» в 1761 г., но при обстоятельствах иных, чем те, которые описывает Цветаева, и ничем не напомнивших ему о его прежней любви. По «Мемуарам», жизненные пути Казановы и Генриэтты скрещиваются еще дважды. В 1763 г. в провансальском городе Экс Казанова, вместе с очередной подругой Марколиной, пользуется гостеприимством бывшей своей возлюбленной, которую не узнает (т. 9, с. 78—86); в 1769 г., вновь оказавшись в том же городе, он пытается разыскать Генриэтту; та оказывает ему помощь во время его тяжелой болезни, но встречи с ним избегает (т. 11, с. 150). Между ними завязывается долгая дружеская переписка, в которой, по словам Казановы, Генриэтта раскрывает свое инкогнито и объясняет ему обстоятельства, внудившие ее в свое время бежать из дома. Но письма Генриэтты не сохранились, и тайна ее остается неразгаданной по сей день. Бесспорным является одно — глубокое и длительное чувство, внушенное ею Казанове, чувство, пронесенное им через всю его жизнь, столь богатую приключениями. «*Вы забудете и Генриэтту.*» Эту надпись Казанова обнаруживает в день разлуки с Генриэттой, оставшись в гостинице после ее отъезда. «Подобное предсказание не способствовало моему утешению, — пишет Казанова. — Как понять смысл, вложенный ею в слово *забыть*? Этим словом она могла намекать лишь на то, что время зарубцует глубокую рану, нанесенную ею моему сердцу, однако следовало ли растравлять эту рану хотя бы подобием упрека? Нет, я не забыл ее; пусть поседела моя голова, — память о Генриэте все еще истинный бальзам для сердца» (т. 3, с. 72).

391. «Версты», № 2, Париж, 1927, с. 5—83, под названием «Тезей». Печ. по журнальному тексту с мелкими исправлениями, сделанными автором в 1940 г.; тогда же было дано и новое название. Черновая рукопись трагедии — большая тетрадь с планами и вариантами — в АрЦ. Замысел трагедии и первые ее наброски относятся к лету 1923 г., когда Цветаева задумывает драматическую трилогию «Гнев Афродиты» — историю героя Древней Греции Те-

зея, счастливого в подвигах и роковым образом несчастливого в любви на протяжении всей своей жизни. Тема первой части трилогии — миф о Тезее и Ариадне. Эгей, царь афинский, некогда послуживший причиной гибели Андрогейя, сына критского владыки Миноса, становится вечным его «данником» и обязан каждый год посылать в жертву кровожадному чудовищу Минотавру, живущему в критском лабиринте, семь прекраснейших афинских юношей и девушек. Тезей, сын Эгея, добровольно отправляется вместе с «жертвами» на остров Крит, сражается с Минотавром и убивает его мечом, подаренным ему Ариадной, дочерью Миноса, а при помощи нити, врученной ею же, выходит из Лабиринта. Ариадна, полюбившая Тезея, соглашается стать его женой и покинуть отца. На острове Наксос, куда причаливает корабль по дороге в Афины, бог Дионис (Вакх) убеждает Тезея уступить ему Ариадну, которая обретет бессмертие, если сделается супругой небожителя. Желая подарить любимой вечную жизнь, Тезей уступает уговорам Диониса и покидает спящую Ариадну. Приближаясь к Афинам, охваченный горем Тезей забывает выполнить обещание, данное перед отъездом отцу: сменить черные паруса (символ скорби) на белые — в знак благополучного возвращения. Видя на горизонте черные паруса, Эгей решает, что сын погиб, и бросается в море.

Злой рок, тяготеющий над Тезеем, Цветаева объясняет проклятием богини любви Афродиты, чей гнев Тезей навлек на себя, изменив ее любимице Ариадне. «Тезей... проклят Афродитой и должен, одно за другим, терять всё, что любит» Части трилогии должны были называться по именам женщин, которых любил Тезей: 1 ч. — «Ариадна», 2 ч. — «Федра», 3 ч. — «Елена». «Ариадна: юность Тезея: восемнадцать лет; Федра: зрелость Тезея: сорок лет; Елена: старость Тезея: шестьдесят лет». Трилогия предполагала обилие действующих лиц и событий. В предварительном наброске замысла «Гнева Афродиты» Цветаева пишет: «Тезей, спасенный Ариадной, увозит ее на остров Наксос и там, по велению Диониса, покидает. По возвращении его с Наксоса врывается враждебное племя амазонок, осаждают город и убивают Ипполиту (жену). Возмездие первое.

Тезей женится на Федре, сестре Ариадны, в дни Наксоса малолетней.

Встреча Федры с Ипполитом. Ненависть Ипполита к Федре. Ненависть к сестре той, — Ариадны, из-за которой (возмездие богини Тезею) Ипполита — погибла.

Гибель Федры и Ипполита.

Афродита, разгневанная «изменой» Тезея Ариадне, омрачает его страстью к Федре, затем к Елене. Тезей погибает из-за Елены...»

В октябре 1923 г. Цветаева вплотную приступает к работе над первой частью трилогии. Она пишет подробный план первой картины и одновременно с этим план всей пьесы, оставшийся неизменным. Черновая тетрадь трагедии показывает, какая огромная предварительная работа была проделана поэтом. Цветаева изучает и собирает материалы, делает выписки и заметки, осмысливает характеры и взаимоотношения своих героев. «Осмыслить Диониса...»

По мне: Дионис — мужское явление Афродиты, ее единственный и истинный брат... *Пара*... Явление Эгея: сплошная расслабленность... Минос: сын Зевса... Два Миноса: символ солнца, светлый, и другой: пещерный, Минос тьмы. (Думаю, что двойную сущность Миноса можно объяснить смертью его любимого сына Андрогейя, делающей его кровожадным и мрачным.) ..Какова Ариадна? — Спокойная. — Ждет судьбы. Некая высшая отрешенность. Ясная. Без смуты. Немпожко *старше* Тезея. Чуть-чуть к нему клонится». К декабрю Цветаева оканчивает первую картину и приступает ко второй. 5 декабря 1923 г. писание трагедии прерывается работой над «Поэмой Горы» и «Поэмой Конца», и лишь после окончания их Цветаева возвращается к пьесе. «Начинаю вторую картину сызнова», — записывает она 9 июля 1924 г. Дальнейшая работа над трагедией ведется почти без перерывов, и уже 7 октября 1924 г. Цветаева ее заканчивает.

По-видимому, под влиянием только что созданных поэм Цветаева вносит значительные изменения в *трактовку* своего замысла, переносит центр тяжести всей пьесы на решение психологического конфликта. Переосмысливая сюжет, Цветаева в первую очередь устраняет ранее намечавшуюся линию активного вмешательства богов-покровителей в судьбы героев пьесы. Посейдон, благословляющий Тезея на борьбу с Минотавром, обещающий юноше свою помощь («трижды покличешь — трижды отвечу», «трижды попросишь — трижды исполню»), вдохновляющий завязку драмы, ни в развитии ее, ни в развязке больше не участвует. Не вводится он и в действие второй части трилогии («Федра»), равно как и Артемиды, покровительница Ипполита. Сама Афродита покидает свою любимицу Ариадну беспомощной, спящей, в час, когда, в споре между Тезеем и Дионисом, решается ее судьба, и воплощает в пьесе лишь карающую силу «божественного промысла», убивая царя Эгея в заключительной сцене трагедии. Наперекор традициям античной трагедии, боги-покровители как бы предоставляют своим избранныкам самим решать свою земную судьбу, перестают руководить их поступками и оказывать им помощь в минуту опасности. Ослабив линию «божественного промысла», Цветаева сокращает также число действующих лиц, упраздняя ранее намеченные роли (Медеи, малолетней Федры, Сивиллы, Пасифаи, Минотавра). Все внимание автора сосредоточивается на Ариадне, Тезее, Дионисе (Вакхе).

В «Ариадне» исконная цветаевская тема разминовения (человека с человеком, любви с любовью, судьбы с судьбой), влившаяся в форму античной трагедии, звучит на высокий трагический лад. Тема несовпадения любимого с любимой перерастает здесь в тему разминовения любящего с самой любовью. Тезей уступил Ариадну Вакху во имя любви к ней, а Афродита увидела в его отречении лишь пренебрежение к своей любимице, за что и наказала Тезея. По первоначальному замыслу, Тезей должен был уступить Ариадну Вакху из страха перед ним («борьба между любовью к Ариадне и страхом божества»). В окончательном варианте трагедии Вакх воздвигает на Тезея не божественной своей властью, а силой человеческого убеждения: «Вакх хочет Ариадну. Как бог он может ее отнять, но он, очевидно, хочет доброй воли Тезея

к жертве. . . „Силой я ее у тебя не возьму, мне нужна добрая воля. Прах — бессмертие — выбор твой. Что же может быть слаще жертвы во имя любимой? . . . Тезей, то, что я хочу от тебя — выше сил человеческих! . . . или: „Меньшее может стать большим. Сделайся богом!“ Или: „Рожденный человеком, поступи, как бог!“» (АрЦ). В четвертой картине, по словам Цветаевой, происходит «встреча богов и смертных для того, чтобы боги забыли о своем бессмертии, смертные — о своей смертности». Вакх убеждает Тезея в тленности, неверности, «отвращающей тщете» земной любви, и этим — побеждает. Монолог Вакха во многом близок отдельным строфам поэм «Горы» и «Конца». Тезей отказывается от Ариадны не из страха божественной кары, а во имя высшей любви к ней. «Тезею не мало Ариадны, ему — мало земной любви, над которой он знает большее, которой он сам больше — раз может ее перешагнуть, — писала впоследствии Цветаева, объясняя эту сцену. — Тезей не через спящую Ариадну шагает, а через земную — лежащую любовь *лежащего себя*. . . Не женщина соблазняется лавролобом (Вакхом. — *Ред.*), а лавролобый — оспаривает и отстаивает ее у земного» (РЛА, с. 210).

Окончив «Ариадну», Цветаева изменила название трилогии. «Нельзя «Гнев Афродиты», п. ч. . . так может называться явно плохая вещь. Лучше просто — Тезей» (АрЦ).

Из трилогии были осуществлены лишь две части. Вторая часть — «Федра», была написана в 1927 г.; опубликована — в СЗ, 1928, №№ 36, 37.

Картина 1. *В Дельфы царь — к вещим камням*. В городе Дельфы находился знаменитый оракул Аполлона. *Посейдонова кость*. Согласно одной из версий предания, Тезей был сыном бога моря Посейдона. *Пятьдесят сыновей Палладия*. Брат Эгея Палладий (Паллант) хотел сделать наследниками престола своих сыновей; Цветаева смещает хронологию предания, ибо, по мифу, Тезей перебил всех «паллантидов» еще до своего путешествия на Крит к Минотавру.

Картина 2. *К одру пригвоздить Прокруста*. Подвиг, совершенный Тезеем по пути к отцу в Афины (до событий, излагаемых в трагедии); Тезей убил великана-разбойника Прокруста на его собственном ложе, на котором тот калечил и убивал своих жертв. *Химера* — в греч. миф. — чудовище, изрыгающее огонь.

Картина 3. *Дедала детище* — Лабиринт, построенный великим скульптором и зодчим древних Афин Дедалом. *Соль волна!* Афродита была рождена из морской пены. *Розы вослед*. Роза — один из атрибутов Афродиты. *Пеплум* — плащ. *Судьбы твоей волокна*. Судьбы человеческие прялись богинями судьбы Мойрами (Парками). *Дафны Трепетом*. Дочь речного бога Пеней Дафна, убегавшая от преследовавшего ее Аполлона, была превращена отцом в лавровое дерево. *Пеннородная* — Афродита.

Картина 4. *Тук — жир, сало. Лен да понудят прясть Женские козьи*. Имеется в виду миф о Геркулесе; отданный в рабство лидийской царице Омфале, Геркулес вынужден был прясть и ткать вместе с ее служанками. *Огненный сын Семелы*. . . *В утробе мужской догрет*. . . *рожденный дважды*. Вакх (Дионис) был сыном Зевса и Семелы, дочери фиванского царя; когда Зевс, по совету ревнивой Геры,

явился Семеле в облики бога-громовержца, Семела погибла, родив слабого, неспособного к жизни Диониса; Зевс зашил сына в свое бедро; окрепнув, Вакх родился второй раз из Зевсова бедра. *Фиванец* — здесь: Вакх, родившийся в Фивах.

Картина 5. *Нерей* — добрый и справедливый бог водяных стихий. *Огонь пурпурный Лемноса*. По преданию, Гефест, бог огня, обитал в вулкане острова Лемнос. *По вецим Внутренностям*. В Древней Греции жрецы предсказывали будущее по птичьим внутренностям. *Аки, аще* (слав.) — как.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. М. И. Цветаева. Фотография. 1925. Париж.
2. *Между с. 64 и 65*. М. И. Цветаева. Фотография. 1911—1912. Москва.
3. *Между с. 96 и 97*. М. И. Цветаева. Силуэт работы Е. Кругликовой. Около 1920 г. Москва.
4. *С. 211*. Беловой автограф стихотворения «Заводские». 1922.
5. *Между с. 256 и 257*. М. И. Цветаева. Фотография. 1924. Прага.
6. *Между с. 288 и 289*. М. И. Цветаева. Фотография. 1925. Париж.
7. *Между с. 512 и 513*. М. И. Цветаева. Рисунок А. Бялиса. 1930. Вань.
8. *Между с. 544 и 545*. М. И. Цветаева. Фотография. 1940. Москва.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А всё же спорить и петь устанет. . .» 113
«А как бабушке. . .» (Бабушка, 2) 149
«А над Волгой — ночь. . .» (Стенька Разин, 2) 113
«А над равниной. . .» (Стихи к Блоку, 12) 99
«А покамест пустыня славы. . .» (Поэма заставы) 233
«А сугробы подаются. . .» 191
«Август — астры. . .» 112
Автобус («Препонам наперерез. . .») 553
Але («Не знаю — где ты и где я. . .») 133
Ариадна 626
«Атлантским и сладостным. . .» (Окно) 239
«Атлас — что колода карт. . .» (Март, 5. Март) 334
- Бабушка (1—2) 148
Бабушке («Продолговатый и твердый овал. . .») 65
Барабан (Март, 3) 332
«Беглецы? Вестовые? . .» (Деревья, 5) 204
«Беженская мостовая! . .» (Хвала времени) 240
«Без зова, без слова. . .» (Стихи к Блоку, 14) 100
«Белое солнце и низкие, низкие тучи. . .» 105
«Бельё на речке полощу. . .» 129
Берегись. . . («Но тесна вдвоем. . .») 199
Бессонница (1—11) 85
«Бессонница! Друг мой! . .» (Бессонница, 11) 91
«Бич жандармов, бог студентов. . .» (Стихи к Пушкину, 1) 281
«Блédно-лицый. . .» (Пражский рыцарь) 255
«Благодарю, о господь. . .» 139
«Благословляю ежедневный труд. . .» 128
«Блаженны, дочерей твоих, Земля. . .» (Хвала Афродите, 1) 183
«Бог согнулся от заботы. . .» 109
«Большими тихими дорогами. . .» 156
«Бóроды — цвета кофейной гущи. . .» 121
«Брали — скоро и брали — щедро. . .» (Март, 6. Взяти. . .) 335
«Бренныи губы и бренныи руки. . .» (Комедьянт, 4) 138
Бузина («Бузина цельный сад залила! . .») 313

- «Был час чудотворен и полн. . .» (Ученик, 5) 172
 «Было дружбой, стало службой. . .» (Волк) 166
 «Быть в аду нам, сестры пылкие. . .» 73
 «Быть мальчиком твоим светлоголовым. . .» (Ученик, 1) 169
- «В век сплошных скоропадских. . .» (Ода пешему ходу) 290
 «В глубокий час души. . .» (Час души, 2) 247
 «В глубокий час души и ночи. . .» (Час души, 1) 247
 «В лоб целовать — заботу стереть. . .» 119
 «В мире, где всяк. . .» (Двое, 3) 259
 «В мое окошко дождь стучится. . .» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 1) 142
 «В мозгу ухаб пролёжап. . .» (Сон, 2) 264
 «В мыслях об ином, инаком. . .» (Стихи сироте, 7) 322
 «В некой разлинованности нотной. . .» (Рельсы) 246
 «В огромном городе моем — ночь. . .» (Бессонница, 3) 87
 «В оны дни певала дрёма. . .» (Март, 1. Колыбельная) 331
 «В очи взглянула. . .» (Гаданье, 1) 116
 «В пустынной хрámине. . .» 197
 «В седину — висок. . .» 273
 «В синее небо ширя глаза. . .» 323
 «В сиром воздухе загробном. . .» 217
 «В смертных изверьясь. . .» (Деревья, 1) 201
 «В час, когда мой милый брат. . .» (Из цикла «Провода», 6) 229
 «В черном небе слова начертаны. . .» 127
 «Вам одеваться было лень. . .» (Из цикла «Подруга», 1) 67
 «Ваш нежный рот — сплошное целованье. . .» (Комедьянт, 3) 137
 «Вдруг вошла. . .» 106
 «Век коронованной Интриги. . .» (Плащ, 3) 126
 «Веками, веками. . .» (Сивилла и юноша) 181
 «Вереницею певчих свай. . .» (Из цикла «Провода», 1) 225
 «Веселись душа, пей и ешь! . .» 84
 Весть («Необычайная она! Сверх сил! . .») 189
 «Ветры спать ушли — с золотой зарей. . .» (Стенька Разин, 1) 113
 Взгляд («Тáк — только Елена глядит над кровлями. . .») 261
 Взяли. . . (Март, 6) 335
 «Видел, как рубят? Руб. . .» (Март, 7) 336
 «Виноградины тщетно в садах ржавели. . .» (Отрок, 4) 180
 «Водопадами занавеса, как пеной. . .» (Занавес) 243
 «Воды не перетеплил. . .» (Крестины) 270
 Волк («Было дружбой, стало службой. . .») 166
 «Восхищенной и восхищённой . . .» 161
 «Вот он — гляди — уставший от чужбин . . .» (Стихи к Блоку, 10) 98
 «Вот опять окно. . .» («Бессонница». 10) 90
 «Врылась, забылась — и вот как с тысяче. . .» (Сон, 1) 263
 «Всё перебрав и всё отбросив. . .» (Из цикла «Провода», 3. Пути) 227
 «Всё великолепье. . .» (Ученик, 6) 173
 «Всё круче, всё круче. . .» (Из цикла «Разлука», 1) 174
 «Вскрыла жили: неостановимо. . .» 303
 Встреча с Пушкиным («Я поднимаюсь по белой дороге. . .») 61
 «Вся его наука. . .» (Стихи к Пушкину, 3. Станок) 285
 «Вчера еще в глаза глядел. . .» (Две песни, 2) 164

- «Вы, илушие мимо меня. . .» 58
 «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны. . .» (Комедьянт, 2) 137
 «Вы, чьи широкие шинели. . .» (Генералам двенадцатого года) 64
 «Высоко мое оконце! . .» 153
 «Выше! Выше! Лови — летчицу! . .» (Душа) 218
- Гаданье (1—3) 116
 «Гамлетом — перетяпугым — натуго. . .» (Офелия — Гамлету) 222
 Генералам двенадцатого года («Вы, чьи широкие шинели. . .») 64
 Германии (Март, 4) 333
 Глаза («Привычные к степям — глаза. . .») 135
 «. . . Глазами казненных. . .» (Отрывок) 253
 «Глыбами — лбу. . .» (Разговор с Гением) 276
 «Голос — сладкий для слуха! . .» (Гаданье, 3) 118
 «Гордость и робость — родные сестры. . .» 182
 «Горечь! Горечь! Вечный привкус. . .» 119
 «Горы — турам поприще! . .» (Сентябрь, 2) 326
- «Да, вздохов обо мне — край непочатый! . .» 159
 «Дабы ты меня не видел. . .» (Из цикла «Земные приметы», 5) 196
 «Два дерева хотят друг к другу. . .» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 6) 146
 «Два солнца стынут — о господи, пощади! . .» 72
 Две песни (1—2) 163
 «Две руки, легко опущенные. . .» 155
 Двое (1—3) 258
 Деревья (1—9) 201
 Деревья («Кварталом хорошего тона. . .») 303
 Диалог Гамлета с совестью («— На дне она, где ил. . .») 240
 «Дитя разгула и разлуки. . .» 153
 «Для тех, оженивших последние клочья. . .» (Эвридика — Орфею) 230
 «До Эйфелевой — рукою. . .» (Лучина) 280
 «Доблесть и девственность! Сей союз. . .» 131
 «Должно быть — за той рощей. . .» (Стихи к Блоку, 7) 96
 Дом («Из-под нахмуренных бровей. . .») 293
 Дом («Лопушинный, ромашный. . .») 315
 «Други его — не тревожьте его! . .» (Стихи к Блоку, 11) 98
 «Други! Братственный сонм! . .» (Деревья, 4) 204
 «Другие — с очами и с личиком светлым. . .» 165
 «Думали — человек! . .» (Стихи к Блоку, 6) 96
 Душа («Выше! Выше! Лови — летчицу! . .») 218
- «Его и пуля не берет. . .» (Март, 10. Народ) 337
 «Емче органа и звонче бубна. . .» (Мольва) 268
 «Если душа родилась крылатой. . .» 133
 «Есть в мире лишние, добавочные. . .» (Поэт, 2) 232
 «Есть на карте — место. . .» (Сентябрь, 3) 328
 «Есть некий час — как сброшенная клажа. . .» (Ученик, 2) 170
 «Есть рифмы в мире сём. . .» (Двое, 1) 258
 «Есть счастливцы и счастливицы. . .» 309
 «Есть час Души, как час Луны. . .» (Час души, 3) 248

- Жалоба (Федра, 1) 223
 «Жив, а не умер...» 271
 Жизни (1—2) 269
- «За девками доглядывать, не скис...» 77
 «За то, что некогда, юн и смел...» (Из цикла «Надгробие», 3) 312
 «За этот ад...» (Сад) 307
 Заводские (1—2) 209
 «Закачай меня, звездный челн!...» (Мореплаватель) 241
 Занавес («Водопадами занавеса, как пеной...») 243
 Заочность («Кастальскому току...») 251
 «Запечатленный, как рот оракула...» (Под шалью) 260
 «Заповедей не блюла, не ходила к причастью...» 71
 «Заря малиновые полосы...» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 2) 143
 «Заря пылала, догорая...» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 7) 147
 «Зверю — берлога...» (Стихи к Блоку, 4) 95
 «Здравствуй! Не стрела, не камень...» 196
 Змей («Семеро, семеро...») 182
 «Знакомец! Отколева в наши страны?...» 192
 «Знаю, умру на заре! На которой из двух...» 168
 «Золото моих волос...» 208
- «И вот, навьючив на верблюжий горб...» 123
 «И засим, упредив заране...» (Хвала богатым) 214
 «И не спасут ни стансы, ни созвездья...» 161
 «И спится Разину — сон...» (Стенька Разин, 3. Сон Разина) 115
 «И тучи оводов вокруг равнодушных ключ...» (Стихи к Блоку, 8) 97
 «И что тому костер остылый...» (Две песни, 1) 163
 «Идешь, на меня похожий...» 57
 «Иду на несколько минут...» (Из цикла «Надгробие», 1) 310
 «Из лепрозория лжи и зла...» (Раковина) 250
 «Из недр и на ветвь — рысьями!...» (Скифские, 1) 219
 «Из рук моих — нерукотворный град...» (Стихи о Москве, 2) 79
 Из цикла «Ахматовой» (1—4) 103
 Из цикла «Бессонница» (1—10)
 Из цикла «Земные приметы» (1—5) 194
 Из цикла «Комедьянт» (1—4) 136
 Из цикла «Надгробие» (1—4) 310
 Из цикла «Подруга» (1—3) 67
 Из цикла «Провода» (1—7) 225
 Из цикла «Разлука» (1—6) 174
 Из цикла «Сивилла» (1—2) 198
 Из цикла «Стихи к Сонечке» (1—8) 142
 «Из-под копыт...» (Цыганская свадьба) 120
 «Из-под нахмуренных бровей...» (Дом) 293
 «Имя твое — птица в руке...» (Стихи к Блоку, 1) 92
 «Ипполит! Ипполит! Болит!...» (Федра, 1. Жалоба) 223
 Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — вест...» (Федра, 2. Послание) 224
 «Искательница приключений...» 107
 «Ищи себе доверчивых подруг...» (Из цикла «Земные приметы», 2)

- «К тебе, имеющему быть рожденным...» (Тебе — через сто лет) 151
«Қабы нас с тобой — да судьба свела...» 110
«Кавалер де Гриз! Напрасно...» 124
«Каждый стих — дитя любви...» 132
«Как бы дым твоих ни горек...» 254
«Как живется вам с другою?..» (Попытка ревности) 262
«Как нежный шут о злом своем уродстве...» (Роландов Рог) 168
«Как перед царями да князьями стены падают...» (Гаданье, 2) 117
«Как по синей по степи...» (Скифские, 2. Колыбельная) 220
«Как правая и левая рука...» 130
«Как слабый луч сквозь черный морок адов...» (Стихи к Блоку, 9)
97
«Как сонный, как пьяный...» (Стихи к Блоку, 15) 102
«Каким наитием...» (Деревья, 9) 207
«Какой-нибудь предок мой был — скрипач...» 69
«Каменной глыбой серой...» (Из цикла «Сивилла», 2) 199
«Кастальскому току...» (Заочность) 251
«Кварталом хорошего тона...» (Деревья) 303
«Квиты: вами я объединена...» (Стол, 6) 302
«Книгу вечности на людских устах...» (Заводские, 2) 210
«Когда обидой — опилась...» (Деревья, 2) 202
«Когда я буду бабушкой...» (Бабушка, 1) 148
«Когда я гляжу на летящие листья...» 322
«Когда-нибудь, прелестное создание...» 152
«Колотёры-молотёры...» (Полотерская) 265
Колыбельная (Март, 1) 331
Колыбельная (Скифские, 2) 220
Комедьянт (1—4) 136
«Красавцы, не ездите!..» (Сахара) 245
«Красною кистью...» (Стихи о Москве, 9) 83
Крестины («Воды не перетеплял...») 270
Крысолов («Стар и давен город Гаммельн...») 474
«Кто дома не строил...» 134
«Кто создан из камня, кто создан из глины...» 162
«Кто спит по ночам? Никто не спит...» (Бессонница, 9) 90
«Кто-то едет — к смертной победе...» (Деревья, 8) 207
«Купальщицами, в легкий круг...» (Деревья, 3) 203
Куст («Что нужно кусту от меня?..») 305
Ладонь («Ладони! Справочник...») 235
«Ландыш, ландыш белоснежный...» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 5)
146
«Ледяная тиара гор...» (Стихи сироте, 1) 318
Лес (Март, 7) 336
«Лопушинный, ромашный...» (Дом): 315
Луна — лунатику («Оплетавшие — останутся...») 243
Лучина («До Эйфелевой — рукою...») 280
Любви старинные туманы («Над черным очертаньем мыса...») 121
Любовь («Ятаган? Огонь?..») 265
«Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе...» 167
«Люди на дýшу мою льстятся...» 84
«Лютая юдоль...» 193

- «Маленькая сигарера! ..» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 3) 144
 «Мальчиком, бегущим резово. . .» 59
 Март (1—11) 331
 Март (Март, 5) 334
 «Материнское — сквозь сон — ухо. . .» (Наклон) 249
 Маяковскому («Превыше крестов и труб. . .») 182
 Метель 561
 «Милые спутники, делившие с нами ночлег! ..» 112
 «Мимо ночных башен. . .» (Стихи о Москве, 3) 80
 Минута («Минута: мнущая: минешь! ..») 252
 «Мирское началось во мгле кочевье. . .» 111
 «Мне нравится, что вы больны не мной. . .» 69
 «Могла бы — взяла бы. . .» (Стихи сироте, 3. Пещера) 319
 «Мои стихам, написанным так рано. . .» 57
 «Мой день беспутен и слеп. . .» 132
 «Мой письменный верный стол! ..» (Стол, 1) 297
 «Мой письменный верный стол. . .» (Стол, 5) 301
 «Мой путь не лежит мимо дому — твоего. . .» 157
 Молвь («Емче органа и звонче бубна. . .») 268
 Молодость (1—2) 185
 «Молодость моя! Моя чужая. . .» (Молодость, 1) 185
 «Молодую рощу шумную. . .» 123
 «Монистом, расколотым. . .» (Ручьи, 2) 238
 Мореполаватель («Закачай меня, звездный челн! ..») 241
 «Москва! Какой огромный. . .» (Стихи о Москве, 8) 83
 Муза («Ни грамот, ни праотцев. . .») 186
- «На бренность бедную мою. . .» 158
 «— На дне она, где ил. . .» (Диалог Гамлета с совестью) 240
 На заре. . . («На заре — наимедленнейшая кровь. . .») 192
 На красном коне («Не Муза, не Муза. . .») 436
 «На льдине. . .» (Стихи сироте, 4) 320
 «На назначенное свиданье. . .» (Свиданье) 242
 «На смех и на зло. . .» 141
 «На тебе, ласковый мой, лохмотья. . .» (Психея, 2) 127
 «Над городом, отвергнутым Петром. . .» (Стихи о Москве, 5) 81
 «Над синевою подмосковных рощ. . .» (Стихи о Москве, 6) 82
 «Над черным очертаньем мыса. . .» (Любви старинные туманы) 121
 Наклон («Материнское — сквозь сон — ухо. . .») 249
 «Наконец-то встретила. . .» (Стихи сироте, 6) 321
 «Налетевший на град Вацлава. . .» (Март, 2. Пепелище) 331
 «Напрасно глазом — как гвоздем. . .» (Из цикла «Надгробие», 2) 311
 Народ (Март, 10) 337
 «Настанет день — печальный, говорят! ..» (Стихи о Москве, 4) 80
 «Наша совесть — не ваша совесть! ..» (Стихи к сыну, 2) 295
 Няда («Проходи стороной. . .») 277
 «Не бесы — за иноком. . .» (Март, 9) 337
 «Не быть тебе нулем. . .» (Стихи к сыну, 3) 296
 «Не возьмешь моего румянца. . .» (Жизни, 1) 269
 «Не возьмешь мою душу живу. . .» (Жизни, 2) 269
 «Не для льстивых этих риз, лживых ярс. . .» 188
 «Не знаю, где ты и где я. . .» (Але) 133

- «Не колесо громовое. . .» 272
 «Не краской, не кистью! . . .» (Деревья, 6) 205
 «Не отстать тебе. Я — острожник. . .» (Из цикла «Ахматовой», 3) 104
 «Не проломанное ребро. . .» (Стихи к Блоку, 13) 99
 «Не самозванка — я пришла домой. . .» (Психея, 1) 126
 «Не сегодня-завтра растает снег. . .» 76
 «Не суждено, чтобы сильный с сильным. . .» (Двое, 2) 259
 «Не умрешь, народ! . . .» (Март, 11) 338
 «Не флотом, не пóтом, не задом. . .» (Стихи к Пушкину, 2. Петр и Пушкин) 283
 «Не чернокнижница! В белой книге. . .» (Из цикла «Провода», 4) 228
 «Не штык — так клык, так сугроб, так шквал. . .» (Поезд) 256
 «Нежно-нежно, тонко-тонко. . .» (Бессонница, 7) 89
 «Нежный призрак. . .» (Стихи к Блоку, 2) 93
 «Необычайна она! Сверх сил! . . .» (Весть) 189
 «Нет, бил барабан перед смутным полком. . .» (Стихи к Пушкину, 6) 289
 «Нет! Вставший вал! . . .» (Облака, 3) 237
 «Нет, правды не оспаривай. . .» 217
 «Ни грамот, ни праотцев. . .» (Муза) 186
 «Ни к городу и ни к селу. . .» (Стихи к сыну, 1) 294
 «Никто ничего не отнял. . .» 74
 «Никуда не уехали — ты да я. . .» 314
 «Но тесна вдвоем. . .» (Берегись. . .) 199
 «Ночные ласточки Интриги. . .» (Плащ, 2) 125
 «Нынче я гость небесный. . .» (Бессонница, 5)
- «О дева всех румянее. . .» (Март, 4. Германия) 333
 «О муза плача, прекраснейшая из муз! . . .» (Из цикла «Ахматовой», 1) 103
 «О неподатливый язык!» (Родина) 297
 «О первое солнце над первым лбом! . . .» (Первое солнце) 173
 «О путях твоих пытаться не буду. . .» (Магдалина, 3)
 «О слезы на глазах! . . .» (Март, 8) 336
 «Обвела мне глаза кольцом. . .» (Бессонница, 1) 85
 «Обидел и обошел? . . .» (Стол, 4) 301
 Облака (1—3) 236
 «Облака — вокруг. . .» (Стихи о Москве, 1) 78
 «Обнимаю тебя кругозором. . .» (Стихи сироте, 2) 318
 «Огнепоклонник! Красная масть! . . .» (Отрок, 2) 179
 Ода пешему ходу («В век сплошных скоропадских. . .») 290
 Один офицер (Сентябрь, 4) 329
 Окно («Атлантским и сладостным. . .») 239
 «Она подкрадется неслышно. . .» 155
 «Оплетавшие — останутся. . .» (Луна — лунатику) 243
 Орфей («Такплыли: голова и лира. . .») 187
 «Осыпались листья над вашей могилой. . .» 66
 «От стрел и от чар. . .» (Скифские, 3) 221
 «Откуда такая нежность? . . .» 75
 Отрок (1—4) 179
 Отрывок («. . .Глазами казненных. . .») 253

- Офелия — в защиту королевы («Принц Гамлет! Довольно червивую залежь. . .») 222
- Офелия — Гамлету («Гамлетом — перетянутым — натуго. . .») 222
- «Охватила голову и стою. . .» (Из цикла «Ахматовой», 2) 103
- «Пало прениже воли. . .» (Ученик, 4) 171
- «Память о Вас — легким дымком. . .» 130
- «Пахнуло Англией — и морем. . .» 156
- «Пела, как стрелы и как морены. . .» 261
- Пепелище (Март, 2) 331
- Первое солнце («О первое солнце над первым лбом! . . .») 173
- «Перерытые — как битвой. . .» (Облака, 1) 236
- Петр и Пушкин (Стихи к Пушкину, 2) 283
- Пещера (Стихи сироте, 3) 319
- «Писала я на аспидной доске. . .» 160
- Письмо («Так писем не ждуг. . .») 252
- Плач матери по новобранцу («Уж вы, батальоны. . .») 279
- Плащ (1—3) 125
- «По нагорьям. . .» 189
- «По богемским городам. . .» (Март, 3. Барабан) 332
- «По холмам — круглым и смуглым. . .» (Ученик, 7) 173
- «Погоди, дружок! . . .» 109
- Под шалью («Запечатленный, как рот оракула. . .») 260
- Поезд («Не штык — так клык, так сугроб, так шквал. . .») 256
- «Пожирающий огонь — мой конь. . .» 132
- «Покамест день не встал. . .» (Рассвет на рельсах) 215
- «Ползет подземный змей. . .» (Читатели газет) 316
- «Полон и просторен. . .» (Сентябрь, 1) 324
- Полотерская («Колотёры молотёры») 265
- «Полюбил богатый — бедную. . .» 128
- Попытка ревности («Как живется вам с другою? . . .») 262
- Послание (Федра, 2) 224
- «После бессонной ночи слабеет тело. . .» (Бессонница, 4) 88
- «Потусторонним. . .» (Стихи к Пушкину, 5) 288
- Поэма Горы («Вздогнешь — и горы с плеч. . .») 443
- Поэма заставы («А покамест пустыня славы. . .») 233
- Поэма Конца («В небе, ржавее жести. . .») 451
- Поэма Лестницы («Короткая ласка. . .») 539
- Поэт (1—3) 231
- «Поэт — издалека заводит речь. . .» (Поэт, 1) 231
- Поэт и царь (Стихи к Пушкину, 5—6) 288
- Пражский рыцарь («Блédно-лицый. . .») 255
- «Превыше крестов и труб. . .» (Маяковскому) 182
- «Преодоленье. . .» (Стихи к Пушкину, 4) 287
- «Привычные к степям — глаза. . .» (Глаза) 135
- Пригвождена. . . («Пригвождена к позорному столбу. . .») 160
- Приключение 578
- «Принц Гамлет! Довольно червивую залежь. . .» (Офелия — в защиту королевы) 222
- «Продолговатый и твердый овал. . .» (Бабушка) 65
- «Прорицаниями рокоча. . .» (Ручьи, 1) 238
- «Проста моя осанка. . .» 166

- «Простите меня, мои горы! ..» 127
 «Простоволосая Агарь — сажу...» (Отрок, 3) 180
 «Проходи стороной...» (Наяда) 277
 Психея (1—2) 126
 Психея («Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин...») 154
 «Пунш и полночь Пунш — и Пушкин...» (Психея) 154
 «Пустоты отроческих глаз! Провалы...» (Отрок, 1) 179
 Пути (Из цикла «Провода», 3) 227
 «Пять или шесть угра. Сизый туман. Рассвет...» (Плащ, 1) 125

 «Радость — что сахар...» 139
 «Развела тебе в стакане...» 139
 Разговор с Гением («Глыбами — лбу...») 276
 Раковина («Из лепрозория лжи и зла...») 250
 Рассвет на рельсах («Покамест день не встал...») 216
 «Рас-стояние: версты, мили...» 274
 Расщелина («Чем окончился этот случай...») 241
 Рельсы («В некой разлинованности нотной...») 246
 Родина («О неподатливый язык!...») 297
 Роландов рог («Как нежный шут о злом своем уродстве...») 168
 «Ростком серебряным...» (Из цикла «Разлука», 5) 177
 «Руки даны мне — протягивать каждому себе...» 105
 «Руки - и в круг...» (Из цикла «Земные приметы», 3) 195
 «Руки, которые не нужны...» 129
 «Руки люблю...» (Бессонница, 2) 86
 «Русской ржи от меня поклон...» 274
 Ручьи (1—2) 274
 «Рыцарь ангелоподобный!...» 131

 «С такую силой в подбородок руку...» 185
 «С большою нежностью — потому...» 71
 «С этой горы, как с крыши...» 254
 Сад («За этот ад...») 307
 Сахара («Красавцы, не ездите!...») 245
 Свиданье («На назначенное свиданье...») 242
 «Сегодня ночью я одна в ночи...» (Бессонница, 6) 89
 «Седой — не увидишь...» (Из цикла «Разлука», 4) 176
 Седые волосы («Это пеплы сокровищ...») 213
 «Семеро, семеро...» (Змей) 182
 «Семь холмов — как семь колоколов!...» (Стихи о Москве, 7) 82
 Сентябрь (1—4) 324
 «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...» (Из цикла «Сивилла», 1) 198
 Сивилла и юноша («Веками, веками...») 181
 «Сини подмосковные холмы...» (Из цикла «Подруга», 2) 68
 «Сказавший всем страстям: прости...» 158
 Скифские (1—3) 219
 «Сколько их, сколько их ест из рук...» (Хвала Афродите, 4) 184
 «Скоро уж из ласточек — в колдуньи!...» (Молодость, 2) 186
 «Скороговоркой — ручья водой...» (Стихи сироте, 5) 321
 «Словно теплая слеза...» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 8) 147
 «Смуглой оливой...» (Из цикла «Разлука», 2) 175
 «Солнце Вечера — добрее...» (Ученик, 3) 170

- «Солнце — одно, а шагает по всем городам...» 142
 Сон (1—2) 263
 Сон Разина (Стенька Разин, 3) 115
 «Спаси, господи, дым!..» 215
 «Спят трещотки и псы соседовы...» 70
 Станок (Стихи к Пушкину, 3) 285
 Стенька Разин (1—3) 113
 Стихи к Блоку (1—16) 92
 Стихи к Пушкину (1—6) 281
 Стихи к сыну (1—3) 294
 Стихи к Чехии 324
 Стихи о Москве (1—9) 78
 «Стихи растут, как звезды и как розы...» 133
 Стихи сироте (1—7) 318
 «Стой! Не Федры ли под небом...» (Облака, 2) 236
 Стол (1—6) 297
 «Стоят в чернорабочей хмури...» (Заводские, 1) 209
 «Строительница струн — приструню...» 244
 «Суда поспешно не чини...» 159
- «Та, что без видения спала...» (Деревья, 7) 206
 «Так, в скудном труженничестве дней...» (Из цикла «Земные приметы», 1) 194
 Так вслушиваются («Так вслушиваются (в исток...») 237
 «Так, господи! И мой обол...» (Стихи к Блоку, 16) 102
 «Так писем не ждут...» (Письмо) 252
 «Так плыли: голова и лира...» (Орфей) 187
 «Так — только Елена глядит над кровлями...» (Взгляд) 261
 «Твои руки черны от загару...» (Из цикла «Стихи к Сонечке», 4) 145
 Тебе — через сто лет («К тебе, имеющему быть рожденным...») 151
 «Терпеливо, как щебень бьют...» (Из цикла «Провода», 7) 230
 «Тихонько...» (Из цикла «Разлука», 3) 176
 «Тише, хвала!..» 275
 «— Только живите! — Я уронила руки...» 119
 «Только закрою горячие веки...» 111
 «Тоска по родине! Давно...» 304
 «Тридцатая годовщина...» (Стол, 2) 299
 «Тридцатая годовщина...» (Стол, 3) 299
 «Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь...» (Хвала Афродите, 3) 184
 «Ты запрокидываешь голову...» 74
 «Ты, меня любивший фальшью...» 257
 «Ты меня никогда не прогонишь...» 150
 «Ты проходишь на запад солнца...» (Стихи к Блоку, 3) 94
 «Ты солнце в выси мне застишь!..» (Из цикла «Ахматовой», 4) 105
- «У меня в Москве — купола горят...» (Стихи к Блоку, 5) 95
 «У первой бабки — четыре сына...» 153
 «Удар, заглушенный годами забвенья...» (Из цикла «Надгробие», 4) 312
 «Ударило в виноградник...» 316
 «Удостоверись — повремени!..» (Из цикла «Земные приметы», 4) 195

«Уж вы, батальоны. . .» (Плач матери по новобранцу) 279
«Уж сколько их упало в эту бездну. . .» 63
«Уже богов — не те уже щедроты. . .» (Хвала Афродите, 2) 184
«Умирая, не скажу: *была*. . .» 129
Ученик (1—7) 169

Федра (1—2) 223

Хвала Афродите (1—4) 183
Хвала богатым («И засим, упредив заране. . .») 214
Хвала времени («Беженская мостовая. . .») 240
«Хочу у зеркала, где муть. . .» (Из цикла «Подруга», 3) 68

Царь-Девица («Как у молодой змен — да старый уж. . .») 341
Цыганская свадьба («Из-под копыт. . .») 120
«Цыганская страсть разлуки!..» 72

Час души (1—3) 247
«Час, когда вверху цари. . .» (Из цикла «Провода», 5) 229
Челюскинцы («Челюскинцы! Звук. . .») 308
«Чем окончился этот случай. . .» (Расщелина) 241
«Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая. . .» (Бессонница, 8) 89
«Четвертый год. . .» 76
«Чешский лесок. . .» (Сентябрь, 4. Один офицер) 329
Читатели газет («Ползет подземный змей. . .») 316
«Что другим не нужно — несите мне!..» 135
«Что же мне делать, слепцу и пасынку. . .» (Поэт, 3) 233
«Что нужно кусту от меня?..» (Куст) 305
«Чтоб высказать тебе. . . Да нет, в ряды. . .» (Из цикла «Провода», 2) 226
«Чтоб дойти до уст и ложа. . .» 107
«Чтобы помнил не часочек, не годок. . .» 138

Эвридика — Орфею («Для тех, отженивших последние ключья. . .») 230
«Это пеплы сокровищ. . .» (Седые волосы) 213

«Я берег покидал туманный Альбиона. . .» 140
«.. Я бы хотела жить с Вами. . .» 110
«Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!..» 72
«Я знаю, я знаю. . .» (Из цикла «Разлука», 6) 178
«Я не танцую, — без моей вины. . .» 162
«Я поднимаюсь по белой дороге. . .» (Встреча с Пушкиным) 61
«Я помню ночь на склоне ноября. . .» (Комедьянт, 1) 136
«Я сейчас лежу ничком. . .» 60
«Я сказала, а другой услышал. . .» 130
«Я — страница твоему перу. . .» 130
«Я счастлива жить образцово и просто. . .» 141
«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес. . .» 108
«Ятаган? Огонь?..» (Любовь) 265

СОДЕРЖАНИЕ

Марина Цветаева (Судьба. Характер. Поэзия) <i>Вступительная статья</i> <i>Вл. Орлова</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Моим стихам, написанным так рано...»	57
2. «Идешь, на меня похожий...»	57
3. «Вы, идущие мимо меня...»	58
4. «Мальчиком, бегущим резов...»	59
5. «Я сейчас лежу ничком...»	60
6. Встреча с Пушкиным	61
7. «Уж сколько их упало в эту бездну...»	63
8. Генералам двенадцатого года	64
9. Бабушке («Продолговатый и твердый овал...»)	65
10. «Осыпались листья над вашей могилой. . .»	66
11—13. Из цикла «Подруга»	
1. «Вам одеваться было лень...»	67
2. «Сини подмосковные холмы...»	68
3. «Хочу у зеркала, где мать...»	68
14. «Мне нравится, что вы больны не мной...»	69
15. «Какой-нибудь предок мой был — скрипач...»	69
16. «Спят трещотки и псы соседовы...»	70
17. «С большою нежностью — потому...»	71
18. «Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»	71
19. «Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!...»	72
20. «Два солнца стынут — о господи, пощади!...»	72
21. «Цыганская страсть разлуки!...»	72
22. «Быть в аду нам, сестры пыльные...»	73
23. «Никто ничего не отнял...»	74
24. «Ты запрокидываешь голову . . .»	74
25. «Откуда такая нежность? . . .»	75
26. «Не сегодня-завтра растает снег . . .»	76
27. «Четвертый год...»	76

28.	«За девками доглядывать, не скис...»	77
29—37.	Стихи о Москве	
1.	«Облака — вокруг...»	78
2.	«Из рук моих — нерукотворный град...»	79
3.	«Мимо ночных башен...»	80
4.	«Настанет день — печальный, говорят!...»	80
5.	«Над городом, отвергнутым Петром...»	81
6.	«Над синевою подмосковных рощ...»	82
7.	«Семь холмов — как семь колоколов...»	82
8.	«Москва! Какой огромный...»	83
9.	«Красною кистью...»	83
38.	«Веселись, душа, пей и ешь!...»	84
39.	«Люди на душу мою льстятся...»	84
40—50.	Бессонница	
1.	«Обвела мне глаза кольцом...»	85
2.	«Руки люблю...»	86
3.	«В огромном городе моем — ночь...»	87
4.	«После бессонной ночи слабеет тело...»	88
5.	«Нынче я гость небесный...»	88
6.	«Сегодня ночью я одна в ночи...»	89
7.	«Нежно-нежно, тонко-тонко...»	89
8.	«Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая...»	89
9.	«Кто спит по ночам? Никто не спит!...»	90
10.	«Вот опять окно...»	90
11.	«Бессонница! Друг мой!...»	91
51—66.	Стихи к Блоку	
1.	«Имя твое — птица в руке...»	92
2.	«Нежный призрак...»	93
3.	«Ты проходишь на запад солнца...»	94
4.	«Зверю — берлога...»	95
5.	«У меня в Москве — купола горят...»	95
6.	«Думали — человек!...»	96
7.	«Должно быть — за той рощей...»	96
8.	«И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...»	97
9.	«Как слабый луч сквозь черный морок адов...»	97
10.	«Вот он — гляди, — уставший от чужбнн...»	98
11.	«Други его — не тревожьте его!...»	98
12.	«А над равниной...»	99
13.	«Не проломанное ребро...»	99
14.	«Без зова, без слова...»	100
15.	«Как сонный, как пьяный...»	102
16.	«Так, господи! И мой обол...»	102
67—70.	Из цикла «Ахматовой»	
1.	«О муза плача, прекраснейшая из муз!...»	103
2.	«Охватила голову и стою...»	103
3.	«Не отстать тебе. Я — острожник...»	104
4.	«Ты солнце в выси мне застншь...»	105
71.	«Руки даны мне — протягивать каждому обе...»	105
72.	«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»	105
73.	«Вдруг вошла...»	106
74.	«Искательница приключений...»	107
75.	«Чтоб дойти до уст и ложа...»	107

76.	«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»	108
77.	«Бог согнулся от заботы...»	109
78.	«Погоди, дружок!..»	109
79.	«Кабы нас с тобой — да судьба свела...»	110
80.	«...Я бы хотела жить с Вами...»	110
81.	«Мировое началось во мгле кочевья...»	111
82.	«Только закрою горячие веки...»	111
83.	«Милые спутники, делившие с нами ночлеги...»	112
84.	«Август — астры...»	112
85.	«А всё же спорить и петь устанет...»	113
86—88.	Стенька Разин	
	1. «Ветры спать ушли — с золотой зарей...»	113
	2. «А над Волгой — ночь...»	113
	3. (Сон Разина)	115
89—91.	Гаданье	
	1. «В очи взглянула...»	116
	2. «Как перед царями да князьями стены падают...»	117
	3. «Голос — сладкий для слуха!..»	118
92.	«В лоб целовать — заботу стереть...»	119
93.	«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»	119
94.	«— Только живите! — Я уронила руки...»	119
95.	Цыганская свадьба	120
96.	«Бороды — цвета кофейной гущи...»	121
97.	Любви старинные туманы	121
98.	«Молодую рощу шумную...»	123
99.	«И вот, навьючив на верблюжий горб...»	123
100.	«Кавалер де Гриз! Напрасно...»	124
101—103.	Плащ	
	1. «Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет...»	125
	2. «Ночные ласточки Интриги...»	125
	3. «Век коронованной Интриги...»	126
104—105.	Психея	
	1. «Не самозванка — я пришла домой...»	126
	2. «На тебе, ласковый мой, лохмотья...»	127
106.	«В черном небе слова начертаны...»	127
107.	«Простите меня, мои горы!..»	127
108.	«Благословляю ежедневный труд...»	128
109.	«Полюбил богатый — бедную...»	128
110.	«Белье на речке полошу...»	129
111.	«Умирая, не скажу: <i>была</i> ...»	129
112.	«Руки, которые не нужны...»	129
113.	«Я сказала, а другой услышал...»	130
114.	«Я — страница твоему перу...»	130
115.	«Как правая и левая рука...»	130
116.	«Память о Вас — легким дымком...»	130
117.	«Рыцарь ангелоподобный...»	131
118.	«Доблесть и девственность! Сей союз...»	131
119.	«Мой день беспутен и нелеп...»	132
120.	«Пожирающий огонь — мой конь...»	132
121.	«Каждый стих — дитя любви...»	132
122.	«Стихи растут, как звезды и как розы...»	133
123.	«Если душа родилась крылатой...»	133

124. Але	133
125. «Кто дома не строил...»	134
126. «Что другим не нужно — несите мне!...»	135
127. Глаза	135
128—131. Из цикла «Комедьянт»	
1. «Я помню ночь на склоне ноября...»	136
2. «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»	137
3. «Ваш нежный рот — сплошное целование...»	137
4. «Бренные губы и бренные руки...»	138
132. «Чтобы помнил не часочек, не годок...»	138
133. «Развела тебе в стакане...»	139
134. «Благодарю, о господь...»	139
135. «Радость — что сахар...»	139
136. «Я берег покидал туманный Альбиона...»	140
137. «Я счастлива жить образцово и просто...»	141
138. «На́ смех и на́ зло...»	141
139. «Солнце — одно, а шагает по всем городам...»	142
140—147. Из цикла «Стихи к Сонечке»	
1. «В мое окошко дождь стучится...»	142
2. «Заря малиновые полосы...»	143
3. «Маленькая сигарера!..»	144
4. «Твои руки черны от загару...»	145
5. «Ландыш, ландыш белоснежный...»	146
6. «Два дерева хотят друг к другу...»	146
7. «Заря пылала, догорая...»	147
8. «Словно теплая слеза...»	147
148—149. Бабушка	
1. «Когда я буду бабушкой...»	148
2. «А как бабушке...»	149
150. «Ты меня никогда не прогонишь...»	150
151. «Тебе — через сто лет...»	151
152. «Когда-нибудь, прелестное создание...»	152
153. «Высоко́ мое оконце!..»	153
154. «Дитя разгула и разлуки...»	153
155. «У первой бабки — четыре сына...»	153
156. Психея («Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин...»)	154
157. «Она подкрадётся неслышно...»	155
158. «Две руки, легко опущенные...»	155
159. «Большими тихими дорогами...»	156
160. «Пахну́ло Англией — и морем...»	156
161. «Мой путь не лежит мимо дому — твоего...»	157
162. «На бренность бедную мою...»	158
163. «Сказавший всем страстям: прости...»	158
164. «Да, вздохов обо мне — край непечатый!...»	159
165. «Суда поспешно не чини...»	159
166. «Писала я на аспидной доске...»	160
167. Пригвождена	160
168. «И не спасут ни стансы, ни созвездья...»	161
169. «Восхищенной и восхищённой...»	161
170. «Кто создан из камня, кто создан из глины...»	162
171. «Я не танцую, — без моей вины...»	162

172—173. Две песни	
1. «И что тому костер остылый...»	163
2. «Вчера еще в глаза глядел...»	164
174. «Другие — с очами и с личиком светлым...»	165
175. «Проста моя осанка...»	166
176. Волк	166
177. «Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе...»	167
178. «Знаю, умру на заре! На которой из двух...»	168
179. Роландов Рог	168
180—186. Ученик	
1. «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»	169
2. «Есть некий час — как сброшенная клажа...»	170
3. «Солнце Вечера — добрее...»	170
4. «Пало прениже волн...»	171
5. «Был час чудотворен и полн...»	172
6. «Всё великолепелье...»	173
7. «По холмам — круглым и смуглым...»	173
187. Первое солнце	173
188—193. Из цикла «Разлука»	
1. «Всё круче, всё круче...»	174
2. «Смуглой оливой...»	175
3. «Тихонько...»	176
4. «Седой — не увидишь...»	176
5. «Ростком серебряным...»	177
6. «Я знаю, я знаю...»	178
194—197. Отрок	
1. «Пустоты отроческих глаз! Провалы...»	179
2. «Огнепоклонник! Красная масть!...»	179
3. «Простоволосая Агарь — сижу...»	180
4. «Виноградины тщетно в садах ржавели...»	180
198. Сивилла и юноша	181
199. Маяковскому («Превыше крестов и труб...»)	182
200. «Гордость и робость — рёдные сестры...»	182
201. Змей	182
202—205. Хвала Афродите	
1. «Блаженны, дочерей твоих, Земля...»	183
2. «Уже богов — не те уже щедроты...»	184
3. «Тщетно, в ветвях заповедных кроясь...»	184
4. «Сколько их, сколько их ест из рук...»	184
206. «С такую силой в подбородок руку...»	185
207—208. Молодость	
1. «Молодость моя! Моя чужая...»	185
2. «Скоро уж из ласточек — в колдуньи!...»	186
209. Муза	186
210. Орфей	187
211. «Не для льстивых этих риз, лживых ряс...»	188
212. Весть	189
213. «По нагориям...»	189
214. «А сугробы подаются...»	191
215. На заре...	192
216. «Знакомец! Отколева в наши страны?..»	192
217. «Лютая юдоль...»	193

218—222. Из цикла «Земные приметы»	
1. «Так, в скудном труженичестве дней...»	194
2. «Ищи себе доверчивых подруг...»	194
3. «Руки — и з круг...»	195
4. «Удостоверишься — повремени!...»	195
5. «Дабы ты меня не видел...»	196
223. «Здравствуй! Не стрела, не камень...»	196
224. «В пустынной хрámине...»	197
225—226. Из цикла «Сивилла»	
1. «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...»	198
2. «Каменной глыбой серой...»	199
227. Берегись...	199
228—236. Деревья	
1. «В смертных изверясь...»	201
2. «Когда обидой — опилась...»	202
3. «Купальщицами, в легкий круг...»	203
4. «Други! Братственный сонм!...»	204
5. «Беглецы? Вестовые?...»	204
6. «Не краской, не кистью!...»	205
7. «Та, что без видения спала...»	206
8. «Кто-то едет — к смертной победе...»	207
9. «Каким найтием...»	207
237. «Золото моих волос...»	208
238—239. Заводские	
1. «Стоят в чернорабочей хмури...»	209
2. «Книгу вечности на людских устах...»	210
240. Седые волосы	213
241. Хвала богатым	214
242. «Спаси господи, дым!...»	215
243. Рассвет на рельсах	216
244. «В сиром воздухе загробном...»	217
245. «Нет, правды не оспаривай...»	217
246. Душа	218
247—249. Скифские	
1. «Из недр и на ветвь — рýсьями!...»	219
2. (Колыбельная)	220
3. «От стрел и от чар...»	221
250. Офелия — Гамлету	222
251. Офелия — в защиту королевы	222
252—253. Федра	
1. Жалоба	223
2. Послание	224
254—260. Из цикла «Провода»	
1. «Вереницею певчих свай...»	225
2. «Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...»	226
3. (Пути)	227
4. «Не чернокнижница! В белой книге...»	228
5. «Час, когда вверху цари...»	229
6. «В час, когда мой милый брат...»	229
7. «Терпеливо, как щебень бьют...»	230

261. Эвридика — Орфею	230
262—264. Поэт	
1. «Поэт — издалека заводит речь...»	231
2. «Есть в мире лишние, добавочные...»	232
3. «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»	233
265. Поэма заставы	233
266. Ладонь	235
267—269. Облака	
1. «Перерытые — как битвой...»	236
2. «Стой! Не Федры ли под небом...»	236
3. «Нет! Вставший вал!...»	237
270—271. Так вслушиваются...	
1. «Так вслушиваются (в исток»	237
2. «Друг! Не кори меня за тот...»	237
272—273. Ручьи	
1. «Прорицаниями рокоча...»	238
2. «Монистом, расколотым...»	238
274. Окно	239
275. Хвала времени	240
276. Диалог Гамлета с совестью	240
277. Мореплаватель	241
278. Расщелина	241
279. Свиданье	242
280. Луна — лунатику	243
281. Занавес	243
282. «Строительница струн — приструню...»	244
283. Сахара	245
284. Рельсы	246
285—287. Час души	
1. «В глубокий час души и ночи...»	247
2. «В глубокий час души...»	247
3. «Есть час Души, как час Луны...»	248
288. Наклон	249
289. Раковина	250
290. Заочность	251
291. Письмо	252
292. Минута	252
293. Отрывок («...Глазами казненных...»)	253
294. «С этой горы, как с крыши...»	254
295. «Как бы дым твоих ни горек...»	254
296. Пражский рыцарь	255
297. Поезд	256
298. «Ты, меня любивший фальшью...»	257
299—301. Двое	
1. «Есть рифмы в мире сём...»	258
2. «Не суждено, чтобы сильный с сильным...»	259
3. «В мире, где всяк...»	259
302. Под шалью	260
303. «Пела, как стрелы и как морены...»	261
304. Взгляд	261
305. Попытка ревности	262

306—307. Сон

1. «Врылась, забылась — и вот как с тысяче...»	263
2. «В мозгу ухаб пролёжан...»	264
308. Любовь	265
309. Полотерская	265
310. Молвь	268
311—312. Жизни	
1. «Не возьмешь моего румянца...»	269
2. «Не возьмешь мою душу живу...»	269
313. Крестины	270
314. «Жив, а не умер...»	271
315. «Не колесо громовое...»	272
316. «В седину — висок...»	273
317. «Рас-стояние: версты, мили...»	274
318. «Русской ржи от меня поклон...»	274
319. «Тише, хвала!...»	275
320. Разговор с Гением	276
321. Наяда	277
322. Плач матери по новобранцу	279
323. Лучина	280
324—329. Стихи к Пушкину	
1. «Бич жандармов, бог студентов...»	281
2. Петр и Пушкин	283
3. (Станок)	285
4. «Преодоление...»	287
(Поэт и царь)	
5. «Потусторонним...»	288
6. «Нет, бил барабан перед смутным полком...»	289
330. Ода пешему ходу	290
331. Дом («Из-под нахмуренных бровей...»)	293
332—334. Стихи к сыну	
1. «Ни к городу и ни к селу...»	294
2. «Наша совесть — не ваша совесть!...»	295
3. «Не быть тебе нулем...»	296
335. Родина	297
336—341. Стол	
1. «Мой письменный верный стол!...»	297
2. «Тридцатая годовщина...»	299
3. «Тридцатая годовщина...»	299
4. «Обидел и обошел?...»	301
5. «Мой письменный верный стол!...»	301
6. «Квиты: вами я объедена...»	302
342. «Вскрыла жилы: неостановимо...»	303
343. Деревья	303
344. «Тоска по родине! Давно...»	304
345. Куст	305
346. Сад	307
347. Челюскинцы	308
348. «Есть счастливы и счастливицы...»	309

349—352. Из цикла «Надгробие»	
1. «Иду на несколько минут...»	310
2. «Напрасно глазом — как гвоздем...»	311
3. «За то, что некогда, юн и смел...»	312
4. «Удар, заглушенный годами забвения...»	312
353. Бузина	313
354. «Никуда не уехали — ты да я...»	314
355. Дом («Лопушиный, ромашный...»)	315
356. «Ударило в виноградник...»	316
357. Читатели газет	316
358—364. Стихи сироте	
1. «Ледяная тиара гор...»	318
2. «Обнимаю тебя кругозором...»	318
3. (Пещера)	319
4. «На льдине...»	320
5. «Скороговоркой — ручья водой...»	321
6. «Наконец-то встретила...»	321
7. «В мыслях об ином, инаком...»	322
365. «Когда я гляжу на летящие листья...»	322
366. «В синее небо ширя глаза...»	323

СТИХИ К ЧЕХИИ

367—370. Сентябрь	
1. «Полон и просторен...»	324
2. «Горы — турам поприще!...»	326
3. «Есть на карте — место...»	328
4. Один офицер	329
371—381. Март	
1. (Колыбельная)	331
2. Пепелище	331
3. Барабан	332
4. Германии	333
5. Март	334
6. Взяли...	335
7. Лес	336
8. «О слезы на глазах!...»	336
9. «Не бесы — за иноком...»	337
10. Народ	337
11. «Не умрешь, народ!...»	338

ПОЭМЫ

382. Царь-Девница. Поэма-сказка	341
383. На красном коне	436
384. Поэма Горы	443
385. Поэма Конца	451
386. Крысолов. Лирическая сатира	474
387. Поэма Лестницы	539
388. Автобус	553

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

389. Метель. <i>Драматические сцены в стихах</i>	561
390. Приключение	578
391. Арнадна. <i>Трагедия</i>	626
В а р и а н т ы	697
П р и м е ч а н и я	727
К и л л ю с т р а ц и я м	789
А л ф а в и т н ы й у к а з а т е л ь п р о и з в е д е н и й	790

Редакционная коллегия:

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Г. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский.*

Цветаева Марина Ивановна

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965,
812 стр. Тем. план вып. 1965 г., № 549

Редактор *Г. М. Цурикова*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 12/VII 1965 г. Подписано в
печать 13/XI 1965 г. М 57150. Бумага
84×108¹/₃₂. Печ. л. 25³/₈ + 7 вкл. (43,36)
Уч.-изд. л. 38,04. Тираж 40 000 экз.
Зак. № 1242. Цена 1 р. 35 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати.
Красная ул., 1/3

